К 93
Т 857

Х. Турсунов

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане

Х. ТУРСУНОВ

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1962

9(C5)
Т88

В книге на основе марксистско-ленинской теории и изучения первоисточников — архивных и опубликованных материалов — излагается история восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане.

В работе подробно рассматриваются исторические предпосылки и причины восстания, движущие силы, характер и особенности движения по областям Туркестанского края и Казахской степи.

Книга рассчитана на историков, научных работников, аспирантов и студентов исторических факультетов, а также на всех, интересующихся историей национально-освободительного движения в Средней Азии.

Под редакцией
доктора исторических наук
А. В. ПЯСКОВСКОГО
и кандидата исторических наук
М. Г. ВАХАБОВА.

10833
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Кыргызской Республики

Турсунов Х.
Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Т., Госиздат УзССР, 1962.
428 с.

9(C5)

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в истории человечества — эпоху социализма и коммунизма. Она оказала и оказывает решающее воздействие на весь ход исторического развития и в частности на освобождение колониальных и зависимых стран от империалистического гнета. Программа Коммунистической партии Советского Союза указывает, что ныне «Мир переживает эпоху бурных национально-освободительных революций. Если империализм подавил национальную независимость и свободу большинства народов, заковал их в цепи жестокого колониального рабства, то возникновение социализма знаменует наступление эры освобождения угнетенных народов»[1].

Именно благодаря Октябрьской революции народы Средней Азии и Казахстана, наряду со всеми народами Советского Союза приобрели подлинную свободу, равенство и вышли на широкую дорогу социалистического строительства.

Победа социалистической революции в Средней Азии и Казахстане, как и во всей стране, имела глубокие социально-экономические и политические предпосылки. Одной из важных исторических предпосылок являлось происходившее, в связи и под влиянием революционной

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 3, Госполитиздат, М., 1962, стр. 260.

борьбы рабочего класса России, национально-освободительное движение угнетенных народов. В Программе КПСС указывается, что партия большевиков соединила в один революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительную борьбу угнетенных народов России и направила эти силы на свержение капитализма.

Одним из крупных национально-освободительных движений в царской России в эпоху империализма являлось восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.

Выступая на торжественном заседании в Алма-Ате в связи с 40-летием образования Казахской ССР, Н. С. Хрущев дал следующую оценку восстанию 1916 года в Казахстане: «В 1916 году,— говорил он,— трудящиеся Казахстана подняли массовое революционное восстание против царского правительства и местных казахских баев. Восстанием руководил герой казахского народа Амангельды Иманов. И хотя это восстание не увенчалось успехом, оно является одной из самых ярких страниц в истории освободительной борьбы народов Казахстана»[2]. Такое определение характера восстания имеет большое принципиальное значение для понимания не только истории восстания 1916 года в Казахстане, но и народных восстаний 1916 года в Средней Азии.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане явилось одним из ярких примеров благотворного влияния первой русской революции на политическое пробуждение народов угнетенного Востока. Именно революция 1905 — 1907 годов в России дала толчок к развитию освободительного движения народов колоний и зависимых стран во всем мире.

Тяжелым и тернистым был путь колониальных и зависимых народов к свободе. Освободительное движение против империалистического и национального гнета стоило им огромных испытаний, мучений и крови. Но длительная, непримиримая борьба угнетенных народов за свое освобождение в конечном итоге давала и дает замечательные плоды.

Всестороннее исследование и освещение истории национально-освободительных движений, в их числе вос-

[2] «Правда», 25 июня 1961 г., № 176 (15666).

стания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, является одной из актуальных и почетных задач наших историков.

* * *

Движущие силы, характер, историческое место и значение восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, как и других освободительных движений, могут быть раскрыты лишь путем анализа конкретных фактов на основе марксистско-ленинской теории. Классики марксизма-ленинизма всесторонне разработали теоретические основы национального вопроса. Основные взгляды пролетариата на национальный вопрос в целом и национальные движения в частности были предначертаны К. Марксом и Ф. Энгельсом, уделившими много внимания национально-колониальным проблемам. Они выдвинули знаменитую формулу: «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы». Они связывали ликвидацию национального гнета с уничтожением частной собственности на средства производства, с уничтожением антагонистических классов и победой социализма. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебное отношение наций между собой»[3].

Вожди пролетариата выступали в защиту справедливых национально-освободительных движений угнетенных народов и показали взаимосвязь и взаимодействие между этими движениями и революционной борьбой пролетариата. В народных массах колоний и зависимых стран, ведущих освободительную борьбу, Маркс и Энгельс видели союзника грядущей пролетарской революции в Европе.

Маркс и Энгельс указывали, что пролетариат по своей социальной природе интернационален, что его коренные интересы требуют последовательной борьбы против национального гнета, против всяких ограничений прав на-

---

[3] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т.4, стр. 445.

родов той или иной национальности, против привилегий любой и, прежде всего, господствующей нации.

В эпоху империализма национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран сливается с социалистической борьбой пролетариата. Именно поэтому В. И. Ленин рассматривал национальный вопрос как часть общего вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Отдельные требования демократии, в том числе и право наций на самоопределение, не самоцель, а частица общедемократического, позже общесоциалистического мирового движения. Он указывал, что только победа социализма обеспечит полное равноправие наций и до конца разрешит национальный вопрос.

В. И. Ленин учил, что в эпоху капитализма и империализма в развитии национальных отношений имеются две тенденции. Одна тенденция выражается в борьбе народов за свою свободу против всякого национального гнета и империалистических уз, в стремлении к национальной независимости и созданию национальных государств. Другая тенденция связана с развитием межнациональных связей, с ломкой национальных перегородок, с ликвидацией национальной замкнутости, с хозяйственным сближением наций, с образованием мирового рынка.

Империализм всегда стремился и стремится путем насилия и колониальных захватов создать единую мировую империалистическую систему хозяйства. Социализм же основан на полном освобождении всех угнетенных наций и народов от ига империализма и на объединении их на добровольных началах.

Пролетариат во главе с Коммунистической партией выступает решительно против всех и всяческих форм аннексий и объединяет вокруг себя все угнетенные народы в борьбе за подлинную свободу и независимость наций.

Разоблачая оппортунистов различных мастей и, в частности К. Радека («Парабеллум»), отрицавших связь национального вопроса с пролетарским социалистическим движением, В. И. Ленин писал, что «империализм означает перерастание капиталом рамок национальных государств, он означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе. Отсюда вытекает, вопреки Парабеллуму, именно то, что мы долж-

ны *связать* революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе»[4].

В. И. Ленин решительно выступал против всяких форм колониализма, против всякого национального гнета. Он был великим поборником подлинного равноправия и суверенности всех народов.

Апологеты капитала всегда кричали об утопичности и неосуществимости свободы самоопределения мелких наций, о якобы неспособности их управлять государством. Они этим пытались и пытаются оправдать империалистические методы подавления наций и грабительскую колониальную систему.

Марксизм-ленинизм, разоблачая подобные измышления прислужников империализма, отстаивал и отстаивает политику самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, политику укрепления дружбы наций на базе свободного и равноправного их союза.

Отстаивая право наций на отделение, В. И. Ленин в то же время неоднократно указывал на непозволительность смешения этого вопроса с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Он подчеркивал, что последний вопрос следует решать в каждом отдельном случае в зависимости от конкретно-исторических условий с точки зрения интересов всего общественного развития, интересов борьбы рабочего класса за социализм. При этом необходимо иметь в виду, что эксплуататорские классы угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремление разделить рабочих и одурачивать их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб интересам трудящихся масс «своей» нации.

«Мы хотим,— писал В. И. Ленин,— как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великоруссами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения,* а не разделения»[5].

---

[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 371—372.
[5] *В. И. Ленин.* Соч., т. 26, стр. 148—149.

В. И. Ленин отстаивал принцип тесного единства рабочих всех наций, слияния их в единые пролетарские организации как основное условие борьбы за подлинную свободу, за социализм. В конкретно-исторических условиях России только самый тесный союз с русским пролетариатом мог быть и действительно явился гарантией политического и экономического освобождения трудящихся масс всех национальностей окраин.

Огромна заслуга В. И. Ленина в определении места и значения национальных движений и национальных войн в судьбах человечества, в борьбе народов за демократию и социализм. В национально-освободительном движении против колониализма заключена огромная революционная энергия, которая расшатывает и ослабляет мировую систему империализма и усиливает мировое движение пролетариата против капитализма.

«Всякий национальный гнет,— писал В. И. Ленин,— вызывает отпор в *широких массах* народа, а *тенденция* всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание»[6]. Он неоднократно указывал, что в эпоху империализма, когда национальный гнет значительно усиливается — национальные войны со стороны колоний и полуколоний не только вероятны, но и неизбежны. Критикуя Пятакова (Киевского), отрицавшего возможность национально-освободительных движений в период империализма, В. И. Ленин писал, что «Война *против* империалистских, то есть угнетательских держав со стороны угнетенных (напр., колониальных народов) есть действительно-национальная война»[7].

Следуя ленинскому учению, Коммунистическая партия всегда выступала и ныне выступает за поддержку национально-освободительных войн и восстаний, против империалистических держав.

Пролетариат и сам заинтересован в развитии национально-освободительного движения. «Социальная революция,— писал В. И. Ленин,— не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том

---

[6] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 49.
[7] Там же, стр 22.

числе национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»[8].

О том же, в новых условиях, говорит Н. С. Хрущев: «Освободительные войны будут, пока существует империализм, пока существует колониализм. Это революционные войны. Такие войны не только допустимы, но и неизбежны, так как колонизаторы добровольно не предоставляют народам независимости. Поэтому народы только борьбой, в том числе вооруженной борьбой, могут завоевать свою свободу и независимость»[9]. Коммунисты не только поддерживают такие справедливые войны и народные восстания, но и идут в первых рядах борцов против империализма и колониализма.

В. И. Ленин учил, что для успеха самих национально-освободительных движений необходимо их соединение с рабочим революционным движением. Только под руководством пролетариата во главе с Коммунистической партией борьба угнетенных наций против империализма за свободу и независимость может привести к полной победе.

Важное значение для изучения национальных движений имеет марксистско-ленинское учение о характере и движущих силах этих движений. Не всякое национальное движение является прогрессивным и может быть поддержано пролетариатом. Поддерживая прогрессивные национальные движения, большевики выступали вместе с тем против реакционных движений, которые приходили в столкновение с интересами развития мирового революционного движения. «Социалисты,— писал В. И. Ленин,— должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию,— а при случае и их революционной войне — *против* угнетающих их империалистских держав»[10]. С другой стороны, в своей работе «Итоги дискуссии о самоопределении», В. И. Ленин указывал, что «Не изменяя социализму, мы *должны*

---

[8] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 48.

[9] *Н. С. Хрущев.* За новые победы мирового коммунистического движения. К итогам совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Госполитиздат, М., 1961, стр. 31.

[10] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 140.

поддерживать *всякое* восстание против нашего главного врага, буржуазии крупных государств, если это не восстание реакционного класса»[11].

Решающими движущими силами национально-освободительной борьбы угнетенных стран против империализма выступают рабочий класс и руководимое им крестьянство и наряду с ними ремесленники, поденщики и другие трудящиеся массы города и деревни. Огромную роль в этой борьбе играет крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения отсталых колониальных стран и страдающее от жестокого социального и национального гнета. Но крестьяне, будучи мелкими собственниками, разбросанными на огромной территории — разобщены и поэтому испытывают огромные трудности на пути к достижению своей цели — к освобождению от векового гнета.

Анализируя положение крестьян, Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» писал, что в прошлом «крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно сильно затрудняла возможность общего соглашения»[12]. Он же отмечал, что раздробленность в крестьянском движении и неизбежно вытекавшее из него неумение возвыситься над местными и провинциальными интересами приводили все движение к гибели.

Подобно этому, порабощенные крестьянские массы колониальных и зависимых стран также не могли одни, своими силами добиться освобождения от национального и социального гнета.

Исторический опыт показал, что самым последовательным революционным классом, который может объединить и повести крестьян и все демократические силы на борьбу за социальное и национальное освобождение, является рабочий класс. Этот класс, сыгравший выдающуюся роль в борьбе за ликвидацию колониальной системы, выступает за решительное доведение до конца задач национальной, антиимпериалистической, демократической революции, против всяких попыток реакционных сил затормозить дело социального прогресса.

---

[11] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 318.

[12] *Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии, Огиз, Госполитиздат, 1939, стр. 39.

Рабочий класс России под руководством ленинской партии, высоко подняв знамя пролетарского интернационализма, возглавил в прошлом национально-освободительное движение в нашей стране. Все народы, боровшиеся за свободу и национальную независимость, видели в лице рабочего класса России мощную политическую силу, способную вести решительную борьбу против царизма, против всякого гнета. «Историческим фактом является то,— говорит Н. С. Хрущев,— что до победы Великой Октябрьской социалистической революции народам не удавалось разбить оковы колониализма. История доказала, что без утверждения социализма хотя бы в части мира не могло быть речи об уничтожении капитализма»[13].

В Программе КПСС указывается на историческое значение национально-освободительного движения. Важнейшим условием полного освобождения угнетенных народов колоний и зависимых стран от национального гнета является союз рабочего класса с крестьянством. Вот почему в Программе Коммунистической партии Советского Союза указывается, что рабочий класс является самым последовательным борцом за доведение до конца национально-освободительной революции, за национальные интересы и социальный прогресс. Союз рабочего класса и крестьянства — коренное условие успешной борьбы за осуществление глубоких демократических преобразований, экономического и социального прогресса. Именно этот союз призван быть ядром широкого национального фронта.

Роль национальной буржуазии в освободительном движении двойственна. Будучи притесненной империалистическими колониальными державами, национальная буржуазия заинтересована в экономической и политической независимости своей страны. Но она боится революционности масс, требующих полной демократической свободы и социального прогресса.

В определенных исторических условиях, на известном этапе развития национальных движений национальная буржуазия может сыграть в них прогрессивную роль. Об этом свидетельствует история антиимпериалистиче-

---

[13] *Н. С. Хрущев.* За новые победы мирового коммунистического движения.., стр. 45.

ской, антиколониальной борьбы в Индии, Индонезии и ряде других стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Четкая характеристика роли национальной буржуазии в национально-освободительной борьбе дана в Программе КПСС, в которой сказано, что «Национальная буржуазия по своей природе имеет двойственный характер. В современных условиях национальная буржуазия колониальных и зависимых стран, не связанная с империалистическими кругами, объективно заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической, антифеодальной революции. Следовательно, еще не исчерпаны ее прогрессивная роль, ее способность в решении насущных общенациональных задач.

Однако по мере нарастания противоречий между трудящимися и имущими классами и обострения классовой борьбы внутри страны национальная буржуазия проявляет все большую склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией»[14].

По мере обострения социальных противоречий, усиления революционного движения рабочего класса и крестьянства, национальная буржуазия все более склоняется к соглашательству с внутренней реакцией и империализмом.

Народные массы угнетенных стран на опыте борьбы все более убеждаются, что наилучший путь ликвидации вековой отсталости, улучшения условий жизни, подлинного освобождения от национального и социального гнета — путь некапиталистического развития. Это важное теоретическое положение впервые было разработано великим Лениным.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЯ

Большое место в ряду актуальных проблем, впервые выдвинутых советской исторической наукой, является история национально-освободительных движений народов царской России.

Среди этих проблем важное значение имеет изучение истории восстания 1916 года в Средней Азии и Казахста-

[14] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, Стенографический отчет, стр. 262—263.

не, как одного из крупных национально-освободительных движений.

Первые труды о восстании 1916 года в Средней Азии появились еще в 1924 году. Так в журнале «Новый Восток» была опубликована небольшая статья Т. Рыскулова «Из истории борьбы за освобождение Востока» (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.)»[15]. Более подробно свои взгляды на характер движения Т. Рыскулов раскрыл в статье «Восстание туземцев в Туркестане в 1916 г.», опубликованной в сборнике «Очерки революционного движения в Средней Азии», изданного в 1926 году Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИК СССР (45—122). Факты, обобщения и выводы статьи совпадают с его брошюрой «Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году»[16].

Т. Рыскулов охарактеризовал это движение как всенародное, революционное, которое «обрушилось со всей силой накопившейся десятилетиями ненависти на своих и пришлых эксплуататоров, не делая в данном случае различия по национальным признакам, а рассматривая их, как своих общих классовых врагов»[17].

Говоря о значении восстания, Т. Рыскулов отмечал, что по своим размерам оно наносило сильнейший удар по колониальной системе царизма. Он в общем верно показал экономическую и политическую взаимосвязь между российской и местной национальной буржуазией и их совместную борьбу против восстания.

Вместе с тем в работах Т. Рыскулова мало фактических данных, а его выводы нередко слабо аргументированы. К тому же автором допущен ряд ошибочных положений и противоречий. Резко бросается в глаза вопиющее противоречие в освещении им событий в некоторых районах. Так, например, описывая восстание в Пишпекском уезде, Семиреченской области,— провозглашение ханом манапа Макуша Шабданова, зверские убийства русских крестьян, в том числе детей и женщин и т. п., Т. Рыскулов выдает эти реакционные выступления за революционное, народное восстание «всех туземцев». У Т. Рыскулова отсутствовал дифференцированный под-

[15] «Новый Восток», 1924, кн. 6, стр. 267—270.
[16] Госиздат Казахской АССР, Кзыл-Орда, 1927, стр. 124.
[17] *Т. Рыскулов,* указ. брошюра, стр. 113.

ход к оценке событий, происходивших в ряде районов края, и различных по своему социальному характеру и движущим силам.

Правильно рассматривая реакционную переселенческую политику царизма в Средней Азии и ее пагубные последствия как одну из важных причин, вызвавших восстание 1916 года, он вместе с тем ошибочно характеризовал все русские переселенческие хозяйства как сплошь колонизаторские, кулацкие и не замечал классовой дифференциации и классовой борьбы среди самих крестьян-переселенцев.

Т. Рыскулов глубоко ошибался, полагая, будто все европейское население «целиком стояло за решительное подавление восстания туземного населения». Он даже объявлял все туркестанские социал-демократические организации как колонизаторские. А между тем значительная часть этих организаций была большевистской.

Грубые методологические извращения и ошибки фактического порядка содержит статья одного из представителей старой буржуазной историографии А. Миклашевского «Социальное движение 1916 г. в Туркестане», опубликованная в журнале «Былое» за 1924 год[18]. Автор суть своей антинаучной позиции о характере восстания 1916 года в Средней Азии высказывал в следующих фразах: «Подводя итоги, можно сказать, что движение (то есть восстание 1916 г.— *Х. Т.*) носило национальный характер борьбы: 1) против русской власти, 2) против русского населения, поскольку первое и второе в понимании восставших представляли одно целое»[19].

Это была по сути дела клевета на коренные национальности, населяющие Туркестан, которые автор противопоставлял всему русскому населению. Не случайно поэтому взгляды А. Миклашевского получили в свое время осуждение научной общественности.

Некоторые авторы, игнорируя глубокие социально-экономические причины восстания, пытались объяснить его возникновение случайными обстоятельствами или

---

[18] См. «Былое», № 27—28, стр. 238—274. (Издание этого журнала старого направления затем прекратилось).

[19] *А. Миклашевский.* Социальное движение 1916 г. в Туркестане. «Былое», 1924, стр. 255.

провокацией со стороны царских властей. Такое ошибочное положение было высказано Г. И. Бройдо, который считал, что восстание было результатом «провокационной работы всей высшей администрации (Ташкент, Семиречье), направленной к тому, чтобы вырезать киргизское население и очистить землю для дальнейшей колонизационной деятельности правительства»[20]. По его мнению, царский указ о призыве «инородцев» на тыловые работы и нелепые приказы местных властей по поводу набора, являлись заранее продуманной провокацией, рассчитанной на то, чтобы вызвать восстание местного населения, а затем, подавив это восстание, захватить все земли под переселенческий фонд.

Подобный взгляд сквозил и в первой статье Т. Рыскулова, опубликованной в 1924 году[21] вместе с материалами Г. И. Бройдо.

Т. Рыскуловым было выдвинуто положение, получившее название «теории плацдарма», согласно которой восстание 1916 года было якобы заранее задумано царизмом в качестве предлога для ввода большого количества царских войск в пределы Средней Азии в целях подготовки к дальнейшим завоеваниям в Афганистане и Западном Китае[22].

Нелепость этой «теории», как и «теории провокаций», была очевидной. Царскому правительству незачем, да и невыгодно было «провоцировать» и заранее «планировать» восстание для захвата киргизских земель под колонизационный фонд или для ввода войск с целью новых завоеваний, так как царизм и без всякого предлога осуществлял подобные мероприятия. Вот почему указанные ошибочные взгляды вызвали критику со стороны Е. Федорова[23], А. В. Шестакова[24] и других.

---

[20] *Г. И. Бройдо.* Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году, «Новый Восток», кн. 6, 1924, стр. 434.

[21] *Т. Рыскулов.* Из истории борьбы за освобождение Востока (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.), «Новый Восток», кн. 6, 1924, стр. 267—270.

[22] Там же.

[23] *Е. Федоров.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии, Госиздат УзССР, Ташкент, 1925, стр. 55—56.

[24] *А. В. Шестаков.* Восстание в Средней Азии в 1916 году (к 10-летию событий). «Историк-марксист», № 2, 1926, стр. 84—114.

Подвергая критике «теорию провокации», Е.Федоров правильно отмечал, что мобилизация на тыловые работы была проведена в интересах помещиков и фабрикантов. Он оценивал восстание 1916 года в Туркестане «как массовое, в котором приняли участие наиболее обездоленные, эксплуатировавшиеся трудящиеся, туркмены, киргизы, таджики, узбеки, не только против русского правительства, туземных волостных управителей, но и помимо, через голову, иногда и против баев, манапов»[25].

Однако Е. Федоров допустил ряд серьезных ошибок в изложении хода и характеристике движущих сил восстания. Например, он характеризовал восстание народных масс в Ферганской долине лишь как местные бунты. Он допустил путаницу и в характеристике вожаков движения, обошел молчанием реакционные происки манапства в Семиречье и т. д.

В своей небольшой брошюре Ф. Божко «Восстание 1916 года в бывшем Туркестане» утверждал, будто «манапы, родовые вожди в Киргизии и Туркмении под давлением бедноты встали во главе (национально-осзободительного — *Х. Т.)* движения, боясь потерять свое влияние на население»[26].

Это утверждение — глубоко ошибочно. Ведь в тех районах, где руководство восстанием было захвачено манапами и другими феодально-клерикальными элементами, произошли националистические выступления, межнациональная резня. В этих реакционных действиях был виноват отнюдь не восставший народ, а лишь захватившие руководство движением феодально-клерикальные группы, которые не «из-за боязни» народа, а сознательно, в целях восстановления своих былых привилегий, пошли на явную авантюру.

Шагом вперед в изучении характера восстания 1916 года в Средней Азии была первая крупная дискуссия, развернувшаяся на страницах печати в 1926—1927 годах. Эта дискуссия была организована по инициативе отдела по изучению истории партии (Истпарт) при Средазбюро ЦК ВКП(б).

---

[25] *Е. Федоров,* указ. книга, стр. 69.

[26] *Ф. Божко.* Восстание 1916 года в бывшем Туркестане. К 10-летию восстания (материалы для докладчиков), Ташкент, 1926, стр. 11.

Дискуссия открылась статьей Ив. Меницкого, опубликованной в республиканской газете «Правда Востока»[27]. Помещая эту статью в дискуссионном порядке, Истпарт просил товарищей — участников событий и изучающих материалы движения принять участие в дискуссии в виду того, что вопрос о характере восстания 1916 года имеет большое значение[28].

Помимо статьи Ив. Меницкого в течение 1926—1927 годов в порядке дискуссии было опубликовано еще 9 статей — А. В. Шестакова, П. Галузо, Е. Федорова и др.[29].

Ив. Меницкий подверг критике статью Т. Рыскулова по ряду вопросов. Прежде всего он считал неудачным само заглавие статьи. Выражение «Восстание туземцев», по мнению Ив. Меницкого, ведет к толкованию рассматриваемых событий как движения всех слоев местного населения и не отражает классовой их сущности. Рецензент справедливо указывал, что Т. Рыскулов стремился показать лишь национальные моменты в восстании и забыл классовую борьбу в нем. «В событиях 1916 г. в Туркестане,— писал Ив. Меницкий,— мы имеем выступление угнетенных классов с протестом против гнета невыносимой эксплуатации, как своей туземной буржуазии, так и равно и всех других эксплуататоров без различия

---

[27] **«Правда Востока»** № 171 (1067), 29 июля 1926 г. Статья эта была перепечатана в теоретическом журнале Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) «Коммунистическая мысль», кн. 2, Ташкент, 1926, стр. 151—154.

[28] См. примечание к статье Ив. Меницкого в газете «Правда Востока».

[29] *Ю. А.* По поводу статьи т. Меницкого, «Правда Востока», 12 августа 1926 г. № 183 (1079), затем перепечатанная в журнале «Коммунистическая мысль», 1926, кн. 2, стр. 155—157; Ив. Меницкий. Ответ Ю. А. «Правда Востока», 6 сентября 1926 г., № 204 (1100), затем перепечатана в указ. книге «Коммунистическая мысль», стр. 158—160; *Е. Федоров.* О восстании 1916 г. в Туркестане (тезисы), «Коммунистическая мысль», 1926, кн. 2, стр. 161—166; П. Галузо, 16 год в Туркестане и как не следует о нем думать, там же, стр. 167—172; *Т. Рыскулов.* По поводу выступления тов. Меницкого, там же, стр. 173—182; *Н. Кузьмин.* О марксистском понимании восстания 1916 г., там же, стр. 183—193; *А. В. Шестаков.* Спорные вопросы о восстании в Средней Азии в 1916 г., «Коммунистическая мысль», 1927, кн. 2; *Т. Рыскулов.* Еще раз о характере восстания 1916 г. в Туркестане, там же, стр 142—152.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Кыргызской Республики
10835

национальностей и русской администрации, как защитника этих эксплуататоров»[30].

Наряду с этими справедливыми критическими замечаниями Ив. Меницкий сам высказывал некоторые ошибочные суждения. В частности повторяя некоторые взгляды некоторых дореволюционных буржуазных авторов о якобы «дефицитности» бюджета колониального Туркестана, он дошел до весьма странного утверждения, будто ни царь, ни Российская империя не эксплуатировали безудержно Туркестан. Этот ошибочный вывод вызвал критику со стороны других участников дискуссии.

В статьях П. Галузо, Н. Кузьмина, А. В. Шестакова и некоторых других восстание 1916 года характеризовалось как национально-освободительное движение и одновременно как классовая борьба эксплуатируемых масс, направленная против гнета царизма и эксплуататорских классов.

В некоторых статьях участников дискуссии также допускались ошибки. Например, Ю. А. (Ю. Абдурахманов) полагал, что передовые русские рабочие в Туркестане не поддерживали восстание 1916 года потому, что оно было «не чисто классовым»[31]. Между тем, такая постановка вопроса принципиально и фактически неверна, так как ведет к отрицанию руководящей роли рабочего класса России в освободительной борьбе угнетенных народов края. Она противоречит политике партии большевиков, направленной на соединение в общий поток революционного движения российского пролетариата с крестьянским и национально-освободительным движением в стране.

Восстание 1916 года нельзя изолировать от революционной борьбы рабочего класса. Наоборот, оно возникло под непосредственным влиянием общероссийского революционного движения, хотя ввиду стихийности, разрозненности и ряда других причин русский рабочий класс не смог участвовать в восстании 1916 года.

Серьезные политические ошибки были допущены и в последующих статьях Т. Рыскулова. В своем ответе на критику оппонентов он объявил буржуазно-националис-

[30] *Ив. Меницкий.* О характере событий 1916 г. в Туркестане (по поводу статьи Т. Рыскулова), «Коммунистическая мысль», стр. 151.

[31] По *Ю. А.* выходило так, что пролетариат вообще не поддерживал никакой национально-освободительной борьбы.

тическое движение «алаш-ордынцев» и «джадидов» революционными движениями, которые якобы лишь после Октябрьской революции стали реакционными [32].

В отличие от других историков, участвовавших в дискуссии, А. В. Шестаков высказал правильную мысль о необходимости дифференцированного подхода к изучению восстания 1916 года. Он писал, что поскольку движение рассматривается не дифференцированно, как это имело место в дискуссии в «Коммунистической мысли»,— постольку получается большая путаница в определении движущих сил и характера восстания. Правильно указав на прогрессивный, освободительный характер восстания, в целом А. В. Шестаков различал в то же время движение в отдельных районах, где руководство восстанием было захвачено реакционными, феодально-клерикальными элементами. «Возглавлявшие в ряде случаев восстание «ханы», манапы и духовные лица,— писал он,—тянули движение назад к феодально-родовым отношениям, к изжитому прошлому»[33].

Резюмируя итоги первой крупной творческой дискуссии 1926—1927 годов о характере восстания 1916 года в Средней Азии, следует отметить, что она явилась, как уже сказано, крупным шагом вперед в изучении истории этого сложного движения. Важно было признание всеми участниками дискуссии прогрессивного, революционного характера восстания. Однако все, за исключением А. В. Шестакова, еще не делали различий между действительно революционным движением масс и реакционными выступлениями феодально клерикальных элементов, которые имели место в некоторых районах края.

Статьи участников дискуссии в подавляющей своей массе носили слишком общий, схематический характер. Вместо анализа и обобщения самих исторических фактов, авторы строили свои умозаключения на «основе» голословных рассуждений или отдельных, порою, отрывочных цитат. И это приводило их к ряду ошибок.

---

[32] *Т. Рыскулов.* Еще раз о характере восстания 1916 года в Туркестане (Мой ответ тт. Меницкому, Кузьмину и Галузо), «Коммунистическая мысль», 1927, кн. 2, стр. 146.

[33] Эта мысль приводится в его статье «Восстание в Средней Азии в 1916 г.» (к 10-летию событий), «Историк марксист» № 2, 1926, стр. 84—114.

Тем не менее, дискуссия, несмотря на все ее недостатки, дала положительные результаты. Она ориентировала научную общественность на необходимость всестороннего изучения истории восстания 1916 года. Поэтому Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б), завершая дискуссию на страницах журнала «Коммунистическая мысль», призвал историков приступить «к капитальному исследованию этого вопроса, к детальному изучению имеющегося по 16 году богатого документального материала»[34].

Помимо этого, в начальный период изучения истории восстания 1916 года был опубликован еще ряд статей: В. Некрасоза-Клиодит, К. В. Харламповича, Ив. Чекалинского, С. Мендышева и др. Эти небольшие по объему материалы, написанные на основе личных воспоминаний очевидцев восстания, поверхностно и порою неверно освещали как ход, так и характер движения. В свете новых исследований они настолько устарели, что нет смысла останавливаться на их характеристике.

В тридцатые годы исследование советскими историками вопросов восстания 1916 года несколько продвинулось вперед. Отрадным явлением было издание ряда сборников документов и материалов, посвященных восстанию 1916 года в Средней Азии и Казахстане, которые свидетельствовали о начале более глубокого изучения проблем восстания. К этому же времени относится несколько новых статей и брошюр о восстании 1916 года. Заслуживают внимания работы А. В. Шестакова, З. Д. Кастельской, С. И. Брайнина и Шафиро, Г. И. Карпова, Ю. Феликса, Н. Тимофеева и др.

Все эти работы, несмотря на их небольшой объем, сыграли в общем положительную роль в освещении истории восстания 1916 года, хотя в большинстве из них имелись существенные проблемы и недостатки, главной из которых являлась неправильная оценка характера реакционных выступлений, спровоцированных феодально-клерикальными элементами в отдельных районах. Например, в статьях С. Брайнина, Г. И. Карпова, в «Материалах к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 г.» и др., посвященных восстаниям в Семиреченской и Закаспийской областях, реакционные выступления в отдельных районах, спровоцированные феодально-мо-

[34] «Коммунистическая мысль», кн. 4, 1927, стр. 152.

нархическими элементами и духовенством, выдаются за подлинно народные движения.

Сороковые годы были отмечены в Средней Азии и Казахстане публикацией ряда новых работ, посвященных восстанию 1916 года. В частности, казахскими историками был опубликован новый сборник документов. Были написаны в это время кандидатские диссертации А. И. Акатовой и Д. М. Меджидова, которые, однако, не опубликованы. Как и прежде продолжали публиковаться отдельные статьи И. К. Додонова, П. П. Миронова, И. Мавляни, Я. Н. Серого, А. Г. Зима, С. Брайнина и др.; тезисы, посвященные тем или иным важным проблемам восстания.

В этих работах были обобщены многие, ранее не изданные, архивные материалы, характеризующие национально-освободительное движение 1916 года. Вместе с тем и в ряде этих работ имеются недостатки и ошибки, свойственные прежним трудам, и в них обойдены острые, противоречивые вопросы движения.

Вопросы восстания 1916 года особенно широко освещались в последнее десятилетие (1950—1960 гг.). К этому времени относится ряд статей Н. Халфина, Г. Наканова, Т. Елеуова, О. Д. Чеховича, А. Ф. Якунина и О. К. Кулиева, Б. Сулейменова, брошюры З. Ш. Раджабова и других. Например, Г. Накановым была защищена в это время кандидатская диссертация «Тургайское восстание 1916—1917 гг.», которая до сих пор не издана. В 1953 году была защищена П. А. Ковалевым кандидатская диссертация на тему «Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстание 1916 года». На основе многочисленных архивных материалов автор воссоздал в целом празильную картину восстания 1916 года в узбекских и таджикских районах Туркестана. На основе кандидатской диссертации в те годы П. А. Ковалевым был опубликован ряд его статей[35]. Издание указанных работ П. А. Ковалевым несколько продвинуло вперед исследование истории восстания 1916 года.

В изучении истории восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане важное значение имели творческие

[35] *П. А. Ковалев*. Восстание 1916 г. в Средней Азии и русская буржуазия, «Труды САГУ», вып. 43, гуманит. науки, кн. 5, 1953, стр. 25—53; Кризис колониального режима и «реформа» Куропаткина в Туркестане в 1916 г.; там же, новая серия, гуманит. науки, кн. 7, 1954, стр. 133—161.

дискуссии, проводившиеся в Алма-Ате, во Фрунзе, Ташкенте и Ашхабаде. Дискуссии эти организовывались в частности в связи с появлением в печати ряда статей с различными, порою взаимоисключающими друг друга, точками зрения. Некоторые авторы в общем правильно оценивая восстание 1916 года как прогрессивное, национально-освободительное, однако не показывали особенности и отличительные черты восстания в различных районах, обходили вопрос о наличии отдельных реакционных выступлений, спровоцированных феодально-клерикальными элементами, тем самым затушевывали социальные противоречия и стремления классово враждебных элементов использовать восстание в своих антинародных целях. Так, например, во II томе «Истории народов Узбекистана» и в сборнике статей «Национально-освободительное восстание 1916 года», изданных в 1947 году, не была глубоко вскрыта реакционная роль феодально-клерикальных групп, вследствие которой восстание в некоторых районах Джизакского уезда получило антинародное направление; авторы второго издания «История Казахской ССР» (том I), правильно оценивая восстание 1916 года как национально-освободительное крестьянское движение, направленное против царизма и казахских баев-феодалов, не вскрыли, однако, авантюры феодально-клерикальных элементов в Семиречье, приведшей к пагубным последствиям. Аналогичные недостатки имелись в указанных выше трудах А. И. Акатовой, Д. М. Меджидова, А. Г. Зима.

Подобного рода ошибки в освещении истории восстания 1916 года справедливо были подвергнуты критике в книге Б. Г. Гафурова «История таджикского народа», статье К. Е. Житова «О некоторых вопросах национального движения в Узбекистане»[36].

Особенно опасным явилось появление тенденциозных, однобоких статей, авторы которых характеризовали восстание 1916 года в Средней Азии как сплошь реакционное, националистическое, направленное вообще против русских, то есть против русских трудящихся. По мнению этих авторов, движением 1916 года всюду руководили феодалы, духовенство и агенты иностранной разведки. Подобная оценка национально-освобо-

[36] «Правда Востока», 1950, № 258.

дительных движений являлась одним из пагубных последствий культа личности в области общественных наук. Под влиянием вредной статьи ныне разоблаченного Багирова о движении Шамиля некоторые «историки» начали объявлять восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане сплошь реакционным, националистическим, инспирированным иностранной разведкой.

Вокруг этих противоположных точек зрения шли среди историков споры и дискуссии. В связи с этим большое значение имела происходившая в январе 1952 года (то есть еще до киргизской конференции) алмаатинская дискуссия «О характере национальных движений в дореволюционном Казахстане». Дискуссия вызвала большой интерес всей научной общественности республики. В ней, помимо казахстанских ученых, приняли участие представители Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Татарии, Башкирии.

Задачей дискуссии, организованной по указанию ЦК Компартии Казахстана, являлась необходимость с марксистско-ленинских позиций творчески обсудить вопрос о характере национальных движений в дореволюционном Казахстане под углом зрения разграничения прогрессивных народно-освободительных движений, от движений реакционных — феодально-монархических и буржуазно-националистических[37].

Дискуссия развернулась вокруг докладов А. Б. Турсунбаева «О характере национальных движений в Казахстане в конце XVIII и в XIX веке» и Б. С. Сулейменова «О характере национальных движений в Казахстане в начале XX в». Основное место в докладе Б. С. Сулейменова заняли вопросы о характере восстания 1916 года в Казахстане.

В докладе Б. С. Сулейменова освещены методологические вопросы, связанные с национальными движениями, обоснованы предпосылки, движущие силы и характер восстания. Докладчик правильно рассматривал восстание как часть общего революционного движения. Он подверг справедливой критике тенденцию некоторых историков, пытавшихся отрицать прогрессивный, наци-

---

[37] См. вступительное слово проф. С. Н. Покровского. Стенограмма дискуссии, о/ф Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, инв. № 547, 1952, стр. 7—8.

онально-освободительный характер восстания 1916 года в Казахстане. Говоря об историческом значении и характере движения как освободительного, революционного, Б. С. Сулейменов, вместе с тем отметил, что «в восстании 1916 года были реакционные моменты, обусловленные живучестью пережитков патриархально-родового быта, использовавшихся феодально-байскими элементами и реакционным мусульманским духовенством». Но, как подчеркивал далее докладчик, эти «отдельные реакционные моменты в восстании 1916 года в Казахстане не меняют основной сущности движения, его прогрессивного и национально-освободительного характера»[38]. В докладе, однако, не были раскрыты сущность и пагубные последствия происков враждебных элементов в восстании. Докладчик почти не уделил внимания вопросу о характере Семиреченского восстания. Тем не менее положительным было то, что Б. С. Сулейменов в отличие от его прежней статьи, опубликованной в 1948 году[39], все же указал на реакционные моменты, проявившиеся в ходе восстания в некоторых районах.

Алмаатинская сессия была плодотворной. Происходивший на ней творческий обмен мнениями обнаружил имеющиеся в изучении историй национальных движений отдельные серьезные недостатки. Участники дискуссии дали решительный отпор ошибочным взглядам отдельных историков, рассматривавших восстание 1916 года как реакционное. Наряду с этим сессия указала на необходимость дальнейшего всестороннего и глубокого изучения истории восстания, исследования классовых противоречий внутри этого восстания, выявления его сильных и слабых сторон.

В марте 1951 года в Ташкенте по инициативе истфака Среднеазиатского государственного университета была проведена дискуссия о «Характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период» (доклад проф. И. К. Додонова). Обсуждение доклада вызвало полезный обмен мнениями. Однако ввиду обширности и сложности проблемы, рассмотрен-

---

[38] См. стенограмму дискуссии, стр. 101.

[39] *Б. С. Сулейменов.* Основные вопросы истории восстания 1916 г. в Казахстане. «Известия АН Казахской ССР» № 49, серия историческая, вып. 4, стр. 73—85.

ной на этой конференции, постановка вопроса о характере национальных движений, в частности, восстания 1916 года, носила предварительный, общий характер[40].

Между тем все более возрастала настоятельная необходимость более глубокого изучения характера восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Она была вызвана в связи с появлением в печати тенденционных и явно ошибочных статей по данному вопросу. Такова была, например, статья Ю. М. Тарасова «О характере движения 1916 года в Туркмении», опубликованная в журнале «Вопросы истории» № 9 за 1951 г. По мнению Ю. М. Тарасова, восстание 1916 года на территории всего Туркестана следует рассматривать как якобы реакционное, националистическое движение, которое было подчинено исключительно интересам феодально-родовой верхушки, ориентировавшейся на Турцию, Германию, Персию и Афганистан.

В связи с этим в Ашхабаде в апреле 1952 года Институтом истории Академии наук Туркменской ССР было организовано обсуждение вопроса о характере восстания 1916 года в Туркмении. На дискуссии основными докладчиками выступили О. К. Кулиев и Ю. М. Тарасов.

«Движение 1916 года в Туркмении,— говорилось в тезисах доклада Ю. М. Тарасова[41],— являлось частью панисламистского, пантюркистского движения в Средней Азии». «Те товарищи,— отмечалось далее,— которые склонны дать положительную оценку движения 1916 года в Туркмении, совершают большую политическую ошибку». Он же необоснованно обвинял некоторых историков Туркмении в «националистических тенденциях», «проявлениях национализма»[42].

В действительности сам Ю. М. Тарасов допускал грубые политические ошибки в оценке восстания, которые особенно рельефно проявлялись в его докладе во время указанной дискуссии. Хотя он и правильно характери-

[40] Об итогах дискуссии см. статью *А. Зевелева и Ш. Абдуллаева* в журнале «Вопросы истории», 1951, № 9, стр. 173.

[41] *Ю. Тарасов.* Тезисы к докладу «О характере восстания 1916 г. в Туркмении», в ЦГА ТССР, ф. с/б, д. 47, стр. 3—4 и в р/ф Института истории АН Туркм. ССР, инв. № 3 (в дальнейшем Ю. Тарасов — Тезисы...); его же, доклад «Еще раз о характере движения 1916 г. в Туркмении», Ин-т истории АН ТССР, инв. № 3, 47 стр. (в дальнейшем — Ю. Тарасов — Доклад).

[42] *Ю. Тарасов.* Доклад, особ. стр. 1—12, 47.

зовал восстание 5—6 октября в Теджене и на Гюргене, как реакционное, однако пытался свести все движения в Закаспии лишь к этим двум очагам. Другого он ничего не видел.

В противоположность Ю. М. Тарасову, в тезисах О. Кулиева указывалось, что восстание 1916 года являлось народным, национально-освободительным. При этом автор подчеркивал, что «национально-освободительное движение туркменских трудящихся сопровождалось попыткой феодально-монархических и буржуазно-националистических элементов использовать эти движения в своих корыстных реакционных целях» и что «отдельные реакционные моменты движения 1916 года в Закаспийской области не меняют основной сущности этого движения, его прогрессивного и национально-освободительного характера[43]. Таким образом, у О. Кулиева уже тогда наметился известный критический подход к своим прежним взглядам[44], так как он все же отмечал попытки реакционных элементов использовать восстание в своих интересах. Однако в его тезисах не были раскрыты ни сущность этих попыток, ни их последствия, что и отмечалось участниками дискуссии.

В целом эта дискуссия показала необходимость дальнейшего глубокого изучения данного вопроса. Поэтому было решено провести следующее обсуждение характера восстания 1916 года в Туркмении, проведя для этого всестороннюю предварительную подготовку.

Вплоть до 1953—1954 годов среди историков существовали различные точки зрения на характер Семиреченского восстания 1916 года. Одни считали его целиком национально-освободительным, другие же распространяли версию о реакционном характере всего движения. Нередко дискуссии велись без достаточно глубокого анализа сложных и противоречивых явлений. Одним из крупных недостатков в этой области являлась слабая изученность социально-экономических причин восстания

---

[43] *О. Кулиев.* Краткие тезисы о характере движения 1916 года в Закаспийской области, в 4-х стр. р/ф Института истории АН ТССР, инв. № 2, стр. 5—8.

[44] В докторской диссертации *О. Кулиева,* посвященной подготовке и проведению Октябрьской революции в Туркмении, полностью игнорировались отдельные реакционные восстания, происходившие в некоторых районах.

1916 года в Семиречьи и проявившихся в нем острых социальных и национальных противоречий.

Важным этапом в развитии исторической науки в Советской Киргизии явилась состоявшаяся в мае 1953 года научная конференция Киргизского филиала Академии наук СССР, посвященная обсуждению, в частности, вопроса о характере национальных движений, особенно истории восстания 1916 года в Киргизии.

В работе конференции участвовали представители научной общественности Москвы, Ленинграда и ряда братских республик, с докладом по основному вопросу конференции «О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX века» выступил проф. А. В. Пясковский[45]. В этом докладе впервые правильно был определен характер восстания 1916 года в Киргизии. С выводами основного доклада солидаризовалась и содокладчик А. Г. Зима[46].

Доклад, содоклад и обсуждения их участниками конференции внесли существенный вклад в дело изучения характера национальных движений, в том числе восстания 1916 года.

Киргизская научная конференция рассмотрела вопросы истории восстания 1916 года, в частности, в Семиречьи с точки зрения анализа конкретно исторических фактов и особенностей восстания, дифференцированно подошла к оценке характера различных выступлений, сумела отличить подлинно народные движения от реакционных феодально-монархических выступлений.

Конференция пришла к выводу, что восстание 1916 года в Киргизии носило в основном прогрессивный, народно-освободительный характер. В отдельных же районах (в ряде волостей бывш. Токмакского участка и некоторых загорных волостях Пишпекского уезда, а также в части волостей бывш. Пржевальского уезда) восстание, превращенное усилиями реакционных феодалов и мусульманского духовенства в антирусское,

[45] *А. В. Пясковский.* О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX веков. «Труды института языка, литературы и истории», вып. IV, изд. Кирг. филиала АН СССР, Фрунзе, 1954, стр. 5—44.

[46] *А. Г. Зима.* О характере восстания 1916 года в Киргизии, указ. «Труды...», стр. 84—114. С этим содокладом А. Г. Зима выступила и на состоявшейся в начале 1954 года в г. Ташкенте Объединенной научной сессии.

националистическое движение, носило реакционный характер[47].

Важным итогом в развитии советской исторической мысли по изучению истории восстания 1916 года явилось состоявшееся в мае 1953 года в Ашхабаде совещание историков Туркменистана совместно с представителями Академии наук СССР и братских Среднеазиатских республик.

Созыву совещания предшествовала значительная подготовка. Были собраны новые архивные материалы в Москве, Баку, Ашхабаде и Ташкенте, организована специальная научная экспедиция для опроса и записи воспоминаний участников восстания в б. Красноводском уезде, появились новые научные статьи, способствовавшие развертыванию творческой дискуссии. В частности в журнале «Вопросы истории» № 3 1953 года, была опубликована статья А. Ф. Якунина и О. Кулиева «Восстание 1916 года в Средней Азии». Авторы статьи подвергли острой справедливой критике ошибочные взгляды ряда историков, в их числе и Ю. М. Тарасова. В статье, однако, были обойдены ошибки в отношении оценки характера восстания на Гюргене и в районе Теджена 5—6 октября.

На совещании были обсуждены два основных доклада: 1) доклад представителя Академии наук СССР, проф. А. В. Пясковского —«О характере восстания 1916 года в Средней Азии, в частности з Туркменистане»[48] и 2) объединенный доклад «Об оценке характера движения 1916 года в Закаспийской области», подготовленный Институтом Истории АН Туркменской ССР и Туркменским филиалом ИМЛ при ЦК КПСС (авторы доклада — доктор исторических наук О. Кулиев и кандидат исторических наук А. А. Росляков)[49].

В докладе А. В. Пясковского были подвергнуты кри-

---

[47] Резолюция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских союзных республик по вопросу о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX веков, Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, вып. IV, Фрунзе, 1954, стр. 139.

[48] Материалы совещания, историков Туркменистана. Май 1953, в р/ф АН ТССР, инв. № 5, стр. 1—58 (в дальнейшем «Материалы совещания...).

[49] Там же, стр. 59—96.

тике ошибочные взгляды ряда историков по вопросу о восстании 1916 года. Докладчик, в частности, указал на наличие двух диаметрально противоположных и вместе с тем ошибочных суждений о характере этого восстания в Средней Азии и, в частности, в Туркмении. «Одни,— говорил А. В. Пясковский,— отрывая восстание 1916 года в Туркмении от восстания 1916 года во всей Средней Азии, размалевывают все черными красками и объявляют народно-освободительное восстание 1916 года на территории Туркмении сплошь реакционным восстанием, спровоцированным извне. Другие же, наоборот, в общем правильно расценивая восстание 1916 года в Туркмении, как составную часть общей народно-освободительной борьбы масс в 1916 году во всей Средней Азии и Казахстане, пытаются вместе с тем объявить прогрессивными даже те незначительные в общем реакционные очажки, которые, несомненно, были в этом восстании и на территории Туркмении»[50]. Не соглашаясь с этими обеими точками зрения, докладчик на основе марксистско-ленинской методологии и анализа фактических материалов дал правильную оценку характера восстания 1916 года как в целом по Туркмении, так и по ее отдельным районам[51].

Авторы объединенного доклада «Об оценке характера движения 1916 года в Закаспийской области» пришли в общем к аналогичным выводам. Они справедливо отметили, что многие историки не изучали глубоко конкретных материалов народного движения, а потому допускали различные ошибки. В частности, в докладе было указано, что О. К. Кулиев, исходя из общей правильной оценки движения 1916 года, как прогрессивного, пытался доказать, что нападение на Теджен 5—6 октября носило также прогрессивный характер, а в вооруженных выступлениях на Гюргене (реакционную сущность которых О. Кулиев признал) русско-подданные туркмены якобы не участвовали. В действительности,— говорилось в докладе,— оба эти утверждения являются ошибочными, и в настоящее время автор (О. Кулиев. *Х. Т.*) отказался от них»[52].

В том же докладе было отмечено, что Ю. М. Тарасов, правильно оценивший вооруженные выступления на

[50] Материалы совещания, р/ф АН ТССР, инв. № 5, стр. 5.
[51] Там же, стр. 1—58.
[52] Там же, стр. 59.

Гюргене и нападение на Теджен, как реакционные, антирусские, связанные с деятельностью иностранных агентов, допустил вместе с тем грубую ошибку, рассматривая на этом основании все движение 1916 года в Туркмении как реакционное[53].

Большинство выступавших поддерживало тезисы, выдвинутые в обоих докладах. Однако Ю. М. Тарасов не признавал своих ошибок и продолжал отстаивать их.

Общее мнение участников совещания о характере восстания 1916 года в Туркменистане нашло свое отражение в принятой резолюции. Совещание признало, что движение 1916 года в Туркмении являлось неотъемлемой частью восстания 1916 года в Средней Азии. «Это движение,— сказано в резолюции,— было крестьянским в своей основе и проявилось в различных формах — от стихийного индивидуального или коллективного протеста до открытых вооруженных выступлений. Это было прогрессивное, народно-освободительное движение, которое пробуждало политическую активность туркменского дайханства, и, несмотря на его стихийность и ограниченность, вливалось в общий поток борьбы народов России против войны и царизма под руководством русского пролетариата и большевистской партии».

Вместе с тем в резолюции было подчеркнуто, что в отдельных, преимущественно отсталых районах Туркменистана, где более прочно сохранились патриархально-феодальные отношения, феодально-клерикальная знать, тесно связанная с агентами иностранных разведок, сумела обманным путем организовать реакционные выступления, в которые частично вовлекла отсталые слои дайханства. Таким было и вооруженное выступление на Гюргене и нападение на Теджен 5—6 октября 1916 года. Однако эти провокационные выступления не нашли поддержки у трудящихся масс этих районов[54]. Резолюция совещания была опубликована в печати и в трудах Академии наук ТССР.

Оценка характера восстания в Туркмении в 1916 году, одобренная коллективом историков-участников указанного совещания, нашла затем свое отражение в

---

[53] Материалы совещания.., стр. 60.

[54] Рукоп. фонд Ин-та истории АН ТССР, инв. № 5, стр. 97—99.

содокладе представителя Академии наук Туркменской ССР О. К. Кулиева на состоявшейся в 1954 году в Ташкенте Объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана[55] и в решении этой сессии[56].

Киргизская, Туркменская и Казахская научные конференции во многом способствовали подготовке и успешному проведению состоявшейся в конце января — начале февраля 1954 года в Ташкенте Объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Сессия была проведена Академией наук СССР совместно с академиями наук Узбекской, Казахской, Таджикской, Туркменской ССР и Киргизским филиалом АН СССР.

Ташкентская сессия, так же как и предыдущие научные конференции в Алма-Ате, Ашхабаде, во Фрунзе, свидетельствовала о все более укреплявшемся творческом содружестве историков братских советских республик и о большой плодотворной помощи ученых Москвы и Ленинграда в изучении истории национально-освободительных движений в Средней Азии и Казахстане, в частности восстания 1916 года.

В числе актуальных проблем на Объединенной научной сессии в Ташкенте был обсужден и вопрос о характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Участниками сессии был заслушан общий доклад Х. Т. Турсунова[57] и четыре содоклада[58]. Т. Е. Елеуова — «Основные вопросы восстания 1916 года в Казахстане», А. Г. Зима — «О характере восстания 1916 года в Киргизии», О. К. Кулиева — «О характере восстания 1916 года в Туркмении» и П. А. Ковалева —«О характере восстания 1916 года в узбекских и таджикских районах колониального Туркестана».

---

[55] *О. К. Кулиев.* О характере восстания 1916 года в Туркмении (содоклад), см. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, изд. АН УзССР, 1955, стр. 320—328.

[56] Указ. «Материалы...», стр. 581—586.

[57] *Х. Турсунов.* О характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», изд. АН УзССР, Ташкент, 1955, стр. 277—302 и 406—412.

[58] Там же, стр. 303—405.

В докладе, содокладах и выступлениях члена-корр. АН Таджикской ССР З. Ш. Раджабова, академика АН Киргизской ССР С. Н. Покровского, академика АН Узбекской ССР К. Е. Житова, профессора А. В. Пясковского (АН СССР) и других было отмечено, что в результате недостаточного изучения документов и нередко поверхностного подхода к сложным, порою противоречивым явлениям, имевшим место в ходе восстания 1916 года, некоторые историки приходили к неправильным выводам. Одни из этих историков объявляли все восстание реакционным, антинародным только потому, что оно в некоторых районах носило действительно реакционный характер. Такие взгляды, между прочим, сквозили и в некоторых выступлениях на сессии, особенно в речи Т. Н. Колесниковой[59], в присланном в адрес сессии тексте выступления Ю. М. Тарасова[60]. Другие же, наоборот, объявляя это восстание прогрессивным, национально-освободительным движением, не хотели, однако, видеть его специфических особенностей в отдельных районах или очагах восстания. Сессия считала ошибочными обе точки зрения. Первая из них являлась по существу недооценкой революционных возможностей крестьянства, принижением роли народных масс Средней Азии и Казахстана в истории. Вторая же вела к идеализации реакционных, панисламистских выступлений феодально-клерикальных элементов, которым удалось в отдельных районах повести за собой обманом или принуждением часть отсталого, темного населения, еще находившегося в значительной мере под их влиянием.

Обсуждение позволило констатировать, что восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане было явлением сложным, в известной мере противоречивым. В различных районах края движение было неоднородным по характеру, целям и результатам. Сессия пришла к заключению, что в целом восстание носило прогрессивный, народно-освободительный характер и было направлено своим острием против царского самодержавия, отчасти — против феодально-байских элементов. Оно возникло в обстановке на-

[59] «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», изд. АН УзССР, Ташкент, 1955, стр. 342—356.

[60] Там же, стр. 402—405.

чавшегося в России революционного кризиса и смыкалось с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против империалистической войны и царизма. В отдельных же районах восточной части Пишпекского уезда, в большинстве волостей Пржевальского уезда и южной части Джаркентского уезда (на юге Семиречья), в части волостей Джизакского уезда, на Гюргене и в Теджене это восстание, превращенное усилиями реакционных, феодально-клерикальных элементов в антирусское, националистическое, феодально-монархическое движение, носило реакционный характер[61].

Объединенная научная сессия ориентировала историков на дальнейшее углубленное изучение истории восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, на издание серьезных монографических работ, сборников документов и проч.

Киргизская и Туркменская научные конференции 1953 года, а также Ташкентская научная сессия 1954 года несомненно послужили важным шагом в изучении истории восстания 1916 года во всех республиках Средней Азии и Казахстана.

Результаты этих конференций и сессии нашли свое отражение в сводных трудах по истории Средней Азии и Казахстана. В специальных главах «Истории Казахской ССР»[62], «Истории Узбекской ССР»[63], «Истории Туркменской ССР»[64], однотомнике «Истории Узбекской ССР»[65] и других, вышедших после 1954 года, восстание 1916 года в пределах соответствующих республик, освещается теперь правильно, на основе выводов, сделанных на конференции и сессиях 1953 и 1954 гг.

---

[61] Материалы объединенной научной сессии..., изд. АН УзССР, Ташкент, 1955, стр. 584.

[62] См. т. 1, изд. АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1957, глава XXII, § 2. «Народно-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане» (авторы *Т. Е. Елеуов и А. Ф. Якунин*).

[63] См. т. 1, кн. вторая, изд. АН Узбекской ССР, Ташкент, 1956, глава XI. «Восстание 1916 г. в Узбекистане» (авторы *П. А. Ковалев* и *Х. Т. Турсунов*).

[64] См. т. 1, кн. вторая, изд. АН Туркменской ССР, Ашхабад, 1957, глава X. «Туркменистан в годы первой мировой войны до Февральской революции» (автор *О. К. Кулиев*).

[65] «Узбекистон ССР тарихи», Узбекистон ССР фанлар Академияси нашриети, Тошкент, 1958, стр. 401—416, § 8, IV глава «Узбекистонда 1916 йил кузголони» (автор М. Г. Вахабов).

То же можно сказать и о третьей главе книги Е. Бекманова «Истории Казахской ССР»[66], где дана та же оценка характера восстания 1916 года. Восстание 1916 года в Казахстане, пишет автор, явилось выражением назревшего в России революционного кризиса. Оно нанесло удар по российскому военно-феодальному империализму и способствовало свержению царизма. Вместе с тем автор подчеркнул, что лишь в отдельных районах, «в частности в южной части Джаркентского и Пржевальского уездов, баям и националистам удалось спровоцировать выступление казахов против русских, в результате чего произошли кровавые столкновения между русскими и казахскими трудящимися. Эти столкновения явились следствием политики национальной розни, которую проводила царская колониальная администрация и феодально-байская знать»[67].

Характерно, что после указанных конференций и сессии 1953 и 1954 гг. отдельные историки пересмотрели свои прежние взгляды. Примером может служить кандидатская диссертация Ю. Тарасова, написанная в 1955 году — «Движение 1916 года в Закаспийской области». Он признал, что его точка зрения, изложенная в статьях, опубликованных в 1951 году в газете «Туркменская искра» и в журнале «Вопросы истории», вела по существу к недооценке революционных возможностей крестьянства, к принижению роли народных масс Туркмении в истории. Он признал правильным решение совещания историков в Ашхабаде в мае 1953 года, о котором говорилось выше[68].

После Ташкентской Объединенной научной сессии были опубликованы новые важные работы П. А. Ковалева, посвященные ряду актуальных проблем истории восстания 1916 года в Туркестане[69].

---

[66] Учебное пособие для средней школы Казахстана под ред. Н. П. Калистратова, Казахское гос. учебно-пед. изд-во, Алма-Ата, 1960, стр. 18—25.

[67] Там же, стр. 22.

[68] *Ю. М. Тарасов.* Движение 1916 г. в Закаспийской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, изд. АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1955, стр. 6—7.

[69] *П. А. Ковалев.* Первая мировая война и назревание революционного кризиса в период 1914—1916 гг., «Труды САГУ», новая серия, Гуманит. науки, кн. 8, 1955, стр. 5—32; Узбекистонда 1916 йил

К сожалению, до сих пор нет еще монографии, освещающей в целом восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Имеющиеся же работы, посвященные восстанию, в большинстве своем ограничиваются пределами тех или иных областей и районов, соответственно с нынешним территориальным делением республик Средней Азии и Казахстана.

Вот почему всестороннее и глубокое освещение истории восстания 1916 года продолжает оставаться одной из актуальных задач советских историков.

Марксистская разработка проблем восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане необходима и для полного разоблачения буржуазных фальсификаторов истории. Буржуазные историки всегда стремились и стремятся опорочить народное движение 1916 года. Одним из примеров грубой фальсификации является изданная в 1945 году в Стамбуле книга пантюркиста Абдулаха Реджеба Байсуни «Национальное движение в Туркестане». В ней исторические факты от начала и до конца извращены. Автор распространяет версию о том, что восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане и контрреволюционное националистическое басмаческое движение в годы гражданской войны против Советской власти представляли собой якобы единый поток национальной борьбы народов края. Он пишет, будто целью восставших в 1916 году народов Туркестана было «изгнание русских» из края и путем подтасовки фактов пытается выдать отдельные реакционные националистические выступления феодально-клерикальных элементов в некоторых районах Средней Азии за народное движение. При этом он нарочито обошел молчанием подлинно народные революционные восстания.

Аналогичные извращения исторической правды о восстании 1916 года в Средней Азии содержатся в книгах бежавших из советской страны за границу ярых

кузголони (на узб. языке), Ташкент, 1955, 64 бет; Народные волнения и восстания в узбекских и таджикских районах Туркестана (в июле и августе 1916 г.), там же, вып. 78, ист. науки, кн. II, 1956 стр 71—103; тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, 186 стр.; Рабочие-тыловики в революционных событиях 1916—1917 годов (из истории революционного движения в Туркестане), «Звезда Востока», 1957, № 12, стр. 123—135.

буржуазных националистов — Зеки Валидова, Мустафы Чокаева, Б. Хаита и других.

Особое усердие в фальсификации истории восстания 1916 года в Средней Азии проявляют в последние годы реакционные буржуазные историки США и Англии. Выделяется книга американского историка Э. Д. Сокола под названием «Восстание 1916 года в русской Средней Азии», изданная в 1954 году университетом Джона Хопкинса в Балтиморе[70]. В своем «труде» Э. Д. Сокол нарочито подтасовывает факты для того, чтобы изобразить восстание 1916 года как националистическое, религиозное движение «мусульман Средней Азии против русских». Он пишет, что в восстании 1916 года находит якобы свое выражение «извечная борьба ислама против неверных»[71].

Э. Д. Сокол вынужден признать, что если нет сведений об участии зажиточных классов в восстании 1916 года, то о бедных можно определенно сказать, что «они участвовали повсеместно как повстанцы, потому что они острее всего чувствовали земельные захваты, экономическое угнетение и взяточничество чиновников»[72]. Он скорбит по поводу того, что во время восстания 1916 года у народов Средней Азии не было своего «руководителя», наподобие авантюриста Энвера-паши. Прозрачно упоминая о временах басмаческой пантюркистской авантюры Энвера-паши против Советской власти, он пишет, якобы «Туркестан должен был ждать еще пять лет своего Энвера-пашу и его мечту об обширной пантуранской империи. Но к этому времени такая благоприятная возможность миновала»[73]. Как и Р. Байсуни, Э. Д. Сокол пытается поставить знак равенства между народным восстанием 1916 года и басмаческим контрреволюционным националистическим движением в годы гражданской войны. Он пишет, например: «Характерные черты, присущие восстанию 1916 года, возникали вновь и вновь. Басмаческое движение вспыхнуло вновь как новая битва под водительством Энвера-паши»[74]. Э. Д. Со-

---

[70] *Edward Denis Sokol,* The revolt of 1916 in Russian Central Asia, Baltimore, 1954, S. 188+XXII.

[71] Там же, стр. 14, 177—181.

[72] Там же, стр. 146.

[73] Там же, стр. 181.

[74] Там же.

кол стремится представить Энвера-пашу — этого ярого пантюркиста и одного из организаторов антисоветской интервенции — в качестве руководителя народов Туркестана. Вместе с тем он извращает общеизвестные факты, свидетельствующие о героической борьбе народных масс Средней Азии против ненавистных банд Энвера-паши и других басмаческих главарей, и о том, что народное прогрессивное восстание 1916 года не имело ничего общего с реакционным басмаческим движением.

Книга Э. Д. Сокола изобилует и другими грубыми извращениями: о последствиях присоединения Средней Азии и Казахстана к России, о русской культуре, о нравах и взаимоотношениях народов края и др. Все это говорит лишь об одном: автор пытается в угоду своим империалистическим хозяевам распространить лживую версию о якобы постоянной антирусской борьбе народов Средней Азии.

Аналогичные извращения исторической правды о восстании 1916 года в Средней Азии допущены и в книгах некоторых других буржуазных историков, например, Чарльза Хостлера[75] и Ричарда Пирса[76].

Чарльз Хостлер объявляет все движение 1916 года в Средней Азии и Казахстане «самым огромным антирусским восстанием». Р. Пирс пытается критиковать советских историков и, в частности, результаты Ташкентской объединенной научной сессии, состоявшейся в 1954 году. Он отрицает огромное историческое значение восстания 1916 года и влияние русской революции на это движение. Извращая исторические факты, Р. Пирс пишет далее: «Как не желательно было бы, с советской точки зрения, объяснить эти восстания провалом царского правительства — результаты их указывают и на крах попыток русского народа добиться дружбы и доверия народов Средней Азии»[77].

Это явная ложь! Хорошо известно, что в ходе восстания 1916 года народные массы Средней Азии и Казахстана еще раз воочию убедились, что им одними своими силами без помощи великого русского народа не-

---

[75] *Charles w. Hostler,* Turkism and the Sarts, London. 1957, стр. 148.

[76] *Ricard A. Pirce.* Russian Central Asia. Russian in colonial Rowe Berkelen and Los Angelos University of Colifornia press 1960.

[77] Там же, стр. 296.

возможно освободиться от оков социального и национального гнета. И не случайно поэтому в последующих революционных битвах, в период Февральской революции и особенно Великой Октябрьской социалистической революции, продолжала крепнуть и развиваться дружба народов Средней Азии и Казахстана с русским народом.

Лживые утверждения всевозможных реакционных буржуазных писак по вопросу о характере восстания 1916 года, будучи беспочвенными и антинаучными, не выдерживают никакой критики и при соприкосновении с историческими фактами разлетаются в прах.

* * *

Для правильной оценки характера восстания 1916 года огромное значение имеют методологические указания основоположников марксизма-ленинизма, а также программные положения Коммунистической партии по национально-колониальным проблемам, в частности по вопросу о национальных движениях. Поэтому при написании работы автором широко использовались соответствующие произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Важную роль в изучении исследуемого вопроса сыграли также исторические решения XX и XXII съездов КПСС, Программа Коммунистической партии Советского Союза, доклады и выступления Н. С. Хрущева. Решительная борьба партии по окончательной ликвидации культа личности Сталина имеет огромное значение и для исторической науки, в частности для изучения истории национально-освободительных движений. В материалах XX и XXII съездов КПСС, в докладах и выступлениях Н. С. Хрущева имеются глубокие теоретические положения по вопросу о национальных взаимоотношениях и исторических судьбах наций, о борьбе против колониализма, о национально-освободительной борьбе колониальных народов в настоящее время и о борьбе народов Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период, о роли союза рабочего класса с крестьянством в национальных движениях, об интернациональном сплочении трудящихся всех наций и т. д.

В работе широко использованы материалы опубликованных сборников документов по истории восстания

1916 года, причем особенно ценным являлись туркменский и казахский сборники[78], и прежде всего как более полный фундаментальный сборник документов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане»[79], вышедший из печати в 1960 году. В составлении этого сборника принимал участие большой коллектив научных сотрудников Института истории АН СССР, институтов истории академий наук Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, а также центральных и республиканских государственных архивов.

В сборник включены 508 наиболее важных архивных документов, многие из которых опубликованы впервые. В первом разделе опубликованы материалы, связанные с указом о мобилизации «инородцев» на тыловые работы и дополнительные распоряжения царской администрации. Раздел состоит из общих обзорных документов, характеризующих восстание в Средней Азии и Казахской степи в целом; в III—IX разделах сборника содержатся ценные материалы о ходе восстания 1916 года по отдельным областям Средней Азии и Казахстана: Самаркандской, Ферганской, Сырдарьинской, Семиреченской, Закаспийской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. Наконец, X раздел включает в себя документы, отражающие ход подавления восстания, репрессии царских властей, а также реакционную роль буржуазно-националистических элементов в восстании. В сборнике имеется вводная статья ответственного редактора А. В. Пясковского.

Сборник документов получил положительный отзыв в печати. Наряду с оценкой большого значения данного сводного труда рецензенты[80] справедливо отмечают и некоторые его недостатки. В сборнике отсутствует раз-

---

[78] Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы), Институт истории Туркменской ССР, Ашхабад, 1938, 317 стр.; «Восстание 1916 года в Казахстане» (документы и материалы), АН УзССР, Алма-Ата, 1947, стр. 214.

[79] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», Сборник документов, АН СССР, М., 1960, 794 стр. (Институт истории Академии наук СССР, Институты истории и археологии Академии наук Казахской, Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР, Главное архивное управление).

[80] *Л. М. Ланда.* Новая публикация документов о восстании 1916 года в Средней Азии, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 11, стр. 51—53.

дел социально-экономических и политических предпосылок восстания. В него не вошли некоторые важные архивные материалы. Тем не менее содержащиеся в сборнике многочисленные ценные материалы несомненно принесут пользу в деле создания серьезных трудов по истории восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане.

Для исследования социально-экономических и политических предпосылок восстания автором привлечены данные из официальных статистических сборников, материалов по землепользованию, о состоянии промышленности, сельского хозяйства и другие важные источники. В частности, критически использованы такие важные источники, как «Отчет по ревизии Туркестанского края», произведенный графом К. К. Паленом, «Материалы по обследованию туземного и русского старожительского хозяйства и землепользования в Семиреченской области», под руководством П. П. Румянцева, «Материалы по Киргизскому землепользованию», статистические обзоры областей и ряд других. Вместе с тем автором изучено и использовано много дополнительных, ранее не изданных, архивных документов из центральных и республиканских архивов (Казахстана, Узбекистана и Туркмении).

В этих же архивах сосредоточены документы, характеризующие начало, ход и движущие силы восстания. К ним относятся многочисленные донесения царских чиновников из фондов канцелярии Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, областных и уездных правлений. В фондах прокуроров окружных судов, Туркестанского военно-окружного суда и Туркестанского охранного отделения сосредоточено немало ценных документов об участниках и активных деятелях восстания. Автором использованы также многие материалы из фонда Туркестанского охранного отделения, хранящиеся в Центральном Государственном архиве Узбекской ССР.

В Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) в Москве важное значение для нашего исследования имели некоторые неопубликованные материалы фондов 400— Азиатской части Главного штаба и 1396— Управления Туркестанским военным округом. Здесь имеется переписка и доклады военного министерства о реквизиции в Туркестане во время 1-й мировой

войны лошадей, верблюдов, скота, юрт и другого имущества, материалы о призыве «туземцев» на военно-тыловые работы, дневники царских карательных отрядов, действовавших против повстанцев. Большую ценность представляют хранящиеся в фондах Главного штаба подробные материалы о ходе восстания 1916 года с приложением карты районов движения по всем областям края.

Интересные материалы по изучаемой проблеме хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ). Из этого архива автором использованы подлинные документы фондов 1278— Государственной думы, 1281 — Совета министров, 1286 — Департамента полиции МВД, 1282— Управления по делам о воинской повинности и другие. Эти первоисточники позволяют всесторонне проанализировать историю подготовки царского правительства к призыву мужского коренного населения Туркестана и Казахской степи на военно-тыловые работы. Здесь же имеется полный стенографический отчет заседания Государственной думы, на котором обсуждались запросы группы членов Думы в связи с восстанием 1916 года. В этих же фондах заключены разнообразные неопубликованные сведения о ходе восстания по отдельным уездам и областям Средней Азии и Казахстана. Все эти материалы из Ленинградского архива свидетельствуют о тревоге и озабоченности правящих кругов царской России в связи с размахом восстания 1916 года и с возможными его последствиями.

По своему содержанию и характеру архивные материалы разнообразны и требуют от исследователя сугубо критического их анализа. Подавляющее большинство архивных документов, относящихся к восстанию 1916 года, состоит из донесений, справок и объяснений представителей колониальных властей, докладов высших царских чиновников, в которых имеется немало искажений исторической правды. Например, в этих материалах иногда проводится явно тенденциозная мысль «об иностранном вмешательстве» в восстание 1916 года как о первопричине движения, о панисламистском и антирусском характере всего восстания и т. п.

Все же в донесениях и отчетах царской администрации содержится немало вынужденных признаний о дей-

ствительных причинах и ходе движения, которые свидетельствуют о народном характере восстания 1916 года в подавляющем большинстве районов края.

В целях критической проверки фондов из официальных документов царских властей автор придерживался метода сопоставления этих документов. С той же целью автор широко привлекал материалы различных научных экспедиций по изучению истории восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане и сборников воспоминаний.

К числу дополнительных источников по изучению джизакских событий следует отнести, например, материалы Джизакской научной экспедиции, организованной в конце 1946 года Академией наук Узбекской ССР с участием Институтов истории, языка и литературы и Музея истории АН УзССР под руководством кандидата филологических наук Х. Т. Зарифова. Члены экспедиции побывали в городе Джизаке и в Джизакском, Фарижском, Галляаральском, Каракишлакском и Зааминском районах, а также среди рабочих на станциях Милютинская, Джизак, Ломакино и Обручево[81]. Членами экспедиции были проведены беседы с сотнями людей, записано более 80 воспоминаний участников и очевидцев восстания, сделано около 100 снимков[82]. Часть материалов обработана, но рукопись осталась не опубликованной. Материалы экспедиции, скромно названные в кратком отчете «Предварительными разведывательными данными»[83], несомненно, являются ценным документальным источником для изучения истории Джизакского восстания 1916 года.

По этим многочисленным воспоминаниям участников и очевидцев восстания мы можем проследить ход и этапы движения. Они проливают свет и на причины реакционных выступлений в отдельных волостях.

В 1959 году Институтом истории и археологии Академии наук Узбекской ССР в целях дальнейшего изуче-

[81] *С. Ибрагимов.* Научная экспедиция Академии наук УзССР по изучению национально-освободительного движения 1916 года в Джизаке. «Материалы Джизакской научной экспедиции по изучению национально-освободительного восстания 1916 г.», т. I, рукопись, стр. 3—4.

[82] Там же.

[83] Краткий отчет отряда историков Джизакской научной экспедиции по изучению национально-освободительного восстания в Джизаке в 1916 г. (на узб. яз.), там же, стр. 8.

ния и сбора воспоминаний о восстании 1916 года была организована новая экспедиция в Самаркандскую область под руководством автора монографии. Участники экспедиции побывали почти во всех районах области, беседовали со многими участниками и с очевидцами событий и собрали 65 воспоминаний. Материалы этой экспедиции хранятся в рукописном фонде Института истории и археологии АН Узбекской ССР[84].

В работе использованы также наиболее яркие воспоминания участников восстания Ферганской области, собранные в 1954 году старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН Узбекской ССР Х. Зияевым.

Разнообразные и важные сведения имеются и в материалах двух научных экспедиций по сбору воспоминаний участников восстания в Тургайской области (Казахстан).

Первая из этих экспедиций во главе с А. Г. Маргуланом собрала в 1943 году много интересных материалов по восстанию 1916 года и особенно о вожде восстания Тургайской области Амангельды Иманове. Рукописи этой экспедиции хранятся в Институте истории АН Казахской ССР.

Столь же плодотворной была и вторая экспедиция Института истории Академии наук в 1952 году в Тургайскую область во главе с кандидатом исторических наук Т. Елеуовым. В результате были собраны новые важные сведения и воспоминания о жизни и деятельности Амангельды Иманова и других активных участников восстания. Эти данные позволили руководителю экспедиции Т. Елеуову выступить с интересным сообщением на страницах «Вестника Академии наук Казахской ССР».

Автором изучены и частично использованы также воспоминания о восстании 1916 года в Туркмении[85].

В работе использованы и некоторые документы, хранящиеся в фондах Института истории партии при ЦК Компартии Узбекистана, на тему: «Восстание 1916 г.

---

[84] «Материалы научной экспедиции по изучению истории восстания 1916 года в Самаркандской области», собранные Х. Т. Турсуновым, С. Рахимовым и Х. Мухамедовым, 214 стр. машинописи.

[85] «Воспоминания участников восстания 1916 г. в б. Красноводском уезде», собранные Б. Г. Агаджановым, Институт истории АН Туркменской ССР, в 5 тетрадях.

в Узбекистане», собранные Л. С. Шатерниковой и М. Султановым.

Таков краткий обзор источников, использованных в настоящей работе.

• • •

Предлагаемая читателю работа является скромной попыткой изложить историю восстания 1916 года в целом по Средней Азии и Казахстану и в некоторой степени восполнить пробел в литературе об этом восстании.

Разумеется, в одной работе невозможно детально проанализировать и обобщить все стороны столь крупного восстания, охватившего огромную территорию и имевшего свои особенности в отдельных районах края.

Автор будет удовлетворен, если его скромный труд принесет пользу в деле дальнейшего глубокого и всестороннего исследования восстания 1916 года.

Автор с благодарностью учтет в дальнейшей работе замечания и советы читателей. Он выражает глубокую благодарность коллективам Института истории Академии наук СССР, Институтов истории Академий наук Казахстана, Узбекистана, Туркмении, исторического факультета Самаркандского Государственного университета и Ташкентского электротехнического института связи за оказанную ему в процессе работы над данной монографией большую помощь советами и замечаниями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Глава I

УХУДШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА.

Общая характеристика социально-экономического положения Средней Азии и Казахстана к началу XX века.

Восстание 1916 года охватило обширные колониальные окраины царской России на юго-востоке — Туркестан и Степной край. В рассматриваемый период под Степным краем подразумевались Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская области, которые находились в ведении министерства внутренних дел правительства России, причем первые две входили в состав Степного генерал-губернаторства, а остальные две подчинялись министерству непосредственно.

«Временное положение об управлении Степными областями 1868 г.», дополненное новым «Степным положением» 1891 года окончательно юридически оформило превращение Казахстана в колонию Российской империи.

В ходе завоевания Средней Азии царизмом было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, находившееся в ведении военного министерства. В его состав вошли вся территория бывшего Кокандского ханства, и часть отобранных в пользу России земель Бухарского и Хивинского ханств. Оставленные в урезанной части Средней Азии эти ханства, будучи лишь номинально самостоятельными, по существу находились в колониальной зависимости от царской России.

В Туркестанский край входило 5 областей — Семиреченская, Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская и Закаспийская.

Туркестанский край граничил на севере с Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями,

на юге — с Ираном и Афганистаном, на востоке — с Китаем. Площадь его составляла 1 652 238 кв. км. с населением в 5 995 726 человек.

В середину Туркестансого генерал-губернаторства как бы вклинивались территории Хивинского ханства (площадь 62 237 кв. км, с населением 460 тыс. человек) и Бухарского ханства (площадь 180 тыс. кв. км, с населением более 1500 тыс. человек).

К северу от Туркестанского края до Оренбургской, Тобольской и Томской губерний, с запада до Каспийского моря и Астраханской губернии и с востока до китайских владений простиралась огромная территория Степного края. Площадь его достигала 1 722 217 кв. км, с населением 4 160 тыс. чел. В том числе Степное генерал-губернаторство (с двумя областями — Акмолинской и Семипалатинской) занимало 973 914 кв. км, с населением 2 470 тыс. человек, Тургайская область — 444 855 кв. км, с населением 855 тыс. человек и Уральская область — 303 448 кв. км, с населением 835 тыс. чел.[1]

Итак вся территория Туркестанского края и степных областей, непосредственно охваченных восстанием 1916 года, достигала 3 374 555 кв. км, с общим числом населения 10 155 726 человек. Заранее заметим, однако, что восстание имело известное влияние и на соседние районы, в частности на Бухарское и Хивинское ханства. Таким образом, восстание охватило почти всю территорию Средней Азии и Казахстана.

Туркестан и Степной край являлись многонациональными краями, населенными узбеками, казахами, киргизами, таджиками, тукменами, каракалпаками, русскими и другими народами. (Таблица1).

К рассматриваемому периоду основная масса узбеков проживала в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях. Туркестанские казахи расселялись главным образом в Верненском и Джаркентском уездах Семиреченской области, Аулиеатинском, Казалинском, Перовском, Чимкентском уездах и в ряде волостей Ташкентского и Мирзачульского уездов Сырдарьинской

[1] По неполным данным с/х переписи 1916 г., при которой не были учтены русское население, призванное в войско, и казахи, призванные на тыловые работы. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. 1, Степной край, составитель В. А. Тресвятский, II., 1917, стр. 30—31.

Таблица 1

Национальный состав населения Туркестанского края[2]

Национальности и национальные группы	Всего по краю		В том числе по областям									
			Ферганская		Сырдарьинская		Семиреченская		Самаркандская		Закаспийская	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Узбеки	2 347 491	39,2	1 440 168	68,2	418 948	28,6	15 062	1,2	472 002	59,5	1 311	
Казахи	1 166 790	19,5	—	—	641 583	43,8	430 330	36,4	22 485	2,8	72 392	16,4
Киргизы	809 524	13,5	362 851	17,2	57 841	3,9	374 769	31,7	14 063	1,8	—	—
Таджики	437 656	7,3	187 244	8,9	15 858	1,0	87		234 467	29,6	—	—
Туркмены	295 914	4,9	—	—	5 656	0,4	—	—	—	—	290 258	66,0
Каракалпаки	77 825	1,3	10 735	0,5	67 090	4,6	—	—	—	—	—	—
Уйгуры	63 465	1,0	—	—	—	—	63,465	5,3	—	—	—	—
Курама*	49 697	0,8	—	—	49 697	3,4	—	—	—	—	—	—
Кипчаки*	42 449	0,7	42 449	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Дунгане	20 700	0,3	—	—	668	—	20 032	1,7	—	—	—	—
Русские	542 509	9,1	48 047	2,3	172 875	11,8	268 662	22,7	21 136	2,7	31 789	7,1
Прочие	135 706	2,4	20 472	0,9	30 210	2,5	12 032	1,0	28 496	1,6	44 496	10,5
Итого	5 989 726	100,0	2 111 966	100,0	1 460 426	100,0	1 184 439	100,0	792 649	100,0	440 246	100,0

[2] Таблица составлена автором на основе обобщения данных Всероссийской переписи 1917 года, областных статистических комитетов за 1906—1907 гг., „Статистический ежегодник", 1917—1923 гг., ЦСУ Туркреспублики, т. 1, ч. 3, стр. 37—44; *К. Пален*, Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, „Материалы к характеристике Туркестанского края", ч. 1, отд. 1, стр. 64—65.

* Курама и кипчаки — являлись смешанными этнографическими группами, которые в дальнейшем историческом развитии вошли в различные нации Средней Азии: курама — в состав узбеков и казахов, кипчаки — в состав киргизов и узбеков.

области. Киргизы компактной массой проживали в Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской области, Ошском уезде и некоторых районах Наманганского уезда Ферганской области. Основными районами расселения туркестанских таджиков являлись Ходжентский уезд Самаркандской и ряд волостей Ферганской области. Подавляющее большинство туркмен края было сосредоточено в Закаспийской области и т. д.

По неполным статистическим материалам, обобщенным автором, население степных областей примерно 62% составляли казахи, 44% русские и украинцы, 4% другие национальности[3]. Русские жили, главным образом, в городах, а также в крестьянских поселках и казачьих станицах.

Узбеки, казахи, киргизы, туркмены и каракалпаки находились на различных ступенях формирования в нации. Шел процесс образования узбекской, казахской и других наций.

Среди народов края, особенно у киргизов, туркмен, каракалпаков, было сохранено разделение их по старым родоплеменным признакам. (Но эти родоплеменные группы давно потеряли свой прежний кровно-родственный характер). Будучи пережитками старого данные группы населения возглавлялись эксплуататорской верхушкой местного общества — манапами и биями — у киргизов, родовыми вождями — у туркмен.

Ввиду того, что нам в исследовании хода восстания в Закаспийской и Семиреченской областях придется называть ряд туркменских и киргизских племен, мы приведем некоторые общие данные о них. По данным Закаспийского областного статистического комитета за 1915 год среди туркмен существовали четыре племенных объединения: *текинцы, сарыки, салары и иомуды.* Самое многочисленное из них — *текинцы* (36 800 кибиток), занимали Ахал-Текинский, Атрекский, Мервский и Тедженский оазисы; *сарыки* (7600 кибиток) — занимали оазисы — Иолотанский и Пенджженский; *салары* или *са-*

[3] «Описание Акмолинской области», II., 1016, стр. 9; «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г., вып. 7, Семипалатинск, 1901, стр. 3; «Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1915 год», Оренбург, 1915, ч. II, стр. 6; «Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1910 г., Уральск, стр. 99.

лыри (3 тыс. кибиток) — Серахский оазис и, наконец, *иомуды* (около 4800 кибиток), проживали по рекам Сумбару и Атреку в прилегающих степях Красноводского уезда[4]. Большая часть туркмен-иомудов расселялась в Хивинском ханстве (около 15 тыс. семейств) и частично в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. Иомуды в свою очередь распадались на ак-атабайцев, джафарбаев, яралы, курали и др. Кроме отмеченных выше четырех племенных объединений, существовали и более мелкие племена — гокланы, индыр, абдал, огурджали и другие.

Племена проживали в определенных границах, а представители отдельных родов кочевали и селились родовыми группами. Значительная часть туркменских племен — иомудов и гокланов, будучи занятой скотоводством, кочевала по ту сторону границы, в районе Гюргена (Иран)[5].

У киргизов существовали также крупные племена — *бугу, сарыбагиш, саяк, черик, солто, адыгене и ичкилик.* Самое многочисленное из них *бугу,* насчитывавшее 15 тыс. юрт, располагалось в восточной части южного берега озера Иссык-Куль и к востоку от последнего; *сарыбагиш* (9 тыс. юрт) кочевали по рекам Чу и Кемине, в Качкорской долине, на северном побережье Иссык-Куля и к западу от него; племя *саяк* (около 7,5 тыс. юрт) держало в своих руках кочевья в верховьях и по среднему течению р. Нарына и в долине Джумгала. Дальше на юг и юге-запад по Ферганскому хребту и в районах Алая и Памира располагались кочевья крупных племенных объединений *адыгене* и *ичкилик* (14 тыс. юрт). Зимой ичкилики уходили со своими стадами в Ферганскую долину. К югу от р. Нарына кочевало племя *черик* (свыше 4 тыс. юрт); племя *солто* (около 1 тыс. юрт) расселялось в районе Пишпека и кочевало по рекам Чу и Талас[6].

Всему многомиллионному и многонациональному коренному населению Туркестанского и Степного краев суждено было так или иначе участвовать в восстании

---

[4] «Адрес-справочник по Закаспийской области», изд. Закаспийского областного статистического комитета, 1915, стр. 25.

[5] ЦГВИА (М.), ф. 1396, оп. 2, д. 151, л. 936,— «Протокол заседания от 12 февраля 1917 г. в Ташкенте по вопросу об устройстве Гюргенского района».

[6] «История Киргизии», т. I, изд. АН Казахской ССР, Фрунзе, 1956, стр. 205.

1916 года. Восстание имело глубокие социально-экономические и политические предпосылки и причины.

Восстание 1916 года — одно из важных проявлений прогрессивных последствий присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Присоединение к России, несмотря на колониальную политику царизма и вопреки ей, всем ходом объективного социально-экономического, политического развития страны, имело огромные прогрессивные последствия для исторических судеб народов края. Самым главным и решающим прогрессивным последствием присоединения Средней Азии и Казахстана к России являлось то, что эти национальные окраины стали неразрывной частью революционной России — родины ленинизма.

Рабочий класс России выступил вождем революционной борьбы против общего врага — царизма, против помещиков и капиталистов. Революционное освободительное движение в Средней Азии и Казахстане, так же и в других национальных окраинах, росло и ширилось в неразрывной связи с героической борьбой русского рабочего класса.

После присоединения к России в социально-экономической жизни Средней Азии и Казахстана произошли значительные изменения. Российский капитализм втягивал Среднюю Азию и Казахстан, как и другие национальные окраины, в мировое товарное обращение, шел процесс нивелирования местных особенностей — остатков старинной патриархальной замкнутости[7].

Вопреки стремлениям царского правительства задержать промышленное строительство в Средней Азии и Казахстане, здесь начали развиваться отдельные отрасли промышленности. Так, согласно статистическим данным, в 1913 году в Туркестанском крае насчитывалось 884 фабрично-заводских предприятия с общей продукцией в 219 млн. рублей[8].

В степных (Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской) областях в 1913 году было 677 промышленных предприятий с валовой продукцией 54,1 млн.

---

[7] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 251.

[8] «Статистический ежегодник» 1917—1923 (ЦСУ Туркреспублики), т. II, ч. I, стр. 42.

рублей[9]. К этому же периоду, валовая продукция всей фабрично-заводской промышленности на территории Казахстана составляла 67 млн. рублей[10]. Среди важных промышленных предприятий были Спасский медный завод, Экибастузские копи, Эмбенские нефтепромыслы и другие.

Значительное изменение в экономику Степного края и Туркестана внесло строительство Среднеазиатской, Оренбурго-Ташкентской железных дорог. Они способствовали сближению различных районов края между собой и усилили социально-экономические связи с Россией. Если накануне присоединения Туркестана к России (1865 г.) сумма торговых оборотов России со Средней Азией, по данным таможенного ведомства, не превышала 6,4 млн. рублей, то с проведением первой Среднеазиатской железной дороги (1881—1912 гг.) сумма эта к 1912 году достигла уже 320,5 млн. рублей в год[11].

Важным результатом создания фабрично-заводских предприятий в крае являлось начало формирования здесь рабочего класса.

Возникновение промышленного пролетариата в Средней Азии и Казахстане имело огромное историческое и политическое значение. Несмотря на свою малочисленность, пролетарские кадры края, будучи составной частью рабочего класса России, сыграли большую роль в развитии революционного и национально-освободительного движения.

Социально-экономическое развитие края привело к росту городов и городского населения. Городское население Туркестанского края с 729,2 тыс. человек в 1897 году (12,9 процента к общему числу населения) достигло к 1911 году 1045,1 тыс. человек, или 13,4 процента [12]. О росте городов, кадров рабочих в них говорят следующие данные. (Таблица 2).

---

[9] «Народное хозяйство СССР в цифрах», Краткий справочник, 1924, стр. 145.

[10] «Казахская ССР за 20 лет», Статистический сборник, Казиздат, Алма-Ата, 1940 г.

[11] «Туркестанский край», сельскохозяйственный, торгово-промышленный адрес-справочник-календарь, под ред. Г. Л. Цвелинга, Ташкент, 1913, стр. 93.

[12] *С. И. Гулишамбаров.* Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой, Асхабад, 1913, ч. I, стр. 18.

Таблица 2

Население городов, численность рабочих[13]

Города	Население		Число рабочих на 1 января 1914 года
	в 1897 г.	в 1914 г.	
Ташкент	155 673	271 023	2 523
Коканд	81 354	120 167	2 487
Андижан	47 627	86 741	2 435
Наманган	61 906	81 163	1 779
Самарканд	55 128	97 530	1 421
Верный	22 744	43 207	956
Ст. Маргелан	36 490	48 148	917
Скобелев(Фергана)	8 923	12 746	693
Катта-Курган	10 087	12 089	336
Аулие-Ата	11 722	20 327	280
Пишпек	6 615	14 367	221
Пржевальск	8 103	15 304	134
Ош	34 157	44 204	25
Ходжент	30 109	40 235	(данных нет)

Быстро росли также такие крупные города в казахской степи, как Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Петропавловск, Акмолинск, Уральск, Гурьев, Аулие-Ата, Каракаралинск, Кокчетав.

Под воздействием общероссийской экономики произошли значительные изменения и в сельском хозяйстве края. Посевные площади хлопка в Туркестане с 34,7 тыс. десятин в 1883 году достигли 533,7 тыс. десятин в 1916 году.

В кочевых скотоводческих районах ускорился процесс внедрения земледельческой культуры, переход к оседлому и полуоседлому быту, усовершенствовалось ведение скотоводческого хозяйства.

В кишлаках и аулах быстрее стали развиваться товарно-денежные отношения. Постепенно начали развиваться и капиталистические отношения. Среди дехкан и кочевников-скотоводов росло классовое расслоение.

Однако в целом Средняя Азия и Казахстан вплоть до Октябрьской революции продолжали оставаться отсталыми в экономическом, культурном и политическом отношениях колониальными окраинами, где господст-

[13] Таблица составлена на основе следующих данных: К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, таблицы, СПб. 1911, стр. 6—13 и В. В. Заорская и К. А. Александер. Указ. работа, стр. 34, 36, 107, 104.

вовал феодальный строй. Вместе с тем феодальный строй в Средней Азии и Казахстане, особенно в кочевых районах, был опутан сетью патриархально-родовых пережитков. Царизм стремился сохранить Среднюю Азию и Казахстан в качестве аграрного придатка, огромного рынка сбыта и источника сырья для российской промышленности, а также рынка для выгодной продажи хлеба русскими помещиками. Одновременно эти обширные колониальные владения являлись районами приложения российских и иностранных капиталов, районами колонизации значительных земельных массивов коренного населения. Царизм рассматривал Среднюю Азию и как важный плацдарм в осуществлении своих дальнейших планов завоеваний на Востоке.

Экономические и политические цели царизма в Средней Азии были сформулированы в отчетах сенатора К. Палена. «Если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана,— писал он,— этот край, с первых же дней присоединения его к России, представлял для русского правительства двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства и 2) с точки зрения колонизационной политики, как новая область для перемещения избытков населения из центральных губерний» [14].

К 1916 году Туркестанский и Степной края продолжали оставаться аграрными окраинами. Более 85% населения, основным занятием которого являлось сельское хозяйство, жило в деревне.

Промышленность Туркестана и Казахстана была развита слабо; причем развивалась она уродливо, однобоко. Подавляющее большинство предприятий промышленности было мелким. Не случайно, что в «Обзоре Сырдарьинской области» признавалось, что «Где кончается кустарный промысел, и начинается фабрично-заводская промышленность — сказать трудно, так как малые размеры по обработке и числу рабочих в заведениях, причисленных к фабрично-заводской промышленности официальной

---

[14] *К. Пален.* Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел I, СПб, 1911, стр. 3.

статистикой, свободно могут быть именованы кустарным промыслом» [15].

Промышленность развивалась здесь постольку, поскольку это вызывалось интересами царизма, российского и иностранного капиталов. Вот почему возникали прежде всего лишь те отрасли промышленности, которые способствовали вывозу из края сельскохозяйственных продуктов — хлопка, кожи, шерсти, мяса, масла, коконов и т. д. Так появились предприятия хлопкоочистительной, коконосушильной, шерстяной, кожевенной, мясной, пищевой, нефтяной, а также некоторые отрасли горной промышленности.

Подавляющее большинство населения Средней Азии и Казахстана было неграмотно. Общее число грамотных не превышало 1,5—2%. Зато царское правительство стремилось законсервировать религиозные школы различных типов. В этих школах (в начальных — мактабах, высших — медресе) обучение было основано на религиозных книгах на арабском языке, непонятном для населения и в ущерб родному языку. Учащиеся механически усваивали начертания арабских букв. Окончивший мактаб практически не мог использовать то, чему обучался и по существу оставался безграмотным. Мактабы были не только бесполезными для практической деятельности, они отнимали время и одурманивали учеников религиозными догмами. Если учесть, что только по Туркестанскому краю было 3820 мактабов, в которых «обучались» до 70 тыс. учащихся [16], то становится понятным, какой большой ущерб наносили они воспитанию молодого поколения.

Мактабы и медресе были в руках духовенства и являлись орудиями распространения ислама. Держать коренное население в отсталости, невежестве и бесправии, тем самым легче эксплуатировать его, не давать возможности приобщаться к передовой русской культуре, к общественной жизни и революционному движению в России, чтобы разъединить и ослабить революционное и национально-освободительное движение — такова была национально-колониальная политика царизма, вся тен-

[15] «Обзор Сырдарьинской области за 1910 г.», Ташкент 1912, стр. 117.

[16] *И. И. Гейер.* Туркестан, Ташкент, 1909, изд. 2-е, стр. 29.

денция русского военно-феодального империализма. Вот почему бывший Туркестанский генерал-губернатор Н. А. Куропаткин в своем дневнике, признавая проводившиеся при царизме по отношению коренного населения Туркестана колониальные принципы неравноправия, писал: «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни» [17].

Таковы были цели царизма в Туркестане, как и в других колониальных окраинах России.

Вопреки реакционной колонизаторской политике царизма, русских помещиков и империалистической буржуазии передовая русская культура и прогрессивная общественная мысль проникли в Среднюю Азию и Казахстан и все более завоевывали умы и сердца народных масс края.

Все же представителей интеллигенции и вообще грамотных людей из местных национальностей были единицы. Широкие народные массы были обречены на экономическую и культурную отсталость. Вследствие этого духовенству удавалось держать массы в темноте и невежестве, в неукоснительном повиновении исламу и раздувать религиозный фанатизм. Киргизы, казахи, узбеки, таджики, туркмены и другие народы края находились под влиянием своих мулл. Это влияние на массы значительное время сохранялось и после Октябрьской революции. (Вспомним известное указание В. И. Ленина в его «Докладе о партийной программе» о влиянии мулл на народы Средней Азии и необходимости проведения партией умелой тактики по преодолению религиозных предрассудков [18]).

Народы Средней Азии и Казахстана были лишены элементарных политических прав. Будучи типичными колониями, Туркестан и Степной край управлялись чиновниками, назначавшимися царским правительством. Во главе колониального аппарата стоял генерал-губернатор соответствующего края. При этом Туркестанский генерал-губернатор, будучи командующим войсками военного округа, одновременно являлся главным начальником края. В областях управление находилось в руках военных губернаторов; в уездах оно было возложено на

[17] Из дневника Н. А. Куропаткина, «Красный Архив», т. XIX, 1927, стр. 65.

[18] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 151.

уездных начальников с подчинением им участковых приставов.

Дореволюционное административное деление Туркестана и Казахстана, проведенное в интересах колониальной политики царизма, противоречило сложившимся здесь экономическим и национальным отношениям. По признанию Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, административное деление Туркестана, проведенное царским правительством, не соответствовало «ни территориальным, ни этнографическим и бытовым условиям края» [19].

В результате этого народы Средней Азии оказались разобщенными между отдельными губернаторствами, областями царской России и ханствами. Казахское население было искусственно разобщено между Степным и Туркестанским генерал-губернаторствами, Тургайской и Уральской областями. Киргизы оказались разделенными между Семиреченской, Ферганской и Самаркандской областями, узбеки и туркмены — между Туркестаном, Бухарой и Хивой, таджики — между Туркестаном и Бухарой, каракалпаки — между Туркестаном и Хивой. Такая разобщенность народов Средней Азии и Казахстана по отдельным государственным объединениям тормозила развитие их национальной консолидации.

Царское правительство натравливало один народ на другой, раздувало межнациональную рознь. Явно шовинистическая русификаторская политика получила свое отражение и в резолюции военного губернатора Семиреченской области от 31 октября 1911 года, об отношении администрации к туземцам как «второстепенным народностям». «Туземцы,— предписывал губернатор всем уездным начальникам и приставам области,— нас должны интересовать только как материал, из коего в близком будущем должны выработаться обычные русские крестьяне, хотя и мусульманского вероисповедания. Поэтому их и надо ввести в дух строжайшего уважения ко всему русскому. Те из них, кто вздумает этому не подчиниться, испытают несомненно печальную судьбу: они или останутся безземельными нищими, и перемрут, или

---

[19] Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства (1867—1881), стр. 9.

Россия с ними расстанется. Все это надо иметь на уме, но без лишних разговоров на эту тему»[20].

Коренное население, таким образом, поставлено было перед дилеммой: либо полностью подчиниться всякому произволу, проводимому царизмом, не роптать, либо при ослушании быть окончательно задавленным. В Туркестанском и Степном краях царской охранкой собирались постоянные агентурные данные о настроениях и благонадежности мусульманского населения. По установленному порядку все уездные начальники и охранные отделения представляли ежемесячные сведения о местных национальностях, о происходивших среди них сколько-нибудь замеченных агентурой движениях. Таковы были методы царских властей против свободы народных масс края.

Царское правительство опиралось в своей политике не только на колонизаторские элементы — чиновничество, русскую буржуазию, казачество, кулаков, но и на баев, манапов и иные местные эксплуататорские группы. Именно с этой целью царизм разрешил создание здесь так называемой «туземной» администрации — волостных управлений, аксакальств, местных низовых судебных учреждений — казийского суда, суда биев и проч. Эти местные власти, состоявшие из представителей имущих слоев коренного населения, служили опорой колониальной власти.

Сенатор К. Пален, ревизовавший Туркестанский край в 1908 и начале 1909 года, с откровенной циничностью отмечал, что «Русские административные органы находят для себя очень удобным управлять, имея дело не со всею массою населения, а с теми же, в сущности, манапами, султанами и биями, присутствие коих обеспечивает исполнение велений правительства в степи»[21].

Должностные лица местной, так же как и колониальной администрации, используя свое служебное положе-

---

[20] Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. Сб. документов и материалов, составленных Ф. Н. Киреевым и Н. И. Колодиным, под ред. И. С. Гороховского, П. М. Пахмутного и Б. С. Сулейманова, Алма-Ата, 1957, стр. 361.

[21] *К. Пален.* Отчет по развитию Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом (в дальнейшем цитируем как «Отчет по ревизии Туркестанского края...»), Уездное управление, СПб., 1910, стр. 199.

ние, всевозможными махинациями и злоупотреблениями обогащались с поразительной быстротой. С другой стороны, туземная администрация, будучи орудием эксплуатации бедноты со стороны имущих слоев, пользовалась поддержкой крупных землевладельцев, духовенства и национальной буржуазии.

Поэтому и не случайно, что между богатыми претендентами на места волостного управителя, старшины (аксакала), пятидесятника, казия, бия и прочих должностей местной администрации и поддерживающими их различными группами баев шла ожесточенная борьба. В ходе подготовки и проведения «выборов» пускались в дело всевозможные злоупотребления, подкупы колониальных властей и подставных лиц, шантаж, угрозы и запугивание населения, нападения на кишлаки и аулы, ложные обвинения, вплоть до баранты (угона) скота, похищения женщин, побоищ, сопровождавшихся убийствами, как следствие межгрупповой борьбы эксплуататорской верхушки. «Надлежит при этом отметить,— писал К. Пален,— что в описанной партийной борьбе заинтересованы, собственно говоря, не столько родовые группы, сколько главари их, получающие, благодаря приобретенной власти, возможность осуществлять свои корыстные стремления, эксплуатируя в свою пользу чуждую по роду часть населения. Существенную помощь в этом отношении оказывают им ставленники их — народные судьи»[22].

В казахских и киргизских районах также была распространена междоусобная борьба среди баев и манапов за местную власть. В выводах по обследованию хозяйств казахов Верненского уезда П. Румянцев писал, что «отдельный бай, заинтересованный захватить как можно больше земель и стремящийся на место власти рода поставить свою власть, находит себе поддержку в современном «народном» (кстати, слово «народном» взято в кавычки самим П. Румянцевым.—*Х. Т.*) управлении киргиз. К услугам бая — «партийная борьба», борьба из-за выборов должностных лиц. Нередки случаи, когда из-за выбора волостного управителя, аульного старшины и бия

---

[22] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Народные судьи, стр. 41—42.

происходит разделение не только родственных групп, но и отдельных хозяйств. Партия, победившая на выборах и поставившая должностным лицом своего кандидата, пользуется всевозможными льготами и попущениями в решении споров о земле. Побежденная же партия терпит всякие притеснения, которые порою бывают настолько тяжелыми, что заставляют киргиз переходить в другую волость и даже перекочевывать в другой уезд, оставляя землю своим противникам»[23].

Во время выборов главари противостоящих партий расходовали на подкупы и всевозможные махинации огромные суммы, иногда доходившие до 40—50 тыс. рублей [24]. Причем, эти деньги волостным, казиям и биям нередко ссужались баями-ростовщиками за взаимную услугу: должностные лица местной администрации должны были поддерживать богачей в эксплуатации трудового населения.

Один из главных усмирителей восстания 1916 года военный губернатор Самаркандской области Н. Лыкошин, еще в бытность в Ферганской области в 1899 году, написал статью, озаглавленную «Казии (народные судьи)», в которой, между прочим, вынужден был частично признать факты злоупотребления местного управления как аппарата, угнетающего народные массы края.

«Постепенно, сталкиваясь с народными судьями по службе,— писал он,— я с каждым днем все больше и больше убеждался в их пристрастии к сильным и богатым туземцам. Эти видные представители туземного населения всегда могут рассчитывать на энергичную поддержку со стороны народного судьи и пользуются этой отраженной силой для того, чтобы давить бедняка. Иногда возникает дело, где прямо видно желание богача доказать бедняку свою силу и народный судья никогда не встанет на защиту слабейшего»[25].

---

[23] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. IV, текст, стр. 158.

[24] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Сельское управление, стр. 101.

[25] *Н. Лыкошин.* Казии (народные судьи), в сб. «Русский Туркестан», т. I. Приложение к газете «Русский Туркестан», Ташкент, 1899, стр. 55.

Еще одним красноречивым свидетельством являются высказывания помощника главного военного прокурора Туркестанского военного округа генерала Игнатовича, который признавал, что «Местные партии (то есть различные группы местных имущих слоев.— *Х. Т.*) борются на выборах за получение в свои руки всех этих должностей и расходуют на все эти выборы десятки тысяч в полной уверенности, что, добившись доходных мест, они быстро возместят свои расходы»[26]. При этом добавим, что расходы эти целиком возмещались за счет трудящихся масс.

В результате «выборных» махинаций, интриг и прямых насилий опять же оказывались «избранными» те же богачи и подставные лица имущих слоев населения. Так на должность Сохского волостного управителя (Ферганская область) был «избран» Мулла Муса Санжиев, владевший имуществом, оцененным в 100 тыс. рублей; по Каракалпакской волости, той же области, крупный землевладелец Хатамкул Примкулов; волостным управителем Кайнарской волости — Джурабай Ходжи Назаров, тоже крупный землевладелец[27]. То же самое было и в других областях. Среди киргизов наиболее зажиточные слои населения, так называемые «джакшиляры» («лучшие люди»), манапы исключительно вербовались в «должностные лица» туземного самоуправления [28].

Как уже говорилось, после «избрания» волостной старшина или судья не только с лихвой окупали «свои расходы» на выборы, но еще больше приумножали свои доходы, продолжая злоупотребления и насилия над беднотой. Говоря о причинах злоупотреблений т. н. «народных судов», В. Воронков отмечал, что «двухстепенные выборы народных судей делают довольно легким подкуп пятидесятников и выбор, при развитом у киргиз подкупе, во время волостных выборов, обыкновенно падает на кандидата, выставляемого более богатой стороной, которою при этом тратятся значительные суммы денег, но не безвозвратно, так как при удачном исходе выборов истра-

---

[26] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1100, л. 102.
[27] ЦГА УзССР, ф. 19, оп. I, д. 8663, лл. 262—263.
[28] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Полиция безопасности, стр 119.

ченные суммы будут возвращены с населения и притом в размерах, далеко превосходящих затрату [29].

Местная администрация не только послушно выполняла все предписания колониальных властей, но и подкармливала последних. Поэтому должности местной администрации занимали именно те лица, которые являлись наиболее выгодными колониальным властям. Представители местной администрации за свои услуги перед колониальными властями всячески поощрялись и награждались. В 1912 году только по Ферганской области, например, были награждены царскими орденами и медалями 113 представителей местного управления и богачи. В числе награжденных орденами были волостные управители Максумкул Курбанов (Авальская волость, Скобелевского уезда), Мулла Хакимбек, Мулла Рузибеков (Алтынкульская волость, Андижанского уезда), Дост Мухамед Мумин Исаев (Кипчакская волость, Кокандского уезда) и другие[30].

Разумеется, волостной управитель, подкармливавший представителей колониальной администрации взятками, обеспечивал себе путь к дальнейшему ограблению бедноты. Волостной управитель, по признанию К. Палена, «не чувствует себя связанным интересами населения. Приобретя власть благодаря крупным расходам на подкупы, он считает себя как бы беком русского правительства и на свое обогащение незаконными поборами смотрит как на дело естественное»[31].

Даже один из главных карателей восстания 1916 года в Закаспии, генерал Мадритов, не смог отрицать факты сращивания колониальных властей с богатыми представителями местного населения и недоверия народа к властям: «Я лично, главнейшими причинами мятежа считаю то обстоятельство, что представители наши здесь (в Закаспии.—*Х. Т.*) за девятнадцатилетнее пребывание в этих местах не сумели заслужить доверие и уважение населения.

---

[29] *В. Воронков.* По вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области, Верный, 1908, стр. 30.

[30] ЦГА УзССР, ф. 19, оп. I, д. 8432, лл. 58—65.

[31] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Сельское управление, стр. 1995.

Население видело, что все, кто сюда приходил, до сих пор не внесли ни капли пользы для населения. О себе же заботились усиленно, приобретая земли порядочными кусками (до 100 тысяч десятин), приближая к себе не лучших людей из туземцев, кои, пользуясь покровительством, притесняли и грабили народ, создавая по примеру своих принципалов и себе имущество, например: Баба Клыч, Шох Ташкули и др.»[32].

Таким образом вся политика царизма, русских помещиков и буржуазии по отношению к нерусским народам края заключалась в том, чтобы «убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результатом такой политики явились — неразвитость и политическая отсталость этих народов»[33]. Так оценивал X съезд РКП(б) дореволюционное положение народных масс Средней Азии и Казахстана.

Восстание 1916 года происходило в условиях обострения противоречий империализма и было порождено этими противоречиями, усилением социального и национального гнета, ухудшением положения трудящихся масс Средней Азии и Казахстана.

«В России, как известно,— писал В. И. Ленин,— слабее капиталистический, но зато сильнее военно-феодальный империализм...[34].

В наиболее грубой и варварской форме военно-феодальный империализм проявлялся также в национальной политике царизма. В. И. Ленин указывал, что даже во время мирного периода царская Россия побила рекорд в угнетении наций на базе империализма, гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического, чем где бы то ни было.

Более половины населения царской России составляли совершенно бесправные, угнетенные народы национальных окраин, которые царизмом именовались презрительной кличкой «инородцы».

---

[32] «Восстание 1916 года в Туркмении» (Документы и материалы), стр. 15.

[33] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, изд. 7, М., 1957, стр. 558—559.

[34] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 203, примечание.

«Возможность угнетать и грабить чужие народы,— писал В. И. Ленин,— укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев»[35].

Дореволюционный Казахстан и Туркестан, будучи колониями «чистейшего типа», являлись, так же как и другие национальные окраины, объектами безудержной эксплуатации и грабежа. Указывая на эти обстоятельства, Н. С. Хрущев в своем выступлении на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 23 сентября 1960 года говорил: «Царское правительство проводило на окраинах России по существу колониальную политику, которая мало чем отличалась от того, что и сейчас можно наблюдать в колониальных странах. Узбеков, казахов, таджиков и другие нерусские национальности пренебрежительно называли «инородцами». Их не считали за людей и нещадно эксплуатировали. Среди этих народов разжигались национальная рознь, ненависть и междоусобица, и царская империя держалась лишь на штыках и гнете[36].

Социальный и национальный гнет всей тяжестью обрушивался на плечи трудящихся масс города, кишлака и аула. Местные баи и феодалы в блоке с колонизаторскими элементами богатели, а жизнь городской, кишлачной и аульной бедноты становилась все более невыносимой.

Положение трудящихся масс города

Прежде чем показать положение промышленных рабочих края, приведем некоторые основные показатели об их численности и национальном составе. По достоверным, хотя не полным данным (без Закаспийской области, железных дорог и некоторых отраслей промышленности), приведенным в работе В. В. Заорской и К. А. Александера, на 1 января 1914 года общее число фабрично-заводских рабочих Туркестанского края составляло 20 925 человек, в том числе 15 052, или 71% из числа местных национальностей. Если проанализировать эти данные по

[35] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 278.

[36] *Н. С. Хрущев.* Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения! Госполитиздат, М., 1960, стр. 28.

областям и национальностям, то получим следующую картину.

Таблица 3

Количество промышленных предприятий, численность рабочих по Туркестанскому краю

(без Закаспийской области) на 1 января 1914 года[37]

Названия областей	Ферганская	Сыр-Дарьинская	Самаркандская	Семиреченская	Итого по четырем областям	
					абс.	в %
Число заводов	309	183	117	93	702	100
Число рабочих	12 482	3 618	2 814	2011	20 925	100
Из числа рабочих:						
русских	1 572	1286	596	1320	4 772	22,8
узбеков	8 897	1611	2128	66	12 702	60,7
киргизов и казахов	16	393	22	513	944	4,5
таджиков	991	151	—	—	1142	5,5
дунгане и таранчи	173	28	—	103	304	1,4
другие	833	149	68	9	1059	5,1

Итак, по данным В. В. Заорской и К. А. Александера общее число рабочих по четырем областям Туркестанского края составляло 20 925 человек, в том числе 15 052, или 72,1 % из числа местных национальностей. С учетом железнодорожников и рабочих Закаспийской области общее число рабочих в фабрично-заводской промышленности и на железных дорогах края составляло примерно 43 тыс. человек, в том числе 18 тыс. человек из местных национальностей[38]. В фабрично-заводской промышленности Казахстана насчитывалось 19,9 тыс. рабочих[39].

---

[37] Таблица составлена на основе данных В. В. Заорской и К. А. Александера — Промышленные заведения Туркестанского края, П.., 1915, стр. 39, 95, 132, 152 (табл. XVI) стр. 170 (табл. XVI).

[38] Данные о количестве промышленных рабочих обобщены на основе трудов: *В. В. Заорская* и *К. А. Александер*. Указ. работа, стр. 29, 46; „Статистический ежегодник" Туркестанской республики, т. II, ч. I; История Узбекской ССР, т. I, кн. вторая, стр. 237; История Туркменской ССР, т. I, стр. 171 и Статистический обзор Закаспийской области.

[39] „Казахская ССР за 20 лет", Статистический сборник, Казиздат, Алма-Ата, 1940, стр. 2.

Материалы подтверждают значительный удельный вес рабочих — казахов. Так, например, из 4915 рабочих горнорудных предприятий Акмолинского горного района казахов было 3459 и русских 1556 человек[40].

На горнорудных предприятиях и приисках Семипалатинской области в 1906 году работало 4457 рабочих, в большинстве казахи[41].

По данным В. В. Заорской и К. А. Александера на каждые две тысячи населения Туркестанского края приходилось не более семи рабочих[42]. В то время как число занятых рабочих на 10 000 жителей по центрально-промышленному району в период первой мировой войны составляло 480 человек, то по Акмолинской области оно не превышало 30 человек, Семипалатинской —20, Сырдарьинской —10, Семиреченской —5, Уральской —5 и Тургайской — 2 человека[43].

Многие промышленные предприятия, особенно хлопкоочистительные, маслобойные, шерстомойки, коконосушилки и другие являлись сезонными и работали только часть года, остальное время рабочие занимались другими промыслами. По этой причине многие фабрично-заводские рабочие, главным образом из числа местных национальностей, были связаны с сельским хозяйством.

В промышленные предприятия, на рудники и в шахты края все более проникал иностранный капитал, загребавший сверхприбыль за счет жестокой эксплуатации рабочих и расхищения природных ресурсов. Не случайно, что один из очевидцев писал: «...Иностранные капиталисты приходили в неистовый восторг от дешевизны киргизских рабочих рук[44]. В 1904 году алтайскими месторождениями цветных металлов владел австрийский капиталист, Карагандинские угольные копи, Успенский медный рудник

---

[40] *Е. Дильмухамедов.* Революционное движение горнорабочих Казахстана в начале XX в. (1900—1917), Казгосиздат, Алма-Ата, 1955, стр. 83—84.

[41] Обзор Семипалатинской области за 1906 год, Семипалатинск, 1907, стр. 43—49.

[42] *В. В. Заорская и К. А. Александер.* Указ. работа, стр. 29.

[43] «Динамика Российской и советской промышленности», т. I, ч. I, М.— Л., 1930, стр. 19—20.

[44] *Де Кателен.* Очерки исследования рудных владений, Киев, 1901, стр. 13—14. Цит. по кн. *Ш. Елеуова* «Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, Алма-Ата, 1961, стр. 64.

и Спасский медеплавильный завод перешли во владение французского капиталиста Карно. Американские капиталисты также усиленно начали проникать в Казахстан. Они являлись держателями акций «Спасского общества медных руд». Крупные американские капиталисты Морган и Гувер являлись участниками «Русско-Алтайской корпорации», учредившей в Казахстане два «дочерних» общества. Последние монополизировали эксплуатацию риддерских полиметаллических месторождений и Экибастузский угольный район[45].

Иностранные монополии, в частности немецкая компания бр. Нобель, владевшая несколькими нефтепромыслами — «Челекен» в Закаспии и «Чимион»— в Ферганской области, искусственно задерживали развитие производительных сил[46].

В 1912 году в крае, помимо отделения государственного банка, функционировали 47 отделений Русско-Азиатского, Московского учетного, Сибирско-торгового и других банков. В туркестанских отделениях банков было капиталов: французских — 70,3 млн. рублей, германских — 24 млн. рублей и английских — 11 млн. рублей[47].

Вкупе с российскими и западноевропейскими капиталистами эксплуатировала «своих» рабочих и зарождавшаяся национальная буржуазия. В связи с развитием промышленности и торговли в Средней Азии и Казахстане складывалась и национальная (узбекская, казахская и др.) буржуазия. Из крупных торговцев-ростовщиков вышли владельцы хлопкоочистительных, кожевенных, маслобойных и других заводов. По нашим подсчетам, из 220 хлопкоочистительных заводов Туркестанского края 117 принадлежали национальной буржуазии, в том числе в Ферганской области —94, Самаркандской —15 и Сырдарьинской — 8 заводов[48].

Владельцами 54 кожевенных заводов из общего числа 75 были местные промышленники. Из них — 31 в Сыр-

---

[45] История Казахской ССР, т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 484.

[46] *В. Н. Оглоблин.* Промышленность и торговля Туркестана, М., 1914.

[47] Туркестанский край. Адрес-справочник-календарь, торгово-промышленный раздел, стр. 1—2; *А. М. Курилов,* Очерки по возникновению и развитию хлопководства в Средней Азии (в кн. «Б-ка хлопкового дела», 1927, М., стр. 119—175).

[48] «Туркестанский край», адрес-справочник-календарь, торгово-промышленный раздел, стр. 13—15.

дарьинской области, 17 — в Семиреченской, 5— в Самаркандской и 1— в Ферганской областях. Из 34 мыловаренных заводов в Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областях 20 находились в руках местной буржуазии[49].

Владельцы предприятий, особенно хозяева хлопкоочистительных заводов, наряду с эксплуатацией наемного труда, выступали одновременно как торговцы-ростовщики по скупке и продаже хлопка и других сельскохозяйственных продуктов. Типичными представителями национальной буржуазии являлись, например, крупный андижанский богач, землевладелец Миркамил Мирмуминбаев, который имел 4 хлопкоочистительных завода; Рузы Ахун Назарбаев, владелец 4-х хлопкозаводов; Ахмад бек Ходжа Темирбеков, владевший пятью заводами и другие[50]. Они, будучи промышленниками, одновременно скупали у дехкан хлопок, а затем очищенное на своих заводах волокно продавали хлопковым фирмам.

Национальная буржуазия была подчинена русскому капиталу системой кредитов и торговли хлопком, зерном и продуктами животноводства. Экономическая зависимость национальной буржуазии порождала и ее политическое подчинение своим хозяевам — монополиям. Иначе и не могло быть. «В колониях своего капитала нет или почти нет,— писал В. И. Ленин,— добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может»[51]. Это ленинское положение дает ключ к пониманию характера национальной (узбекской, казахской и др.) буржуазии, которая не имела своих капиталов и, получая их через российские и иностранные банки, тем самым попадала в полную зависимость от монополий. Даже после того, как часть местных торговцев и промышленников накопила крупные капиталы, тем не менее, экономически и политически продолжали быть связанными с монополиями и русским царизмом.

Итак, трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана подвергались тройному жестокому гнету — российских

---

[49] «Туркестанский край», адрес-справочник-календарь, торгово-промышленный раздел, стр, 4, 8—10.

[50] «Кокандский биржевой комитет», 1913 г. Коканд. 1914, стр. 20—28.

[51] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 323.

помещиков и капиталистов вкупе с иностранными предпринимателями и местных, «своих» эксплуататорских классов.

Эксплуатация рабочих Туркестана и Казахстана была еще более тяжелой, чем в центре России. Продолжительность рабочего дня на промышленных предприятиях доходила до 12-18 часов при низкой заработной плате. По данным В. В. Заорской и К. А. Александера средний годовой заработок рабочего туркестанских фабрик и заводов составлял около 180 рублей[52], или менее 50 копеек в день. Средний дневной заработок квалифицированных рабочих в трудоемкой горной промышленности Казахстана составлял 1 рубль 40 копеек, а чернорабочих —50—60 копеек. Подростки (15—17 лет) получали 25 копеек в день, а мололетки (12—15 лет) —20 копеек[53].

По официальным данным размер месячной заработной платы рабочих, занятых на самых трудоемких работах на золотых приисках Семипалатинской области, при рабочем дне, доходившем до 12 часов, составлял от 4 рублей 70 копеек до 40 рублей 25 копеек[54], в то время как золотопромышленники накапливали себе огромные капиталы.

Положение рабочих было настолько тяжелым, что нередко это вынуждены были констатировать и официальные органы. Вот как писала газета «Туркестанский курьер» в декабре 1909 года: «Если вы вздумаете из любознательности поинтересоваться положением рабочих, то на всех заводах за малым лишь исключением вы встретите почти одно и то же: 1) под помещение для рабочих отведен на заводе один из амбаров; 2) освещение и отопление им не выдается; 3) работают везде по 12 часов в сутки; 4) в заводском здании, в джинном отделении, пылища всегда держится в воздухе невообразимая; 5) на все здание завода имеется 3—4 штуки висячих фонарей с огарками свечей, и это считается освещением, рабочие вслед-

---

[52] *В. В. Заорская и К. А. Александер.* Указ. работа, стр. 54.

[53] *И. Л. Фридман.* К вопросу о проникновении иностранного капитала в нефтяную промышленность Казахстана. Известия АН Каз.ССР, № 89, Серия экономическая, вып. 2, Алма-Ата, 1950, стр. 31.

[54] «Обзор Семипалатинской области за 1906 год», Семипалатинск, 1907, стр. 49.

ствие этого по всему заводу ходят почти ощупью впотьмах и с клочком ваты в зубах для фильтрации вдыхаемого пыльного воздуха; 6) при остановке завода те же рабочие — туземцы сбрасывают, а при пускании в ход натягивают двигатели и несут по очереди обязанности масленщика, так как специальных служащих для этого не имеется. Результат такого положения рабочих налицо: еженедельно почти на каком-нибудь из заводов бывает несчастный случай с рабочими, кончающийся тяжелыми поражениями, а иногда и смертью»[55].

Особенно жестокой эксплуатации подвергались рабочие из числа местных национальностей. Их труд преимущественно использовался на неквалифицированных, черновых работах и оплачивался еще более низко. В хрониках, опубликованных в 1907 году в газете «Трудовая жизнь», так описывалось тяжелое положение рабочих-казахов на кожевенном заводе в Семипалатинске: «Трудно определить,— писала газета,— до чего может довести людей бедность, необеспеченность куском хлеба. Рабочие под действием голода поедают все, что только попадается под руки и что содержит в себе сколько-нибудь питательности. Чтобы убедиться в этом, достаточно пойти за город, где помещаются кожевенные склады Мусина, Муртазина, Мирсалимова и др., и хорошенько понаблюдать за жизнью рабочих — киргиз, которые сушат там кожи. Эти рабочие получают за свою работу по 30—40 коп. в день. Конечно, нечего и говорить, что этих денег недостаточно для обеспечения целой семьи. И вот, чтобы сохранить хоть сколько-нибудь денег для семьи, рабочие начинают экономить на своем содержании. Они срезают жир с просушиваемых ими вонючих кож, не разбирая, конечно с какого они скота, колотого или дохлого, и в этом жиру варят себе бауыр-саки (куски кислого или пресного теста, жаренные в сале, масле.— *Ред.*). Это отвратительное кушанье составляет пищу людей, тех самых людей, которые создают богатства сильных мира сего, трудом которых жиреют бездельники[56].

Тяжело было и остальной части городской бедноты. Значительную часть ее составляли рабочие, занятые на

---

[55] *А. В. Пясковский.* Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, АН СССР, М., 1958, стр. 27—28.

[56] «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах». Указ. сб. документов и материалов, стр. 275, 276.

отхожих промыслах. Число таких рабочих только в Сырдарьинской области в 1910 году достигало 39 000, а в 1911 году—41 653, из которых 18 646 человек поставлял Ташкент. Они были заняты главным образом в сельском хозяйстве в качестве батраков, а также выполняли другие виды черной работы. Среднегодовой заработок рабочего, занимавшегося отхожим промыслом, составлял всего лишь 173 рубля в год[57], или около 40 копеек в день.

Тяжелым было положение и основной массы ремесленников и работающих в кустарных промыслах. Приток готовых промышленных товаров из России и развитие промышленности в крае привело к вытеснению кустарных промыслов, при этом особенно сильно разорялись мелкие, маломощные кустари-ремесленники. В поисках куска хлеба они шли на работу в промышленность, в богатые кустарные промыслы, либо занимались другими отхожими промыслами, нанимаясь в городе и кишлаке.

По неполным данным число лиц, занимавшихся кустарным промыслом в городах Туркестана, доходило до 28 445 человек. Всего кустарные промыслы города и села, в которых работали 108 324 человека, производили продукции на 62 791, 1 тыс. рублей, или 22,3% по отношению ко всей продукции фабрично-заводской промышленности края[58]. Особенно много было кустарных промыслов в Ферганской области, где насчитывалось 17 835 крупных заведений (27 720 человек рабочих)[59] и Сырдарьинской области — 11 544 кустарных заведения (43 049 человек рабочих)[60].

Главными отраслями кустарно-ремесленных промыслов являлись производство пищевых продуктов, обработка дерева, одежда, предметы туалета, затем металлообрабатывающая, хлопкоперерабатывающая, шелкомотальная, шелкоткацкая промышленность, ковроделие и др.

В степных скотоводческих районах было особенно распространено производство изделий из шерсти — кошм,

[57] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1910 г., Ташкент, 1912, то же за 1911 г., Ташкент, 1913, стр. 133.

[58] «Статистический ежегодник», 1917—1923 (ЦСУ Туркреспублики), т. II, ч. I, стр. 45 и 47.

[59] «Обзор Ферганской области за 1913 г.». Скобелев, 1916, приложение 11.

[60] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1910 г. Ташкент, 1912, стр. 121.

войлоков, шитье одежды, поделка деревянных остовов кибиток и другие. У туркмен развито было ковроделие.

Среди кустарей, наряду с богатыми хозяевами, использовавшими халфу (учеников) и наемных рабочих, наиболее многочисленными были бедняки. По подсчетам М. Вахабова, приведенным в его книге «Узбекская социалистическая нация», в кустарных промыслах Туркестана в 1908—1909 годах было 7501 богатых хозяев, 23 849 кустарей со средним достатком и 37 385 кустарей-бедняков, из которых примерно 22 503 человека являлись наемными халфами[61].

Насколько мизерным был заработок нанятых в кустарных промыслах работников можно судить по следующим официальным статистическим данным за 1910 год по Сырдарьинской области[62].

Наименование местностей	Число		Годовой заработок рабочих (в тыс. руб)
	кустарные заведения	рабочих кустарей	
г. Ташкент	3671	8096	2185,7
Ташкентский уезд	1913	7012	1385,6
Чимкентский	3065	18 703	2322,9
Аулиеатинский	2020	9526	1429,2
Перовский	377	2167	331,9
Казалинский	286	1424	274,1
Амударьинский отдел . . .	202	1116	138,8
Итого по области	11 544	43 049	8168,2

Итак, средний по области годовой заработок одного работника равнялся 190 рублям в год, или всего 52 копейки в день! Таким образом их положение было таким же тяжелым, как и чернорабочих.

Средние и бедные кустари, не выдерживая конкуренции на рынке, разоряемые огромными налогами, вытеснялись, создавая армию резервной рабочей силы. Однако они, не имея возможности устроиться в фабрично-заводскую промышленность из-за слабого ее развития, вынуждены были на самых тяжелых кабальных усло-

[61] *М. Вахабов*, Узбек. социалистик миллати, Тошкент, 1960, стр. 177.

[62] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1910 г., Ташкент, 1912, стр. 121.

виях работать у богатых хозяев. Жизнь кустарей регламентировалась средневековыми религиозными наставлениями — рисоля. На основе положений «рисоли» бедные и наемные кустари должны были беспрекословно подчиняться хозяевам, а малейшее отступление от воли последнего считалось божьим грехом. Таким образом в кустарных промыслах продолжала существовать средневековая форма гнета, еще более ухудшая положение кустарей — ремесленников.

Положение трудящихся масс кишлака и аула

В тяжелом положении находились дехкане и скотоводы, составляющие почти 90 процентов, то есть подавляющее большинство основной массы населения края. Средняя Азия и Казахстан являлись аграрными краями с разнообразными отраслями сельского хозяйства. В оседлых районах Туркестана издавна было распространено орошаемое и богарное земледелие. В степных кочевых и полукочевых районах преимущественно было развито скотоводство и частично земледелие.

В официальных документах колониальных властей к кочевым районам отнесены весь Степной край и Семиреченская область Туркестанского края. Ферганская, Самаркандская, Сырдарьинская и Закаспийская области Туркестана, за исключением некоторых кочевых районов, признавались оседлыми. Эта классификация в основном соответствует действительности. По данным всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года[63] общая

---

[63] Впервые всеобщая сельскохозяйственная перепись была произведена на территории Туркестана летом 1917 года. Данные переписи по существу отражают положение в сельском хозяйстве Туркестана по итогам 1916 г. К тому же при проведении упомянутой переписи комиссией были использованы старые списки домохозяев и налогоплательщиков, составляемые раз в несколько лет; при составлении данных о распределении земель по категориям, в некоторых областях были использованы материалы ревизии Палена (1910). (См. «Материалы Всероссийск. сельскохозяйственной переписи 1917 и 1920 гг.», вып. I, Ташкент, 1924, Предисловие, стр. III, 7 и 18). Установив путем сверки почти полное совпадение сведений 1916 года с данными сельскохозяйственной переписи лета 1917 г., мы в ряде случаев использовали материалы указанной переписи как наиболее полные и достоверные.

численность сельского населения Туркестана достигала 5 375 538 человек, из них оседлыми считались 3 581 873 человека, или 66,47 процента (в том числе оседлые из коренных национальностей 3 233 226 человек и русских — 348 649 человек).

Следующие данные показывают категории оседлых и кочевых хозяйств сельского населения края по областям (см. Таблицу 4).

Таким образом Самаркандская и Ферганская области почти целиком являлись оседлыми земледельческими районами. Далее следовала Закаспийская область, оседлые хозяйства которой имелись в основном в Мервском, Тедженском и отчасти в Асхабадском уездах. Кочевые туркменские племена были размещены главным образом в Красноводском, Мангышлакском и частично в Асхабадском уездах.

Среди хозяйств Сырдарьинской области более половины являлись кочевыми. При этом почти полностью оседлыми были Ташкентский уезд (98,93 процента оседлости) и Амударьинский отдел (92,9 процента). Смешанными уездами Сырдарьинской области были Чимкентский (20, 85 процента оседлых) и частью Аулиеатинский и Мирзачульский, сплошь кочевыми — Казалинский и Перовский уезды.

Семиреченская область являлась в основе своей кочевой — скотоводческой[65], но и там шел процесс образования полуоседлых и оседлых хозяйств и целых районов.

В степном крае в основном преобладали кочевые и полукочевые скотоводческие хозяйства[66].

Если в кочевых районах основным фактором, определявшим материальное положение местного сельского населения, являлась степень обеспеченности их скотом и необходимыми земельными угодиями для содержания скота — пастбищами, зимовками и т. п., то в оседлых

---

[65] По данным В. А. Васильева, приведенным в его книге «Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины», II., 1915, стр. 19, более 92 процента местного сельского населения области являлось кочевым, а по материалам Всероссийской переписи — 67 процентов. Последние данные, на наш взгляд, являются более полными и достоверными.

[66] Подробно в разделе о положении населения в кочевых и полукочевых скотоводческих районах.

Таблица 4

Оседлое и кочевое сельское население Туркестанского края[64]

Области	Всего сельского населения	Оседлое коренное население		Оседлое русское население		Кочевое коренное население		Неизвестные	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс	%
Закаспийская . .	323 787	297 959	92,0	6 891	2,12	18 937	5,85	—	—
Самаркандская . .	707 915	682 113	95,5	806	0,11	24 996	3,53	—	—
Семиреченская . .	1 046 479	107 909	10,2	239 124	22,8	699 446	67,0	—	—
Сырдарьинская . .	1 588 014	605 177	38,0	89 233	5,6	894 054	56,3	550	0,03
Ферганская . . .	1 708 593	1 540 068	90,5	12 845	0,75	155 680	9,13	—	—
Итого	5 375 788	3 233 225	60,0	348 899	6,47	1 793 113	33,3	550	0,01

[64] Таблица составлена на основе данных, указанных в „Статистическом ежегоднике" 1917—1923 (ЦСУ Туркреспублики), т. II, ч. 3, стр. 2, 5, 8, 14, 17, 23.

районах главным являлось земледелие и количество получаемой земледельческой продукции. Детальный анализ экономики сельского хозяйства в оседлых и кочевых скотоводческих районах показывает, что и внутри этих подразделений имелись свои особенности и отличительные черты в социальной структуре и степени классовой дифференциации. Поэтому возникает необходимость проанализировать состояние сельского хозяйства и положение населения в оседлых и кочевых районах каждого в отдельности.

А. ПОЛОЖЕНИЕ В ОСЕДЛЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАЙОНАХ

В результате аграрных мероприятий царизма в оседлых районах было узаконено и закреплено фактически существовавшее ранее частное земледелие, размеры которого еще больше увеличились к началу XX века. К 1913 году к частным земельным владениям уже относилось около 90 процентов орошенных земель Туркестанского края[67].

Сельское хозяйство в оседлых районах Туркестанского края базировалось на мелком землевладении. Размеры дехканских хозяйств были крайне невелики. На одно сеющее дехканское хозяйство приходилось в Ферганской области 2 десятины, в Закаспийской области — 2,4 десятины, в Семиреченской —4,0 десятины, Сырдарьинской —4,1 и в Самаркандской области —6,3 десятины земли[68]. Следующие обобщенные данные всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года дают наиболее полную картину мелкого землевладения дореволюционного Туркестана.

Таким образом до 38,4% из всех хозяйств поливно-богарных земельных фондов края и 43,9% поливных земель имели всего лишь до 1 десятины земли; 28,8 хозяйств богарно-поливных и 20,6% поливных земель имели в среднем от 1 до 2 десятин земли. Соответственно 22,6 и 26,9 хозяйств владели в среднем от 2 до 5 десятин земли. В целом 73,8% хозяйств на богарно-поливных землях и 84,9— на поливных являлись мелкими землевладениями.

---

[67] *В. И. Масальский.* Туркестанский край..., стр. 418.
[68] Указ. «Статистический ежегодник», т. II, ч. I, стр. 30.

Категория	% хозяйств				
	до 0,6 дес.	от 6 до 1 дес.	от 1 до 1,5 дес.	от 1,5 до 2 дес.	от 2 до 3 дес.
Поливно-богарные	9,7	28,7	10,7	8,1	10,7
Поливные	11,3	32,6	11,9	8,7	11,2

Разумеется, в районах орошаемых земель, где преимущественно возделывались технические и бахчевые культуры, размеры землевладений отличались от богарных, зерновых районов. Так, богарные землевладения в двух типичных зерновых районах — в Джизакском уезде Самаркандской области и Чимкентском уезде Сырдарьинской области — дают следующую картину[69].

Размеры землевладений	Джизакский уезд (в процентах)	Чимкентский уезд
Хозяйства, имеющие:		
до 3-х десятин	51,0	43,3
от 3-х до 5	20,7	20,8
от 5-ти до 10	24,0	27,9
от 10-ти до 15	9,3	7,8
от 15-ти до 20	3,3	4,6
свыше 20	2,7	4,0

Таким образом в богарных районах мелкие землевладельцы, имевшие до 5 десятин земли, составляли по Джизакскому уезду 79,8, Чимкентскому — 64,1%. При таком малоземелии даже при получении дополнительных доходов от скотоводства и прочих промыслов, дехканин едва мог существовать.

Еще больше малоземельных было в орошаемых районах. По Туркестану имелось всего 2 853 тыс. десятин орошаемых земель. Из них 994 тыс. десятин в Ферганской области, 642 тыс.— в Сырдарьинской, 573 тыс.— в Самаркандской, 508 тыс.— в Семиреченской и 172 тыс. в Закаспийской областях[70].

Удельный вес мелких хозяйств был особенно высок в орошаемых хлопководческих районах. Например, в Ферганской области хозяйства, имевшие наделы земли до 0,6 десятины, составляли 15,3%; от 0,6 до 1 десятины—

[69] Там же, ч. 3, стр. 64—65.
[70] Указ «Статистический ежегодник», т. II, ч. 1, стр. 6—7.

Таблица 5

Туркестана по землевладению[71]

имеющих земли							
от 3,01 до 4 дес.	от 4,01 до 5 дес.	от 5,01 до 10 дес.	от 10,01 до 15 дес.	от 15,01 до 20 дес.	от 20,01 до 25 дес.	свыше 25 дес.	итого в %
6,9	5,0	11,7	4,1	1,9	0,9	1,6	100
6,7	4,5	8,9	2,3	0,8	0,4	0,7	100

39,2%; от 1,01 до 3 десятин — 29,9% от 3,01 до 5 десятин — 8,1%, от 5,01 до 10 десятин — 5,1%; от 10,01 до 15 десятин — 1,2% и свыше 15 десятин — 1,2%[72].

Таким образом, 81,1% дехканских хозяйств (сюда включаются группы, имевшие до 1 десятины и от 1 до 3 десятин) владели только 33,2% земли. Характерно, что 4 568 наиболее крупных хозяйств, владевших в целом 158 589 десятинами земли, то есть 16% земельных угодий, составляли всего лишь 1% всех хозяйств Ферганской области. В среднем на каждое такое хозяйство приходилось около 36 десятин[73], то есть в десятки раз больше, чем на типичное дехканское хозяйство.

Аналогичное положение было и в других районах края. К 1914 году по Закаспийской области, например, 60,8% дехканских хозяйств с посевом до двух десятин владели 21% посевов, а 11,3% байских хозяйств с посевами от 5 десятин и выше сосредоточили в своих руках 41,2% посевов[74].

Итак, во всех районах края было наличие огромной массы малоземельных дехканских хозяйств. Обычно в хлопководческих районах дехкан, владевших наделом до 3 десятин, считают бедняками, владевших землей от 3 до 5 десятин — середняками и свыше 5 десятин — крупными, богатыми хозяйствами. Если придерживаться данной классификации, то по Туркестанскому краю к

---

[71] «Статистический ежегодник», т. II, ч. I, стр. 30.

[72] Там же, стр. 31.

[73] *З. Кастельская.* Восстание 1916 года в Узбекистане, Госиздат УзССР, Ташкент, 1937, стр. 36.

[74] 15 лет Туркменской ССР. Статистический сборник, Ашхабад, 1939, стр. 26.

категории бедняцких малоземельных следует отнести более 75% хозяйств.

По Фергане—7,5%, в целом по Туркестанскому краю—14,1% хозяйств (в районах поливных земель) имели крупные земельные владения в размере от 5 до 25 и выше десятин. В указанные группы входили кулацкие и помещичьи хозяйства. (По неполным данным периода земельно-водной реформы 1926-1927 годов на территории Ферганской, Самаркандской и Ташкентской (часть бывшей Сырдарьинской области), областям имелось 1695 помещичьих хозяйств. Но и такие хозяйства не стремились вести крупное плантационное хозяйство, требующее больших затрат труда, средств и применения машин. Крупные хозяйства предпочитали раздробление своих земельных владений на мелкие участки, с последующей сдачей их на издольных началах безземельным и малоземельным дехканам, пользуясь их дешевым трудом, что давало возможность получать огромную земельную ренту.

К 1915 году из всей посевной площади сельскохозяйственных культур Туркестанского края 2 712 256 (без овоще-бахчевых) десятин, посевы зерновых составляли 2 113 575 десятин (из них 1 404 788 пшеницы), посевы хлопка 523 614 десятин и люцерны 176 876 десятин[75]. Пшеница засевалась больше всего в Сырдарьинской, Самаркандской и затем Ферганской областях. Хлопок же, несмотря на интенсивный его посев, занимал значительно меньшую площадь, чем зерновые. Объяснялось это тем, что хлопководство требовало развитого орошения.

Хлопковые посевы достигли кульминационного развития к 1916 году, составив 533,7 тыс. десятин, охватив в основном все пригодные для хлопководства районы со старыми оросительными системами. Дальнейший же рост хлопковых площадей и всего поливного земледелия в крае требовал, в частности, всемерного развития ирригационнного строительства, улучшения и усовершенствования старых оросительных сооружений и каналов. Между тем, ни хлопковые фирмы, ни власти не затра-

---

[75] *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1922, стр. 14. Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г. См. Приложения, стр. 2—7.

чивали сколько-нибудь значительных средств для крупных ирригационных работ. Даже старые оросительные системы капитально не восстанавливались. Содержание и ремонт их, как одна из тяжелых повинностей, ложились на плечи самих дехкан.

В. И. Масальский признавал, что несмотря на совершенно исключительное значение орошения в Средней Азии, «если не считать оросительных работ в Мургабском государевом имении и орошения великим князем Николаем Константиновичем нескольких тысяч десятин в Голодной степи, почти ничего не оросили в Туркестане, и до сих пор огромные реки текут среди бесплодных и сыпучих песков[76].

При колониальном господстве в крае не было вообще какой-либо перспективы коренного улучшения ирригации. Это нашло свое, по существу официальное, признание, в частности, во «Всеподданейшем отчете начальника Закаспийской области за 1912 год», где было буквально сказано следующее: «Как нельзя больше подходит к Закаспийской области арабская пословица: «От воды живет все», между тем местное управление при скудных наличных ирригационных средствах не в состоянии дать населению ни одной лишней капли воды, так как все существенные, могущие быть предпринятыми в этом направлении, меры потребовали бы крупных затрат, на которые область средств не имеет»[77].

Но не только область, а и Туркестанское генерал-губернаторство этих средств не имело, ибо царское правительство не пожелало отпустить деньги для орошения земель колонии. При существовавшем тогда режиме не было никаких надежд на изменение положения и в будущем. Нуждаясь все больше и больше в «отечественном» хлопке, царское правительство стремилось переложить все тяготы на плечи народа и ориентировало колониальную администрацию в крае на дальнейшее расширение посевов хлопка за счет вытеснения других культур, не считаясь при этом с ухудшением положения мелких производителей. В этой связи являются весьма характерными высказывания главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина. В своей

[76] *В. И. Масальский.* Туркестанский край.., стр. VII.
[77] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, д. 43, л. 11.

записке о поездке в Туркестанский край он недвусмысленно писал следующее:

«Каждый лишний пуд туркестанской пшеницы — конкуренция русской и сибирской пшенице каждый лишний пуд туркестанского хлопка — конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошенные земли для хлопка»[78].

Речь шла, таким образом, опять-таки об использовании под хлопок готовых «туземных» орошенных земель, до последней крайности вытесняя другие сельскохозяйственные культуры. Здесь налицо попытка дважды ограбить трудящееся дехканство: заставить покупать помещичьий хлеб по дорогим ценам и увеличить посевы хлопка, что должно было привести к снижению цен на хлопок. И то и другое обогащало российских помещиков и капиталистов за счет дальнейшего обнищания народных масс.

Действительность показала, что одна из узловых и сложных проблем сельского хозяйства в Туркестане, какой являлось орошение, не могла быть решена при колониальном господстве. Вместе с тем сохранение существовавших примитивных оросительных систем создавало невероятные трудности для дехкан. Население несло натуральную и денежную повинность по содержанию в исправности сооружений искусственного орошения. Повинности эти были весьма тяжелыми для населения. «Тяжесть натуральной ирригационной повинности,— вынужден был писать сенатор К. Пален,— должна быть признана весьма значительной»[79]. «Только в одном Ташкентском уезде ежегодно назначалось около 200 нарядов на поставку рабочих, причем каждый наряд требовал выставления в среднем 100—200 рабочих, а иногда и целой тысячи. Столь огромные размеры натуральной повинности по оросительным работам вызывали бесконечные споры и жалобы со стороны населения[80].

---

[78] *А. В. Кривошеин.* Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 году, Ташкент, стр. 7.

[79] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Орошение в Туркестане, СПб., 1910, стр 135.

[80] Там же, стр. 135—136.

Стоимость содержания оросительных каналов и рек была огромной. Построенные из камыша, хвороста и гальки ирригационные сооружения ежегодно разрушались и требовали постоянного ремонта или полного восстановления. Между тем все возрастающая натуральная и денежная повинность по ремонту и восстановлению ирригационных сооружений вызывала озлобление дехканских масс. «Между чинами ирригации,— признавал Пален,— с одной стороны, и населением, с другой, идет борьба; население старается как-нибудь облегчить себе тяготу повинностей и нарушает распоряжение о поставке материалов». И далее: «Население не доставляет всех материалов, оказывая пассивное сопротивление»[81].

Главная масса ирригационных работ, заключающаяся в очистке арыков, ремонте и устройстве головных сооружений, временных регулировочных работах, борьбе с паводками,— исполнялись в виде натуральной повинности. Кроме того, было немало и денежных повинностей. Общая стоимость натурально-денежной повинности дехкан, по самым скромным подсчетам, выражалась примерно в сумме 6 млн. рублей. Однако сюда не входило выставление рабочих, поставка простейших строительных материалов, которые не учитывались вовсе[82].

Руководили оросительными работами и распределяли воду мирабы (старосты по водным делам определенного участка) и мираб-баши или арык-аксакалы (старшие мирабы), которые выдвигались байскими группами и служили интересам последних.

Беднота страдала от беззакония и произвола, имевших место в водопользовании. Согласно «Туркестанскому положению», в районах, занятых оседлым населением, был сохранен прежний порядок пользования водой по обычаю — адату[83]. Но обычное право на воду толковалось имущими группами по своему усмотрению.

---

[81] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края., Орошение в Туркестане, СПб., 1910 стр. 155.

[82] Указ. «Статистический ежегодник», т. II, ч. I, стр. 16.

[83] По обычаю формально вода не могла быть частной собственностью. Для управления водой сельской оросительной системы избирался мираб, над общей (целой) ирригационной системой стоял арык-аксакал (староста арыка, то есть данной водной системы).

Хотя продажа воды отдельно от земли обычаем не разрешалась, но это общее правило давало много исключений. Были целые районы (например, в Ходжентском уезде Самаркандской области, Шахимарданской оросительной системе Ферганской области), где торговля водой отдельно от земли была широко распространена[84]. Таким образом нередко вода переходила в частную собственность и этим пользовались крупные землевладельцы.

По издавна существовавшему в Закаспии (у туркмен) обычаю правило «бир одам — бир сув»— один человек — одна вода, имело силу общего закона. Каждый женатый имел право на одну «су» («су»— вода, но по смыслу — это доля воды и земли на одного женатого). Холостой был лишен этого права. Однако байские хозяйства часто извращали это правило старой сельской общины. Они, желая получить для себя лишнее «су»— воду и землю, «женили» своих сыновей почти тотчас же после их рождения[85].

Можно привести немало примеров, когда богатые хозяева, ловко используя «обычное право», забирали в свои руки землю и воду, а беднота задыхалась без воды. Этому процессу способствовало и то обстоятельство, что в крае по существу не было закона, регулирующего водопользование. А. И. Шахназаров, исследовавший состояние водного права, указывал на имевший тогда место хаос в системе водного управления. Он писал, что арык-аксакалы, назначаемые уездным начальником, чувствовали себя в вопросах распределения воды полными хозяевами, зависимыми непосредственно от уездного начальника, а для него важны были прежде всего его личные интересы[86].

Арык-аксакалы и мирабы допускали полный произвол. Они по своему усмотрению и в зависимости от размеров получаемых подачек от богачей распределяли воду в ущерб большинству дехкан. Обездоленный дехканин не мог жаловаться на арык-аксакала, имевшего

---

[84] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Орошение в Туркестане, СПб., 1910, стр. 54.

[85] «Материалы о землеводном пользовании в Закаспийской области», Асхабад, 1903, стр. 34—35.

[86] *А. И. Шахназаров.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 98.

поддержку у колониальной администрации. Шли бесконечные споры из-за воды. «Очевидно,— признавал А. И. Шахназаров,— все эти споры кончаются ничем, и бедняк всегда будет обделен в пользу богатого»[87].

Держа бразды водного правления в своих руках, сами арык-аксакалы, мирабы, а с их помощью и волостные правители и старшины засевали большие земельные площади и свободно пользовались водой в нужном им количестве, в то время как многие малоземельные дехкане оставались без воды. С другой стороны, крупные землевладельцы, вдоволь пользовавшиеся водой, допускали затопление и заболачивание излишней водой посевов дехкан.

Причину произвола со стороны крупных землевладельцев и местной водной администрации А. Шахназаров и К. Пален, а также другие авторы объясняли лишь отсутствием соответствующего водного закона и государственного надзора над водопользованием. Между тем, главной причиной всего беззакония и произвола в водных отношениях является общественный и государственный строй, основанный на эксплуатации кучкой имущих классов огромной массы эксплуатируемых.

Тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся масс налоги и повинности. Основными видами налогов в сельских местностях оседлых районов являлись государственный поземельный налог и земские сборы[88]. Помимо этого имелся налог с хлопка[89], промысловый налог и другие. Удельный вес поземельного налога, как и других видов налогов в Туркестане, намного превышал налоги центральных районов России. Налоги из года в год увеличивались, ухудшая и без того трудное положение подавляющего большинства населения края. По данным К. Палена общий размер налогов оседлого населения Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской

---

[87] *А. И. Шахназаров.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 94.

[88] Согласно ст. 287 «Приложения об управлении Туркестанским краем», государственный поземельный налог с орошаемых земель устанавливался в размере 10% со средней доходности; по ст. 288 того же «Положения» аналогичный налог с богарных и необрабатываемых земель определялся в размере подесятинных окладов.

[89] В 1912 г. был установлен т. н. особый сбор с хлопка, поступающего на рынки европейской России из Средней Азии и Закавказья.

областей за один год (с 1908 по 1909) увеличился на 425 тыс. рублей[90].

В Ташкентском уезде налог в течение 1905—1907 годов был увеличен почти в два раза, в Кокандском в 2,5 раза, Джизакском — в 3 раза, в Ходжентском — в 4 раза. В отдельных волостях Самаркандской области налог был увеличен в 8—10 раз[91]. Указывая на это явление, К. Пален не мог не признать, что «уже самый факт столь значительного увеличения платежей должен был нарушить годами сложившийся бюджет плательщиков, неизбежно ставя их, по крайней мере на первых порах, в известное замешательство»[92]. Естественно, что сразу же с объявления податных расчетов участились жалобы населения, которое настойчиво просило об уменьшении налогов.

Тем не менее налоги продолжали увеличиваться. В целом государственные доходы в Туркестане с 1 884 193 рублей в 1869 году в 1914 году достигли 23 704 087 рублей[93]. Такое большое увеличение казенных доходов объяснялось, в частности, резким ростом налоговых обложений с населения. Только поземельный налог поднялся с 657 309 тыс. рублей в 1869 году до 4 677 004 рублей в 1905 году и 6 659 021 рублей к 1914 году[94]. Иначе говоря, с 1869 по 1914 год только прямые налоги увеличились более чем в 10 раз.

При раскладке и взимании налогов местной администрацией допускалась масса злоупотреблений в отношении и без того обремененного трудового люда. Сельские старшины и волостные сами по своему усмотрению производили раскладку общей суммы налогов в пользу богатых и в прямой ущерб бедноте.

По существу сбор налогов отдавался на откуп «туземной» администрации. Последняя взимала с населения вдвое и втрое больше установленной нормы (о чем начальство, конечно, знало). Массовым явлением было взыскание с населения одного и того же налога по

---

[90] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края... Налоги и пошлины Туркестанского края, орган финансового управления, СПб., 1910, стр. 98.

[91] Там же.

[92] Там же, Поземельно-податное дело, СПб., 1910, стр. 186.

[93] Указ. «Статистический ежегодник», т. II, ч. 2, стр. 143.

[94] Там же, ч. 3, стр. 381.

нескольку раз. Сбор податей производился сплошь и рядом без выдачи квитанций или путем выдачи подложной расписки, чего не мог обнаружить безграмотный дехканин.

Кроме официальных государственных налогов и сборов, существовали различные денежные повинности. Помимо описанных нами в предыдущем разделе повинностей по орошению, с населения взимались, например, так называемые «общественные» повинности. К ним относились: содержание за счет трудового населения волостных управителей, писарей, старшин, арык-аксакалов и прочих должностных лиц местной администрации.

Всякая жалоба на возмутительное поведение «туземной» администрации прикрывалась колониальной властью, при этом страдали подавшие жалобу бедняки. Так, когда киргизское население четырех аулов Сырдарьинской волости Черняевского уезда области жаловалось на волостного и старшину, которые взыскивали подати «в излишнем количестве, обращая излишки в свою пользу», то за жалобу пристав арестовал дехкан»[95].

Из года в год росли недоимки с населения. Так недоимочная задолженность оседлого сельского населения по Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областям увеличилась с 254 976 рублей в 1905 до 1 404 568 рублей в 1909 году[96].

Аналогичное положение наблюдалось и в Закаспийской области. В отчете начальника Красноводского уезда за 1914 год, например, отмечалось крайне бедственное состояние населения уезда. После значительного уменьшения скота из-за огромного падежа «благосостояние преобладающего в уезде кочевого населения сильно подорвалось, задолженность увеличилась и платежеспособность уменьшилась»[97].

Таким образом налоговый гнет резко ухудшил и без того тяжелое положение народных масс края. Ненасытная царская казна все более и более увеличивала налоги, умножая свои доходы.

---

[95] Партархив Института истории Компартии при ЦК Компартии Узбекистана — филиал ИМЛ, документные материалы (в дальнейшем Д/Н) инв. № 80, лл. 57—62.

[96] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Налоги и пошлины..., стр. 89 и 96—97.

[97] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7835, лл. 74 и 77.

Так обстояло дело в годы, предшествовавшие первой мировой войне. В связи же с началом войны налоговый гнет на народные массы края еще более усилился, о чем будет идти речь ниже.

Одной из тяжелейших форм гнета дехкан являлась ростовщическая кабала. Ведение хлопкового хозяйства и других трудоемких культур требовало вложения значительных денежных средств. Между тем денег у мелкого производителя не было. Поэтому он вынужден был прибегать к займам у ростовщиков, условия получения и возвращения которых были чрезвычайно запутанными и тяжелыми.

Хлопок — высоко товарная продукция. Он почти целиком продавался. При этом дехканин вынужден был продавать свой хлопок фирмам через посредников-скупщиков. Вспашка, посев и обработка хлопчатника, пропитание семьи заставляли дехканина прибегать к мелкому кредиту. Это использовали в своих интересах банки, хлопковые фирмы и всевозможные типы ростовщиков.

Общее финансирование хлопковых фирм осуществлялось через отделения государственных и частных банков. Все хлопководство в крае было подчинено интересам империалистических монополий и банков, которые ни перед чем не останавливались, чтобы добиться сверхприбылей путем беспощадной эксплуатации мелких производителей хлопка. Банки, связанные с иностранным капиталом, с 1900 года начали организовывать свои филиалы в Туркестане (Государственный банк не мог обеспечить полностью потребностей края). Главную роль играл русско-азиатский банк, зависимый от французского капитала. Он являлся пионером авансовой системы скупки хлопчатника и широкого завоза российского хлеба[98]. Русско-азиатский банк, в конце концов прибрал к своим рукам и самую торговлю путем подчинения своему контролю хлопкоторгующих фирм.

По подсчетам В. И. Юферева дехкане-хлопкоробы Туркестанского края ежегодно кредитовались на сумму

---

[98] *А. М. Курилов.* Очерки по возникновению и развитию хлопководства в Средней Азии. М., 1927; «Туркестанский край»— указ. адрес-календарь и справочник, 1912 г., Торгово-промышленный отдел, стр. 1—2.

не менее 35—40 млн. рублей[99]. Эти средства представлялись банками. Банки и хлопковые фирмы организовывали кредитование дехкан через целые группы посредников в лице владельцев и доверенных хлопкоочистительных заводов, последние в свою очередь через чистачей[100] и других скупщиков-комиссионеров (ростовщиков). Посредники фирм осенью разъезжали по базарам и кишлакам и скупали не только наличный хлопок, но и будущий урожай, путем раздачи дехканам ссуды-задатка (или бунаук) под большие проценты. Розданные перекупщиками ссуды должны были быть с причитающимися высокими процентами возвращены будущей осенью натурой — хлопком, цену на который устанавливали нередко те же перекупщики[101].

По данным А. И. Шахназарова произвольные закупочные цены, устанавливаемые скупщиками, выгодные для них самих, в большинстве случаев оказывались на 20—30 процентов ниже нормальных рыночных цен. Если иметь в виду, что не менее 75 процентов дехкан не могли обойтись без ссуды скупщика в виде задатка[102], с обязательством возвратить ссуду не деньгами, а хлопком, то легко себе представить в каком тяжелом положении оказывались основные массы хлопководов. Между тем банки, фирмы и комиссионеры-ростовщики за счет дехкан получали поистине баснословные прибыли.

По свидетельству самих представителей хлопковых фирм последним удавалось наживать не столько от перепродажи хлопка текстильным фабрикам, сколько от выдачи ссуд дехканам, взиманием с них более 15—20 процентов, то есть от ростовщичества[103].

---

[99] *В. И. Юферев.* Хлопководство в Туркестане, М., 1925, стр. 63—64.

[100] Чистачи (от слова чистка хлопка) — по определению А. П. Демидова — это те скупщики-комиссионеры хлопка, которые сами переходили к очистке хлопка и превратились таким образом в так называемых «чистачи». Чистачество имело особенно большое распространение в тех районах, где хлопководство было менее доходным. Чистач, скупая от дехкан неочищенный хлопок по наиболее низким ценам, производил очистку и хлопок-волокно продавал фирмам по другой цене.

[101] *В. Н. Оглоблин.* Хлопчатобумажная промышленность в русских среднеазиатских владениях. СПб., 1901, стр. 49, 50 и 54.

[102] *А. И. Шахназаров,* указ. книга, стр. 190.

[103] *В. Н. Оглоблин.* Хлопчатобумажная промышленность в русских среднеазиатских владениях. СПб., 1919, стр. 49—50.

Но если к этим 15—20 процентам прибылей хлопковых фирм добавить доходы, полученные от последующих надбавок на мелкий кредит самими посредниками-баями, то в целом ростовщический кредит обходится дехканину уже по 50—60 процентов и доходил даже до 90—130 процентов [104].

Весьма показательны материалы обследования В. Юферевым хозяйств четырех типичных кишлаков Андижанского уезда. По данным сплошного опроса общая сумма задолженности ростовщикам дехканами четырех обследованных кишлаков составляла 98 895,5 рубля. На один наличный двор приходилось 229 рублей 46 копеек долга [105].

Надо иметь в виду, что большинство дехкан было вынуждено пользоваться ростовщическим кредитом. Так, по данным 1914 года в Ташкентском и Чимкентском уездах Сырдарьинской области было засеяно хлопком 39 500 десятин. На обработку и выращивание этих посевов потребовалось в среднем 120 рублей на десятину, а всего 4740 рублей. Из них собственных средств у посеявших хлопок оказалось всего 1170 рублей, или 25,0 процента. Остальную часть суммы —3 570 тыс. рублей дехкане вынуждены были брать взаймы у хлопковых фирм и мелких посредников-ростовщиков [106]. В результате этого нередко задолженность дехкан превышала стоимость их хозяйств. Обычно возраставшие годами долги переходили от отца к сыну.

В торговле хлопком широко было распространено обвешивание и обсчитывание дехкан при закупке хлопка, всевозможные незаконные штрафы или неустойки, выдача дутых векселей, фиктивность которых трудно было определить неграмотному дехканину.

Одной из типичных форм злоупотреблений являлась раздача ростовщиком-скупщиком в виде задатка, ненужного дехканину товара по дорогой цене. Дехканин, получив этот товар, вынужден был перепродавать его на базаре за полцены, что откровенно признавалось и во «Всеподданнейшем отчете военного губернатора Ферган-

[104] Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г., стр. 40.

[105] *А. П. Демидов*, указ. работа, стр. 126.

[106] *Асаткин.* Очерки хозяйственной жизни Туркестанской республики, стр. 57.

ской области за 1912 год». В отчете эпически констатировалось, что хлопководу нужны в трудную рабочую пору деньги, а не мука или мануфактура, которые он принимает вместо денег только в силу безвыходности своего положения, и потому, получив дорого доставшийся ему, но ненужный товар, немедленно же продает за половину рыночной цены, лишь бы поскорее получить деньги. При этом кредитующие хлопковые фирмы обеспечивают задатки векселями, а кроме того — закладкой на землю хлопковода. Таким образом, сумма долга, вздутая искусственным зачислением повышенной цены на товар, обеспечивается вдвойне и, при случае, может быть взыскана вдвойне, отдельно по каждому обеспечению.

Итак, положение большинства мелких производителей становилось безвыходным. Ссуды под большие проценты, продажа хлопка по заранее установленной фирмой цене, обвешивание и обсчитывание, задатки в виде ненужного товара и прочие методы, где допотопные формы ростовщичества сочетались с империалистическими приемами, доводили дехканские массы до полного закабаления.

И. Киселевич в статье «Торговля хлопком», опубликованной в 1915 году, замечал, что «после заключения сделки дехканин остается уже в руках большого или маленького хлопкового ферганского паука... Всякий дехканин, затянувшись в долги, во всю жизнь не будет иметь возможности из них выкупиться»[107].

Подворные обследования статистическим бюро Самаркандской области хлопкосеющих хозяйств Катта-Курганского и Самаркандского уездов обнаруживали хроническую задолженность большинства дехкан. Из 1136 дворов задолжавших оказалось 753, на которых числился долг в 172 735,8 рубля .В среднем на каждый обследованный двор приходилось 152 рубля 6 копеек долгу[108].

Широко распространялись факты взимания налогов насильно, путем применения пыток, побоев; нередки были случаи, когда один и тот же долг с дехкан обманным

---

[107] «Туркестанское сельское хозяйство», 1915, № 1, стр. 76.

[108] ЦГА УзССР, ф. Катта-Курганского уездного начальника, д. 64, 1913, л. 25; Д/М Института истории Компартии Узбекистана, инв. № 79, стр. 931.

путем взимался по нескольку раз. В своем прошении на имя прокурора Самаркандского окружного суда дехканин кишлака Барнас Тулумской волости Каттакурганского уезда Али Кул Карим Кулов жаловался, что с него за долг взяли сверхпроценты: «Но по нашему туземному закону,— заявлял он,— если не имеется на руках расписки, приходится платить втройне, благодаря суду (казия)... Неужели такое заведено право законом, чтобы наши судьи запирали в темные подвальные здания и делали что хотят, как-то: побои, нанося кулаками, плетью, колом и так далее и садют (сажают —*Х. Т.*) на целую ночь, где от одной сырости человек может умереть».

Заявитель, указывая на 5 свидетелей, подтверждающих его слова, просил назначить следствие и вызвать всех тех, которые видели, как судья Тулумской волости Мулла Мавлян издевался над ним[109].

В своем прошении на имя туркестанского генерал-губернатора житель селения Избаскент Избаскентской волости Андижанского уезда Султан Ходжа Абдурахман Ходжаев жаловался на известного андижанского бая Рузы Ахуна Назарбаева. Дехканин сообщал, что он имел несчастье задолжать упомянутому баю 500 руб. Но бай Рузы Ахун обязал выдать вексель на 1000 рублей, вместо 500. В конце концов дехканин в разное время отдал баю хлопок на общую сумму в 1715 рублей. Однако «после последней доставки хлопка,— жаловался дехканин,— Рузы Ахун позвал меня к себе на завод для производства подсчета, где битьем, угрозами, продержал меня под арестом в конюшне одни сутки, получив от меня еще 100 рублей деньгами и вексель на 2000 рублей»[109]. В заключение всего Рузы Ахун произвел опись двух десятин земли дехканина, стоящие 2400 рублей, оценив их в 500 рублей. «Выпутайте меня из сетей паука, а сам не выберусь». Так умолял бедный неграмотный дехканин-хлопкороб, в заявлении, на котором (по его просьбе) расписался другой человек[110].

---

[109] ЦГА УзССР, ф. Катта-Курганского уездного начальника, д. 64, 1913, л. 25; Д/М Института истории Компартии Узбекистана, инв. № 79, стр. 95.

[110] ЦГА УзССР, ф. Канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, ф. 1800, 1916, лл. 117—118; Д/М Института истории Компартии Узбекистана, инв. № 79, стр. 96—97.

Однако колониальная администрация не только не реагировала на жалобы дехкан, а, наоборот, всячески помогала тем же баям, ростовщикам грабить дехкан, за что она получала соответствующую мзду от ростовщиков и «туземных властей».

Группа дехкан-хлопкоробов аула Халдарча Зенгиатинской волости Ташкентского уезда в своих прошениях на имя Туркестанского генерал-губернаторства жаловалась на то, что торговый дом «Бр. Крафт» в Ташкенте через своих комиссионеров поднарядил дехкан доставлять весь хлопок на хлопкоочистительные заводы данной фирмы. В счет задатка дехкане перевозили на завод свой хлопок по частям, но им не выдавали квитанции. В конечном итоге хотя дехкане отдали представителю фирмы «Бр. Крафт» хлопка, больше положенного, последний стал требовать вернуть из полученного задатка 470 рублей[111].

В предвоенные годы положение хлопководства и дехканских хозяйств становилось все более тревожным. В 1912 году посевные площади под хлопком в Ферганской области по сравнению с предыдущим годом уменьшились на 3,6 процента, а сбор хлопка на 6,7 процента[112]. Такое явление, по признанию Кокандского биржевого комитета, отнюдь не являлось случайным, оно было результатом постепенного ухудшения семенного материала, недостаточного удобрения полей, подвергшихся истощению. Недобор в Ферганской области в 1912—1913 годах более полумиллиона пудов волокна на сумму до 7 млн. рублей сильно отразился на благосостоянии дехкан, которые оказались без средств.

Дехканское население вступило в 1913 год с большей задолженностью, чем в предыдущие годы. Хлопковым фирмам удалось собрать с дехкан лишь до 60 процентов розданных ими под урожай 1912 года задатков, оставшаяся же часть была переписана на следующий сезон[113]. Просрочка платежей по векселям на десятки миллионов

---

[111] ЦГА УзССР, ф. Катта-Курганского уездного начальника, д. 64, 1913, л. 25; Д/М Института истории Компартии Узбекистана, инв. № 79, стр. 98—100.

[112] Хлопководство и хлопковая торговля Ферганы за 1913 год, в кн.: «Кокандский биржевый комитет», 1913, Коканд, 1914, стр. 7.

[113] Мануфактурный рынок Ферганы к 1915 году в кн.: «Кокандский биржевый комитет», 1914, Коканд, 1915, стр. 30.

рублей стала обычным явлением. Население, не имея денег, не могло рассчитаться и с торговцами за прежние покупки и покупать новые товары для своих нужд. Долги сельского населения Ферганской области торговым фирмам с 888 164 рублей в 1911 году выросли до 3 459 156 рублей к 1913 году[114].

Дехкане, несмотря на огромную задолженность за прошлые годы, вынуждены были брать дополнительные кредиты. Но, как признавалось в отчете Кокандского биржевого комитета, и этих задатков хлопковых фирм далеко не хватало для обработки полей, «об удовлетворении же других нужд население уже не думало. Все надежды, на некоторое улучшение дел со времени открытия выдачи задатков, рухнули. Торговля не оживилась, платежи не поступали, число неплательщиков увеличивалось, положение дел принимало все более и более критическое состояние»[115].

Тяжелым было положение не только хлопкоробов, но и бедняцких хозяйств, производящих зерно и другие сельскохозяйственные продукты. Они тоже страдали от все более увеличивающейся задолженности. Прибыли от торговли сельскохозяйственными продуктами попадали в руки скупщиков, а не производителей. В результате получалось то, что пшеница и другие зерновые продукты по реализации урожая продавались или сдавались скупщикам, а вырученные деньги шли на уплату податей и другие неотложные нужды, весною же пшеница покупалась не только для посева, но и для пропитания. Выходило так, что бедные хозяйства сдавали весь урожай зерна скупщикам, а сами оставались без семян и продовольствия и вынуждены были по повышенным ценам брать зерно у тех же скупщиков.

Долги сельского населения кредитным учреждениям и ростовщикам неудержимо росли. По данным управляющего отделением Государственного банка в Коканде задолженность населения Туркестанского края только кредитным учреждениям на 1 ноября 1912 года равнялась по Государственному банку — 27 530 тыс. рублей и по частным банкам — 129 182 тыс. рублей, всего

---

[114] «Всеподданнейший отчет военного губернатора Ферганской области за 1912 год», Приложение, стр. 2.

[115] «Кокандский биржевый комитет», 1914, Коканд, 1915, стр. 30.

156 712 тыс. рублей[116]. В конечном итоге многие бедняцкие хозяйства, обремененные долгами, окончательно разорялись, их земли и имущество распродавались, переходили в руки крупных землевладельцев, баев. Так количество сделок, совершенных у казиев по займам под расписки и займам с залогом и по продаже недвижимого имущества в 1912 году в Ферганской области достигло 270 тыс., что составляло в среднем почти по одной сделке на каждый двор оседлого сельского населения ежегодно. Были такие хлопковые волости, как Аувальская, Язъяванская, Шариханская, где до 90% всех ежегодных продаж земли было вызвано кабальной задолженностью дехкан[117].

Все более увеличивалось число безземельных и малоземельных дехкан и концентрация земель в руках кулаков, баев-ростовщиков и помещиков. Примером концентрации земель может служить хозяйство бая Авальской волости Маргеланского уезда Ирмат-бая Субанкулова. В 1851 году он получил по наследству девять участков земли в своем селении, а затем начал скупать землю. К 1908 году им было приобретено уже 68 участков, из которых 47 были скуплены у жителей Авальской волости и 21 в соседней Чимкентской волости. Всего, таким образом, он сосредоточил в своих руках свыше 200 десятин земли[118].

Такое положение наблюдалось не только в Фергане, но и в других областях края. В материалах к отчету по Закаспийской области за 1910 год указывалось, что «многие богатые и влиятельные лица уже много лет занимаются скупкой мюльковых участков с водою у беднейших членов аула и присваивают их себе в собственность. Отсюда, с одной стороны, образуется класс более или менее крупных землевладельцев, а с другой — класс безземельного пролетариата, не имеющего иногда даже места для оседлости[119].

В поисках причин обнищания дехканства дореволюционные экономисты писали, что все зло, повергшее дехкан в тяжелое состояние, заключается в местном ростовщичестве и что стоит создать широкую сеть мелкого

---

[116] Цит. по указ. работе *А. П. Демидова,* стр. 140.

[117] Всеподданнейший отчет военного губернатора Ферганской области за 1912 год, стр. 2.

[118] *К. Пален.* Материалы к характеристике водного хозяйства в Туркестане. Указ. книга, стр. 124.

[119] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 783, л. 369.

кредита и оказать «помощь» дехканам и тогда положение их улучшится. На самом деле коренная причина всех бед кишлачной бедноты, конечно, заключалась в тогдашних социально-экономических условиях, обусловивших угнетение основных масс трудящихся и без уничтожения этих условий невозможно было улучшить положение дехкан.

В. И. Ленин учил, что при всестороннем анализе народного хозяйства России «следует разрешить вопрос: связывается ли у нас торговый и ростовщический капитал с промышленным? Ведет ли торговля и ростовщичество, разлагая старый способ производства, к замене его капиталистическим способом производства или каким-либо иным?»[120].

Из конкретно-исторического анализа экономического развития России к концу XIX в. В. И. Ленин пришел к выводу, что в русской обширной деревне роль капитала не исчерпывалась кабалой и ростовщичеством, что капитал обращался также и на производстве. Вместе с тем он указывал, что существовавшие в русской деревне, задерживающие разложение крестьянства факторы — кабала, ростовщичество, отработка и другие, приводили к тому, что настоящими господами тогдашней деревни являлись «зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы»[121].

Тормозящая роль ростовщичества, отработок в несравнимо большей степени, чем в русской деревне, находили себе почву в кишлаках и аулах Средней Азии. Здесь, на колониальной окраине разложение дехкан тормозилось господством феодальных и полуфеодальных форм эксплуатации и ростовщической кабалы. Большинство безземельных и малоземельных дехкан продолжало оставаться в кишлаках, главным образом в качестве бесправных арендаторов. Для пополнения своего скудного бюджета они шли и на отхожие промыслы в кишлаке и ауле, оставаясь в кабале у тех же баев в качестве чайрикеров, мардикеров и др.

В целом по Туркестанскому краю 324 438 (10%) хозяйств прибегали к дополнительным промыслам. Процент оседлых дехканских хозяйств, занимавшихся дополни-

---

[120] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 151.
[121] Там же, стр. 152—153.

Таблица 6

Процентное соотношение числа работников, занятых земледелием, по обследованным ревизией К. Палена хозяйствам[122]

Размеры землевладения	Долинные волости			Долинно-степные волости			Шурханский участок Амударьинского отдела		
	только в своем хозяйстве	кроме того, отрывались	всего в земледелии	только в своем хозяйстве	кроме того, отрывались	всего в земледелии	только в своем хозяйстве	кроме того, отрывались	всего в земледелии
Безземельные . . .	1,89	60,38	62,27	—	100,0	100,0	12,12	9,05	21,17
" до 0,5 дес.	27,76	50,39	78,15	14,29	64,29	78,58	46,67	20,0	66,67
" от 0,5 до 1 "	42,93	29,25	72,18	9,52	61,90	71,42	81,37	7,45	88,82
" от 1,01 до 2 "	59,98	16,71	76,69	27,69	63,80	91,49	87,20	4,53	91,73
" от 2,01 до 3 "	66,96	14,55	81,51	40,91	56,82	97,73	85,31	3,39	88,70
" от 3,01 до 5 "	73,64	10,10	83,74	62,63	32,46	95,09	94,06	0,20	94,26
" от 5,01 до 10 "	83,71	5,10	88,81	83,72	12,84	96,56	96,53	—	96,53
Свыше 10 десятин .	84,69	1,58	86,27	93,62	3,19	96,81	76,81	1,45	78,26
Итого	69,08	20,76	89,84	75,06	20,40	95,46	87,21	2,88	90,09

[122] *К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отд. 1, СПб., 1911, стр. 153.

тельными промыслами, достигал в Ферганской области — 52,2%, Самаркандской —40,0%, Сырдарьинской —33,1, Закаспийской —23,2 и Семиреченской—11,8%[123]. То обстоятельство, что большинство безземельных и малоземельных дехкан занимались отхожими сельскохозяйственными промыслами в кишлаках, подтверждается данными обследования ревизии К. Палена. Вот, например, обобщенные данные по 11 типичным долинным волостям, преимущественно засевавшим хлопок и другие технические культуры; двум долинно-степным зерновым волостям и Шураханскому участку Амударьинского отдела.

Приведенная таблица показывает, что значительная часть дехкан, не обеспеченных доходами от маленьких клочков земли, вынуждена была отрываться от своего хозяйства и дополнительно работать у других. Так из общего числа (13 963) безземельных дехкан Маргеланского уезда Ферганской области — 8698, или 62,3% являлись издольщиками, 3619—25,9%— сельскохозяйственными чернорабочими и лишь 1651, или 11,8% занимались неземледельческими промыслами. В Андижанском уезде было 9940 безземельных, из них 8161, или 82,1% являлись издольщиками, 499—5,02% арендовали земли, остальные (6,88%) занимались другими промыслами[124].

К эксплуатации труда издольщиков и наемных рабочих прибегали прежде и больше всего крупные землевладельцы. Из обследованных Паленом 698 крупных хозяйств, владевших в среднем свыше 5 десятин земли, в 11 долинных хлопковых волостях, 197 хозяйств использовали издольщиков, 159— мардикеров. Из 698 хозяйств 201 хозяйство нанимало рабочих[125].

Мы уже писали, что крупные землевладельцы сами не вели свое хозяйство, а преимущественно занимались торговлей и ростовщичеством. Все их земли обрабатывались чайрикерами (издольщиками), временными поденными рабочими (мардикерами) и каролами (батраками). Хотя чайрикер дословно означает дехканин, получающий 1/4 часть урожая (от слова чейрек — четвертая часть), но

---

[123] Указ. «Статистический ежегодник» т. II, ч. 3, табл. 2—3, стр. 27—35, 41—63.

[124] *К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отд. 1, СПб., 1911, стр. 116.

[125] Там же, ч. II, таблицы, СПб., 1911, стр. 125.

в большинстве своем они вынуждены были идти к хозяину, отдавая ему половину и более половины урожая. В Ферганской области, например, 42 709 хозяйств (14,1 процента от всего числа хозяйств кишлаков области) 111 888,7 десятины своих земель сдавали в аренду на издольных началах. Из них 23 036 (39,1%) хозяйств сдавали земли издольщикам из расчета половины урожая, 6437 (14,0%) хозяйств — из расчета $^2/_3$ урожая, 12 769 (39,6%) из $^3/_5$ урожая и 2699 (7,3%) хозяйств сдавали еще из большей доли урожая[126].

33 276 (11%) безземельных и малоземельных дехкан области являлись издольщиками. Средний размер арендованной ими земли не превышал двух десятин[127]. Тяжелое положение дехкан-издольщиков отражалось и на их скудном бюджете. По расчетам А. Х. Бурнашева, в хозяйстве издольщиков Ферганской области в 1914 году, при урожайности хлопка в 9 центнеров, при примитивной обработке земли урожай хлопка-сырца с одной десятины не превышал 9,6 центнера; валовая выручка составляла 225,6 рубля. Материально-трудовые затраты на одну десятину посева хлопчатника доходили до 207,3 рубля, в том числе трудовые затраты —198 рублей 46 копеек. Общая сумма выплат издольщика (арендная плата из расчета $^2/_3$ валовой выручки, проценты на кредит, налоги и сборы) составляла 194 рубля 86 копеек. Дневной личный доход издольщика от реализации не превышал 9 копеек. При урожайности ниже 8 центнеров с десятины хозяин вовсе не располагал чистым доходом, выплачивая долги крупным землевладельцам и кредиторам за счет сокращения доли личного потребления[128]. Издольщина являлась одной из худших и наиболее грубых форм феодальной кабалы, безжалостно опутавшей кишлачную бедноту. Нередко эксплуатация дехкан в виде отработок порой прикрывалась патриархальными формами. Так, бай часто нанимал батраков из числа обедневших родственников,

---

[126] «Материалы всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года». Вып. 2. Поволостные итоги Ферганской области, ЦСУ УзССР, Самарканд, 1925, стр. 27—28.

[127] Там же.

[128] *А. Х. Бурнашев.* О земельной ренте в хлопководстве дореволюционного Туркестана. «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 2, Ташкент, 1958, стр. 41.

придавая найму вид родовой взаимопомощи «благодетеля» сородичу.

Другой наиболее распространенной формой эксплуатации в байских хозяйствах являлся наем мардикеров. Мардикеры — это главным образом безземельные и малоземельные дехкане, которые вынуждены были идти на работу к крупным землевладельцам на самых трудных условиях. Поденная плата мардикерам, по данным А. Шахназарова, не превышала 50 копеек, причем при такой оплате поденщик в течение дня питался за свой счет[129]. Выходили на работу не позже 6—7 часов утра, а заканчивался рабочий день поздним вечером. Бюджет мардикера, по исчислениям А. Демидова, составлял в среднем лишь от 50 до 100 руб. в год[130].

В кишлаках, преимущественно байско-кулацкими хозяйствами, использовались батраки (каролы) и другие наемные рабочие. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года только в земледельческих оседлых хозяйствах Ферганской области число наемных рабочих составляло 22 217 человек, Самаркандской области —23 027 человек и по Сырдарьинской области (без Амударьинского отдела)—15 067 человек[131].

Во время статистического описания Амударьинского отдела, проведенного в 1912—1913 годах, было выяснено отсутствие на месте 7166 жителей Чимбайского, Талдыкского, Шураханского, Даукаринского и Кзылкумского районов. Большинство из них ушли в другие области и в Хиву в поисках заработка. Объясняя причины, в частности, эмиграции 2251 человека в Хиву, составители статистического описания отмечали, что за пределы отдела ушли главным образом «не самостоятельные хозяева, а лишившиеся скота, и, следовательно, обезземелившиеся слои населения, находившие в Хиве богатый рынок для продажи своей рабочей силы[132].

---

[129] *А. И. Шахназаров.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 83.

[130] *А. П. Демидов.* Указ. книга, стр. 32.

[131] «Материалы Всероссийской с.-х. переписи 1917 г.», вып. 1, стр. 23, вып. 2, стр. 39, вып. 3, стр. 68—71.

[132] «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области, вып. I, текст, Ташкент, 1915, стр. 139—140.

Мардикеры, батраки и другие рабочие в подавляющем большинстве нанимались крупными землевладельцами. Часть баев, владельцев хозяйств, наряду со сдачей земли на издольных началах, прибегала также к найму мардикеров и батраков. Такие хозяйства находились на пути превращения в кулацкие или становились ими. Однако в кишлаках Туркестана переход от феодальной формы эксплуатации к капиталистической не был еще типичным явлением. В своей основе в кишлаке по-прежнему докапиталистические отношения продолжали оставаться господствующими.

Сельское хозяйство, основанное на мелком производстве и главным образом на докапиталистической форме эксплуатации, заранее предопределяло низкую производительность труда и допотопную технику земледелия. Основным орудием производства дехкан продолжали оставаться кетмень и деревянный омач. Железный плуг и еще реже сельскохозяйственные машины применялись лишь в некоторых крупных байских хозяйствах. Обнищавший дехканин был не в состоянии улучшить свое хозяйство и не думал о применении техники и других усовершенствований. По Туркестанскому краю 267 651, или 29,9% хозяйств не имели никакого рабочего скота, в том числе по Ферганской области — 125 375 хозяйств, или 41,3%, по Сырдарьинской области — 52 929, или 20,3%, Самаркандской — 33 134, или 27,6%, Закаспийской области — 21 599, или 35,9% хозяйств и т. д.[133].

Экономическое положение основной массы дехкан становилось невероятно тяжелым. И не случайно в докладе председателя комиссии при Туркестанском обществе сельского хозяйства И. М. Слуцкого (1911 год) отмечалось тяжелое положение дехкан и как предчувствие надвигающейся бури содержалось следующее вынужденное признание:

«Экономический гнет и материальная безвыходность, закабаленный труд с передачей всех результатов тяжелого труда в руки немногочисленных эксплуататоров могут в ближайшем будущем вызвать весьма серьезные осложнения, и как 15 лет назад мы не могли предвидеть такого развития задолженности, так мы не можем предвидеть и

---

[133] Указ «Статистический ежегодник», т. II, ч. 3, табл. 2—3, стр. 27—35, 41—63.

теперь всех последствий, которые могут появиться, когда безвыходность положения достигнет кульминационного развития»[134].

Таким образом огромная масса мелких дехканских хозяйств и вся кишлачная беднота, задавленная постоянной нуждой, должна была неминуемо в конечном итоге подняться на открытую борьбу против жестокой эксплуатации и всех угнетателей, что действительно и произошло.

Б. ПОЛОЖЕНИЕ В КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ РАЙОНАХ

Трудящиеся массы кочевых скотоводческих районов, так же как и дехкане-земледельцы, находились в крайне тяжелом положении. После присоединения к России, особенно в конце XIX и начале XX века, в социально-экономическом положении аула произошли серьезные изменения. Усилился переход от натурального хозяйства к товарно-денежному. Постепенно развивалось не только богарное, но и поливное земледелие, особенно в южных степях и долинах, соседних с издавна оседлыми районами Средней Азии. Одновременно появляются и постепенно развиваются капиталистические отношения в ауле.

Указанные процессы в жизни аула особенно углубились в начале XX века, в частности в результате крестьянских переселений. Происходило дальнейшее усиление классовой дифференциации. Крупные скотоводческие феодальные и байские хозяйства приумножали свои богатства, бедные слои аула все более и более лишались скота, и попадали в кабальную зависимость от феодально-байских групп.

Как известно, важное значение для определения экономического положения скотоводческих хозяйств имеет группировка по обеспеченности их скотом. Мы приведем несколько типичных данных различных районов Степного края и Туркестана по «Материалам киргизского землепользования», представляющих значительный интерес. Обычно участники экспедиций по обследованию киргизских и казахских хозяйств делили эти хозяйства на различные экономические группы (на 8,9 или 10 групп).

---

[134] *И. М. Слуцкий.* Хлопководство в Туркестане. «Туркестанское сельское хозяйство». 1911, № 4, стр. 352.

Вначале проанализируем положение казахских хозяйств на примере Актюбинского и Тургайского уездов Тургайской области Степного края. В «Материалах по киргизскому землепользованию» хозяйства казахов разделены на 9 групп в зависимости от их обеспеченности скотом, при этом весь наличный скот хозяйств исчислялся в переводе на лошадь. Руководитель экспедиции П. Румянцев считал хозяйства, имевшие до 10 лошадей, бедными[135]. По классификации Семиреченского статистического комитета хозяйства до 8 лошадей были отнесены к бедноте, хозяйства с 8—50 лошадьми — середнякам и хозяйства, имевшие 50 и выше лошадей,— к богатым[136]. Некоторые советские казахские историки, в их числе А. Н. Нусупбеков, полагают, что дореволюционные казахские хозяйства, владевшие до 15 единиц скота, в переводе на лошадь являлись бедняцкими[137].

Но если проанализировать состояние казахских хозяйств даже по нормам П. Румянцева и семиреченских статистиков, то получим следующие разительные данные, показывающие огромное различие между бедными и богатыми слоями аула.

Итак, только на примере двух уездов Степного края мы видим (табл. 7), что огромная масса бедняцких хозяйств казахов имела ничтожное количество скота, в то время как малочисленные богатые хозяйства, составляющие не более 19,5%, владели более чем половиной (в Актюбинском уезде — 58,55%, в Тургайском — 54,1%) стада. Иначе говоря, в указанных уездах 16 697 беднейших хозяйств имели всего 141 265 единиц скота, или в среднем по 2,1 единицы, в то время как 6380 богатых хозяйств имели 487 950, или в среднем 74,6 единицы скота.

Такое же положение мы наблюдали и в другом типичном скотоводческом районе — Семиреченской области. Для получения общей картины автор объединяет стати-

---

[135] *П. Румянцев.* Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб., 1910, стр. 41.

[136] Экономическое состояние киргизского хозяйства в Семиреченской области (коллективный доклад первому съезду сельских хозяйств Семиреченской области статистов Бурыгина, Автократова и Федосеева), в кн. «Средняя Азия», IX—X, Ташкент, 1910, стр. 206.

[137] *А. Н. Нусупбеков.* К вопросу о формировании казахской буржуазной нации, в «Материалах объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 175.

Таблица 7

Группировка казахских скотоводческих хозяйств по двум уездам Тургайской области (количество скота берется в переводе на лошадь)[138]

Группировка хозяйств по единицам скота	Актюбинский уезд				Тургайский уезд			
	семей		всего скота		семей		всего скота	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
I гр. безлошадных	130	0,73	—	—	15	0,1	—	—
II гр. с 1 лошадью	2565	14,38	9 349	2,02	1624	10,6	6 229	1,56
III гр. от 2 до 5 лошадей	4120	23,1	33 100	7,2	3102	20,24	24 426	6,12
IV гр. от 5 до 10 лошадей	2754	15,4	35 625	7,6	2532	16,5	32 536	8,17
Итого по II—IV группам	9439	52,88	78 074	16,82	7258	47,34	63 191	15,85
V гр. от 11 до 25 лошадей	3151	17,67	62 812	13,63	3329	21,7	66 433	16,6
VI гр. от 25 до 50 лошадей	1700	9,55	51 170	11,0	1779	11,6	53 531	13,45
Итого по V—VI группам	4851	27,22	113 982	24,63	5108	33,3	119 964	30,05
VII гр. от 51 до 100 лошадей	1316	7,36	55 408	11,92	1268	8,25	53 665	13,5
VIII гр. от 100 до 200 лошадей	1461	8,23	100 339	21,53	1225	7,95	84 243	21,1
IX гр. свыше 200 лошадей	640	3,58	116 586	25,1	470	3,06	77 709	19,5
Итого по VII—IX группам	3417	19,17	272 333	58,55	2963	19,26	215 617	59,1
Всего	17 837	100	464 389	100	15 344	100	398 772	100

[138] Таблица составлена на основе данных „Материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных партией Тургайско-Уральского переселенческого района" Актюбинский уезд, Оренбург, 1912, стр. 378 и 384; Тургайский уезд, Оренбург, 1911, стр. 256 и 259.

стические данные по Верненскому, Джаркентскому, Пишпекскому и Пржевальскому уездам области, составленные на основе материалов обследования переселенческой экспедиции П. П. Румянцева, проведенного в 1910—1913 годах. Хотя материалов по Лепсинскому уезду обнаружить не удалось, данные по пяти уездам могут воссоздать общую картину обеспеченности скотом казахских и киргизских хозяйств Семиреченской области. При этом надо иметь в виду, что в отличие от Актюбинского и Тургайского уездов Степного края, хозяйства Семиреченской области Туркестанского края в «Материалах обследования» были разделены на 10 групп.

Таблица 8

Группировка казахских и киргизских хозяйств Семиреченской области (за исключением Лепсинского уезда) по их обеспеченности скотом[139]

Группировка хозяйств по скоту	Всего хозяйств по пяти уездам области		Количество всего скота в переводе на лошадь	
	абс.	%	абс.	%
I без скота	2 280	1,71	—	—
II менее 1 ед. скота .	1 695	1,27	1 532	0,07
III от 1—3 „ „	22 725	17,05	44 585	2,09
IV 3—8 „ „	35 971	26,95	193 134	9,08
V 8—15 „ „	29 326	22,0	326 220	15,3
VI 15—25 „ „	19 045	14,3	367 116	17,25
VII 25—50 „ „	14 899	11,18	508 228	23,61
VIII 50—100 „ „	5 423	4,06	366 777	17,2
IX 100—200 „ „	1 591	1,20	210 410	9,86
X свыше 200 „ „	374	0,28	116 918	5,54
Итого по всем группам	133 329	100	2 134 925	100

Таким образом 2280 хозяйств совершенно не имели скота. Если принять для определения достатка бедных

[139] Таблица составлена на основе следующих данных: „Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области", под руководством П. П. Румянцева, т. II, Копальский уезд, вып. 1, СПб. 1913, стр. 510, 520, 523, 524; т. II, Джаркентский уезд, вып. 2, СПб. 1913, стр. 323; т. IV, Верненский уезд, вып. 2, СПб., 1913, стр. 131; Пишпекский уезд, вып. I, Пг., 1916, стр. 344, 349—350; т. VIII, Пржевальский уезд, вып. I. Пг., 1916, стр. 580—585.

хозяйств минимальную норму их обеспеченности не менее чем по 15 единиц скота, то число таких хозяйств по пяти уездам Семиреченской области достигало 89 717, или 67,27%. Все эти хозяйства вместе имели 565 472 головы скота, или 26,27% из общего числа скота всех хозяйств. Между тем 7388, или 5,54% наиболее богатых хозяйств (VIII—X группы) владели 694 102 единицами скота, или 32,6%, то есть 7 388 богатых хозяйств имели больше скота, чем 89 717 хозяйств бедняков. Надо иметь в виду, что в число богатых входила и часть хозяйств из VII группы, имевшей значительное количество скота и прибегавшей к постоянному найму рабочей силы.

Однако статистические данные того периода по вполне понятным причинам далеко не полны. Экспедиция П. П. Румянцева в своих выводах пыталась приуменьшить число бедняков. Так, по ее данным бедными хозяевами считались только имеющие до 8 голов скота. Но даже руководствуясь таким критерием, П. Румянцев не мог не признать резкой дифференциации между богатыми и бедными. Так, например он, обобщая материалы обследования хозяйств Копальского уезда, описал следующие весьма характерные черты экономического положения различных слоев казахского аула.

«Если обратимся к средним по уезду в группировках по скоту, то увидим, что у бедных на 1 хозяйство приходится 3,74 головы скота, или 1,87 единицы (в переводе всего скота на взрослую лошадь.— *Х. Т.*); у средних уже 27,31 головы, или 7,87 единицы, и, наконец, у богатых 130,8 головы, или 36,22 единицы. Приведенные, таким образом, цифры,— заключает автор,— показывают неоднородность киргизских хозяйств и устанавливают в них наличность резкой экономической противоположности, или другими словами,— экономической дифференциации хозяйств»[140].

Обеспеченность скотом различных экономических групп в Джаркентском уезде также давала очень сильные колебания. Здесь у бедных на одно хозяйство приходилось 1,83 единицы скота; у средних —15,86 единицы и, наконец, у богатых на 1 хозяйство приходилось скота

[140] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. II, Копальский уезд, вып. 2 (текст), СПб., 1913, стр. 178.

в шесть раз больше, чем в средней группе, то есть 96,97 единицы[141].

Возьмем, как пример, другую крайнюю точку Туркестанского края — Красноводский уезд Закаспийской области, являвшейся скотоводческим районом. Здесь число безлошадных хозяйств достигало 8,6%; бедняцких скотоводческих хозяйств с 1—10 единицами скота было 59,3%; хозяйств с 10—50 единицами скота —28,9% и наиболее крупных хозяйств, владевших свыше 50 единиц скота, насчитывалось 3,2%.

Приведем один характерный документ царских властей, в котором с циничной откровенностью признавалось крайне тяжелое положение туркмен-скотоводов. Так, в отчете начальника Закаспийской области за 1910 год было написано следующее: «Туземное население Красноводского уезда в отчетном году уменьшилось на 1971 душу, на 3,5%... Выдающимися событиями и бедствиями среди населения были: летом холера, сильная засуха, безводье, безкормица и падеж скота, с 13-го ноября морозы и ураганы, а все вместе взятое повлекло уменьшение населения и подорвало его материальное благосостояние»[142]. Аналогичное положение было и в скотоводческих районах Джизакского уезда Самаркандской области в Перовском, Казалинском, Гулистанском, Чимкентском уездах Сырдарьинской области[143].

Хотя подавляющее большинство казахских и киргизских хозяйств все еще продолжало оставаться кочевно-скотоводческими, в конце XIX и начале XX веков заметно начали развиваться оседлые скотоводческо-зерновые хозяйства или близкие к ним. Для хозяйств, располагавших большими стадами скота, кочевой образ жизни был более необходим, чем для хозяйств малоскотных. Богатые феодалы и байско-манапские хозяйства захватили большие площади пастбищ, сенокосов и обширные земли. Этот процесс начался еще более после присоединения края к России. В указанных материалах обследования киргизских хозяйств говорится, например, что в Пишпекском уезде «каждая группа, вернее — манап, захватывал и закреплял за собой не только наиболее

[141] Там же, т. III, Джаркентский уезд, вып. 2 (текст), СПб, 1913, стр. 371.

[142] ЦГА ТССР, ф. I. оп. 2, д. 7831, л. 24.

[143] «Указ. «Статистический ежегодник», т. II, ч. 3, стр. 65.

ценные зимние пастбища, но и остальные виды пастбищ — коктеу, кузеу и джайляу... Таким образом, еще задолго до занятия левобережной части уезда русскими, территория ее была разбита на ряд площадей обособленного пользования отдельных манапов»[144].

Такое же явление было в Акмолинской области Степного края. Байство, владея большим количеством скота, соответственно получало больше сенокосных площадей, причем по собственному их выбору. Затем уже участки делились между родовыми хозяйствами[145].

Захваты общинных земель баями и манапами и превращение их в наследственную собственность усилились в начале XX века, особенно в связи с переселением крестьян из России. Байство, владея огромными пастбищами, сенокосными угодьями, захваченными ими у других членов общин, располагая денежными средствами, пыталось сохранить свое кочевно-скотоводческое хозяйство и подчинить себе бедноту.

С другой стороны, многие маломощные хозяйства, не будучи в состоянии вести самостоятельный кочевой образ жизни, попадали в полуфеодальную зависимость к крупным скотоводам-баям. Участники обследования киргизского землепользования отмечали, что стесненные в пастбищах и сенокосных угодьях, бедные хозяева шли за кочевьями богатых. Их малочисленный скот пасся в стадах и табунах богатых, за что бедняки вынуждены были дополнительно отбывать своего рода повинность — отрабатывать у бая в качестве пастуха или выполнять другие работы[146]. Такие бедняки попадали в полную зависимость от бая.

Втягивание края в тесные связи с капиталистической экономикой России повлияло на все более разрушающееся натуральное хозяйство, на развитие здесь товарно-денежных и капиталистических отношений. Наряду с существовавшими старыми местными эксплуататорскими группами — султанами, биями и манапами, в ауле формировался класс национальной буржуазии —

[144] Указ. «Материалы..», т. VII, Пишпекский уезд, вып. 2 (текст), П., 1916, стр. 89.

[145] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, СПб., 1909, стр. 100.

[146] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, Кокчетавский уезд. Повторное обследование 1907 г., СПб., 1909, стр. 46.

баи. Под воздействием социально-экономических изменений часть старых феодальных групп постепенно приспосабливалась к новым условиям и переходила к найму рабочей силы, то есть к капиталистическому хозяйству. Буржуазные (байские) элементы пополнялись и в результате классовой дефференциации в ауле. Вместе с этим шел процесс формирования пролетарских и полупролетарских элементов. Они выделялись из разоренных бедняцких хозяйств скотоводов и землевладельцев.

Байство все чаще стало прибегать к найму. По материалам экспедиции, проведенной Щербиной в 1896—1903 годах, когда подвергались подворному описанию казахские хозяйства и землепользование в Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областях, 22,3% крупных хозяйств нанимали рабочих-батраков, причем эта цифра по Актюбинскому уезду достигла 42,3%; Кустанайскому уезду — 28,1%, Акмолинскому — 26,7%, Омскому — 24,6% и в меньшей степени в Каракаралинском уезде — 13,5%[147].

Наем батраков и других сельскохозяйственных рабочих байскими скотоводческими хозяйствами особенно увеличился к 1910 году. Так, процент богатых хозяйств, нанимавших батраков, доходил в Актюбинском уезде до 96,2%, в Петропавловском —88,7%, Кустанайском — 87,8, Усть-Каменогорском — 83,5, Акмолинском—82,3 Павлодарском —80,6, Каракаралинском —80,2, Омском —71,9 и Атбасарском уезде —71,1%[148].

В материалах переселенческого управления по повторному обследованию казахских хозяйств Кокчетавского уезда давались следующие сведения: «Бедные хозяйства,— указывалось в них,— содержат в среднем 5 лошадей, 9 штук рогатого скота и 13 овец и коз. В переводе на лошадь это равняется 10 единицам. С таким количеством скота трудно и невыгодно вести самостоятельное кочевое хозяйство, и многие из рассматриваемой группы уже и не ведут его, а другие участвуют в кочевании в подчиненной роли при богатых хозяйствах. Для кочевого хозяйства эта группа является потерянной

---

[147] *П. П. Румянцев.* Киргизский народ в прошлом и настоящем, стр. 37.

[148] Там же, стр. 44.

и теперешние участники ее в нем влачат жалкое существование»[149].

Анализ статистических материалов показывает, что раньше всего переходили к оседлому состоянию и земледелию бедные хозяйства, менее обеспеченные скотом. Для подтверждения приведем обобщенные данные по Джаркентскому и Копальскому уездам Семиреченской области[150].

Таблица 9

Группа хозяйств по посеву

Группы хозяйств по посеву	Процент хозяйств по уездам	
	Джаркентский	Копальский
I без посева	31,44	18,48
II—IV менее 1 дес. до 5 дес.	66,67	73,91
V—VII от 5 до 15 дес.	1,48	7,37
VIII—X свыше 15 дес: .	0,48	0,24

Итак, в Копальском уезде, с более оседлым населением количество хозяйств без посевов составляло 18,47%, в Джаркентском в основном скотоводческом районе — 31,45%. Из всех групп с посевами наибольшее количество падало на II—IV группы, то есть наиболее бедные казахские хозяйства, которые, имея ничтожное количество скота, прибегали к земледелию на маленьких посевных участках. Причем хозяйства, имевшие до 3 десятин земли, в Копальском уезде составляли 59,9% и Джаркентском —64,42%[151]. В Тургайском уезде из 3355 скотоводческих хозяйств, занимавшихся дополнительно земледелием, маломощные составляли 55,08%, средние —30,37% и богатые группы всего лишь

[149] Киргизское хозяйство в Акмолинской области. т. I, СПб., 1909, стр. 83.

[150] Таблица составлена на основе данных «Материалов по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. II, текст, стр. 149. т. III, стр. 328.

[151] Там же.

14,55%[152]. Такое положение наблюдалось во всех кочевых и полукочевых районах.

51,9% хозяйств скотоводческих и оседлых хозяйств Джаркентского уезда и 48,5% Копальского уезда не имели сельскохозяйственного инвентаря. Из общего числа хозяйств Верненского уезда почти половина, или 44,26% не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря. Но вместе с увеличением площади запашки возрастала обеспеченность хозяйств инвентарем: среди хозяйств с посевом менее 3 десятин, то есть наиболее бедных, лишь 48,86% имели сельскохозяйственный инвентарь; в хозяйствах, от 3 до 7 десятин, инвентарем обладали уже 78,9% и, наконец, в группе хозяйств, имевших свыше 7 десятин,— 91,38%. Малоземельные хозяйства прибегали к пользованию чужим инвентарем или применяли самые примитивные деревянные орудия, вроде тес-агача (деревянной мотыги). Лишь в зажиточных и байских хозяйствах стал применяться железный плуг[153].

Переход от кочевого к оседлому хозяйству являлся сам по себе закономерным, важным и прогрессивным явлением в жизни казахов, киргизов и других кочевых народов. Оседание бедняцких скотоводческих хозяйств и переход к земледелию, полукочевому и оседлому скотоводству усиливается в начале XX века, особенно в связи с дальнейшими земельными ограничениями, вызванными переселенческой политикой царизма. Но стремление бедных хозяйств к оседлости натолкнулось на двоякого рода преграды. Во-первых, крупные помещичьи и байские скотоводческие хозяйства, чувствующие постоянно нужду в даровой рабочей силе, всячески препятствовали оседанию бедных. С другой стороны, колониальные власти всячески тормозили массовое оседание казахских и киргизских хозяйств. Они в этом видели опасность для осуществления переселенческой политики.

Русское переселение, или колонизация, в Степном и Туркестанском краях имело большое экономическое и политическое значение в жизни края. Оно имело отноше-

[152] «Материалы по киргизскому землепользованию Тургайского уезда», Оренбург, 1911, стр. 266.

[153] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства», т. IV, Верненский уезд, киргизское хозяйство, текст, СПб., 1913, стр. 258.

ние и к социально-экономическим причинам восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Обычно в прежних трудах ряда наших историков, в том числе Т. Рыскулова, А. В. Шестакова и других, русское переселение рассматривалось лишь как зло, которое является одной из важных причин восстания 1916 года. При этом хозяйства переселенцев ошибочно считались сплошь кулацкими. До недавнего времени не было даже попыток сколько-нибудь серьезно проанализировать социальный состав переселенцев, как это делается теперь в трудах киргизских и казахских историков. Объявив всех переселенцев эксплуататорами, защитниками царизма, некоторые авторы приходили к выводу о необходимости и справедливости борьбы аульной бедноты против всех переселенцев, что являлось ошибочным.

На самом же деле отношение к переселенцам — вопрос более сложный, от правильного его решения зависит выяснение ряда основных причин восстания 1916 года и характера тех или иных выступлений. Несомненно царская аграрная, в частности переселенческая, политика являлась одной из существенных причин восстания 1916 года. Цели и методы проведения царским правительством и господствующими классами политики переселения не могли не вызвать возмущения и сопротивления со стороны народных масс.

Вместе с тем крестьянское переселение и его социально-экономические результаты играли объективно-прогрессивную роль в исторических судьбах народов Казахстана и Средней Азии, в росте здесь революционного, освободительного движения, в том числе восстания 1916 года. Поэтому прежде чем рассматривать вопрос о последствиях переселения, как одной из причин восстания 1916 года, очевидно нам следует дать хотя бы краткий обзор общих итогов русского переселения в крае.

Переселение в Среднюю Азию и Казахстан, как известно, было вызвано целым рядом социально-экономических причин, обусловлено самим ходом развития российского капитализма. Переселенческий вопрос в России являлся подчиненным по отношению к аграрному вопросу в центре страны. И только полное устранение остатков крепостничества было бы в состоянии решить аграрную проблему и тем самым действительно

открыть новую эру колонизации. Однако царское правительство, защищая интересы помещиков и кулаков, пыталось решить аграрный вопрос в стране проведением переселенческой политики на окраинах. Конечно,— писал Ленин,— думать о «решении земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости»[154].

В. И. Ленин, указывая на наличие свободных земель на восточных окраинах страны, в частности в Сибири, годных для переселения, писал, что «переселение туда могло бы иметь известное значение как для Сибири, так и для России, если бы только оно было организовано целесообразно»[155]. Далее, он отмечал, что именно это обязательное условие и не выполнялось царским правительством. Вместо освоения действительно свободных земель, требующих значительных сил и средств, царизм направил свои усилия для захвата земель коренного населения окраин. Раскрывая захватническую переселенческую политику царского правительства, В. И. Ленин подчеркивал, что «переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «руссификации окраин»[156].

Положения В. И. Ленина о колонизации окраин России, о переселенческой политике царизма дают нам ключ для правильного анализа хода проведения и результатов русского переселения в Казахстан и Среднюю Азию. Колонизация казахских и киргизских земель началась в ходе присоединения степных областей и Туркестанского края к России. Здесь, по мере расширения военных действий, были водворены русские казаки Сибирского казачьего войска. Созданные царским правительством казачьи станицы и укрепленные пункты, так же как насажденные впоследствии многочисленные кулацкие хозяйства, являлись опорными пунктами колониального господства в крае. Казаки-переселенцы пользовались большими льготами. Их земельная норма была высокой (до 30 десятин). Помимо этого, казаки захва-

---

[154] *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 64.
[155] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 75.
[156] Там же, стр. 79.

тили дополнительные земельные угодья и эксплуатировали казахско-киргизскую бедноту. «Благодаря значительным размерам надельной площади,— писал чиновник особых поручений министерства внутренних дел А. А. Половцев,— и возможности пользоваться невероятно дешевым киргизским трудом, казаки живут зажиточно на деньги, добываемые для них киргизскими батраками, и не принимают никакого личного участия в полевых работах»[157]. Со временем усилилась классовая дифференциация и среди самих казаков. Богатые казаки эксплуатировали разорившихся собратьев так же, как казахско-киргизскую бедноту.

В конце 1860-х годов началось русское крестьянское переселение в казахскую и киргизскую степи. Вначале оно было стихийным. Переселенческое движение то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости от положения в центре России и изменения аграрной политики царизма. Главным вопросом в переселении крестьян являлось создание переселенческого земельного фонда. Откуда же брались земли для размещения переселенцев? Никаких заранее подготовленных удобных земель не было, и царские власти не собирались их готовить. Колониальная администрация «создавала» переселенческий земельный фонд путем захвата обжитых земель у коренного населения края. Открыто насильственная переселенческая политика получила свое отражение в законах царского правительства и, в частности, в утвержденном в 1891 году «Степном положении».

Согласно статьям 119 и 120 «Степного» и статьям 270—279 «Туркестанского положения», утвержденным в 1886 году, земли, использовавшиеся под кочевья, признавались государственной собственностью и оставлялись в «бессрочном» общественном пользовании кочевникам на основании обычного права[158]. В примечании же к статье 120 было сказано, что земли, могущие

---

[157] Отчет чиновника особых поручений при министре внутренних дел А. А. Половцева, командированного в 1896—1897 годах для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898, стр. 5—6.

[158] Речь идет об общинном пользовании землей. Но общинные земли захватывались крупными скотоводческими хозяйствами — баями и манапами, превращающими обширные земельные владения в свою частную собственность.

оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ[159].

Между прочим в дополнительном разъяснении властями сущности статей 119 и 120 и примечания к ним, прямо подчеркивалось, что «все земли, занимаемые кочевьями, признаются государственной собственностью и предоставляются кочевникам *лишь* в бессрочное *общественное пользование»* и что *«этим путем ограждаются в будущем права государства на всю общинную территорию степных областей»*[160] (курсив наш.—*Х. Т.).*

Итак, земли кочевников, в отличие от оседлых районов, объявлялись государственной собственностью и передавались кочевникам лишь на правах пользования. Не случайно, что экспедиция по выявлению переселенческого земельного фонда в казахско-киргизской степи, в следующей форме охарактеризовала сущность аграрного закона в кочевых районах: «Государство признает за киргизами только право бессрочного пользования землей, за собой же оставляет право отчуждать земли для государственных надобностей»[161]. Под предлогом «излишков» земель и правом государства «на всю общинную территорию Степной области», «правом на отчуждение» и т. п., заранее узаконивались всевозможные захваты земель коренного населения. Аграрная политика царизма в Степном и Туркестанском краях противоречила жизненным интересам народных масс и была направлена на удовлетворение потребностей насильственной колонизации обширных земельных массивов.

«Степное положение» давало повод к захвату казахских, киргизских земель не только переселенческим

---

[159] Согласно «Положению об управлении Туркестанского края», утвержденному в 1886 году, переселенческие участки могли быть образованы в «свободных государственных землях». Но 19 декабря 1910 г. был издан закон «о дополнительной статье 270 Туркестанского положения», в которой предусматривалось, аналогично «Степному положению», изъятие из пользования кочевников так называемых излишков, *Н. Гаврилов,* Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб., 1911, стр. 9.

[160] «Степное положение 25 марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам», изд. Земского отдела министерства внутренних дел, Спб., 1891, стр. 106.

[161] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. III, Джаркентский уезд, киргизское хозяйство, СПб., 1912, стр. 159.

учреждениям, но и крупным байским хозяйствам. Главноуправляющий землеустройством и земледелием царского правительства признавал, что «под прикрытием идей принадлежности отведенных под кочевья киргиз государственных земель всему киргизскому народу, фактическими распорядителями этих земель явились в каждой общине отдельные, наиболее состоятельные лица, которые не неся никаких особых государственных повинностей и налогов, раскладываемых по кибиткам (то есть посемейно), сосредоточили в своих руках все выгоды пользования общинной землей». Далее указывалось, что оставляемая на пользование местного населения земельная площадь «фактически находится во владении зажиточных киргиз, которые ведут примитивное скотоводчество и часто сдают в аренду землю общего пользования»[162]. Царское правительство поощряло и поддерживало баев, превратив последних в свою опору. Бедные слои аула, таким образом, страдали вдвойне — от колонизаторов и от местных, «своих» баев.

В ряде районов кочевья давно осели и вели земледельческое полукочевое хозяйство. «Материалы по киргизскому землепользованию» показывают, например, что по Чимкентскому уезду в 1906 году многие хозяйства давно занимались земледелием и сельские общины уже не практиковали переделов пахотных угодий. У них поливные и богарные пашни еще их предками были разделены подворно и земля переходила по наследству от отца к сыну[163]. Царское правительство никак не хотело мириться с этим положением:

Аграрная политика царизма не ограничивалась попытками затормозить оседание кочевников. Она вместе с тем нарушала экономику и быт кочевников. Известно, что скотоводческие хозяйства перекочевывали по определенным территориям и пастбищам. Особенно узкими были пределы кочевок у бедных и средних хозяйств. Многие кочевники имели зимовки и постройки, так как они занимались и земледелием. Появились смешанные скотоводческо-земледельческие хозяйства. Переселен-

---

[162] *П. П. Румянцев.* Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб., 1910, стр. 7—8.

[163] «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Сыр-Дарьинской статистической партией», Сыр-Дарьинская область, Чимкентский уезд, т. I, Ташкент, 1908, стр. 42.

ческие законы царского правительства все это игнорировали.

Если бы огромные массивы пустовавших земель Казахстана и Средней Азии были превращены в культурные оазисы, если бы для этого были выделены средства и силы, то без ущерба интересов коренного населения можно было осуществить переселение крестьян. Однако таких условий при существовавшем тогда социальном и государственном строе для разумного переселения крестьян не было и не могло быть. Царское правительство направило все свои усилия на захват готовых и обработанных земель коренного населения. Сами участники экспедиции по выявлению переселенческого земельного фонда в Акмолинской области вынуждены были признать, что во время переселенческого движения в Степной край, администрация «не считалась с обычноправовыми воззрениями киргиз на землю» и «выделяла из пользования киргиз те земли, которые были наиболее пригодны для устройства отдельного поселения». Далее отмечалось, что в результате «получились или обезземеленные киргизы, или настолько стесненные в своих кочевках и вообще землепользовании, что им приходилось уходить со своих коренных земель на поиски более свободных мест»[164].

Первая легальная социал-демократическая большевистская газета «Новая жизнь», выходившая в 1905 году, резко осуждая захваты царским переселенческим управлением казахских земель в Уральской области, писала, что всех казахов и киргизов выселяют насильно. «Что же киргизам делать? Кто может остановить насилие переселенческих чиновников над ними? У них теперь не остается ни одной десятины пахотной земли, все отбирают переселенцам, когда 80 процентов домохозяев-киргиз сами занимаются земледелием»[165].

При изъятии обработанных земель в широких размерах допускалось смешение не только отдельных киргизских и казахских хозяйств и аулов с зимовыми стойби-

---

[164] «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по обследованию степных областей», Акмолинская область, Омский уезд, Омск, 1902, стр. 27 (524).

[165] «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах». (Сб. документов и материалов), Казгосиздат, Алма-Ата, 1955, стр. 101.

щами и жилищами, а и целых сотен таких хозяйств. В четырех южных уездах Семиреченской области хозяйство киргизов велось на искусственном поливе в различных областях сельского хозяйства. Между тем переселенческое управление вытеснило киргизов из этих районов оседлого поливного земледелия в богарные, вынуждая их таким образом возвратиться к кочевому скотоводческо-зерновому хозяйству.

Весьма характерно признание К. Палена о причинах захвата обработанных земель с разрушением сотен хозяйств киргизов и казахов с их жилищами и стойбищами. «Главная причина такого смещения заключается в том,— писал он,— что земли действительно свободные могут быть обращены для нужд переселения лишь после более или менее значительных затрат на орошение, для чего требуются время, труд и деньги. Между тем гораздо проще и дешевле образовывать участки на землях, обработанных туземцами...»[166].

Комментарии здесь излишни!

Захват казахских и киргизских земель особенно усилился в период столыпинской реакции. Изъятие земель в переселенческий фонд по Казахстану и Сырдарьинской области (кроме Закаспийской области и Джизакского уезда Самаркандской области) к 1915 году составило[167]

Переселенческие районы	Количество участков	В них десятин земли
Тургайско-Уральский район	1156	5 402 458
Акмолинский район .	4101	6 337 202
Семипалатинский район	1033	3 799 566
Семиреченский район .	1455	3 201 696
Сырдарьинский район[168]	1333	2 462 265
Итого: . . .	9111	21 206 127

[166] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Переселенческое дело, СПб., 1910, стр. 50.

[167] *А. Б. Турсунбаев.* Из истории крестьянского переселения в Казахстане. Изд. АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1950, стр. 61.

[168] В Сырдарьинский переселенческий район входили Сырдарьинская и Самаркандская области.

К этому надо добавить данные об изъятии из пользования местного населения Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской и Закаспийской областей 7 735 810 десятин так называемых «свободных» земель и горных лесных массивов[169]. Подобным путем только по Самаркандской области было изъято 4 940 328 десятин, из них 3 684 339 десятин лесных районов, ¾ которых находились в Джизакском уезде[170]. Отобрав леса, власти не разрешали населению заготовлять даже хворост для топлива.

Из захваченных туркменских земель в Закаспии были созданы Мургабское государево имение и 34 переселенческих поселения.

С учетом всех этих данных в колониальный земельный фонд по Степному и Туркестанскому краям были захвачены 28 911 937 десятин. Но царские власти намерены были отобрать у коренного населения еще больше земли. Экспедиции переселенческого управления всюду искали «излишки» земель. Для этого они устанавливали минимальнейшие земельные нормы для казахов и киргизов. Так, например, переселенческая экспедиция П. Румянцева выяснила, что в пользовании у казахских хозяйств Верненского уезда Семиреченской области находились земельные угодья в размере 4 709 258,37 десятины. Экспедиция считала, что вполне достаточно оставить 735 119 десятин земли, и это, по ее мнению, нужно было расценивать как «норму». «Излишки», подлежащие отчуждению, определялись в размере 3 238 083,37 десятины! Причем запланировано было оставить за казахами лишь небольшую часть коктеу, кузеу, джайляу, полностью лишив их кстау (то есть зимовок) обособленного и общественного использования[171]. В этом мы усматриваем искусственную задержку перехода от кочевого образа жизни к оседлости.

---

[169] *К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, т. I, отд. I, Спб., 1911, стр. 93, 137. «История Туркестанской ССР», т. I, Ашхабад, 1950 г., стр. 148—149.

[170] Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 и 1920 гг., вып. I, Поволостные итоги по Самаркандской области, Ташкент, 1924, стр. 18.

[171] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйств и землепользования в Семиреченской области». т. IV, текст, стр. 320—321.

Аграрные отношения оказались особенно тяжелыми и сложными в Семиречьи, где положение переселенческого дела было хаотическим. При общем малоземелии шла интенсивная колонизация области. Потери скота у бедных хозяйств, невозможность последним перейти к оседлости здесь были более острыми, чем в других районах. Характеризуя постановку землеводно-межевого дела по изъятию киргизских и казахских земель в Семиречьи с 1906 по 1914 год, помощник заведующего Семиреченским переселенческим районом Корсак недвусмысленно писал:

«1. Изъятия производились без всякой системы;

2. Межевые работы были поставлены совершенно неудовлетворительно;

3. Изъятия земель во многих случаях производились с нарушением законов и полным игнорированием интересов киргизского населения...»[172]

Здесь, и отчасти в Сырдарьинской области больше чем в остальных районах, в связи с переселением происходило разрушение ирригационной системы, построек киргизов и казахов.

Земельная теснота, вызванная переселением еще в 1884 году, привела к массовой попытке джаркентских родов атабанов и суанов откочевать в пределы Китая. Но китайские власти, боясь осложнений с Россией, не пожелали принять киргизов и казахов как русских подданных. В свою очередь и царское правительство приняло меры к задержанию бежавших. Все «неспокойные» волости, пытавшиеся откочевать в Китай, распоряжением царских властей были переселены вглубь Джаркентского уезда на запад. П. Румянцев отмечал, что киргизам Джаркентского уезда, с потерей возможности свободного кочевания, то есть свободного выбора пастбищ после 1885 года, пришлось считаться с теснотой отведенных им земель, ибо такая теснота была довольно чувствительной[173].

Но откочевки недовольных в пределы Китая все же продолжались. Туркестанский генерал-губернатор в 1909 году докладывал царю о том, что проводившиеся «в Семиречьи землеводные для переселенцев работы,

[172] «Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.» Указ. сб. документов и материалов, стр. 520.

[173] Указ. «Материалы по обследованию...», т. III, стр. 152 и 154.

сильно затрагивающие интересы киргизов и изменяющие весь уклад их жизни, вызывают недовольство среди них действиями властей, что выражается в выселении киргизов в китайские пределы»[174]. В период статистического описания в 1901 году из 17 225 хозяйств Джаркентского уезда не оказалось на месте 2 631 хозяйства, или 15,3%, многие из которых откочевали в Китай[175].

В коллективном докладе статистиков первому съезду сельских хозяев Семиреченской области, изданном в 1910 году, отмечалось, что раньше, до присоединения к России, в Семиречьи земледелие и промыслы были в зачаточном состоянии. Но «с течением же времени естественный прирост населения, земельное стеснение, вызванное как этой причиной, так и тем, что значительная часть земель в области отошла под русские поселения, развитие денежного рынка, и, наконец, оторванность от рода с его системою родственной помощи, *резко дифференцировали киргизский народ на три группы: богатых, зажиточных*[176] *и бедных.* Эта дифференциация привела к тому, что в бюджете новых двух групп получился дефицит, который, за невозможностью пополнить его за счет продуктов скотоводства, начал пополняться земледелием и промыслами»[177] (курсив наш.— *Х. Т.).*

К 1910 году в Семиреченской области из общего числа некочующих хозяйств наибольший процент оседлых по-прежнему давали бедные группы; зажиточные занимали середину (полуоседлое состояние). Киргизские хозяйства области по количеству скота, с переводом его на лошадей, подразделялись следующим образом: бедных 57,6%, средних —39,2 и богатых 3,2[178].

Таким образом приведенные данные со всей очевидностью обнаруживают, с одной стороны, усиление клас-

---

[174] «Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г.», стр. 25.

[175] Указ. «Материалы по обследованию...», т. III, Джаркентский уезд, стр. 330.

[176] Как явствует из других разделов доклада, под зажиточными авторы подразумевают середняков (*Х. Т.*).

[177] Экономическое состояние киргизского хозяйства в Семиреченской области (коллективный доклад первому съезду сельских хозяев Семиреченской области статистиков Бурыгина, Автократова и Федосеева). «Средняя Азия», кн. IX—X, Ташкент, 1910, стр. 201—202.

[178] Там же.

сового расслоения аула и с другой — переход к оседлому состоянию и земледелию, причем в первую очередь среди бедной части коренного населения, ибо она больше всех терпела гнет от своих манапов и богатых поселенцев; не было у нее достаточного количества скота и средств вести кочевой образ жизни.

Байско-манапские группы, имея огромные пастбища, большое количество скота и средств, пытались сохранить кочевой и полуоседлый быт, связанные с ним старые патриархально-феодальные отношения и свое господство над родом. Об этом свидетельствуют многочисленные прошения и жалобы бедных кочевых хозяйств, показывающие стремление бедноты выйти из общины, где безраздельно господствовали баи, манапы, и создать свое хозяйство.

В этом отношении типичным является, например, прошение 70 юртовладельцев-киргизов 3 аула Толкановской волости Аулиеатинского уезда на имя военного губернатора Сырдарьинской области. Бедные казахи-кочевники просили перевести их в оседлое состояние, устроив всех в отдельном оседлом селении. Причем они настаивали на том, «чтобы в среду этого оседлого селения не были присоединены богачи» их аула — манапы Чангаровы — Юсуп, Джумабай, Шабун и их сородичи. Ибо от этих манапов, писали бедняки, «наши доверители много лет терпели всевозможные притеснения вроде помещитского (помещичьего. — *Х. Т.*) ига, поэтому они нежелательны быть в нашем селении»[179].

Об этом же говорится и в прошении доверенных киргизов 2 аула Джайлаувской волости, Аулиеатинского уезда, той же области, 24 декабря 1914 года на имя туркестанского генерал-губернатора. Заявители просили ввести в кишлаке Саргау отчужденное хозяйство, так как общественное пользование для себя они считали крайне невыгодным тем, что богатые киргизы самовольно захватили земли бедноты и выбрали себе участки без жеребьевки, «где им нравится и без меры». «Такой исход дела,— писали они далее,— нас крайне обижает — бедных киргизов оставляют без куска хлеба.

---

[179] ЦГА УзССР, ф. Упр. переселенческим делом Сыр-Дарьинского района, д. 229, л. 97, в Партархиве Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 79, стр. 62.

Подобные ходатайства мы возбуждаем, но через своего управителя мы не можем, так как в числе их еще находятся богатые киргизы, которые противодействуют этому делу»[180].

В донесении заведующего переселенческим делом в Аулиеатинском уезде от 10 ноября 1915 года указывалось, что почти во всех просьбах о переходе к оседлости киргизская беднота подчеркивает, что «богачи-манапы и волостная администрация всячески препятствуют такому начинанию киргизов к выделению их в самостоятельные единицы из состава кочевых волостей»[181].

Борьбу байства и манапства против оседания бедноты отмечал в своем отчете Г. Ф. Чиркин. «Часть киргизского населения,— писал он,— хочет быть земледельцами: отсюда движение бедной части киргиз Пишпекского уезда в пользу землеустройства; другая часть стремится сохранить существующее пастбищно-кочевое хозяйство: отсюда борьба против колонизации и оседания киргиз-землевладельцев»[182].

Манапы, борясь, против оседания бедноты, добивались на основе ложных обвинений, вынесения байскими судьями приговоров против бедных и заключения последних в тюрьму «за непослушание», взимания штрафов, дополнительных налогов[183].

Так называемое «обеспечение туземного населения землей по нормам» неизбежно сопровождалось разрушением очагов оседлости, выселением с хороших угодий на неугодные площади. Подобная аграрная политика царизма не только воспрепятствовала росту оседлости у кочевников, но и разрушила надежды бедных на закрепление за собой пастбищ и годных к обработке земель. Поэтому не случайно, что часть бедноты, предпочла остаться в кочевом состоянии. Заведующий переселенческим делом Аулиеатинского уезда Бражкин отмечал, что (в период

[180] ЦГА УзССР, ф. Упр. переселенческим делом Сыр-Дарьинского района, д. 229, л. 97, в Партархиве Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 79, стр. 63.

[181] ЦГА УзССР, ф. Упр. переселенческим делом Сыр-Дарьинского района, д. 368, л. 37, в Партархиве Института истории партии при ЦК КП Уз, Д/М, инв. № 79, стр. 73.

[182] *Г. Ф. Чиркин.* Положение переселенческого дела в Семиреченской области, 1908, стр. 85—86.

[183] «Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.», Указ. сб. документов и материалов, стр. 164—166, 253, 289—292, 334 и др.

1914—1915 гг.) наблюдалось большое количество прошений от киргизов, получивших земельные наделы по оседлой норме, об оставлении их в списке кочевых волостей то есть ходатайства обратные тем, которые киргизы возбуждали 2—3 года тому назад. Объясняя такое противоречивое явление, Бражкин писал, что «свои ходатайства киргизы мотивируют невозможностью или нежеланием переходить на оседлое положение, тем, что лучшие земли у них отобраны под переселенческие участки», и что «земля им досталась отчасти каменистая, отчасти солончаковая — не плодородная»[184].

Тяжелым бременем для аульной бедноты являлись различные налоги и повинности. Кочевое население платило кибиточную подать, размер которой к 1904—1905 годам увеличился до 4 рублей против прежних 1 рубля 50 копеек. Кочевники, так же как и оседлое население, несли натуральные и денежные повинности по орошению, содержанию мактабов, дорог, администрации и пр. Подати и повинности взимались так же, как в старину, через сельских старост и волостных, и здесь допускалось множество злоупотреблений. По официальным отчетным данным Закаспийской области, здесь, кроме государственной кибиточной подати, земского сбора и повинностей по исправлению ирригационной сети, население несло еще восемь видов повинностей по «самообслуживанию». Сюда входило содержание аульных должностных лиц — старшин, аминов, есаулов, вольнонаемных джигитов при уездном и волостных управлениях, содержание казия и прочие[185].

Поборы со стороны «туземной» и колониальной администрации производились по всякому поводу, «под всякими благотворными и неблаготворными предлогами, натурой, или деньгами», и они «всюду и везде прикрывались, как нобходимое подспорье к получаемому содержанию»[186].

Многие бедняки под тяжестью эксплуатации, налогов и повинностей разорялись, бросали хозяйство и искали выход в отхожих промыслах и продаже рабочей силы, тем более, что часть байских хозяйств все интенсивнее

---

[184] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз., Д/М, инв. № 79, стр. 72—73.

[185] ЦГА ТССР, ф. I, оп. 2, д. 7835. «Материалы к отчету Закаспийской области за 1914 г.», л. 232.

[186] ЦГВИА (М.), ф. 400, Азиатская часть, д. 40, ч. I, лл. 88—84.

начала применять труд наемных работников. Приведем несколько характерных примеров.

Из материалов повторного обследования казахских хозяйств в Кокчетавском уезде Акмолинской области в 1907 году видно, что в уезде 5453 хозяйства из 8178 занимались промыслами. Из них доля бедных хозяйств составляла 6155, или 83,1%, средних —980, или 13,3% и богатых — 271, или 3,6%. Ясно видно преобладание промыслов у бедных. Авторы обследования очень метко заметили, что «бедность таким образом является главным двигателем в развитии промыслов»[187].

3656 бедняцких хозяйств Кустанайского уезда Тургайской области выделяли батраков. По уезду, работали в качестве батраков 3614 человек, косарей-жнецов —841, пастухов—725, чернорабочих—470 и на других работах— 25 человек[188]. В Актюбинском уезде той же области сельскохозяйственных рабочих было 11 031 человек, из них годовых—7673 человека. 6471 бедняк занимались дополнительными промыслами[189].

В Копальском уезде Семиреченской области число сельскохозяйственных рабочих доходило до 10 711, из них 4581 годовых, 319 человек занимались кустарным промыслом.

В рапорте на имя военного губернатора Семиреченской области верненский уездный начальник в январе 1908 года признавал, что «самая бедная часть населения идет в батраки к крестьянам, казакам, мещанам и манапам, а последние, при существовании общинного землепользования, пользуясь своим влиянием, захватывают их земли, отдавая в аренду; менее бедная часть населения, не имеющая возможности сама обрабатывать всю доставшуюся на ее долю землю, отдает ее с известной доли, или обрабатывая часть сама, часть отдает в аренду и на это поддерживает свое существование»[190].

В Аламединской волости два влиятельных манапа, в руках которых находились все лучшие земли волости,

---

[187] «Киргизское хозяйство в Акмолинской области», т. I, стр. 119 и 121.

[188] «Материалы по киргизскому землепользованию...», т. V, Кустанайский уезд, Воронеж, 1903, стр. 95.

[189] Указ. «Материалы...», Актюбинский уезд, стр. 381.

[190] Цитируется по книге Г. Ф. Чиркина, Положение переселенческого дела в Семиречье, стр. 174.

сдавали ежегодно в аренду: один — до 1000 десятин по берегу р. Чу дунганам под посевы риса, а другой — в подгорной полосе 400—500 десятин крестьянам для пахоты, причем оба эти манапа арендную плату брали в свою пользу. Другие манапы, родственники первых, также занимались сдачей земель в аренду крестьянам и дунганам, так что многие киргизы из рода Толек лишены были пахотных земель и должны были искать заработки на стороне[191].

В Карабалтинской волости манапы сдавали в досрочную аренду русским крестьянам почти все удобные для хлебопашества земли, вследствие чего бедные киргизы были вынуждены идти в батраки к тем же манапам и богатым переселенцам. В таком же положении были киргизы ряда других волостей[192].

Разложение бедных хозяйств аула, выделение наемных рабочих было налицо. С другой стороны, помещичьи, особенно байские хозяйства, все чаще стали применять годовых рабочих-батраков. Росли элементы капиталистических отношений в ауле. Однако классовая дифференциация аула шла медленно. Казахский аул так же, как и оседлый кишлак, не успел перейти к капитализму. В ауле продолжали господствовать патриархально-феодальные отношения, сильны были пережитки старого уклада, которыми искусно пользовались имущие слои. Частная собственность на землю замаскировывалась формой общинного землепользования. Феодалы и баи распоряжались пастбищами по своему усмотрению, прикрываясь при этом патриархально-родовыми пережитками. Под видом широко распространившейся так называемой «помощи» сородичам, бедные массы — букары несли форменную отработочную ренту в пользу богатых. Аналогичный характер носила и рента продуктами, прикрытая также патриархально-родовой формой «помощи» султану, манапу.

Тяжелая феодальная кабала смешалась и грубо сочеталась с байско-ростовщическим гнетом. В материалах переселенческих организаций отмечалось, что деньги у бедных хозяйств образовывались как от продажи продуктов своего хозяйства, так и от займов и продажи

---

[191] *Н. Воронков,* указ. работа, стр. 27.
[192] Там же.

своей рабочей силы в чужие хозяйства. Среди казахов и киргизов особенно был распространен особый вид найма, сближавший его с займом: весной, в период острой нужды, многие бедняки вынуждены были брать деньги у богатых местных и русских переселенцев под обработку. Само собой разумеется, что стесненный материально бедняк соглашался на какие угодно кабальные условия, чтобы только так или иначе получить деньги для содержания своей семьи и ведения хозяйства. Нередко бывали случаи, когда за полученные 2—3 рубля бедняк обязывался сжать целую десятину пшеницы у богатых, то есть выполнить работу, оплачиваемую в период страды за 9—12 рублей. «Подобные примеры,— признавалось в указанных материалах,— показывают, в какие тяжелые условия поставлен заем среди киргизов и какие ростовщические проценты берет со своих клиентов заимодавец в степи»[193].

Господствовавшие феодальные отношения в сочетании с зарождавшимися капиталистическими и ростовщической кабалой ставили бедняцкие слои аула в тяжелое положение. От насильственной переселенческой политики царизма больше всего страдала та же аульная беднота, обреченная на полное разорение.

Каково же было положение крестьян-переселенцев? Представляли ли они «единое целое» или среди них тоже шла классовая дифференциация? Нам необходимо дать ответ на эти вопросы, так как верное решение поможет правильно определить характер восстания 1916 года в отдельных районах, в которых на определенном этапе движения в силу ряда причин возникало обострение межнациональной розни.

Известно, что колониальные власти всеми силами стремились насадить в крае богатых казаков и кулацкие элементы в целях создания в их лице надежной опоры царизма и «руссификирования» края. Исходя из этого, царское правительство и его переселенческие учреждения выделяли им лучшие наделы и всячески поддерживали их. Однако в Степной и Туркестанский края прибыли не только кулаки. Шла сюда огромным потоком обездоленная и разоренная русская крестьянская беднота в большинстве

[193] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства в Семиреченской области...», т. II, стр. 225

своем самовольно, что особенно беспокоило колониальную администрацию.

Во «Всеподданнейшем докладе туркестанского генерал-губернатора» подчеркивалась крайняя необходимость колонизации края русскими. Но какими? Не вообще русскими, а более надежными для царизма кулацкими элементами. Поэтому массовое стихийное движение обнищавших русских крестьян в Среднюю Азию в поисках «приюта и счастья» серьезно беспокоило колониальные власти. В докладе указывалось, что «стихийное движение крестьян-переселенцев из внутренних губерний в Туркестан, и в частности, в Семиреченскую область, начавшееся с 1903 года, застало край и местную администрацию совершенно врасплох». И далее «контингент переселенцев является в значительной части не вполне удовлетворительным для целей русской колонизации края»[194].

В сентябре 1910 года заседание общего присутствия Семиреченского областного правления обсудило предложение генерал-губернатора Туркестанского края о необходимости строгого проведения переселения в интересах руссификации. При этом генерал-губернатор выражал недовольство, что край заселяется преимущественно бедными крестьянами, а не прочными (кулацкими) хозяйствами. «При оценке различных групп населения, с точки зрения их способности заселить край прочными хозяйствами,— писал генерал-губернатор,— приходится констатировать, что побывавшие уже в переселенцах в Сибирских и Степных областях представляют худший или, вернее, непригодный элемент для колонизации Туркестана». Далее он рекомендовал при приеме переселенцев в Туркестан соблюдать строгий отбор, с точки зрения их пригодности для колонизации. Без этого,— подчеркивал он,— Туркестан не будет русской провинцией и что, «при несомненном стремлении магометан — туркестанских и сопредельных азиатских государств к национальному самоопределению в нем неизбежно должны появляться сепаратистические движения»[195].

---

[194] «Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г.», стр. 29 и 31.

[195] ЦГИАЛ, ф. 391 (Переселенческое управление), оп. 4, д. 268, лл. 2 и 3.

«Особое совещание для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем», созданное в 1911 году, поддержав предложение генерал-губернатора Туркестанского края А. П. Самсонова, графа К. Палена и других, считало необходимым принять меры «к ограничению прилива в край наиболее слабых элементов русского крестьянства и мещанства, а также отбросов сибирского переселения»[196].

К. Пален с тревогой отмечал, что к 1 августа 1908 года в Семиреченской области числилось около 23 тысяч лиц, заявивших о своем желании получить даровые земли и что «из них едва ли наберется 13 тысяч, в устройстве коих в Семиречьи сколько-нибудь заинтересовано правительство, так как остальные нуждаются скорее в репрессивных мерах, нежели в даровом наделе»[197].

По данным К. Палена к 1908 году число «самовольцев» только в Семиречьи дошло до 30 тысяч человек (из которых 24 016 человек из европейской России и 11 956 из Сибири, то есть лица, не устроенные в сибирском переселенческом управлении). Из них лишь немногие (5 тысяч человек) были обеспечены небольшими наделами, а остальные ждали земельного устройства. Огромные массы переселенцев, не устроившихся на новых местах и окончательно разорившихся, вынуждены были возвратиться на родину. Об этом свидетельствуют отчеты Переселенческого управления о движении переселенцев за Уралом. Только за 1911—1912 годы из Степного и Туркестанского краев обратно переселились на родину 64 186 человек мужского пола[198] (данных о женщинах нет).

Но часть переселенческой бедноты так или иначе оставалась здесь и вынуждена была батрачить или брать в аренду землю у крупных землевладельцев на тяжелых условиях. Н. Гаврилов писал, например, что «самовольцы»— новоселы поселка Ново-Алексеевка (Семиреченская область) совершенно не имели ни пахотных, ни сенокосных, ни выгонных земель и вынуждены были каждый год брать в аренду у богатых манапов необходимые

[196] ЦГИАЛ, ф. 1396 (Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края), оп. I, д. 7, л. 62.

[197] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., Переселенческое дело, стр. 18—19 и 57—58.

[198] «Переселение и землеустройство за Уралом» (отчет о работах переселенческого управления за 1912 год), СПб., 1913, стр. 16—17.

угодья и что такие крестьяне даже «обогатили киргизских старшин, богачей-манапов»[199].

В отчете чиновника особых поручений при министре внутренних дел А. А. Половцева отмечалось, что многие безземельные и малоземельные русские крестьяне, прошедшие громадные расстояния до мест водворения, устроившись на новых переселенческих участках, в большинстве случаев находились «в состоянии полной нищеты»[200]. Они вынуждены были либо вернуться в Россию, где их ждала та же нищета, либо, оставаясь здесь, нести бедняцкую долю.

Теперь рассмотрим обобщенные данные о хозяйственных группах русских поселений по различным областям Туркестанского и Степного краев, которые позволяют нам определить удельный вес различных групп населения и переселенческой бедноты в целом. Вот данные по Семиреченской области, одному из важных и наиболее распространенных районов русского переселения. В этом отношении весьма интересны сведения проведенной в 1910—1913 годах подворной переписи русских старожильческих селений по всей Семиреченской области. Согласно этим сведениям в русских старожильческих селениях имелось 11 959 хозяйств с населением 78 591 человек. Из них 10 531 русское хозяйство с населением 72 117 человек и 1428 хозяйств нерусских (татары, дунгане, узбеки, кашкарлыки и др.) с населением 6474 человека[201]. Для определения хозяйственной мощи всех групп мы приведем обобщенные данные о подразделении на русские и нерусские хозяйства (см. таблицу 10).

Таким образом 3 322 (19,5%) хозяйств, из них 2 204 (около 70%) русских и 1118, или 30% нерусских являлись беспосевными. Беспосевные и малоземельные хозяйства, владевшие наделами до пяти десятин составили почти половину (49,96%) всех хозяйств и 3,7% *всего* населения

---

[199] *Н. Гаврилов.* Переселенческое дело в Туркестанском крае, стр. 159 и 172.

[200] *А. А. Половцев.* Указ. отчет о положении переселенческого дела в Туркестанском крае, СПб., 1895, стр. 10—11.

[201] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области...», т. VI. Русские старожильческие селения Лепсинского, Копальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов, II, 1915 стр. 758—760.

Таблица 10

Группировка хозяйств в русских старожильческих селениях Семиреченской области

Группировка хозяйств по посеву	Число хозяйств			Население обоего пола		
	всего	из них		всего	из них	
		русских	нерусских		русских	нерусских
I без посевные	3322	2204	1118	15 316	10 640	4676
II до 3 дес.	1476	1320	156	7 297	6 456	841
III от 3 до 5 дес.	1170	1103	67	6 483	6 089	394
IV от 5 до 10 дес.	2394	2347	47	15 960	15 664	296
V от 10 до 15 дес.	1548	1535	13	12 602	12 507	95
VI от 15 до 25 дес.	1418	1406	12	13 281	13 200	81
VII от 25 до 50 дес.	571	562	9	6 832	6 779	53
VIII от 50 до 100 дес.	54	50	4	754	727	27
IX свыше 100 дес.	6	4	2	66	46	20
Итого . . .	11 959	10 531	1428	78 591	72 108	6483

русских старожильческих селений области и владели 14 554 десятинами пахотной земли, или 16,66% из всей земельной площади в 90 144 десятины. Из всех хозяйств I—III групп 68,28% занимались дополнительными промыслами. 2660 человек являлись сельскохозяйственными рабочими, 377 работали в промышленности, 2082 были кустарями-ремесленниками. Из всех 5968 хозяйств I—III групп — 2221 не имели никаких строений, а 663 хозяйства не имели хозяйственных строений[202].

2049 хозяйств VI—IX—групп (17,1%) владели огромными площадями пахотной земли и большим количеством скота, нанимали 2233 рабочих, из них 1151 годовых, имели 122 939 голов скота, или в среднем по 60 голов на хозяйство[203].

Таким образом и в русских хозяйствах происходил процесс классовой дифференциации, выделялась и росла

[202] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области...», т. VI. Русские старожильческие селения Лепсинского, Копальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов, II, 1915, стр. 762—769.

[203] Там же.

крестьянская беднота. Такое же явление наблюдалось и в других областях. Например, по семи волостям Кустанайского уезда Тургайской области из 4563 хозяйств переселенцев было: не имевших посевов — 523, имевших посевы около одной десятины—241, имевших от 2 до 4 десятин—1261, от 5 до 10 десятин—1588 и более 10 десятин—950 хозяйств. По числу рабочего скота эти хозяйства распределялись: не имевших лошадей—120, имевших по 1 лошади — 1310, имевших от 2 до 4 лошадей — 1806, имевших от 6 до 10 лошадей — 272 хозяйства[204]. По данным переселенческих партий в русских крестьянских хозяйствах Чимкентского уезда Сырдарьинской области 34,75 процента бедняцких хозяйств (I и II группы) выделяли сельскохозяйственных рабочих, 34,38 процента — промышленных рабочих[205].

Порою целые русские поселения, состоявшие преимущественно из бедноты, находились в тяжелом положении. Так, по сведениям канцелярии начальника Закаспийской области за 1910 год материальное состояние русских поселков в Арчин Яне и Хивеабаде Тедженского уезда характеризовалось как «ниже среднее», а состояние поселка Боголюбовского Асхабадского уезда «скудное»[206]. О трудном положении бедноты ряда русских поселков говорится в приказе начальника Закаспийской области генерала Шостакова от 6 июля 1911 года: «Поселок Николаевский (Мангы-Кишлакский уезд). Посетил рабочий поселок 31 мая. По внешнему виду судя, многие поселенцы зажиточны, но есть и беднота». Далее сообщается, что хозяйства Саратовского поселка Асхабадского уезда устроены бедно, что «живут между собою поселенцы несогласно... впечатление самое безотрадное»[207].

Таким образом, аграрная политика царизма была злом не только для местных кочевников-скотоводов и земледельцев, но и для переселенческой бедноты. Недовольные и озлобленные аграрной политикой царизма и жесто-

---

[204] *А. Б. Турсунбаев,* указ. книга, стр. 68.

[205] *П. А. Скрылев.* Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. Русские селения в Чимкентском уезде, Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1909, стр. 97.

[206] ЦГА ТССР, ф. I, оп. 2, д. 7831, лл. 120—125.

[207] Там же, д., 7833, лл. 94 и 97.

ким гнетом, бедные слои русского крестьянства, так же как и местная кишлачная и аульная беднота, поднимались на революционную борьбу. Об этом свидетельствовали, например, крупные и продолжительные волнения среди крестьян ряда районов Акмолинской области. Они настолько испугали власти, что царским указом от 27 августа 1910 года было введено, а затем в 1911 году продлено «Положение об усиленной охране» в Кокчетавском, Петропавловском и Омском уездах[208]. Волнения происходили и среди крестьян-переселенцев Кустанайского, Лепсинского, Верненского и других уездов[209].

Изучение социально-экономического положения Туркестана и Казахстана в рассматриваемый период приводит нас к следующим выводам:

1. После присоединения к России в жизни народов Туркестана и Казахстана произошли значительные изменения. Российский капитализм втягивал край в мировое товарное обращение, способствовал развитию здесь товарно-денежных отношений и появлению капиталистического способа производства. В Туркестане и Казахстане возникли некоторые отрасли промышленности, главным образом по первичной обработке сырья. Развивалось хлопководство и другие отрасли товарного земледелия. В скотоводческих районах усилился переход от натурального хозяйства к денежному, росли тенденции к переходу к оседлому и полуоседлому типу хозяйства, начало все более распространяться земледелие. Усилилось расслоение кишлака и аула.

В тесной связи с развитием капитализма в России в городах, кишлаках и аулах начали развиваться капиталистические отношения, формировались пролетариат и национальная буржуазия. Однако в целом Туркестанский и Степной края продолжали оставаться отсталыми аграрными окраинами. Удельный вес фабрично-заводской промышленности в народном хозяйстве был весьма незначительным.

2. В результате жестокого социального и национального гнета положение рабочих и всей городской бедноты было невыносимо тяжелым. Национальная буржуазия

---

[208] «Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.» Указ. сб., стр. 367.

[209] Там же, стр. 212, 224, 297, 301, 351, 394, 495 и др.

вместе с российской буржуазией накапливала себе капиталы за счет все более увеличивающегося гнета рабочих и трудящихся масс.

3. Огромная масса кишлачной и аульной бедноты, будучи малоземельной и малоскотной, также влачила жалкое существование. Она жестоко страдала от феодального и капиталистического гнета, от насильственной переселенческой аграрной политики, тяжелых налогов и повинностей.

Хотя в кишлаке и ауле шла классовая дифференциация и создавались большие резервы рабочей силы из числа разорившихся дехкан и скотоводов, однако последние из-за чрезвычайно слабой развитости капитализма в городе и селе оставались в сетях феодальных и полуфеодальных форм эксплуатации. Одновременно в кишлаке и ауле росли и обогащались феодальные и байско-кулацкие хозяйства, сконцентрировавшие в своих руках огромные площади земли и большое количество скота. Большая часть из них, приспосабливаясь к укладу капиталистической России, видоизменяла свое хозяйство.

Но все эти хозяйства, накопив за счет жестокой эксплуатации кишлачной и аульной бедноты капиталы, направляли их главным образом не на развитие производительных сил сельского хозяйства по капиталистическому руслу, а на торгово-ростовщические операции. Это тормозило разложение феодального способа производства и усугубляло тяжелое положение основных масс мелких производителей.

В. И. Ленин, раскрывая сущность докапиталистической эксплуатации крестьян в пореформенной России, характеризовал ее как старую кабалу: «Нищий крестьянин,— писал он,— оставаясь нищим и полуголодным, даже в лучший год, имея слабую, голодную лошадь, имея старые жалкие нищенские орудия, идет в кабалу к помещику, к «барину», потому что мужику некуда деться»[210].

Данное положение в еще большей степени можно отнести к характеристике дореволюционного состояния кишлака и аула, где была так широко распространена феодальная эксплуатация.

4. Народы Туркестана и Казахстана находились под тяжелым национально-колониальным гнетом, который

[210] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 168.

еще более усилился в период империализма. Реакционная черносотенная, в том числе захватническая переселенческая политика царизма обрекла широкие народные массы края на нищету и разорение.

Жестокий социальный и национальный гнет царизма, российских помещиков и капиталистов вместе с местными эксплуататорами не смог не вызвать сопротивления широких народных масс. В тесной связи с революционным движением в России под руководством русского рабочего класса пробуждались и поднимались на освободительную борьбу и народы Средней Азии и Казахстана.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ НАРОДОВ КРАЯ

Влияние революции 1905—1907 годов на рост революционного освободительного движения в Средней Азии и Казахстане

Неимоверные страдания угнетенных масс Средней Азии и Казахстана вызывали рост их сопротивления против царизма, российских и местных эксплуататоров. Революционное движение рабочего класса России имело большое влияние на усиление освободительной борьбы в национальных окраинах, в том числе в Средней Азии и Казахстане.

В начале XX века, в 1904—1906 годах, во многих городах края — Ташкенте, Самарканде, Асхабаде, Кзыл-Арвате, Коканде, Кустанае, Семипалатинске, Уральске, Казалинске, Актюбинске, Верном, Пишпеке и других местах возникли социал-демократические группы и кружки. Основными революционными центрами большевистского руководства деятельностью социал-демократических групп и кружков в крае являлись Омск, Томск и Ташкент.

Известно, что в Казахстане начали свою революционную работу выдающиеся деятели Коммунистической партии, ученики и соратники В. И. Ленина — М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев и С. М. Киров. В организации местных социал-демократических групп и распространении марксизма в крае сыграли большую роль большевики В. В. Бабушкин, В. К. Курнатовский, В. Д. Корнюшин, М. В. Морозов, А. В. Худаш, П. Виноградов и многие другие.

В исторической литературе получила широкое освещение революция 1905—1907 годов в Туркестане и Казахстане. В связи с изучаемым нами вопросом — восстанием 1916 года — нам необходимо подчеркнуть значение пер-

вой русской революции в развитии национального движения в крае.

В связи и под влиянием революции 1905—1907 годов национальное движение в Средней Азии и Казахстане, как и в других колониальных окраинах, вступило в новый исторический этап. Если происходившие в XIX веке национальные движения в Средней Азии и Казахстане недостаточно были связаны с русским революционным рабочим движением, а освободительные идеи в известной мере затушевывались, затемнялись религиозным фанатизмом, а сами эти движения нередко носили религиозную окраску, то в связи с революцией 1905—1907 годов положение коренным образом изменилось. На этом новом этапе национально-освободительное движение развивалось в значительно более тесной связи с революционной борьбой рабочего класса России против царизма и именно в этот период «...пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции» [1].

Определение В. И. Ленина «... в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением»[2],— относится и к Средней Азии и Казахстану. В этой связи национальный вопрос, освобождение народов края от национально-колониального гнета играли важное значение, что является одной из особенностей буржуазно-демократической революции в крае.

Развертывавшаяся в России и в самом крае революционная борьба русских рабочих и солдат в огромной степени повлияла на местных трудящихся. Не случайно, испугавшийся размаха революции в 1905 году граф Витте, в телеграмме на имя Туркестанского генерал-губернатора давал указание: «Я вам советую ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание» [3].

Во «всеподданнейшем» докладе генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году» отмечалось, что в течение последних 3—4 лет (имеются в виду

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, стр. 198.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 241.
[3] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 319, л. 148.

1905—1909 годы.— *Х. Т.*) среди мусульман Средней Азии «произошла своего рода эволюция: идеи панисламизма или всемусульманства заменились сначала стремлением к национальному объединению, а затем проявились тенденции революционно-сепаратистские и даже социалистические»[4].

Таким образом колониальные власти признавали, во-первых, ослабление идей панисламизма и усиление в крае революционных социалистических идей, что особенно видно из следующих строк «всеподданнейшего» доклада: «Так называемое освободительное движение в 1905 году в Европейской России не только получило отклик и здесь, но даже и началось несколько раньше (с января 1905 г.), чему в значительной степени способствовало соединение Туркестана с общероссийской сетью железных дорог, в силу которого в Туркестан двинулось немало нежелательных и вредных для общественного спокойствия элементов. Вместе с этим и туземцы, не остаются равнодушными к широко разлившейся волне революционной пропаганды и общего понижения чувства нравственности, законности и порядка; благодаря всему этому число преступлений заметно увеличилось, а с этим вместе усилилась и работа полиции»[5].

Если из этих строк исключить типично полицейское смешение политических революционных действий в крае с общими разговорами «о падении нравственности» и «преступности», то со всей очевидностью обнаруживается тревога, какой были охвачены колониальные власти в связи с усилившимся революционно-освободительным движением в Туркестане, в органической связи с общероссийской революционной борьбой.

В донесениях царских чиновников имеются признания о влиянии русской революции и на население Степного края. Так в обзоре Омского жандармского управления «о политическом положении в Степном крае в 1910—1914 гг.» указывалось, что «революционное движение 1905—1906 гг. захватило и Степной край» и что среди «инородческого» населения «под влиянием культуры в

---

[4] «Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году», стр. 13.

[5] Там же, стр. 20.

массах начинает просыпаться национальное самосознание»[6].

Известно, что трудящиеся местных национальностей под руководством русских рабочих участвовали в забастовках и демонстрациях в 1905 году. Еще в период революции 1905—1907 годов большевики Туркестана разоблачили клевету меньшевиков и эсеров, отрицающих революционность трудящихся местных национальностей. В газете «Русский Туркестан» указывалось, что глубоко заблуждаются те, кто полагает, что местное коренное население Туркестана совершенно безучастно относится к революционному движению в России и не понимает поставленных этим движением целей. «Мы имеем возможность неоднократно убедиться в том,— писала далее газета,—что интерес к революционному движению в России и его проявлению у нас в Туркестане, в туземной среде возрастает с каждым днем и что отдельные, довольно многочисленные представители этой среды, несмотря на недостойные попытки дискредитировать в их глазах это движение, выработали вполне правильный взгляд на события последнего времени»[7].

Местные революционные социал-демократы — большевики стояли на правильном пути, отстаивали ленинскую программу по национальному вопросу и были до конца верны пролетарскому интернационализму. Для подтверждения сказанного приведем некоторые документы. Вот что писали ташкентские большевики в нелегальной газете «Солдатский листок «Правда»: «Мы, социал-демократы, должны требовать, чтобы в республике каждая нация имела право определить свою свободу.., рабочий класс требует равноправия населяющих Россию национальностей и признания за каждой национальностью права на самоопределение, то есть определения своего внутреннего управления и своего отношения к Российской республике»[8].

Большевики в газете «Самарканд» в одной из статей писали: «Призывая к единению, к солидарности во имя будущего лучшего, во имя мощи и нравственной силы

---

[6] Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 годах, сборник документов и материалов, Алма-Ата, 1957, стр. 512 и 518.

[7] «Русский Туркестан», № 258, 6 декабря 1905 г.

[8] Цитируется по книге *Н. Ф. Симонова* Большевистская печать в Туркестане (1902—1907 гг.), Ташкент, 1940; стр. 25—26.

дорогой Родины, мы, русские, должны обеспечить всем национальностям... мирное трудовое существование». В другой статье в той же газете большевики указывали, что национальное равноправие, предоставление простора самобытным силам каждого народа «может привести к культурному сближению и духовному единению окраин с центром» [9].

Разоблачая клевету ташкентской реакционной буржуазной «партии порядка» о том, что социал-демократия якобы безразлична к судьбам трудящихся местных национальностей, большевики Ташкента выпустили специальную прокламацию, озаглавленную «Ослиные уши». В ней указывалось, что не представители так называемой «партии порядка», из-за которых виднелись «ослиные уши» буржуазии, а революционная социал-демократия «всегда и всюду стояла и стоит на страже интересов всей народной бедноты без различия национальностей. Она вместе с тем заклятый враг всех эксплуататоров, а также «порядочников» (то есть представителей «партии порядка».— *Х. Т.),* что революционные социал-демократы лучше понимают интересы бедных слоев местных национальностей, «и будущее покажет, кто из нас прав—вы ли, черные вороны и летучие мыши, или мы — защитники народных интересов» [10]. И действительно, исторический опыт всецело подтвердил тот неоспоримый факт, что именно большевики оказались поборниками интересов трудящихся всех национальностей, в том числе и народов Узбекистана.

Уже в период революции 1905—1907 годов большевики Туркестана и Казахстана налаживали связь с местными трудящимися, вели среди них большевистскую агитацию. Под влиянием рабочего движения происходило революционно-освободительное движение в кишлаках и аулах. Обычно борьба дехкан и кочевников носила характер отказа от уплаты налогов, самовольного захвата байских земель, избиения старост, пятидесятников, но в ряде мест дело доходило до открытых вооруженных выступлений.

По словам В. И. Ленина. именно «революция 1905—1907 гг. окончательно разбудила Азию. Народные массы,

---

[9] «Самарканд», № 61, 23 марта 1905 г.
[10] ЦГА УзССР, ф. 133, д. 179, 1906 г.

забитые в средневековом застое, проснулись к новой жизни и борьбе за азбучные права человека, за демократию»[11]. Ленинское положение о том, что народные массы Азии проснулись под влиянием первой русской революции, дает нам возможность понять характер постепенно развивавшегося революционного движения в Средней Азии и Казахстане.

Национально-освободительное движение здесь не было изолированным от общероссийского революционного потока, а наоборот, находилось в тесной связи с последним. Вот один из характерных примеров. В донесении Ферганского военного губернатора одной из главных причин восстания 1916 года указывалась следующая: «Приток просветителей в 1905 и 1906 гг., осветивших перед «братьями туземцами» недомогание русской жизни... окончательно расшатал в глазах туземцев единственно признаваемую ими твердую власть, установив вместе с тем убеждение и в бессилии русской государственной идеи проникнуть в народную жизнь» [12].

Первая русская революция создала благоприятную почву для дальнейшего распространения революционных, марксистских идей среди трудящихся масс коренных национальностей. Военный губернатор Сырдарьинской области с тревогой предупреждал начальников всех уездов о проникновении в казахскую степь «распространяющей деятельности революционных партий», и что «пропаганда агитаторов среди киргизского (казахского.— *Х. Т.*) населения Тургайской, Оренбургской и Акмолинской областей производит некоторое волнение умов...»[13]. Военный губернатор Тургайской области в письме Департаменту полиции признавал полную беспомощность местной полиции в борьбе с растущим здесь освободительным движением. «Единственной мерой,— писал он,— которая могла бы обеспечить сохранение порядка среди местного населения, является безотлагательное учреждение при уездных правлениях специальных конных страж»[14].

---

[11] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 66.

[12] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. I, д. 157, л. 227.

[13] Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. (Сборник документов и материалов), Казгосиздат, Алма-Ата, 1955, стр. 125.

[14] Там же, стр. 260.

Революционная борьба трудящихся масс Средней Азии и Казахстана получила дальнейшее развитие в годы нового революционного подъема. Забастовочное движение, охватившее Россию, распространилось на окраины, в том числе Туркестанский и Степные края. Огромное политическое значение в революционном подъеме сыграл Ленский расстрел. Участились забастовки рабочих на заводах, нефтепромыслах, железнодорожных мастерских и рудниках.

Значительным событием в общественно-политической жизни Туркестанского края явилось происходившее в июле 1912 года в Ташкенте восстание солдат 1-го и 2-го Туркестанских саперных батальонов. Хотя восстание саперов было жестоко подавлено, тем не менее оно свидетельствовало о растущей революционной борьбе народных масс.

Одна за другой восстанавливались разгромленные в годы реакции местные социал-демократические организации. Большевики Туркестана и Казахстана развертывали деятельную работу по осуществлению исторических решений VI (Пражской) общепартийной конференции РСДРП. Организаторами местных большевистских групп в Туркестане являлись В. П. Вахнин, П. М. Виноградов, В. С. Ляпин, Д. И. Манжара, Д. Я. Полуян, В. В. Сахаров, П. Ф. Сахарова, Н. В. Шумилов, И. Т. Фиолетов, Я. Я. Упмаль и другие. Ташкентская группа РСДРП, состоявшая в основном из большевиков во главе с Я. Я. Упмалем, по существу первой установила связь с ЦК РСДРП(б). Ленинский ЦК направлял деятельность Ташкентской группы РСДРП, посылал ей из-за границы большевистскую литературу [15].

Огромное значение в развитии революционной борьбы в крае сыграла большевистская газета «Правда», которая все более широко распространялась среди рабочих и солдат. 13 ноября 1913 года вышел первый номер социал-демократической газеты ташкентской группы РСДРП «Ташкентский рабочий». Местные большевики выступали организаторами и руководителями забастовок рабочих.

---

[15] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Социал-демократические организации Туркестана в дооктябрьский период (1903— март 1917), Госиздат УзССР, Ташкент, 1958, стр. 152 и 162.

Так, например, под руководством Челекенской большевистской организации во главе с И. Т. Фиолетовым в 1912—1914 годах происходил ряд крупных забастовок рабочих нефтепромыслов.

Революционное движение в крае в официальных документах колониальных властей обычно характеризовалось как поступки и нарушения против порядка управления, спокойствия и общественного благоустройства. В отчетах и обзорах областей после 1905 года и особенно с 1910—1911 годов указывалось на рост подобных «нарушений и поступков». Так по обзорам Ферганской области видно, что за «поступки против порядка управления» и «общественного благоустройства», «нарушения устоев казенного управления и порядка спокойствия» в 1911 году было официально возбуждено 833 дела, а в 1913 году 1220 дел[16]. Дела по привлечению к судебной ответственности за подобные «поступки и нарушения» в Сырдарьинской области с 3487 в 1911 году возросли до 5394 дел в 1913 году[17].

По донесениям колониальных властей в Закаспийской области «преступления против порядка управления» с 225 случаев в 1905 году дошли до 1141 случая в 1911 году. По тем же данным, здесь происходили «разбойничьи» нападения в 1910 году — 27, в 1911—42, в 1912—59, в 1913 году — 66 раз[18].

Под благотворным влиянием революционной борьбы рабочего класса России усиливается и аграрное движение в Туркестане и Казахстане.

Участились случаи волнений и вооруженных выступлений среди казахов и киргизов Степного края и Семиреченской области. Они носили характер протеста народных масс против земельных стеснений и произвола со стороны переселенческих организаций и манапов. Крупное выступление казахов произошло, например, в Лепсинском уезде, о котором газета «Правда» в №5 от 24 июня 1912 года поместила сообщение под заголовком

---

[16] «Обзор Ферганской области» за 1911 г., Скобелев, 1914. Приложение 17, Скобелев, 1916.

[17] «Обзор Сыр-Дарьинской области», за 1911 год, Ташкент, 1913, прилож. XXVIII и за 1913 г., Ташкент, 1916.

[18] Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы), стр. 16.

«Волнение в Туркестане» [19]. Вооруженные столкновения происходили в июне 1912 года в ряде аулов Каракольской волости и в других местах. В эти годы усилилось забастовочное движение рабочих горных предприятий и др.[20] Рост недовольства народных масс и усиление сопротивления властям признавались и представителями колониальной администрации. В частности, в рапорте Тургайского уездного начальника за ноябрь 1913 года отмечалось, что настроение жителей уезда изменилось к худшему и проявлялось, «в резко определенной форме неподчинении распоряжениям должностных лиц». Далее уездный начальник сообщал, что «подобные случаи в степи наблюдались и раньше, но за последнее время таковые стали повторяться чаще и в более резких формах»[21].

Среди казахов и киргизов усилилась борьба против захватнической переселенческой политики царизма. Недовольство аульной бедноты превращалось в открытое сопротивление переселенческим отрядам, проводившим изъятие земель у населения. Такие открытые выступления аульной бедноты в 1912 году произошли в Каракольской волости и в районе Чаткала Семиреченской области[22].

В сборнике документов «Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.» приводятся интересные материалы, характеризующие слияние борьбы трудящихся аула и русской переселенческой бедноты против царского самодержавия и местных эксплуататоров. В частности, имеются данные, когда русские крестьяне-переселенцы вместе с казахскими трудящимися устраивали нелегальные собрания, на которых обсуждались вопросы совместных выступлений против царизма. Так в памятной записке горного исправника 3 округа Оренбургской губернии губернатору Тургайской области от 14 ноября 1911 года сообщалось, что в местности «Киен-Сай» переселенцы и казахи устраивают «незаконные сборища, на которых обсуждаются вопросы избиения военных и гражданских властей» и что «на сборищах принимают учас-

---

[19] Рабочие и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг., Сб. документов и материалов, стр. 395.

[20] Там, же, стр. 396—400, 407, 464, 473 и др.

[21] Там же, стр. 475.

[22] История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1956, стр. 382.

тие и переселенцы окружающих участков Кустанайского у. (уезда.—*Х. Т.*) и местные киргизы (казахи.—*Х. Т.*)»[23].

Всестороннее изучение роста революционного освободительного движения, происходившего в Средней Азии и Казахстане до восстания 1916 года, является задачей специальных исследований. Нами приведены в качестве политических предпосылок восстания некоторые характерные примеры, которые свидетельствуют, что под влиянием первой русской революции у народов Средней Азии и Казахстана началось политическое пробуждение, усилилось революционное освободительное движение. В ходе борьбы против царизма, помещиков и капиталистов складывался союз русского рабочего класса с угнетенными трудящимися массами коренного населения Средней Азии и Казахстана.

В этих условиях все больше терпели крах попытки панисламистских националистических групп разъединить народы края от революционной России и одурманить сознание масс ядом панисламизма и пантюркизма.

Рост революционного освободительного движения и возникновение союза между рабочим классом и трудящимися массами Средней Азии и Казахстана серьезно беспокоили местные феодально-клерикальные и буржуазные группы и их идеологов.

Известно, что напуганная революцией русская буржуазия и ее партия — партия кадетов, выступила против революции в блоке с царизмом. По словам Ленина, кадеты больше всего боялись народа и на деле хотели «сделки с монархией, то есть с погромщиками против народа» [24].

Национальная буржуазия Средней Азии и Казахстана так же, как и русская буржуазия, всецело стояла на позициях предательства интересов народа. Контрреволюционная роль национальной буржуазии обусловливалась ее экономической и политической зависимостью от царизма и русской буржуазии, страхом перед развивающейся революцией. Политическая линия национальной буржуазии выражена в идейной платформе ее партий — джадидов в Туркестане, алаш-ордынцев — в Казахстане.

Лидер джадидизма М. Бехбуди в своей программной

---

[23] Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. Сб. документов и материалов, стр. XX и 362.

[24] *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, стр. 272.

статье, опубликованной в газете «Хуршид» 11 октября 1906 года, призывал всех поддерживать партию кадетов и бороться против социал-демократов — большевиков. Он считал, что партия кадетов сходна с джадидами. Поэтому М. Бехбуди ратовал за блок национальной буржуазии и ее идеологов — джадидов с русской буржуазией в лице кадетов. Восхваляя царский манифест 17 октября, газета джадидов «Шухрат» писала 8 января 1908 года, что «Манифест 17 октября обрадовал наши сердца, он освободил все народы России от железных цепей неволи... Но до сих пор нет еще полного спокойствия. В России постепенно ликвидируются беспорядки, забастовки, митинги и политические движения. Надеемся, что правительство, которое сумело уже частично навести порядок в стране, найдет необходимые силы против сегодняшних беспорядков и освободит от рук хулиганов имущество и жизнь народа. Как ни говорите, революция в России продолжается вот уже четвертый год»[25].

Взгляды национальной буржуазии и ее идеологов — джадидов и алаш-ордынцев не были однородными. Кроме ориентации на царизм и русскую буржуазию, среди них существовали явно пантюркистское и другие сепаратистские течения. Лидеры джадидов Бехбуди, Мунавар Кары и прочие были ярыми сторонниками пантюркизма. Однако экономическая и политическая слабость национальной буржуазии и ее зависимость от царской России, страх перед революционным движением в крае, толкали ее в объятия царизма и русской буржуазии. Поэтому национальная буржуазия, по их мнению, должна была уметь лавировать в зависимости от сложившейся обстановки. Эти взгляды были выражены, например, в пьесе М. Бехбуди «Падар куш» («Убийца отца»). В пьесе рассказывалось, как сыновья баев, получив образование в Турции, Америке, Мекке, во Франции, могли затем служить в аппарате царской администрации и стать соучастниками, «компаньонами» царской власти. В этом джадиды видели спасение «нации»[26].

---

[25] Цитируется по кн. *З. Раджабова.* Россия и таджикская литература конца XIX и начала XX вв. Таджикгосиздат, Душанбе, 1959, стр. 26.

[26] *Ибрагим Муминов.* Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв. Госиздат УзССР, Ташкент, 1957, стр. 190—191.

Национальная буржуазия, вступив в блок с царизмом для общей борьбы с революционным движением в стране, однако ни на минуту не забывала своих интересов. Предвоенные годы характеризовались повсеместным усилением националистических тенденций и в этом отношении Средняя Азия и Казахстан не были исключением. Именно в этот период усилилась реакционная деятельность панисламистов и пантюркистов. Об этом свидетельствует в частности распространение в Туркестане и Бухаре листовок, прокламаций панисламистского и пантюркистского направления. В 1911—1912 годах была переведена на узбекский язык и распространена брошюра Рафика-бек Эль Агзама (переводчик Закир Эль Кадыри). В брошюре было написано, что в ней «изложен взгляд мусульманской религии на социализм, анархизм и другие учения, возникшие на Западе, а также и на жизнь вообще». Автор пытался доказать, что никакое новое учение, возникшее на Западе, в том числе социализм, не может привести человека к счастью, и что единственный путь к улучшению общественных отношений — это соблюдение заветов мусульманской религии. Автор писал, что он «никак не мог понять, каким образом непонятные и неосновательные теории социалистов могут привести людей к счастью» и что «как материальное, так и духовное счастье возможны лишь при соблюдении божественных законов»[27].

Панисламисты, несомненно, были обеспокоены все более распространявшимся среди населения края влиянием учения о социализме и всеми силами стремились помешать этому. Панисламистские круги Казахстана — муллы и баи в своих петициях царю начали открыто выступать с антинародными реакционными идеями. Они ходатайствовали, чтобы казахский народ именовался «мусульманами-киргизами»; настаивали на запрещении казахам переходить из магометанства в другую веру. Авторы петиций просили, чтобы на свободные земли не переселяли русских крестьян, а чтобы эти земли были предоставлены мусульманам с Кавказа или из России для совместного дружного ведения жизни единоверцев«... чтобы были дозволены вакуфы»[28]. Таким образом в при-

[27] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1168, лл. 146—147.

[28] Цитир. по кн. История Казахской ССР, т. I, изд. АН КазССР, Алма-Ата, стр. 499.

тязаниях мулл и баев речь шла не об интересах бедноты, а об укреплении своих классовых позиций, чтобы еще больше эксплуатировать и грабить казахский народ.

Клерикальные элементы пытались использовать возмущение населения царской переселенческой политикой в своих интересах. Муллы, разъезжая по аулам, разъясняли народу, что царским правительством «нарушено слово о неприкосновенности киргизских земель и что в земельном вопросе единственной надеждой является турецкий султан»[29]. Байско-манапскими группами была издана брошюра под названием «Есил Джуртым» («Страждущая родина»). Составители этого пасквиля пытались противопоставить киргиз русским крестьянам-поселенцам. Они писали, что при ханах и пастухам жилось хорошо, но киргизы ошибались, не поняв заслуг Кенесары, Казымбека, Нарузбая, Ерджабая и других султанов и манапов. «Все они были сильные люди и работали на народную пользу,— писали авторы,— но и этим киргизы не подчинялись и сбились с пути, несмотря на угрозу, и что вместо того, чтобы быть им достоянием другим, они своими руками уничтожали их (султанов и манапов.— *Х. Т.)*. Если бы эти сильные духом люди были наши современники, то мы не были бы тем, чем стали»[30]. Составители брошюры всячески возвеличивали былых ханов, султанов, выдавая их за народных вожаков, сожалели, что киргизы не пошли за ними. Они ратовали далее за то, чтобы подобные же ханы появились бы для избавления киргизов от русского господства.

В таком же духе была написана и распространена брошюра «Оян Казах!» («Очнись, казах!»), изданная в Оренбурге в 1911 году. В брошюре говорилось, что в тяжелом положении, в котором очутились казахи, виноваты русские, и казахи призывались к борьбе с русскими. Националистический характер брошюры явно виден, например, из следующих строк: «Теперь мы приносим свои молитвы, чтобы восстал[31] из могилы Ходжа Ахмед Яссави[32] и поднявшись на вершины гор Алатау, кликнул клич и от Эмбы до Аму-Дарьи не останется никого, кроме киргиза»[33].

[29] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1168, л. 349.
[30] Там же, д. 1172, лл. 169—175.
[31] Очевидно «встал» *(Х. Т.)*.
[32] По исламистской религии Ходжа Ахмед Яссави был пророком.
[33] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1172, лл. 176—191.

В 1913 году в г. Верном (Семиречье) был создан конспиративный панисламистский «Кружок мусульман» во главе с муллой Ильясом Изнабакиевым и Кабильджаном Маланкуловым. «Кружок» призывал мусульман сплотиться и умереть, защищая веру[34]. В этот период между Семиречьем и Бухарой шла тайная переписка по поводу возможности объявления «Шейх-уль Исламом»[35] священной войны—«газават»[36]. Надо при этом иметь в виду, что Бухара являлась одним из центров панисламизма. Здесь находился в частности и ишан Шаяхсы[37], из исламистского ордена «Накш-бендия», имевший своих приверженцев-мюридов в различных местностях Средней Азии. Он имел непосредственную связь с султанской Турцией[38].

Реакционные группы в проведении своей антирусской, панисламистской и пантюркистской работы во всей Средней Азии широко использовали известную обособленность Бухарского ханства от России. Большую надежду возлагали на Бухару националистические группы оттоманской Турции, в частности партия турецкой буржуазии «Единение и прогресс» («Иттиход ва таракки»), созданная Энвер-пашой, Джамал-пашой, Талаат-пашой и другими. Впоследствии германским империалистам удалось подчинить своему влиянию «Единение и прогресс» и использовать ее в подготовке первой мировой войны в интересах Германии. Партия «Единение и прогресс», поощрявшаяся германскими империалистами, развернула широкую панисламистскую и пантюркистскую работу в Бухаре и Туркестане[39].

В Бухаре, Самарканде, Мерве, Андижане, Коканде, Ташкенте и других городах Средней Азии были созданы конспиративные панисламистские комитеты, тесно связанные с турецкой партией «Единение и прогресс». След-

---

[34] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1319, лл. 34—35.

[35] Шейх-уль-Ислам — высшая духовная должность в Бухарском ханстве.

[36] ЦГА УзССР, ф. 461, д. 1319, л. 36.

[37] Шаяхсы — название местности, где жил ишан, настоящее имя которого было Ходжа Мулла Худайберды Шейх, но он был известен как шейх Шаяхсы.

[38] ЦГА УзССР, ф. 1, д. 1131, лл. 11—12.

[39] Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. Сборник документов, кн. IV, составитель проф. А. Г. Соловьев, изд. Туркм. фил. АН СССР, Ашхабад — Москва, 1946, стр. 235.

ствие по делу турецкого подданного пантюркиста Ризабека Эфенди (подлинное имя — Риза Кул хан ходжи Аскеров), арестованного в Бухаре русскими властями в апреле 1911 года, вскрыло, что панисламистский комитет в Бухаре состоял из турецкого подданного книгопродавца Халила Эфенди, бухарцев — Сабирова, Ахадбека, Зиндакула. Последние три несколько раз посещали Турцию. В Коканде комитет возглавлял крупный богач Мирабидбай. В числе членов комитета были Якуб Ходжа — биржевой маклер, Умарбай — владелец четырех заводов. В составе комитета в Андижане находились Миркамилбай, Ана верды бай (заводовладелец) и Серкер — биржевой маклер[40].

Комитеты собирали денежные пожертвования в пользу Турции, вели панисламистскую пропаганду. Ими руководил центральный комитет в Турции, возглавляемый той же партией «Единение и прогресс», «чтобы путем пропаганды объединить возможно большее число единомышленников и объединенными силами всего Туркестанского края и Бухары и Турции отложиться от России и, если не создать отдельную политическую единицу, то примкнуть к Турции»[41].

Упомянутый Риза Кул хан Эфенди призывал далее к тому, что «партия единения и прогресса» была подготовлена к агрессивным действиям, но ждала для этого удобного момента. Бухарский комитет этой партии получал все директивы из Турции через членов партии регулярно посылаемых в Стамбул. Из Бухары ездили в Турцию мударисы (высшие духовные лица), Ходжа Музор Махсум, Ходжа Тюра Ходжа, Усман Ходжа и Ходжа Мир Султан[42]. Панисламистским комитетом «Единение и прогресс» в Бухару был направлен в частности член комитета Салих эфенди, который пытался поднять в Средней Азии панисламистское движение. В Туркестане и Бухаре распространялись турецкие журналы: «Сыраты Мюстеким» («Истинный путь»), «Хикмат» («Мудрость»), «Теарюфи-мюслимин» («Взаимное ознакомление мусульман»)[43].

---

[40] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1038, лл. 105—106 и 127.
[41] Там же.
[42] Там же, лл. 105—106.
[43] ЦГА УзССР, ф. Сыр-Дарьинского областного правления, оп. 3, д. 1346, лл. 13—14.

Панисламисты маскировали свои подрывные действия идеями единства мусульман, независимо от классовых различий. В распространяемом по Средней Азии турецком журнале «Сыраты Мюстеким» пробуждение мусульманского мира характеризовалось как сплочение всех мусульман Востока под эгидой ислама. В статье «Пробуждение в мусульманском мире», в № 126 от 20 января 1911 года, эта идея была выражена очень ясно: «Что же касается панисламизма, то он заключается в следующем. Мы, мусульмане, где бы ни жили, должны составлять из себя один цивилизованный народ»[44]. Опубликованная в № 102 (августа 1915 г.), этого же журнала статья под заглавием «Панисламизм призывала: «Хвала богу, который приказал нам соединиться воедино. О, братья, знайте, что всех нас соединяет наша вера — ислам. Это единение нам приказывает сам коран». И далее: «Сделаем основой наших всех предприятий нашу религию ислам и предписания Мухаммеда...» Журнал призывал мусульман, как «героев ислама», быть готовыми «сложить свою голову и пожертвовать всем своим имуществом». Ратуя о необходимости устранения внутренних раздоров, то есть проповедуя «классовый мир», журнал обращался к мусульманам всех стран, в том числе и Туркестана, Бухары, Кавказа объединиться с турецким султаном как с единственным защитником ислама, «наместником пророка». Если султан — голова тела,— писал журнал,— то остальные мусульмане суть члены его... Все мусульмане, на основании корана сражающиеся с неверными, суть войско»[45].

Такое же содержание в распространенном в Туркестане и Закавказье паломниками в Мекку тексте «Речи, произнесенной в Мекке» — «Единение ислама». В этой речи, с сожалением констатируется отсутствие единства у мусульман и подтверждается, что все единоверцы ислама должны подчиняться «наместнику Магомета, святейшему из святых, его величеству Султану Турецкому»[46].

Лозунгом «единства веры и исламского мира» панисламисты прикрывали свои черные агрессивные замыслы. Для этой цели в Турции была создана специаль-

---

[44] Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг., указ. сб. документов, IV, стр. 239.

[45] Там же, стр. 243—244.

[46] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. I, д. 949, лл. 8—12.

ная школа «Ены Джамы», в которой готовились из числа молодежи Бухары и Туркестана приверженцы панисламизма. В Среднюю Азию из Турции направлялись на конспиративную работу панисламистские эмиссары под видом учителей, имамов, торговцев и паломников, посылалась панисламистская литература и т. п.[47] В одной из прокламаций некоего «Совета мусульман» в 1913 году, озаглавленной «Мусульманам», было написано, что в Балканской войне «европейцы убивают и угнетают мусульман, мусульмане должны объединиться вокруг Турции». Составители прокламации сетовали о том, что туркестанские мусульмане, находящиеся под властью царской России, ничего не посылали Турции и что «необходимо помочь последней, как воюющей, для религии»[48].

Реакционная деятельность панисламистских и пантюркистских кругов наносила вред росту революционного и освободительного движения и политического сознания народных масс в крае. Однако народные массы на опыте все более убеждались в реакционном характере деятельности джадидов, алаш-ордынцев, феодально-клерикальных элементов. Исторический опыт показал, что националистические, пантюркистские и панисламистские течения и группы не имели опоры в народе и поэтому в конечном итоге были обречены на провал.

Именно со времени первой русской революции начался все более заметный процесс освобождения трудящихся коренного населения, в том числе дехканства, от влияния феодально-клерикальных элементов.

Даже в донесениях царской охранки признавалось отрицательное отношение широких слоев населения к панисламистским и пантюркистским идеям. Так из Ферганской области сообщалось, что в Андижане возникла буржуазно-джадидская группа «Тараккий парвар», и при этом подчеркивалось, что хотя организаторы назвали группу эту «Тараккий парвар» или обществом «Единения и прогресс», «но народ их называет «подаркуш» («отцеубийцей»)[49]. В донесениях охранки Закаспийской области

[47] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1038, лл. 105—106; д. 949, лл. 2—6 и Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг., сб. документов, кн. IV, стр. 248—265.

[48] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1168, лл. 294—295.

[49] Там же, д. 1116 а, лл. 2—3.

подчеркивалось, что антирусская панисламистская агитация не имела успеха у туркменского населения. Заведующий Асхабадским розыскным пунктом в своем донесении от 6 октября 1913 года писал, что ежегодно в Тедженском уезде появляются муллы и ишаны, преследующие исполнение своих целей путем религиозной антирусской пропаганды. Однако он отмечал, что «настроение туземцев к русским надо признать нормально-миролюбивым, что и подтверждается фактически тем, что русское население, очутившись совершенно в среде туземцев, далеко от административной защиты, как например, русские поселенцы и рабочие, обижаемыми туземцами не бывают» и что со стороны туркмен «недовольство не проявлялось»[50]. В другом донесении охранки сообщалось, что панисламизм в Закаспийской области, и в частности в Асхабаде, имеет мало успеха, и что не туркменское население в целом, а лишь преимущественно зажиточный класс склонен к панисламизму[51].

Представители прогрессивной демократической культуры народов Средней Азии и Казахстана — Абдулла Салих (Завки), Аваз Отар, Джамбул Джабаев, Искандияр Кубеев, Мулла — Мурат Дурды Клыч, Садриддин Айни, Сабир Донантаев, Токтагул Сатылганов, Хамза Хаким-заде Ниязи и другие в своих произведениях разоблачали предательство, лицемерие и ханжество баев, мусульманского духовенства и проводили идею сближения и дружбы с передовой Россией, с русским народом, и они находили живой отклик у народных масс.

Благоприятным историческим обстоятельством для народов Средней Азии и Казахстана являлось то, что здесь на рост политического революционного сознания народных масс имела непосредственное, благотворное влияние революционная борьба рабочего класса России во главе с партией большевиков. Трудящиеся массы края на опыте убеждались в том, что их истинным руководителем и защитником является русский рабочий класс.

Таким образом усилившийся в империалистический период России социальный и политический гнет по отношению к народам Средней Азии и Казахстана вызывал отпор со стороны народных масс. Первая русская рево-

---

[50] ЦГА УзССР, ф. 461, оп. 1, д. 1319, лл. 34—37.
[51] Там же, д. 1170, л. 5.

люция дала огромный толчок для политического пробуждения и роста революционного и национально-освободительного движения народов края, и восстание 1916 года явилось одним из важнейших звеньев этого развивавшегося народного движения. 1916 год характеризовался дальнейшим резким ухудшением положения трудящихся Средней Азии и Казахстана, что имело непосредственное влияние на дальнейший рост здесь революционного движения и в частности, начало восстания 1916 года.

Глава III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

Первая мировая война и дальнейшее ухудшение положения народных масс Средней Азии и Казахстана

Социально-экономическая обстановка в крае накануне восстания 1916 года была непосредственно связана с первой мировой войной и ее последствиями.

Первая мировая война возникла в результате обострения глубоких противоречий империализма. Неравномерность и скачкообразность развития отдельных стран привела к неизбежным изменениям соотношения сил между отдельными странами капитала, к новой войне империалистических держав за передел мира. В заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 года, глубоко вскрыта сущность захватнических войн, порождаемых капитализмом. «Война,— говорится в заявлении,— является постоянным спутником капитализма. Система эксплуатации человека человеком и система истребления человека человеком — две стороны капиталистического строя»[1].

Таковой являлась и первая мировая война. В ней столкнулись две крупные военные группировки империалистических держав — Англия, Франция, Россия и их союзники и Германия, Австро-Венгрия и Турция. Буржуазные партии всячески затушевывали захватнический, империалистический характер войны. Они, выступая с лживыми лозунгами «О защите отечества», «освобождение наций», раздували шовинистическую про-

[1] Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, М., 1961.

паганду. Почти все партии II Интернационала, изменив делу марксизма, встали на путь «оборончества», защищали буржуазию и империалистическую войну. Меньшевики и эсеры также поддерживали войну. Явно предательскую роль сыграли и центристы во главе с Троцким, стоявшие на позиции оборончества и пытавшиеся задержать отход рабочих от оппортунистов.

Только партия большевиков во главе с В. И. Лениным, до конца оставаясь верной марксизму и пролетарскому интернационализму, вела героическую борьбу против империалистической войны. Определяя империалистический, грабительский характер войны, В. И. Ленин в Манифесте ЦК РСДРП(б), написанном им в сентябре 1914 года, писал: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»[2].

Партия большевиков боролась за революционный выход из империалистической войны. Мировая война несла неисчислимые бедствия и страдания народным массам, подводила их к новым революционным выступлениям. Она продолжала революционный кризис в России и других странах. Исходя из новой исторической обстановки, В. И. Ленин разработал свою революционную платформу, изложенную им в тезисах о войне — «Задача революционной социал-демократии в европейской войне» и затем в Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». В. И. Ленин выдвинул и обосновал в качестве основного лозунга партии большевиков — превращение империалистической войны в гражданскую войну. Он далее сформулировал и обосновал два других лозунга партии — поражение своего правительства в империалистической войне и полный разрыв с потерпевшим позорный крах II Интернационалом и создание III Интернационала[3].

---

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 11.
[3] Там же, стр. 9—18.

Ленинские лозунги мобилизовали и вдохновили народные массы на революционную борьбу против помещиков и буржуазии, против империалистической войны и за выход из нее путем победоносной революции. Весь ход событий всецело подтвердил правильность стратегии и тактики партии большевиков.

Война с особой силой вскрыла технико-экономическую отсталость России. Царская Россия вступила в войну плохо подготовленной, при острой нехватке оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольственных запасов. По своей технической оснащенности русская армия значительно уступала армиям других империалистических держав. Зависящая от иностранного, главным образом, от англо-французского капитала, Россия вынуждена была, по требованию своих кредиторов, выставить на войну максимальные людские резервы. Еще в ходе подготовки к новой мировой войне Англия и Франция уготовили России наемническую роль главного поставщика пушечного мяса: царская Россия послала на фронт самую крупную армию, насчитывавшую после окончательной мобилизации 5 400 955 человек[4]. В ходе войны были призваны в армию еще новые людские контингенты. Всего число мобилизованных царской Россией в годы войны достигло 19 млн. человек[5].

Крупные военные операции в начале войны и развернувшиеся наступательные и затем оборонительные бои в 1915 году от Восточной Пруссии до Карпат стоили много крови и сил. В итоге изнурительных сражений к концу 1915 года царская Россия понесла огромные потери — около 3,5 млн. человек убитыми, ранеными и пленными. Основная масса кадровой армии оказалась уничтоженной[6]. Материальные запасы армии окончательно истощились. Наряду с технико-экономической отсталостью России, сказались также невежество, бездарность значительной части офицерства и генералитета, предательство

---

[4] *Д. В. Верховский.* Первая мировая война 1914—1918 гг. Воениздат Министерства Обороны СССР, М., 1954, стр. 22.

[5] История гражданской войны, т. I, стр. 24. См. таблицу о положении воюющих стран ко времени Февральской революции в России.

[6] История СССР, т. II, 1861—1917 гг. Период капитализма. Изд. соц. эк. литературы, М., 1959, стр. 615.

со стороны командования царских войск, гнилость государственного аппарата.

В то время, как русские войска вели кровопролитные бои, англо-французские армии почти бездействовали. Воспользовавшись этим, германское командование сосредоточило свои основные ударные силы на главном направлении — Восточном фронте. Положение царской России таким образом становилось чрезвычайно тяжелым.

По настоянию своих союзников царская Россия весной и летом 1916 года предпринимала новые наступательные действия на Юго-Западном фронте. Одновременно продолжались начатые ранее операции на Кавказском фронте, против турецких войск. В огромных по своим масштабам боях русские войска несли неисчислимые жертвы. Силы царской России истощались. В стране безудержно росла экономическая разруха. Неимоверно усилилась эксплуатация рабочих и сельской бедноты. Трудящееся население голодало.

Война несла нескончаемые бедствия народным массам в России и ее окраинах. В годы войны еще более усилился социальный и национальный гнет народов национальных окраин, в частности Степного и Туркестанского краев. Резко повысились налоги и повинности. Поземельный налог в Туркестанском крае с 6 859 021 рублей в 1914 году был увеличен к 1916 году в два раза и достиг 14 311 771 рублей. Значительно повысился и промысловый налог (с 1 149 676 рублей до 2 838 240 рублей), который пал своей тяжестью, главным образом, на плечи трудящихся ремесленников-кустарей[7]. В два раза были увеличены оклады кибиточной подати, взимаемой с кочевого населения[8].

В годы войны правительством был установлен дополнительный военный налог на хлопок в размере 2 рублей 50 копеек за пуд волокна[9], приведший к дальнейшему ухудшению положения дехкан.

Согласно докладу начальника Управления земледелия и государственных имуществ, арендные доходы от казенно-оброчных статей, взимаемых с туркменских

---

[7] «Статистический ежегодник» Туркестанской республики, т. II, ч. 2, стр. 149.

[8] ЦГА ТССР, ф. I, оп. 2, д. 6647, л. 128.

[9] Кокандский биржевый комитет. Юбилейный сборн. 1906—1916 гг., Коканд, 1917, стр. 20.

дайхан, увеличились с 144 260 рублей 63 копеек до 146 246 рублей 25 копеек в 1914 году и до 303 094 рублей 51 копейки в 1915 году[10]. По другим данным, последняя сумма достигала 346 378 рублей 29 копеек[11].

Сильно возросли земские, дорожные и другие сборы с дехкан и мелких арендаторов, а также поборы со стороны волостных управителей, старшин и других должностных лиц. Широко практиковались так называемые «пожертвования» и «реквизиции на нужды войны». Согласно докладу А. Н. Куропаткина, из Туркестанского края были реквизированы 70 тыс. лошадей, 13 441 юрта, свыше 30 тыс. кв. аршин кошмы, 300 тыс. тонн мяса, 3 млн. пудов хлопкового масла и др[12]. Были реквизированы «на фронт» даже 12 тыс. верблюдов. Власти объясняли этот курьез тем, что ввиду сильного истощения конских средств армии, необходимости сбережения коней для действующих частей явилась мысль применить для службы в тылу... «разного рода транспортных верблюдов»[13].

Только из Семиреченской области в 1914 году было вывезено скота и продуктов животноводства на 34 млн. рублей[14].

Коренному населению Закаспийской области было приказано в порядке «пожертвования» сформировать так называемый туркменский (текинский) конный полк, в составе трех эскадронов, с полным снаряжением[15].

Из туркменских районов было реквизировано для Кавказской армии 45 833 штуки папах[16].

Дополнительные денежные сборы на войну, производились в большей части насильственно. Только в первые два года из Закаспийской области «на нужды войны» были собраны наличные деньги в сумме 1 187 627 рублей[17],

---

[10] ЦГА ТССР, ф. I, оп. 4, д. 5333, л. 19.
[11] Там же, ф. I, оп. 2, д. 1277, л. 177.
[12] «Восстание 1916 г. в Туркмении», стр. 218.
[13] ЦГА ТССР, ф. 17, оп. I, д. 1033.
[14] История Казахской ССР, т. I, стр. 570.
[15] Обзор Закаспийской области за 1912—1914 гг. Асхабад, 1916, стр. 209.
[16] ЦГА ТССР, ф. I, оп. 2, д. 6, л. 740.
[17] «Восстание 1916 года в Туркмении» (Документы и сборники). Ашхабад, 1938, стр. 14.

По неполным данным, денежные сборы в Ферганской области, за исключением Андижанского уезда, составили 525 996 рублей, в Ташкенте — более 150 тыс. рублей[18]. «Пожертвования» по областям Степного края обошлись населению в десятки миллионов рублей[19]. Колониальная администрация устанавливала обязательные накладные расходы по платежам для каждой волости, что еще более усиливало недовольство населения. Указывая на подобные насильственные методы, военный губернатор Самаркандской области Н. С. Лыкошин в декабре 1914 года в донесении на имя Туркестанского генерал-губернатора признавал, что «при таком способе, затеявший сбор, уездный начальник, конечно, приписывает почин по взносу денег населению, но на самом деле не наблюдается вовсе. Народ молчит и платит деньги, но я уверен, что в душе каждый плательщик негодует, что с него берут так много денег, да притом обыкновенно поровну с бедных и богатых, так как обложение в таких случаях делается со двора»[20].

Война нарушила экономику края. Резко пала урожайность хлопка, зерновых и других сельскохозяйственных культур. По итогам обследования Статистического отделения Семиреченского переселенческого района, в 1915 году почти половине сельского населения области не хватало хлеба. Многие бедные кочевники и переселенцы, не обеспеченные хлебом, уже к январю 1915 года израсходовали все свои продовольственные запасы. Одна пятая часть нуждающихся в хлебе, за неимением денег на покупку, брала хлеб в долг, на условиях уплаты деньгами, хлебом или под работу. Для покупки хлеба некоторые из нуждающихся вынуждены были продавать свое имущество — скот, сельскохозяйственные орудия, постройки и др[21].

1915 год характеризовался неудовлетворительным урожаем на большой территории Семипалатинской области. Общий недобор зерна населением по сравнению с

[18] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 80, стр. 32, 37—45.

[19] История Казахской ССР, т. I, стр. 570.

[20] ЦГА УзССР, ф. I, д. 1232, 1914, л. 29, в Д/М Института истории партии при ЦК КПУз, инв. № 80, стр. 5—6.

[21] Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1915 год. Верный, 1916, стр. 47—49.

1914 годом выразился в 5 864 349 пудов. Население страдало от недостатка хлеба[22].

Аналогичное положение было и в других областях. В Уральской области площадь посевов зерновых на казачьих землях уменьшилась в 1915 году по сравнению с предыдущим годом на 14 процентов. К рассматриваемому периоду у казахского населения области в результате упадка хозяйства и урожайности джута, количество скота уменьшилось по сравнению с 1913 годом с 2206 тыс. голов до 391 тыс. голов. За период с 1913 по 1915 год у казахов Тургайской области посевные площади уменьшились на 57 тыс. десятин, количество скота — на 260 тыс. голов[23]. В результате падения урожайности на богарных землях общий недобор зерна в Туркестанском крае исчислялся в 8,5 млн. пудов. Для предотвращения начавшегося голода потребовалось бы ввезти из России в край около 22 млн. пудов хлеба[24]. Между тем сама Центральная Россия страдала из-за нехватки продовольствия.

Неудержимо росли цены на промышленные, продовольственные товары и на топливо. Промышленники и торговцы произвольно диктовали цены, получая огромные прибыли. В секретном донесении начальника Кокандского отделения жандармского управления Среднеазиатской железной дороги, от 18 ноября 1915 года сообщалось, что торговые элементы говорили: «такой войны сто лет не дождешься, когда же не нажить, как не теперь»[25].

В связи с усиленным спросом на продукты и предметы первой необходимости, цены неимоверно возросли. На муку, например, цены повышались в один день по два-три раза. Торговцы учли выгодные для себя условия и всячески повышали цены[26].

Жители Самарканда и Самаркандского уезда в своих прошениях на имя Туркестанского генерал-губернатора

---

[22] Семипалатинский переселенческий район. Статистический отдел. Сельскохозяйственный обзор Семипалатинской области за 1915 год. Семипалатинск, 1917, стр. 123—125.

[23] История Казахской ССР, т. I, стр. 570.

[24] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 81, стр. 65.

[25] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1084, л. 2.

[26] «Туркестанское сельское хозяйство», № 1, 1916, стр. 96.

указывали, что цены на промышленные и продовольственные товары увеличились в 5—10 раз, за счет чего и обогащаются торговцы, тогда как трудящиеся городов и кишлаков сильно страдают[27]. Газета «Ферганская жизнь» накануне восстания 1916 года, с тревогой признавала, что «алчность спекулянтов достигла уже высшей степени и без противодействия может подняться еще и привести к нежелательным результатам»[28].

Торговля хлопком в годы войны обеспечивала ростовщикам и хлопковым фирмам баснословные прибыли, между тем положение дехкан еще более ухудшалось. Из-за долгов и дороговизны товаров дехкане-хлопководы оставались без средств[29]. В начале июля 1915 года в Министерстве торговли и промышленности, при участии представителей хлопчатобумажной промышленности и хлопковых фирм состоялось совещание по вопросу об установлении предельных цен на хлопок. Совещание рассмотрело проект положения о комитете для заведования снабжением хлопчатобумажных фабрик сырьем. Комитету предоставлены были права: 1) выяснить размеры предельных цен, по которым могла допускаться Министерством торговли и промышленности продажа хлопка; 2) обсуждать дела о реквизиции хлопка; 3) регистрировать все сделки на хлопок; 4) распределять запасы хлопка между фабриками, сообразуясь в первую очередь с потребностями фабрик, работающих на военные нужды и т. п.[30]

Дехкане-производители оказались перед сплотившимися фабрикантами хлопчатобумажной промышленности; последние начали диктовать свои, пониженные покупные цены на хлопок, чему способствовало само царское правительство. 7 июля 1915 года было утверждено законоположение, согласно которому для снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик были учреждены при Министерстве торговли и промышленности особые комитеты. Этим комитетам было предоставлено право

---

[27] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 81, лл. 81—84.

[28] Ферганская жизнь, 15 марта 1916, № 63.

[29] «Туркестанское сельское хозяйство», № 4, 1915, стр. 417—418.

[30] *Ан. Витт.* Нормировка цен на хлопок, «Туркестанское сельское хозяйство», № 7, июль 1915, стр. 730.

выяснять «размеры высших предельных цен, по коим возможно допустить продажу хлопка и шерсти, и обсуждать дела об их реквизиции, в случае представившейся в ней надобности», «распределять запасы хлопка и шерсти между фабриками, соображаясь в первую очередь с принятыми ими заказами для нужд армии и флота»[31]. Комитеты имели широкие полномочия по контролю за продажей хлопка по ценам, не превышающим предельные, и по привлечению к ответственности по суду лиц, нарушающих данный закон.

На состоявшемся 13—17 августа заседании Комитета для заведования снабжением сырьем хлопчатобумажных фабрик, под председательством Н. И. Гучкова, окончательно были установлены предельные цены на хлопок в сумме 24 рубля за 1 пуд[32].

Закон нормировал предельные пониженные цены на хлопок, в то время как ни один из продуктов и предметов первой необходимости, в том числе мануфактура такой нормировке не подвергся — их цены продолжали безудержно повышаться. Установление нормировочных цен на хлопок Комитет мотивировал необходимостью в «государственных интересах» и для удовлетворения военных нужд прекратить, якобы, непомерно прогрессирующий рост цен на хлопок. На самом деле данная политика цен была направлена на получение воротилами хлопчатобумажной промышленности, торговцами и ростовщиками сверхприбылей.

Но текстильным магнатам и торговым фирмам этого оказалось недостаточно. Тогда они обратились к правительству с просьбой об установлении нормировочных цен на хлопок, начиная с урожая 1915 года. Теперь, когда запасы хлопка ими были выгодно использованы, от понижения закупочных цен на новый урожай хлопка, при одновременном повышении цен на мануфактуру, выгадывали только хозяева хлопчатобумажной промышленности и торговли. Вследствие несправедливого, одностороннего

---

[31] «Высочайше утвержденное положение Совета Министров: О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик». «Бюллетень Хлопкового Комитета Главного Управления Землеустройства и Земледелия», № 3—4 (11—12), май — август, стр. 3—4, 1915, Петроград.

[32] О нормировке цен на хлопок в кн. Кокандский Биржевой Комитет, 1915 г., Коканд, 1916, стр. 51.

нормирования цен на хлопок, его производители за год потеряли около 60 миллионов рублей[33]. При такой явно убыточной цене на хлопок и растущей дороговизне на продовольственные и промышленные товары дехканин попадал в невыносимое положение. Твердые цены не только не удовлетворяли минимальные личные потребности дехканина, но не могли даже покрыть его затрат на выращивание и сбор хлопка. «При таком положении вещей,— писал С. Понятовский в мае 1916 года,— когда мы имеем налицо все явления дороговизны в наших селах, а население их уже теперь, задолго до нового урожая, начинает боязливо озираться, опасаясь очутиться в крайне тяжелом положении экономического и хозяйственного недомогания, а, быть может, и систематического недоедания, почему-то только один хлопок должен быть продан по зафиксированной цене, к тому же установленной в Москве без участия представителей от хлопководов производителей»[34].

В юбилейном отчете Кокандского Биржевого Комитета указывалось, что нормировка цен привела к хаосу на хлопковом рынке и что «убыточность введенной нормировки для производителей хлопка была до того очевидной, что протесты из Азии против нее, с требованием изменения, возникли тотчас же по опубликовании указанных цен»[35].

Из многочисленных жалоб и прошений дехкан приведем лишь следующие:

Доверенные жителей Джалалабадской волости Андижанского уезда в своем прошении на имя Туркестанского генерал-губернатора выражали недовольство установлением нормировочных цен на хлопок. Цены на хлопок, писали дехкане, «не только не оправдывают наши расходы по обработке своих хлопковых полей, но мы должны будем в такое тяжелое время года очутиться в критическом тяжелом положении»[36].

---

[33] *С. Понятовский.* Нормировка цен на хлопок и преследуемые ею цели. «Туркестанское сельское хозяйство», № 5, май, 1916, стр. 453.

[34] Там же, стр. 452.

[35] Обзор хлопководства и хлопковой торговли в Фергане за 1916 год, Кокандский биржевой комитет, юбилейный отчет за 1906—1916 гг., Коканд, 1917, стр. 41.

[36] ЦГА УзССР, ф. Упр. Земл. и Госуд. Имуществ в Туркестанском крае, д. 3406, 1916, лл. 158—159, в Д/М Партархива Института истории партии при ЦК КПУз, инв № 79, лл. 100—101.

В «Туркестанской туземной газете» было напечатано письмо одного дехканина, подписавшегося «Ферганский дехкан-хлопковод, продающий дешево свой хлопок». В статье указывалось на тяжелые условия жизни дехкан-арендаторов в связи с войной и дороговизной. Выражая возмущение ценами на хлопок, автор статьи спрашивал «почему не существует никаких нормировок на мануфактурные, железные, медные товары, чай, скот, пшеницу и др?». Он писал, что дехкане решили в дальнейшем отказаться от посевов хлопка, что разжиревшим хлопковым фирмам, фабрикантам и баям не нажить от дехкан ни копейки. «Ибо прозрели глаза наши, и мы воочию убедились в прежних своих ошибках и познали те приемы, которые проделывали с нами фирмы»[37].

В прошении 117 выборных хлопкоробов Голодной степи говорилось о совершенной несправедливости низких цен на хлопок. «Не только мы,— писали хлопкоробы,— но и русские переселенцы, привозящие хлопок на Голодностепский базар, положительно возмущены несправедливой нормировкой, не могущей покрыть затрат на производство. Они два раза возвращались домой со своим хлопком, не продав его по причине низких цен», и далее: «скажем более: настроение русских граничит с открытым возмущением»[38].

На совещании по дороговизне, организованном Туркестанским обществом сельского хозяйства 4—6 марта 1916 года, С. Понятовский в докладе «Нормировка цен на хлопок и преследуемые ею цели» отметил исключительно тяжелое положение, созданное нормировкой. Предчувствуя возможные грозные последствия нормирования без участия самих дехкан, он говорил: «Действительно, внимание к нашему среднеазиатскому волокну Москва оказала исключительное, и мы боимся, что оно будет длительное. Ведь, лиха беда начало...»[39].

Как мы уже говорили, установление пониженных государственных закупочных цен на хлопок, шерсть, при

[37] «Туркистон вилоятининг газетаси» «Туркестанская туземная газета», № 55. Статья была на русском языке перепечатана в газете «Туркестанские ведомости», № 236, 1 ноября 1916 г., Д/М Института истории партии при ЦК КПУз., инв. № 80, стр. 1—3.

[38] ЦГА УзССР, ф. Упр. Земл. и Госуд. Имуществ в Туркестанском крае, д. 3406, 1916, лл. 158—159, в Д/М Партархива Института истории партии при ЦК КПУз, инв. № 79, лл. 115—117.

[39] «Туркестанское сельское хозяйство», № 5, май, 1916, стр. 452.

росте рыночных цен на продовольственные и промышленные товары привело к дальнейшему резкому ухудшению положения дехкан и кочевников. К этому нужно добавить рост ростовщической кабалы: как никогда возросла задолженность бедняцких и середняцких слоев кишлака и аула.

В годы войны, когда невозможно было взыскать долги с населения, у которого и так все было заложено, в Фергане, по свидетельству М. Киселевича, фирмы посылали своих вооруженных служащих, которые разъезжали по кишлакам и под угрозой расправы, требовали возвращения долга: «Сплошь и рядом во время хлопкового сезона против хлопзаводов подкарауливали должников, и попадись последний в руки стражи фирмы, то ему далее завода невозможно было уехать, его ловили и здесь с ним, что хотели, то и делали»[40]. «Подобная система выдачи задатков и закупки хлопка,— писал далее И. Киселевич,— привела к тому, что край поголовно можно считать несостоятельным должником, что уже в последние два года (1914-1915 гг.— *Х. Т.*) проявилось в виде целого ряда банкротств, неплатежей, отсрочек векселей и т. п. Дутые векселя и явно ненормальные сделки на хлопок чувствительно отразились на общем торговом краевом обороте и не так-то скоро возможным окажется привести край в нормальное состояние»[41].

Классик узбекской демократической литературы Завки в своем стихотворении «Қахатчилик», написанном весною 1916 года, следующими строками описал бедственное положение трудящихся масс Ферганской долины:

Қахатчилик бўлди бу Фарғонамизда,
Топилмас парча нон вайронамизда.
Ўлим хавфи ўраб қишлоқларни,
Не қишлоқу жибол авлоқларни,
Қирилди қанча одамлар вабодан,
Нишона қолмади мехру вафодан[42].

---

[40] *И. Киселевич.* Торговля хлопком. «Туркестанское сельское хозяйство», № 1, 1915, стр. 76—77.

[41] Там же.

[42] *Зовқий.* Танланган асарлар, Тошкент, 1958, стр. 87. Содержание: голод свирепствует в нашей разоренной Фергане, где не найдется куска хлеба. Угроза смерти охватила все кишлаки и все уголки. Нет числа погибшим от холеры, нет и признаков заботы и внимания о людях.

Разруха и разорение, нищета и голод — вот к чему привела первая мировая война.

Рост революционного движения

Невероятные трудности и тяжелые последствия войны вызывали озлобление и недовольство народных масс России. Жестокие репрессии против передовых представителей рабочего класса, разгром большевистских комитетов лишь на время задержали революционное движение. Тем не менее революционный кризис назревал. Война явилась могучим ускорителем революции. Один за другим восстанавливали и активизировали свою деятельность местные партийные комитеты. Революционная работа вновь поднималась в гору.

Еще в июне 1915 года В. И. Ленин писал, что первая мировая война создала объективную революционную ситуацию, которая все расширялась и все углублялась, неизбежно порождая революционные настроения, закаляла и просвещала всех лучших и наиболее сознательных пролетариев[43].

Рабочее движение охватило основные промышленные районы страны. Произошли крупные забастовки рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске, которые были подавлены силами воинских частей. Кровавая расправа с забастовщиками вызвала бурю протестов. Объявляли забастовки переросшие в политические демонстрации рабочие Петрограда, Украины и других мест. К осени 1915 года революционное движение рабочих приобрело широкий размах. Оно влияло и на крестьянство. Участились выступления крестьянской бедноты против кулаков в Тамбовской, Воронежской, Нижегородской, Харьковской и других губерниях. Поражения царских войск на фронтах вызывало брожение в широких массах. Анализируя события в итоге первого года войны, В. И. Ленин в в сентябре 1915 года писал: «Поражение армий царской монархии — рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны.

[43] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 230.

Все видят теперь, что революционный кризис в России налицо...»[44]

Революционное движение в России приобрело еще больший размах в 1916 году. Об этом свидетельствовали мощные политические стачки и демонстрации в Петрограде, Москве, Твери, Брянске, Донбассе и других местах страны. Рабочее движение в России имело непосредственное влияние и на окраины. Росли волнения и возмущения в широких народных массах Степного и Туркестанского краев. В этом отношении важными являются признания жандармских отделений. В донесении начальника Кокандского отделения жандармского управления в ноябре 1915 года говорилось, что «слухи о войне, дороговизне жизни и забастовках, которые не проникают в печать, еще более нервируют население»[45]. Далее указывалось, что вздорожание цен в связи с войной озлобило общество и раздавались голоса о пользе погромов и особенно часто приходилось это слушать на базарах от жен запасных и рабочего класса, говорили об этом все, кои испытывали на себе всю тяжесть войны. В край «стало больше поступать газет с. д. направления»[46]. Начальник жандармского отделения опасался того, что в связи с войной «нужда растет, а вместе с ней и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возмущение. Вне всякого сомнения, что левый политический элемент старается использовать настоящее положение вещей в целях дискредитирования власти»[47].

И действительно, открытые выступления народных масс, явления революционного кризиса в крае давали о себе знать. Еще в августе 1914 года произошла забастовка русских и киргизских рабочих Сулюктинских угольных шахт[48], а в ноябре и декабре 1914 года произошли забастовки на соляном промысле «Куули» Красноводского уезда[49].

Рабочие Иван Лейц, Петр Лишшко, Николай Озолик и Иван Кузьмин на одном из собраний строительных

---

[44] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 345.
[45] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1084, лл. 5—6.
[46] Там же, лл. 2—3.
[47] Там же, л. 6.
[48] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 10534, л. 163.
[49] История Туркменской ССР, т. I, стр. 380—381 и ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 10534, л. 163.

рабочих Семиреченской железной дороги в августе 1914 года выступили с речами, направленными против царизма. Иван Кузьмин говорил, что «если даже победа останется на стороне русских войск, то и тогда русские же штыки обратятся во внутрь России и направятся против толстопузых купцов...» В донесении прокурорского надзора указывается, что под «толстопузых купцов» Иван Кузьмин подразумевал царскую администрацию[50].

Забастовочное движение особенно участилось в 1915—1916 годах. В числе наиболее крупных следует отметить неоднократные забастовки рабочих нефтепромыслов на острове Челекен в Закаспии. В январе 1915 года рабочие нефтепромысловых обществ Челекен объявили забастовку, которая была подавлена, ее инициаторы арестованы[51].

11 мая 1915 года произошла следующая, более крупная, забастовка челекенских нефтяников. Власти предприняли новые аресты. 88 активных участников забастовки были уволены с работы. Среди них были рабочие различных национальностей—русские, туркмены, персы, татары и армяне[52]. Однако и эти меры не остановили революционные выступления. Спустя месяц была объявлена новая забастовка нефтяников[53].

21 июля 1915 года бастовали рабочие андижанского завода «Беш-Бош» (в большинстве узбеки)[54].

Забастовочное движение летом и осенью 1916 года охватило Ташкентские и Кизыл-Арватские железнодорожные мастерские [55].

Одной из распространенных форм народных волнений в крае являлись «бабьи бунты». Крупное выступление женщин на почве дороговизны произошло 29 февраля 1916 года в Ташкенте. Газета «Туркестанский курьер» следующим образом описала это событие: «Собравшаяся толпа женщин простолюдинок, с корзинками в руках, вы-

---

[50] ЦГИАЛ, ф. 1405 (Министерство Юстиции, прокурорский надзор), оп. 530, д. 910, лл. 21—23.

[51] История Туркменской ССР, т. I, стр. 380—381 и ЦГА ТССР, ф. 17, оп. 1, д. 998, лл. 1, 4 и 10.

[52] ЦГА ТССР, ф. 17, оп. 1, д. 998, лл. 15—20, 23, 43 и 48.

[53] Там же, д. 1003, л. 153.

[54] ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 4, д. 637, л. 1, «Очерки Истории Коммунистической партии Туркестана», вып. I..., стр. 167.

[55] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 81, стр. 72, 75.

ражая криками недовольство по поводу дороговизны на предметы рядовой необходимости, стала громить некоторые лавки Старогоспитального базара... Товары из лавок выбрасывались наружу, прямо в грязь и частью уничтожались... К 10-ти часам утра Старогоспитальный базар представлял собой печальную картину разгрома»[56]. В полдень того же дня подобные выступления женщин произошли на Воскресенском и Курином базарах. Волнения на базарах продолжались и на следующий день. Лишь усилиями воинских частей и полиции выступления женщин были подавлены[57].

В начале марта 1916 года группы женщин на станциях Черняево и Кривошеенко Ташкентской железной дороги разгромили продовольственные лавки. К месту происшествия были вызваны солдаты[58].

Такие же «бабьи бунты» происходили в русских селениях — Михайловском Верненского уезда, Преображенском Пржевальского уезда и Стефановском Лепсинского уезда Семиреченской области[59].

Большая группа солдаток в поселке Ак-Булак Актюбинского уезда Тургайской области 23 марта 1916 года, возмущенная дороговизной, подвергла разгрому лавки. На требования урядника, толпа ответила нападением и на него. Называя урядника сторонником богатых, солдатки схватили его за ноги и повалили в грязь. К выступлениям женщин присоединились многие мужчины и подростки[60].

Народные волнения произошли в июне 1916 года и в Кустанайском уезде Тургайской области[61] и в Асхабаде[62].

Заметно усилились недовольство и волнения в кишлаках и аулах. Они выражались в неповиновении распоряжениям властей, в отказе от уплаты податей, от выполнения ирригационных повинностей, в самовольном захвате воды у баев и др. Ярким примером такого выступления явились события в Мургабском государевом имении в Байрам-Али. Здесь, начиная с лета 1915 года, нас-

---

[56] «Туркестанский курьер», № 49, 3 марта 1916 г.
[57] Там же.
[58] Там же, № 58, 13 марта 1916 г.
[59] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 1784, лл. 23—25.
[60] ЦГА КазССР., ф. 25, д. 421, лл. 20—21, 32, д. 15, лл. 35—36. Тургайского областного правления, оп. 1.
[61] История Казахской ССР, т. 1, стр. 572.
[62] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 439, л. 248.

только участились факты неповиновения сельскохозяйственных рабочих и дайхан-издольщиков, что почти каждый день издавались постановления и приказы управляющего имением и начальника Закаспийской области о наложении наказаний, вплоть до ареста многих «нарушителей порядка». 14 июня 1915 года дайханин Кара-Векильского общества Ахман Алла Кули «за непочтительное и дерзкое отношение к штабным служащим государева имения» был подвергнут аресту на трое суток[63]. Жители Санарского общества Санар Кули Кабулов, Аман Мад Хидиров, Яз Мамед Текеев и Ибрагим Мамедов за невыполнение распоряжения управляющего имением также были арестованы на трое суток[64]. За невыполнение распоряжений, сопротивление, самовольное пользование водой и другие «беспорядки» и «нарушения» были подвергнуты аресту Овез Мамедов, Юлдаш Мамедов, Куль Батыр Самбаров, Кендербай Саутбаев, Тохтабай Кособов, Ходжа Перманов, Бай Клыч Мурадов, Агат Раимов, Копек Караев и многие другие[65].

В октябре 1915 года группа дайхан дейманцев Дурунского приставства Мангы-Кишлакского уезда численностью до 30 человек разрушила деревянный раздел на Кяризе Дели, предназначенный крупному землевладельцу Махмуду Кули хану, и пустили всю воду по своим арыкам. В связи с этим 5 дайхан в качестве зачинщиков «беспорядков» были подвергнуты аресту сроком на один месяц каждый[66].

Челекский участковый пристав в своем донесении начальнику Катта-Курганского уезда, Самаркандской области, 18 июня 1915 года сообщал, что жители селения Сугат Ходжи-Арыкской волости отказались участвовать в постройке даргатов в арыках. Из-за опасения повторений дехканских волнений, которые имели место в прошлом — в 1911 году, были посланы в указанную область «стражники для принуждения сугатовцев дать рабочих. Однако, несмотря на угрозы стражников; оросительные работы в Сугате были сорваны»[67]. В своем рапорте Янги-

[63] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 416, л. 125.
[64] Там же, л. 278.
[65] Там же, лл. 281, 449; д. 446, лл. 51, 81, 83, 92, 93; 96, 103, 105.
[66] ЦГА ТССР, ф. I, оп. 2, д. 417, лл. 207, 210.
[67] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 79, стр. 29.

кеткенский арык-аксакал селения Митан, Дюрткульской волости Катта-Курганского уезда 21 ноября 1915 года сообщал начальнику уезда о том, что жители селения заявили ему, что «они не желают рабочих давать (на ирригационные работы.— *Х. Т.*) — что хочешь, то и делай над нами, доноси начальнику уезда,— они штрафа не боятся и так же ареста»[68].

3 сентября 1915 года к старшине аула № 4, Аспаринской волости Аулиеатинского уезда Бурандаю Чуйбекову приехали казахи Кадык Чапин, Иманкул Джаманкул, Тлеш Дамбальгин, Нияз Даурбеков и Науразбай Кадыбеков и потребовали от него возвращения принадлежащих им юрт реквизированных по требованию властей на военные нужды. Старшина заявил, что юрты «нужны государю». В ответ на это Чапин, Дамбальгин, Даурбеков и Кадыбеков набросились на старшину, избили его. Нападавшие кричали: «Государя нам не надо!» и всячески ругали царя. Они были арестованы полицией.

Этот маленький эпизод характерен тем, что аульная беднота, раньше боявшаяся поднять голову даже против своего старшины, со временем до неузнаваемости изменилась. У нее росло классовое чутье и она стала выступать все более решительнее против угнетателей.

Стали учащаться отказы населения от уплаты государственной подати. Туркмены — джафарбайцы в Чикишлярском приставстве (Закаспийская область) отказывались платить подати, вследствие чего сборы были сорваны. Зачинщики срыва сбора подати Али Матжин и Атаджан берди Мурадов были арестованы[69].

Российский пограничный комиссар в Персии 12 февраля 1916 года доносил о фактах отказа платить государственные подати туркменами племени джафарбайцев под влиянием агитации Анна Мурада Хасана. «Старшинам пришлось ретироваться,— писал комиссар,— получилось весьма нежелательное положение, в особенности при обстоятельствах данного (военного.— *Х. Т.*) времени. И бог знает, чем дело кончилось бы, если бы не удалось захватить Анна Мурада[70]. Подобные факты отказа от

---

[68] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 79, стр. 34.

[69] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 455, лл. 38—39.

[70] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 455, лл. 31—32.

уплаты податей имели место и в Геок-Тепе в марте 1916 года[71].

Управители 4 и 5 Адаевской волости Красноводского уезда 23 декабря 1915 года доносили, что во время реквизиции с населения верблюдов на нужды кавказской армии, киргизы (казахи) Мангы-Кишлакского уезда во главе с Кулжаром Коскеновым и Комек Джансупаровым и другими оказывали сопротивление волостным управителям. Они «произвели буйства и уговаривали других киргизов Мангы-Кишлакского и Темирского уезда, чтобы не выдавать верблюдов». Активные вожаки выступления по доносу волостных управителей были подвергнуты аресту[72].

Трудящиеся многих казахских волостей также отказывались платить налоги и подати. Так, например, подавляющее большинство казахского населения Павлодарского уезда Семипалатинской области не уплатило кибиточную подать и земские сборы в 1916 году. Совершенно не поступали подать и военный налог во многих волостях Семипалатинского и Каркаралинского уездов[73].

Подобных примеров можно привести много, но уже перечисленные факты свидетельствуют о росте здесь народного движения в годы войны в тесной его связи с общероссийским революционным кризисом. Рост революционного сознания и движения народных масс края являлся важнейшим определяющим процессом в политическом положении в Средней Азии и Казахстане накануне восстания 1916 года.

Первая мировая война, резко ухудшая положение народных масс в колониях и зависимых странах, вызвала усиление национально-освободительной борьбы. Подчеркивая рост национально-освободительного движения в годы первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Война явилась эпохой кризиса для западноевропейских наций, для всего империализма. Всякий кризис отбрасывает условное, срывает внешние оболочки, отметает отжившее, вскрывает более глубокие пружины и силы. Что же вскрыл он с точки зрения движения угнетенных наций? В колониях ряд попыток восстания, которые, конечно, угнетающие нации при содействии военной цензуры вся-

[71] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 446, л. 54.
[72] Там же, д. 455, лл. 5—8.
[73] История Казахской ССР, т. I, стр 572.

чески старались скрыть». И далее, в качестве примера В. И. Ленин указывал на ряд восстаний, и в частности на ирландское восстание. «...восстала Ирландия,— писал он,— которую казнями усмиряли «свободолюбивые» англичане, не посмевшие привлечь ирландцев к всеобщей воинской повинности»[74].

Отношение различных партий к национальному вопросу в целом и к национальным движениям и войнам в частности, было различным.

Большевики во главе с В. И. Лениным признавали неизбежность и закономерность национально-освободительных движений угнетенных народов против империализма.

Черносотенные партии боролись за единство и нераздельность Российской империи и незыблемость царизма и призывали беспощадно подавлять национальное движение. Они вели разнузданную шовинистическую пропаганду, организовывали еврейские погромы, всячески натравливали одни народы на другие. С трибуны Государственной Думы лидеры черносотенцев — Пуришкевич и другие — разглагольствовали, что «инородцев» надо держать в ежовых рукавицах.

Оппортунисты II Интернационала Каутский, Вандервельде, Ренодель и другие выступали против национально-освободительной борьбы народов за независимость и образование национальных государств. Они с позиций социал-шовинизма ратовали за насильственное удержание угнетенных наций в рамках многонационального буржуазного государства. Заодно с ними были и русские меньшевики в лице Мартова, Чхеидзе, Плеханова. Шовинистическую позицию занимали Троцкий, Пятаков и другие.

Оппортунисты II Интернационала и их последователи в России отрицали значение национально-освободительного движения для победы социалистической революции и тем самым обрекали борьбу пролетариев на поражение.

Панисламисты и пантюркисты, например, с позиций, о которых мы писали в предыдущем разделе, продолжали усиливать свою «деятельность» во время первой мировой войны. Панисламистские круги России вели откровенную пропаганду о том, что следует «всех мусульман России считать одной нацией, не деля их на различные группы»[75].

---

[74] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 338.

[75] «Улуг Туркестан», № 2, 30 апреля 1917 г.

Они, ратуя за так называемое «общемусульманское» движение, пытались затушевать классовые противоречия в национальных районах, парализовать революционную освободительную борьбу трудящихся масс местных национальностей и складывавшийся их союз с русским рабочим классом.

Таким образом национальная программа всех реакционных классов и их прислужников была направлена на одурманивание народных масс, на натравливание народов друг на друга, с тем чтобы расколоть и ослабить всемирное рабочее и национально-освободительное движение.

В резолюции «Августовского» («летнего») 1913 года совещания ЦК РСДРП было указано, что «разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхов угнетенных национальностей — выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место»[76].

Единственной партией, оставшейся верной великому знамени пролетарского интернационализма, явилась ленинская партия большевиков. Она была вооружена ясной марксистско-ленинской программой по национальному вопросу, правильно определила свою позицию по отношению к национальным движениям и войнам. Большевики Туркестана и Казахстана, руководствуясь указаниями ЦК партии активизировали свою деятельность, но в предвоенные, особенно военные годы, туркестанским и казахстанским большевикам приходилось работать в крайне тяжелых условиях. Социал-демократические организации здесь не были объединены в единый центр. Во многих городах, даже крупных, не было социал-демократических групп. В 1913—1914 годах многие из местных большевиков, в их числе Н. В. Шумилов, В. В. Сахаров, П. Ф. Сахарова и другие, были арестованы царской охранкой. Немало членов партии было мобилизовано в армию.

Царская охранка продолжала громить сохранившиеся социал-демократические группы и кружки. Во второй половине 1914 года по существу прекратилась работа Челекенской большевистской организации. Наиболее видные большевистские деятели, в том числе И. Т. Фиолетов, вы-

---

[76] КПСС в резолюциях и решениях., ч.I , изд. седьмое, Госполитиздат, М., 1953, стр. 314—315.

нуждены были покинуть о. Челекен. В городах Туркестана остались лишь отдельные социал-демократы. В Ташкенте в годы войны находились А. А. Казаков, В. П. Бауман, В. С. Ляпин, И. О. Тоболин, А. Я. Першин, Д. И. Манжара, в Асхабаде—Я. Я. Житников, в Красноводске—В. Д. Дмитриев, в Мерве — И. К. Калленичeнко, Мальков и т. д. Но многие из них, будучи под постоянным наблюдением полиции, не смогли вести активную партийную работу среди масс[77]. Тем не менее и в этих условиях отдельные большевики в глубоком подполье вели революционную работу.

В Казахстане и Туркестане стали распространяться большевистские листовки. В листовке местной социал-демократической группы, обнаруженной царской охранкой в мае 1916 года, в одном из русских поселений Верненского уезда было сказано, что основным врагом народа является царское правительство. «Кто несет на себе всю тяжесть этой безумной войны, проливает свою кровь? Это мы крестьяне, казаки и рабочие.

Долой, безумное, изменческое правительство!» — было сказано в листовке[78].

Большевики распространяли листовки на казахском языке под названием: «Письмо русского рабочего к казахам (киргизам)-беднякам». В письме рассказывалось о том, кто затеял войну, кому от нее беда и кому польза, и почему казахские баи и байские слуги — националистические интеллигенты горячо стоят за войну. Письмо было изложено доступным языком. В Карабалыкской волости письмо было распространено Джантуаровым, в Мендыгаринской волости — Кельджаки Алибаевым. На Кокчарские золотые прииски, где работало много казахов, из Троицка выезжал политический ссыльный Дм. Одинцев[79].

---

[77] «Очерки истории Коммунистической партии Туркестана»..., стр. 162 и 165, Мужественные борцы за дело коммунизма, сб. статей, Госиздат УзССР, Ташкент, 1957, стр. 114.

[78] ЦГИАЛ, ф. 1415 (Министерство юстиции, Прокурорский надзор), оп. 530, д. 933, лл. 22—23.

[79] «Восстание 1916 года в Казахстане» (Документы и материалы), под ред. Б. С. Сулейменова, составители Ф. Н. Киреев, Ш. Я. Шафиро, изд. АН КазССР, Алма-Атта, 1947, стр. V (в дальн. сб. «Восстание 1916 года в Казахстане»).

Социально-экономическая и политическая обстановка в Средней Азии и Казахстане свидетельствовала о надвигающейся революционной буре. Жестокий социальный и национальный гнет, еще более усилившийся в годы первой мировой войны, явился основной предпосылкой и глубокой причиной роста революционного освободительного движения, в том числе такого крупного восстания, каким является восстание 1916 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХАРАКТЕР И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ

Глава I

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЦАРСКОГО УКАЗА О НАБОРЕ НА ВОЕННО-ТЫЛОВЫЕ РАБОТЫ И ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

При изучении причин восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане важно прежде всего уяснить процесс подготовки и опубликование царского указа от 25 июня 1916 года о наборе «инородцев»[1] на военно-тыловые работы. Во всех трудах, посвященных восстанию 1916 года, излагается содержание указа, но не анализируются обстоятельства, вследствие которых царское правительство приняло решение обнародовать его. Между тем, исследование этих вопросов необходимо для показа военно-колониальной политики царизма, как одной из основных причин восстания.

Указ о наборе «инородцев» на тыловые работы был издан спустя почти два года после начала первой мировой войны. Между тем, еще задолго до войны, в правительстве дебатировался вопрос о привлечении ранее освобожденных от призыва в армию «инородцев» к воинской повинности. Заранее заметим, что царский указ от 25 июня 1916 года о наборе на военно-тыловые работы был тесно связан с проблемой привлечения «инородцев» к воинской повинности. Поэтому возникает необходимость проследить весь ход разработки указа.

Царская Россия, ведя подготовку к войне, намечала широкие планы всеобщей мобилизации населения. Уже в 1909—1910 годах в правительственных кругах высказывались пожелания о привлечении к воинской повинно-

[1] Так пренебрежительно именовали царские власти нерусские народы.

сти некоторых частей населения страны, в их числе «инородцев» Туркестана и Степного края, которые ранее не призывались в царскую армию. Такого решения настойчиво добивалось прежде всего Военное министерство. Подготовку новых контингентов «пушечного мяса» для будущей захватнической войны министерство прикрывало «патриотическими» мотивами: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного»[2].

Подобные предложения исходили также от ряда членов Государственной Думы, от черносотенных партий и кадетов[3] и некоторых представителей местных властей. В частности, военный губернатор Семиреченской области М. А. Фольбаум в своем «всеподданнейшем отчете» за 1910 год, считал необходимым привлечь киргизов к воинской повинности. Царь Николай II, соглашаясь с этим, пометил тогда на отчете: «Нужно к этому прийти»[4].

Однако практическое осуществление этих предложений натолкнулось на серьезные трудности. С одной стороны царскому правительству хотелось пополнить вооруженные силы за счет народов национальных окраин, ранее не призывавшихся в армию. С другой стороны колониальные власти вынуждены были отказаться от призыва по политическим соображениям — из-за боязни дать оружие в руки колониальных народов империи, которые могли использовать его в освободительной борьбе против самого же царизма. Последним обстоятельством объясняется «освобождение» населения Туркестана и ряда других окраин от призыва в армию с момента завоевания их царизмом. Вот почему вопрос о воинской повинности, диктуемый военной подготовкой России, хотя и ставился неоднократно, но каждый раз решение его откладывалось[5].

В 1910 году генерал-губернатор Туркестанского края Самсонов в своем заключении на письмо Министерства внутренних дел по поводу призыва «инородцев» считал «введение для туземного населения края личной воинской

[2] ЦГИАЛ, ф. 1276 (Совет Министров), оп. 11, ф. 89, л. 2 (обр.).
[3] Там же, ф. 1278, оп. 5, д. 1969, л. 7.
[4] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1133, лл. 198—199; д. 1136, лл. 17—18, см. второе примечание в тексте документа.
[5] Там же, д. 1100, лл. 162—172; ЦГА ТССР, ф. 17, оп. 1, д. 1046, л. 405.

повинности несвоевременным и не отвечающим главной задаче управления краем — упрочению здесь русского владычества»[6]. Он признавал возможным взамен воинской повинности обложить «инородцев» дополнительным денежным налогом и лишь некоторую часть местного населения привлечь к военной службе на особых основаниях, в виде иррегулярной кавалерии.

Эти же мысли были высказаны Туркестанским генерал-губернатором еще в 1909 году. Во «всеподданнейшем отчете туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края за 1909 год» указывалось в частности, что из киргиз-казахов можно создать конную милицию, по примеру Туркменского конного дивизиона, но в эту воинскую-милицейскую часть «джигиты-киргизы должны приниматься лишь по особому выбору и по удостоверению местного начальства из числа вполне благонадежных и преданных русской власти лиц». В отчете подчеркивалось, что в целом привлечение к воинской повинности киргиз-казахов на общих основаниях преждевременно «по той причине, что изъятие из их пользования земель для нужд русских переселенцев и вообще неустройство их земельных отношений порождают в их среде заметное неудовольствие и подрывают доверие к русской власти»[7].

Весьма характерным является признание Военного министерства, изложенное в одном из его проектов о воинской повинности. В документе недвусмысленно подчеркивалось, что правящие круги, соблюдая осторожность и бдительность относительно решения вопроса о привлечении «инородцев» к воинской повинности, руководствовались прежде всего соображениями политическими, «в силу которых милитаризация какой-либо группы ненадежного инородческого населения могла бы явиться опасной для государства»[8].

Итак, царское правительство из-за опасения нежелательных для него последствий, отказывалось призывать население Туркестана, Степного края и некоторых других районов в армию. Вот почему оно признало необходимым

[6] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 172; ЦГА ТССР, ф. 17, оп. 1, д. 1046, л. 405.

[7] «Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году», стр. 35.

[8] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, лл. 2 (обр). и 3.

произвести самое тщательное исследование возможности привлечения к воинской повинности «инородцев». С этой целью в 1910 году Министерством внутренних дел была разработана специальная программа действий. В том же году были проведены совещания в сибирских городах: Оренбурге, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске и Чите. В Туркестане вопрос о привлечении к воинской повинности местного русского и нерусского населения обсуждался военными губернаторами края по той же программе, как и на сибирских совещаниях[9]. В 1911 году особая комиссия при Туркестанском губернаторе решительно высказывалась против привлечения коренного населения к воинской повинности ввиду его «неблагонадежности»[10].

Весь собранный с мест обширный материал был обобщен, изучен в Министерствах военном и внутренних дел, а затем в 1913—1914 годах подвергнут обсуждению в междуведомственной комиссии по пересмотру Устава о воинской повинности[11]. Комиссия, приняв во внимание заключение Туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов края, постановила отложить привлечение инородцев Туркестана к воинской повинности на неопределенное время[12].

Поэтому царское правительство и в начальном периоде мировой войны сочло целесообразным воздержаться от воинской повинности «инородческого» населения, установить взамен его особый военный налог, введенный в действие с 1 января 1915 года. Согласно закону военный налог надлежало взимать в течение трех лет с 1915 по 1917 годы во всех областях Туркестанского края в размере двадцати одного процента, как дополнительный сбор с нижеследующих обложений: кибиточной подати, государственного поземельного налога, поземельной и государственной оброчной подати, государственных налогов с городских недвижимых имуществ и промыслового[13]. Обремененное и без того тяжелыми налогами и поборами местное трудовое население должно было платить дополнительный, военный налог. Кроме того, оно было обязано

---

[9] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 3.
[10] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 163—164.
[11] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 3.
[12] ЦГВИА (М.), ф. 400, Азиатская часть, св. 192, д. 79, л. 1.
[13] Там же, л. 164.

физическим трудом заменить ушедших на фронт русских крестьян[14].

Но война опрокинула расчеты царизма. Из-за плохого вооружения и снабжения, бездарности командования, предательства в верхах, экономической отсталости страны и ряда других причин Россия терпела поражения на фронтах. Людские потери исчислялись миллионами. Поэтому в 1915 году члены Государственной Думы и Государственного Совета заговорили о необходимости «незамедлительного привлечения к защите родины инородческого населения окраин, в том числе и Туркестанского края»[15].

Правительство, запрашивая мнение Туркестанского генерал-губернатора, требовало сообщить «представляется ли при настоящих условиях в принципе возможным и желательным привлечь теперь же всеобщее население Туркестана на воинскую службу, не считая к сему препятствием отсутствие регистрации населения»[16]. По указу Генерального штаба этот вопрос вновь подвергся обсуждению Туркестанской колониальной администрацией. И все же бывший временный генерал-губернатор края Мартсон, в соответствии с поступившими по этому поводу заключениями военных губернаторов областей, сообщил 20 августа 1915 года Генеральному Штабу «о невозможности привлечения к воинской повинности туземного оседлого населения». При этом он сослался на прежние заключения генерала А. В. Самсонова (1910 г.), с добавлением, однако, что «призыв туземцев в ряды армии, даже как временная мера в войну, может вызвать крупное брожение»[17]. И царское правительство снова отказалось от призыва «инородцев» края в армию.

В мясорубке империалистической войны перемалывались последние людские резервы царской России и Военное министерство вынуждено было внести на рассмотрение правительства специальный законопроект «О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего

---

[14] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 1136.

[15] ЦГВИА (М.), ф. 400, Азиатская часть, св. 192, д. 79, л. 1 и ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 164 (обр.).

[16] Там же.

[17] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 165.

времени»[18]. По проекту предусматривалось безотлагательно привлечь к отбыванию воинской повинности все русское население, проживающее в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях численностью около 100 тыс. человек. Верное шовинистической политике противопоставления одного народа другим, Военное министерство необходимость этой меры мотивировало тем, что «весьма важно подготовить русское население к самообороне на случай возможных внутренних волнений и столкновений с туземцами»[19]. Военное министерство далее признало «желательным привлечь к воинской повинности все кочевое и оседлое инородческое население Азиатской России»[20] (Туркестан и Степной Край.— *Х. Т.*). При этом заранее предусматривались меры подавления всяких возможных вспышек недовольства и волнения среди коренного населения в связи с осуществлением намечаемых мер.

По указанию царя 27 ноября 1915 года под председательством Б. В. Штюммера состоялось особое заседание Совета Министров по рассмотрению внесенного законопроекта. Представитель Министерства внутренних дел сенатор Белецкий, выступивший на заседании, считал, что коренному населению, в частности киргизам, «чуждо понятие о России, как об отечестве, которое долг их защищать. Напротив к воинской повинности они питают непреодолимое отвращение...»[21]. В словах Белецкого — невольное признание антивоенных настроений населения края, не желавшего участвовать в грабительской войне, приносившей так много страданий трудящимся массам. В справке Министерства внутренних дел «по вопросу о призыве для работ по военным обстоятельствам свободных от обязательной военной службы «инородцев» откровенно признавалось, что сенатор Белецкий мотивировал нежелательность привлечения «инородцев» к воинской повинности главным образом ввиду возможности возникновения среди инородческих племен (особенно в Среднеазиатских владениях) недовольства и беспорядков[22].

---

[18] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, лл. 1—21.
[19] Там же, л. 4.
[20] Там же, л. 5 (обр.).
[21] Там же, л. 25.
[22] Там же, л. 217.

Предчувствуя полный провал плана привлечения «инородцев» к отбыванию воинской повинности, царское правительство так и не решилось полностью поддержать законопроект военного министра. Совет Министров посчитал необходимым рассмотрение указанного документа отложить впредь до представления Министерством внутренних дел заключения на основании дополнительных сведений, собираемых с мест. «Особый журнал Совета Министров» подчеркивал, что необходимость выяснения возможности привлечения «инородцев» следует осуществить «по возможности без всякой огласки, дабы не возбуждать тревожных ожиданий и различных нежелательных слухов среди инородцев»[23].

6 июня 1916 года Управление воинской повинности Министерства внутренних дел послало секретную депешу на имя Туркестанского генерал-губернатора. В ней сообщалось, что хотя Совет Министров в принципе одобрил законопроект, внесенный Верховным министерством о привлечении «инородцев» к воинской повинности, но считает необходимым собрать сугубо секретно дополнительные данные и сведения[24]. Управление при этом ставило перед Туркестанским генерал-губернатором вопрос: не следует ли опасаться каких-либо затруднений при призыве «инородцев» и что «можно ли считать, по состоянию политической и военной силы во вверенном вам, крае, подавление могущих возникнуть в таком случае (в случае призыва.— Х. Т.) беспорядков или волнений сколько-нибудь обеспеченным?»[25].

Но пока собирали эти «дополнительные данные и сведения», правительственные круги в это время вынуждены были форсировать решение вопроса о возможности замены ушедших из военных тыловых объектов лиц «инородцами». Продолжавшаяся уже два года истребительная война требовала все новых и новых пополнений. Правительство посылало на фронт всех, кто мог носить оружие. Снимали людей даже из прифронтовой полосы, с военных заводов, железных дорог. Из-за нехватки военно-тыловых рабочих сложилось катастрофическое поло-

---

[23] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 27.
[24] ЦГА ТССР, ф. 17, оп. 1, д. 1046, лл. 405 и 405 (обр.).
[25] Там же.

жение на строительстве военных сооружений и сообщений. Особое Совещание при Ставке Верховного Главнокомандующего 24 апреля 1916 года обсуждало некоторые вопросы, связанные с ведением работ по устройству военных сооружений и сообщений в ближайших к фронту местностях, причем выяснилось, что потребность в рабочей силе определяется в количестве одного миллиона человек. Поэтому Главный Штаб категорически потребовал проведения срочной «реквизиции», то есть набора нужного количества рабочих для намеченных военно-тыловых работ[26].

Откуда намечалось взять такое количество рабочих? Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего признавал, что ввиду произведенных ранее мобилизаций в районе военных действий трудно предпринимать здесь набор военно-тыловых рабочих. Поэтому он обратился к председателю Совета Министров с просьбой обсудить «не представится ли возможным приискать потребный для армии кадр рабочих в губерниях, вне театра войны расположенных»[27].

Представление Штаба явилось предметом обсуждения на трех особых заседаниях Совета Министров 3 и 6 мая и 14 июня 1916 года. Совет Министров считал вполне возможным произвести набор рабочих на военные объекты и сооружения за счет населения, ранее освобожденного от воинской повинности. При этом правительство полагало, что, если раньше в силу веских причин оно отказывало в привлечении «инородцев» к отбыванию воинской повинности, то набор этих народов в рабочие дружины (которые не снабжались оружием) может быть осуществлен без опасения. Об этом читаем в «Особом журнале Совета Министров» 3 и 6 мая и 14 июня 1916 года[28]: «Казалось бы, ныне, когда надвигается на очередь вопрос о настоятельной потребности для армии в рабочих, предложения о привлечении свободных от воинской повинности частей населения могли быть разрешены в порядке обращения этого контингента в специальные рабочие дружины, чем и ославлялось бы значение упомя-

[26] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, лл. 28 и 216—217.
[27] Там же, л. 28, (обр.).
[28] Там же, л. 29 и 2 (обр.).

нутых, возникавших по поводу законопроекта Военного ведомства[29], сомнений».

Лелея себя надеждой о возможности быстрого проведения набора «инородцев» на военно-тыловые работы, члены кабинета царского правительства сочли возможным безотлагательно провести в жизнь эти меры. Совет Министров определил предварительное количество набираемых в рабочие дружины «инородцев» до 550 тыс. человек[30]. Так по мнению царского правительства был найден «безопасный» выход в решении вопроса о привлечении «инородцев» на военные цели.

Царь дал официальное согласие на реализацию предложения Совета Министров о пополнении рабочих дружин, предназначенных для производства работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в ближайших к фронту местностях[31], в результате чего последовал соответствующий царский указ от 25 июня 1916 года «О привлечении мужского инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ»[32]. Согласно указу предусматривалось привлечение в течение войны мужского «инородческого» населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Набору подлежали «инородческие» населения: а) Астраханской губернии, почти всех губерний и областей Сибири; б) Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской и Закаспийской областей; в) Терской и Кубанской областей и Закавказья.

Итак, царский указ явился логическим следствием военной и колониальной политики царизма. Взамен проекта Военного министерства о привлечении «инородцев» к отбыванию воинской повинности, появился указ о наборе их на работы, связанные с военными сооружениями и другими нуждами прифронтовой полосы.

---

[29] Речь идет о проекте Военного министерства 23 ноября 1915 г. «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения, освобожденного от нее до настоящего времени».

[30] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 30.

[31] Там же, лл. 28—30.

[32] Собрание узаконений и распоряжений правительства, отдел 1. № 182, 6 июля 1916 г., стр. 1747.

Для того, чтобы поскорее выполнить требования военного командования о формировании рабочих дружин подготовка и обнародование Закона о наборе «инородцев» проводились с лихорадочной спешкой. Министерство внутренних дел в секретной справке, составленной позднее, в сентябре 1916 года, вынуждено было признать, что царский указ от 25 июня «испрошен был военным министром ввиду категорических требований Штаба Верховного Главнокомандующего о срочном доставлении значительной силы для нужд армии. Соответственные предположения разрабатывались в военном ведомстве с исключительной спешностью»[33].

Если при подготовке первоначального проекта, составленного Военным министерством о привлечении «инородцев» к отбыванию воинской повинности, был произведен опрос мнений военных губернаторов и особых совещаний на местах, то по поводу набора на тыловые работы подобные предварительные меры не предпринимались. Власти хотели как можно быстрее загнать в прифронтовую полосу сотни тысяч рабочих-тыловиков, оторвав их от своих занятий в самый разгар летних сельскохозяйственных работ. Полный текст царского указа был издан лишь 6 июля 1916 года в собрании узаконений, но сокращенное его содержание было передано по телеграфу Степному и Туркестанскому генерал-губернаторствам, а также военным губернаторам Тургайской и Уральской областей 28—29 июня 1916 года[34]. Столь спешное появление нового указа застало местные колониальные власти края врасплох. Они не были подготовлены к проведению набора[35], не было точных указаний, как и сколько набрать тыловых рабочих. Для подтверждения этого приведем следующие факты:

в письме на имя Командующего войсками Казанского военного округа военный губернатор Тургайской области сообщал: «Высочайшее повеление 25 июня 1916 года о призыве инородцев на работы в тылу армии было сообщено мне телеграммой Министра внутренних дел от 28

---

[33] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 216.

[34] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 100, лл. 144 и 144 (обр); ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 419, л. 12.

[35] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», Сб. документов, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 34.

июня за № 18 991. До получения этой телеграммы никаких предварительных сведений о данном призыве ни от меня не требовалось, ни мне не сообщалось. Распоряжение (о) реквизиции рабочих киргиз и для меня и для населения области было совершенной неожиданностью»[36].

То же самое сообщал впоследствии в докладе Главному Штабу вновь назначенный Туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин, указывая, что население и администрация края совершенно не были подготовлены к исполнению царского указа[37].

Указ предусматривал привлечение всего мужского «инородческого» населения края в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Явная несообразность и неосуществимость Указа была столь очевидна, что ее признавал даже Куропаткин, который при встрече с помощником военного министра Фроловым говорил, что «в России привлечение мужского населения к участию в войне в возрасте с 19 до 43 лет еще не завершено (к лету 1916 г.— *Х. Т.*) и проводилось в течение двух лет. Население постепенно теряло часть своих рабочих сил и к этому приспособлялось. В Туркестане одновременное и быстрое привлечение всего мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет было бы страшным ударом для населения прежде всего в экономическом отношении»[38]. При этом, разумеется, Куропаткин имел в виду интересы царского правительства. Он писал, что «потери государству от крутого проведения проектированной меры были бы громадны, одного хлопка было бы потеряно на сотню миллионов рублей. Потеря скота, так нужного армии, тоже составила бы непоправимый ущерб интересам армии»[39].

Итак, не только население, но и местные колониальные власти оказались застигнутыми врасплох столь неожиданным опубликованием царского указа. Это представители администрации признавали лишь в разговорах между собой и в секретной переписке. Фактически же они без возражения, с рвением, в спешном порядке приступили к осуществлению «высочайшего повеления», при помощи свойственных колонизаторам жестоких мер,

---

[36] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 419, л. 12.
[37] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 52.
[38] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр 40.
[39] Там же, стр. 26.

не считаясь с бедственным положением и без того измученных и задавленных народных масс Средней Азии и Казахстана.

Согласно дополнительным указаниям Туркестанского и Степного генерал-губернаторов набор должен был быть произведен в две очереди: первоначально должно было быть привлечено мужское «инородческое» население в возрасте с 19 до 31 года, и затем в возрасте с 32 до 43 лет[40]. Составление мобилизационных ведомостей было затруднено потому, что у местного населения отсутствовали метрические записи и посемейные списки. Вначале властям не был известен предполагаемый контингент призываемых. Лишь спустя несколько дней после подписания царского указа Туркестанское генерал-губернаторство получило от находившегося в это время в Петрограде временно исполняющего должность генерал-губернатора края Мартсона телеграмму, указывающую, что от Туркестана предполагается взять до 250 тысяч рабочих[41]. 2 июля 1916 года помощник генерал-губернатора Туркестанского края М. Р. Ерофеев созвал экстренное совещание военных губернаторов областей, которое решило составить списки призываемых по областям, уездам и волостям, причем из хлопковых районов предусмотрено было взять меньшее число рабочих, чем из зерновых и животноводческих, так как царская администрация была весьма заинтересована в производстве хлопка для нужд войны.

Было намечено произвести следующий наряд рабочих по областям:

По Сырдарьинской области	— 87 тысяч человек
По Семиреченской „	— 60 „ „
По Ферганской „	— 50 „ „
По Самаркандской „	— 38 „ „
По Закаспийской „	— 15 „ „
Всего	— 250 тысяч человек[42]

[40] „Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане", сб. документов, стр. 96, ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 87 и 90; ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, 1303а, л. 42а.

[41] Там же, лл. 145—147.

[42] „Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане", сб. документов, стр. 77.

Согласно материалам Министерства внутренних дел от 8 декабря 1916 года предполагаемое число мобилизованных рабочих по Степному генерал-губернаторству составляло 133 795 человек, из них по Акмолинской области 48 316 и Семипалатинской — 85 479 человек[43]. По двум другим областям Степного края—по Уральской было запланировано набрать 50 270 казахов[44] и по Тургайской примерно 50 тысяч человек. (Официальными данными по Тургайской области мы не располагаем, поэтому показываем сравнительные приблизительные цифры). Таким образом Туркестанский и Степной края должны были послать в прифронтовую полосу почти полумиллионную армию тыловых рабочих.

Губернаторы областей по своему усмотрению должны были распределять наряды по уездам, а уездные начальники — по волостям. Распределение наряда в волостях (по селам и аулам) было дано на откуп «туземной» администрации. Местные власти по своему усмотрению увеличивали наряд в целях личной наживы. Рабочие-тыловики, согласно директивам властей, должны были иметь собственные, «вполне исправные» одежду и рабочие инструменты[45].

Как же предполагалось проводить набор рабочих? Колониальные власти предусмотрели два плана его осуществления: первый, рассчитанный на мирное течение набора, и другой — на случай сопротивления населения. Но они сами не верили в мирный исход и ориентировались на осуществление второго плана, как наиболее вероятного. Телеграмма генерала Ерофеева военным губернаторам областей предписывала «производить военные прогулки по туземным городам и селениям с целью ознакомления с ними и способом действия на случай применения карательных и понудительных мер, также для благоприятного (?!) воздействия на умы туземцев, не подчиняющихся распоряжениям правительства. Прогулки сопровождать тактическим учением»[46].

---

[43] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 503 и 573.

[44] Там же.

[45] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 147.

[46] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 643—644.

Местная администрация готовилась применять силу оружия против сопротивления населения. Так, например, военный губернатор Самаркандской области приказал уездным начальникам, чтобы по получении распоряжения о наборе они выделили агитаторов из состава самого населения и в случае сопротивления приступили к насильственному набору[47]. Только по Самаркандскому уезду для осуществления набора предусматризалось выделение двух рот пехоты и сотни казаков.

На совещании у начальника Закаспийской области «по вопросам, связанным с реквизицией рабочих из туземного населения» было предложено уездным начальникам, в случае неисполнения населением требований властей об обязательной поставке рабочих — принять принудительные меры вплоть до ареста и применения оружия[48].

В детально разработанном начальником Тедженского уезда Закаспийской области Бялановичем «плане принудительного набора рабочих» предусматривалось создание карательных отрядов. В разделе II плана под рубрикой «Исполнительные действия» было сказано: «Начальник уезда или его помощник и пристав (в зависимости от района) в сопровождении части карательного отряда не менее полуроты пехоты, полусотни казаков при пулемете и орудии, врача, двух фельдшеров, 4-х санитаров с носилками, перевязочными материалами и проч. при управителе и переводчике выступает в намеченный аул, окружает его разъездами конных частей, по одному разъезду в 4 чел. с каждой стороны аула, устанавливает пехоту с пулеметом и орудием против аула в более удобном для того месте и через управителя требует схода населения в определенный пункт на виду отряда»[49].

Таковы были предварительные меры, под страхом которых, по мнению Тедженского уездного начальника туркмены должны были выполнить царский указ. Далее уездный начальник давал указания по поводу применения более жестоких насильственных мер, рассчитанных на подавление всякой вспышки сопротивления со стороны

---

[47] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз инв. № 81, лл. 128—129.

[48] «Восстание 1916 года в Туркмении» (документы и материалы), Ашхабад, 1938, стр. 33.

[49] Там же, стр. 70.

местного населения. При такой обстановке администрация должна была приступить к набору рабочих с применением вооруженной силы. В плане предусматривались также сбор в каждом ауле насильственным путем всех туркменских мужчин и проведение набора рабочих из них «вдвойне против требуемого от аула количества рабочих, не особенно придерживаясь при этом определенного возраста и под соответствующим конвоем «препровождать на сборный пункт». При этом конвою предписывалось «прибегать к насилию, то есть тащить и понуждать в крайности нагайкой и прикладами и далее применять оружие против них»[50].

Также примерно готовились власти к проведению набора и в других местах.

Порядок проведения набора тыловых рабочих носил ярко выраженный классовый характер. В интересах эксплуататорских групп и в частности представителей «туземной» (местной) администрации, колониальные власти разработали разъясняющие царский указ инструкции, согласно которым должностные лица волостных, сельских и аульных управлений, их джигиты (вооруженная охрана), духовенство, так называемые «почетные граждане» и некоторые другие категории имущих слоев населения освобождались от набора[51]. Такое разъяснение дал министр внутренних дел Хвостов Тургайскому военному губернатору[52]. Согласно этим инструкциям все «инородцы», состоящие на службе в местной администрации, учащиеся медресе и т. п. освобождались от набора[53]. Кроме того, колониальная администрация дала указание, что любой туземец может нанять другого человека и послать вместо себя на работу по наряду, чем и воспользовалась эксплуататорская верхушка. Для колониальной и «туземной» администрации открылось таким образом еще большие возможности для злоупотреблений и насилия над трудящимися. Туркестанский генерал-губернатор был вынужден отметить «целый ряд возмутительных случаев-вымогательств, доходивших до арестов отдельных туземцев, не желавших подносить

[50] «Восстание 1916 года в Туркмении» (документы и материалы), Ашхабад, 1938, стр. 71.

[51] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 28, 33, 44, 50—53 и др.

[52] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 423, л. 293.

[53] Там же, лл. 13, 15, 30—32.

требуемую сумму, которой можно было бы откупиться от наряда»[54].

Для иллюстрации приведем следующий типичный для того времени документ: «Я, нижеподписавшийся, житель Наманганского уезда Шукурбай Мухамед Алибаев, выдал настоящее обязательство ташкентским сартам Саид Ариф Ходже... и Мурад Ходже Джаиф Ходжаевым в нижеследующем: в силу высочайшего повеления от 25 июня с. г. о призыве инородческого населения Туркестанского края на тыловые работы в действующей армии и согласно разъяснений местной административной власти о возможности замены лиц, подлежащих призыву, другими лицами путем найма по добровольному соглашению с последними. Я, Мухамед Алибаев, обязуюсь немедленно заменить одного из вышеуказанных ташкентских сартов Саид Ариф Ходжу или Мурад Ходжу... Ходжаевых, явиться на сборный пункт, заявить властям о добровольном согласии своем вступить в ряды тыловых рабочих, объявив, чьим заместителем я являюсь, и отправиться к месту работы... Исполнять это обязательство я, Мухамед Алибаев, должен в течение всего времени работ со дня призыва, за одну тысячу рублей, каковы деньги... получил сполна»[55].

В ряде мест эксплуататорские группы наживались за счет рабочих, освобождаемых от набора. В Казахской степи, например, богатые крестьяне, ходатайствовали перед администрацией об освобождении от набора тех батраков-казахов, которые нанимались к этим хозяевам на сенозаготовки «для нужд действующей армии». Под этим предлогом батраки освобождались от набора и ценой кабальных условий оставались в распоряжении нанимателей.

Богатый крестьянин селения Павловки Павловской волости Тургайского уезда Г. Л. Дегтярев, являвшийся тогда одним из поставщиков прессованного сена для царской армии, ходатайствовал перед администрацией об оставлении у него казахов, освободив последних от набора в рабочие дружины[56]. Его просьба была удовлетворена.

---

[54] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 102.

[55] Цит. из книги *З. Д. Кастельской* «Восстание 1916 года в Узбекистане», Госиздат УзССР, Ташкент, 1937, стр 75—76 (Подлинник документа хранится в Музее истории АН УзССР в Ташкенте).

[56] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 423, л. 336.

Но как тяжел был этот вид найма для батраков, видно из следующего условия: «1916 г. 5 ноября нижеподписавшиеся киргизы (казахи — *Х. Т.*) второго аула Бистаманской волости, Актюбинского уезда, Тургайской области 1) Имбаткалий Мынтаев, 2) Байтуре Нурсундов с одной стороны и поставщик сена для нужд армии крестьянин Тургайского уезда поселок Павловский той же волости Г. Л. Дегтярев с другой стороны заключили настоящие условия в нижеследующем: «Мы вышеозначенные киргизы нанимаемся к поставщику прессованного сена подвезти в прессованном и непрессованном виде в количестве трех тысяч пудов по цене по 15 коп. за пуд на станцию Тамды, Ташкентской железной дороги — расстояние от места назначения 25 верст и до 55 верст (так написано в документе, очевидно нужно от 25 до 55 верст) все заподряженное количество (сена) подвозчики обязуются поставить в следующие сроки...»

Рабочие-казахи, нанятые заготовителем сена «для нужд армии» в 10 ауле Бурлинской волости Актюбинского уезда, за перевозку 20 тыс. пудов сена до железнодорожной станции на расстояние до 30 верст получали всего лишь по 6 копеек за пуд[57].

19 рабочих казахов из 2, 3, 8, 9 и 11 аулов I Буртинской волости, Актюбинского уезда нанимались хозяином Утеганом Муконовым. Согласно заключенного между нанимателем и батраками условия, рабочие должны были прессовать 25 тыс. пудов сена, проданного Муканов ым для нужд армии. Прессование сена проводилось примитивным способом, требующим большого напряжения сил, между тем рабочему платили всего пять копеек за каждый пуд прессованного сена[58]. Такая же кабальная сделка была заключена сроком на один год между рабочими-казахами 4 аула Башбуктинской волости Актюбинского уезда и заготовителем[59].

Все факты свидетельствуют о том, что царский указ и его осуществление легли тяжелым бременем на трудящиеся массы. Между тем эксплуататорские элементы, под покровительством администрации не только освобождались от набора, но и обогащались. Все это еще более усиливало ненависть трудящихся масс к царской власти,

[57] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 423, лл. 477—478.
[58] Там же, стр 347.
[59] Там же, л. 381.

волостным управителям, старостам и эксплуататорским элементам и подняло их на борьбу против угнетателей. Начальник Туркестанского охранного отделения в своем донесении в начале июля 1916 года сообщал, что «по полученным в отделении сведениям, среди туземного населения замечается сильное возбуждение вследствие распространившегося слуха, что состоятельным и интеллигентным туземцам будет представлена возможность сделать денежный взнос взамен личной явки по набору в команды для окопных работ. В чайханах и т. п. заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится самосудом с богачами»[60].

Восстание 1916 года (см. гл. гл. II—VII), всполошило царское правительство и его местные органы. Они лихорадочно «искали» причины восстания и при этом естественно умаляли основные социально-экономические и политические предпосылки возмущения народа. В колониальных кругах были попытки показать, что восстание произошло будто бы на почве религиозного фанатизма, в результате панисламистской пропаганды извне. Такая версия высказывалась, например, участниками заседания представителей Кокандской уездной администрации, банков и торгово-промышленных фирм, состоявшегося 31 июля 1916 года[61].

Участники такого же заседания в Маргеланском уезде на вопрос «что послужило причиной и поводом возникших в области беспорядков?» ответили следующее: «высочайшее повеление о наборе рабочих от туземного населения и обнародование сего повеления в связи с принятием первоначальных мер и проведение к исполнению послужило лишь поводом к возникновению наблюдавшихся в области беспорядков, самая причина каковых более глубока и в данный момент не может быть с точностью определена, причем не только не исключается, но и вероятна возможность заранее подготовленного внешнего влияния и пропаганда на основе религиозной и политической»[62].

---

[60] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 60.

[61] Там же, стр. 217—218.

[62] Там же, стр. 221—222.

Представители Наманганской уездной администрации еще более определенно высказывались, что наиболее глубокой причиной восстания, якобы, являлся «фанатизм туземцев»[63].

Напуганные народным движением местные власти пытались скрыть истинные причины восстания, царский указ и его пагубные для народа последствия объявляли лишь поводом к восстанию. Они стремились опорочить народное движение провокационными измышлениями о религиозном фанатизме. Ряд представителей администрации и реакционных партий пытались объявить основной и почти единственной причиной восстания издание царского указа 25 июня и поспешное проведение его в жизнь. В этом отношении характерна реакция IV Государственной Думы на описываемые события.

В декабре 1916 года от 97 депутатов IV Государственной Думы поступили три запроса, адресованные Председателю Совета Министров, министрам юстиции, внутренних дел и военному по поводу набора на тыловые работы и восстания 1916 года в Туркестане и Степном крае. В запросе, подписанном Керенским, Вершиным, Янушевичем, Чхеидзе и другими депутатами (31 чел.) указывалось, что министры внутренних дел и военный своевременно не разработали правил осуществления царского указа от 25 июня о наборе «инородцев». Экстренное проведение на местах нового мероприятия поставило население перед внезапно возникшей угрозой лишиться в самый разгар полевых работ почти всего трудоспособного населения. Далее, указывая на некоторые последствия, потрясавших весь Туркестан и Степной край событий авторы запроса все дело сводили в основном к тому, что в проведении царского повеления «министр внутренних дел допустил превышение власти, а военный министр — бездействие власти, повлекшие за собой тяжкие для государства последствия»[64]. Аналогичный характер носили и два другие запроса депутатов Думы.

Истинное стремление значительной группы депутатов Государственной Думы заключалось в том, чтобы:

во-первых — показать, что основной причиной восста-

---

[63] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 223.

[64] ЦГИАЛ, ф. 1278, (Госуд. Дума), оп. 5, д. 1069.

ния 1916 года явилось лишь опубликование царского указа и поспешное проведение набора;

во-вторых — выступить с критикой «неосмотрительности» и «нерешительности, проявленных правительством и особенно Военным министерством и Министерством внутренних дел по отношению к таким колониальным окраинам, как Туркестан и Степной край.

Такая «критика» с циничной откровенностью прозвучала в выступлении Керенского во время обсуждения на состоявшемся 13 декабря 1916 года закрытом заседании V сессии Государственной Думы упомянутых выше заявлений группы депутатов.

Керенский считал царский указ единственной причиной восстания 1916 года[65] и подчеркивал, что в результате нарушения требований закона и права со стороны правительства в деле применения данного указа *«ко всем фронтам войны прибавился новый туркестанский фронт...»*[66] (Курсив наш.— *Х. Т.*). Он сетовал на правительство не за то, что оно вело империалистическую войну и заставляло все народы России воевать и работать в интересах царизма и буржуазии. Керенский критиковал правительство лишь за то, что оно, якобы проявляло «мягкотелость» по отношению к колониальным народам Туркестана и Степного края. Ему не нравилось «бездействие власти» со стороны Военного министерства. Поясняя свою позицию, Керенский недвусмысленно заявлял, что при наборе в рабочие дружины надо было учесть «в каком порядке и когда это нужно привести в исполнение, кого нужно позвать, какие местные условия требуют особых, так сказать, мер для того, чтобы это не вызывало серьезных осложнений. Ведь господа, Туркестан и Степные киргизские области — это не Тульская или Тамбовская губернии. *На них нужно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии»*[67]. (Курсив наш.— *Х. Т.*).

А разве Керенскому и К° не было ясно, что царское правительство по отношению к Туркестану, Казахской степи, как и другим национальным окраинам всегда проводило жестокую колониальную политику. Разумеется, было ясно. Очевидно, Керенский, как это явствует из его

[65] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 1100, л. 274.
[66] Там же, л. 269.
[67] Там же, л. 264.

речи, имел в виду необходимость дальнейшего усиления колониального режима в национальных окраинах.

Тем не менее, дебаты в Государственной Думе, так или иначе, являлись признаками огромной тревоги правительственных кругов в связи с восстанием 1916 года, охватившим обширные районы Средней Азии и Казахстана и опрокинувшим все попытки колониальных властей скрыть предпосылки, причины и историческое значение народного движения.

Под впечатлением этих грозных событий отдельные представители царской администрации пытались более глубоко изучить причины восстания в интересах самого царизма, в целях предупреждения новых народных выступлений. В этом отношении значительный интерес представляют признания А. Н. Куропаткина, назначенного с 15 июля 1916 года генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского края. Вскоре по прибытии в Туркестан, 26 июля, им был представлен в Главный штаб специальный доклад, в котором одной из причин восстания указывалась спешность, проявленная министерством и местными властями в проведении царского указа о призыве «инородцев» на военно-тыловые работы и выдвигалась необходимость «самым строгим образом наказать туземцев, главных виновников бывших беспорядков в Туркестанском крае». На докладе имеется следующая заметка Николая II: «Согласен. Ставлю на вид спешное и недостаточно обдуманное проведение в жизнь этой меры»[68]. Таким образом, царь вынужден был признать провал выполнения своего указа.

Более подробно о причинах восстания 1916 года А. Н. Куропаткин писал в других докладах.

Так, в своем докладе военному министру Куропаткин писал, что «объявление царского указа 25 июня о наборе рабочих.»... дало толчок к движению, осуществлявшемуся на постепенно и заранее подготовленной почве недовольства русскими порядками. Не будь этого недовольства, несомненно, протест против набора рабочих не вылился бы в такую мятежную форму»[69].

О причинах восстания 1916 года Н. А. Куропаткин более пространно докладывал в своем «всеподданней-

---

[68] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, лл. 52—55.
[69] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 156—162.

шем рапорте» Николаю II. В этом документе указывалось, что «Поводом и ближайшей причиной беспорядков, несомненно, послужил призыв туземцев Туркестана к выставлению рабочих. Этот призыв, переданный в слишком спешном порядке, с приказанием ставить рабочих немедленно, поставил и население, и администрацию края в тяжелое положение»[70]. Отмечалась также неосведомленность колониальной администрации о том, как отнесется население к набору рабочих и т. п.

Но далее А. Н. Куропаткин вынужден был перечислить «главнейшие причины» восстания. «Кроме общих причин, вызвавших беспорядки туземного населения,— писал он,— я считаю своим верноподданнейшим долгом донести и о причинах, кои в течении последних 30 лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп туземного населения Туркестана»[71].

Из перечисленных Куропаткиным главнейших причин восстания, характерными являются следующие:

У оседлого населения трех коренных областей (Сырдарьинская, Ферганская и Самаркандская):

«образовалась небольшая группа очень богатых туземцев наряду с обеднением мелких землевладельцев;

— происходила скупка земель богатыми за счет обезземеливания бедноты, в результате которого возник вредный в государственном отношении процесс обращения в пролетариев еще недавно спокойной и работящей части населения;

— огромная задолженность населения. Только в Ферганской области, по сведениям судебного ведомства, за 1914 и 1915 гг. предъявлено было к взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 миллионов рублей;

— волостные старшины и судьи (казии) стали во многих случаях на сторону богачей и решали дела в их пользу с явным пристрастием. Обедневшая масса населения в трех основных областях в значительной степени стала недовольной своими туземными властями, судьями и при возникших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей».

---

[70] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 93.

[71] Там же, стр. 94.

Касаясь главнейших причин восстания у киргизского населения, генерал-губернатор не мог отрицать пагубные последствия царской переселенческой политики: «У киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, скотоводческих участков и казенных лесных дач — единственного владения казны»... Но и на той земле, которая была оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, население было стеснено лесной стражей. У туркмен вызвал огромное недовольство водный вопрос (нехватка воды для орошения, злоупотребления в водном управлении), а также возмущение туркмен злодеяниями Охранного отделения.

Таковы в общих чертах «главнейшие причины» восстания, отмеченные одним из столпов колониальной власти в Туркестане. Признания А. Н. Куропаткина несомненно имеют важное значение для выяснения предпосылок восстания. Туркестанский генерал-губернатор нарочито обошел целый ряд наиболее острых вопросов, особенно тех, которые являлись следствием жестокого социального и колониального режима, существовавшего тогда в Туркестане и Казахстане.

Восстание 1916 года имело глубокие социально-экономические и политические предпосылки, порожденные всей системой царизма и российского империализма, анализу которых посвящена первая часть настоящей работы. Усилившийся в годы первой мировой войны социальный и национальный гнет над широкими народными массами Средней Азии и Казахстана был еще более усугублен набором нерусского населения края на военно-тыловые работы. Царский указ от 25 июня 1916 года явился ближайшим поводом для восстания. Однако указ и вытекавшие из его осуществления меры по мобилизации десятков и сотен тысяч людей на тыловые работы явились не только поводом, но и одной из важных причин восстания 1916 года. Царский указ затрагивал коренные интересы подавляющего большинства народных масс. Над многими беднейшими семьями, задавленными многочисленными налогами и поборами, жестокой эксплуатацией, нависла угроза дальнейшего резкого ухудшения их материального положения. К тому же народным массам была ненавистна сама грабитель-

ская империалистическая война и потому у трудовых людей не было никакого желания ехать на работу вдали от родимых мест, в прифронтовой полосе.

Вот почему первые же распоряжения властей «о безотлагательном составлении списков мужчин-туземцев в возрасте от 19 до 31 года» сразу же вызвали возмущение среди населения[72]. «Брожение росло,— писал военный губернатор Самаркандской области генерал Лыкошин,— драки и убийства вспыхивали то в одном месте, то в другом, уговоры и увещания местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, пока, наконец, все это не вылилось в форму открытого восстания против русского правительства»[73].

Куропаткин также признавал, что с самого начала объявления о наборе местное население «довольно нервно отнеслось к этому распоряжению» и «вслед за объявлением реквизиции рабочих начались беспорядки», которые приняли серьезный оборот, охватывая область за областью[74].

Начавшееся с выступления трудящихся Ходжента 4 июля 1916 года восстание вскоре охватило всю Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Семиреченскую, Закаспийскую и Степные области. Пришло в движение многомиллионное и многонациональное население Туркестана и Степного края.

Широкий размах приобрело восстание в Тургайской области, которое возглавил Амангельды Иманов. Первоначальные планы царского правительства о немедленном проведении набора на военно-тыловые работы в июле месяце были сорваны. Ни один сборный пункт фактически не действовал. Власти были чрезвычайно встревожены развертывающимся по всему краю народным движением и заняты разработкой и осуществлением экстренных мер по подавлению восстания. Срочно создавались карательные отряды и экспедиции, усиливались военные гарнизоны и полицейские части в городах. Репрессии против восставших приобрели жестокий кровавый

---

[72] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 20.

[73] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 161.

[74] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 148—150.

характер. Спешно создавались военно-полевые суды для разбора дел участников восстания. Генерал Сухомлинов отмечал, что, несмотря на его призывы «беспрекословно» исполнить царскую волю» и послушно идти на военно-тыловые работы, казахское население не только отказалось исполнить этот приказ, «но даже оказало сопротивление властям». Ввиду этого Сухомлинов угрожал населению, что все дела о сопротивлении передаются военному суду и по отношению повстанцев будет приниматься смертная казнь[75].

Власти категорически запретили «туземцам собираться толпами». Для того, чтобы затруднить объединение участников восстания было отдано распоряжение не продавать железнодорожные билеты коренному населению, за исключением «тех благонадежных», которые представляли специальные удостоверения от уездных начальников[76].

Особым обязательным распоряжением Туркестанского генерал-губернатора в знак преклонения коренного населения перед царской администрацией было предложено «всем туземцам всегда почтительно приветствовать офицеров и чиновников всех ведомств вставанием и поклоном»[77]. Подобными омерзительными мерами унижения человеческого достоинства колониальные власти пытались согнуть волю и решимость борющегося народа.

Ввиду развития событий, принявших угрожающий для царизма характер и масштабы, царским указом 17 июля 1916 года Туркестанский военный округ объявлялся на военном положении с подчинением всего гражданского управления в этом округе командующему войсками[78]. Военное положение затем было введено и по Степным областям.

По просьбе Куропаткина указом царя 21 июля 1916 года генерал-губернатору были предоставлены широкие полномочия в качестве главнокомандующего на время действия в округе военного положения[79].

---

[75] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 34.

[76] ЦГИАЛ, ф. 1292 (Управление по делам о воинской повинности), оп. 4, д. 1933, л. 3.

[77] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 37.

[78] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 37.

[79] Там же, стр. 52—55.

Куропаткин предпринял немало усилий для подавления восстания и наказания участников движения. Вместе с тем он, признавая провал осуществления набора, поставил перед правительством вопрос об отсрочке исполнения царского указа по всему Туркестанскому краю до 15 сентября [80]. С таким же ходатайством обратился в Петербург и генерал-губернатор Степного края Сухомлинов. Последовало соответствующее разрешение Николая II [81]. Одновременно А. Н. Куропаткин поставил вопрос о снижении общего числа набираемых тыловых рабочих по Туркестану с 250 до 220 тысяч. Оба предложения Туркестанского генерал-губернатора были также одобрены царем [82].

Колониальные власти, как при осуществлении набора, так и при подавлении восстания опирались на имущие слои местного населения. Распоряжением администрации создавались специальные «туземные комитеты» содействия набору из числа представителей волостных управителей, старшин, богатых слоев местного населения. Однако, несмотря на все меры, предпринятые властями, восстание продолжало шириться, срывались все новые сроки набора.

Национальная буржуазия играла в восстании антинародную предательскую роль. Несмотря на то, что национальная буржуазия, в том числе и сельская, видела, что набор наносил ей материальный ущерб, уменьшал число рабочих рук, однако активно протестовать она не решалась. Недовольство местной буржуазии выражалось лишь в отдельных случаях в подаче заявлений на имя царской администрации с верноподданническими просьбами отложить призыв до окончания сезона сельскохозяйственных работ, оставить часть тыловиков для работы в их хозяйствах или промышленных предприятиях. В целом узбекская, казахская и иная национальная буржуазия Средней Азии и Казахстана не только не участвовала в восстании 1916 года (не говоря уже о руководстве движением), а выступала против революционной освободительной борьбы своего народа.

---

[80] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 41.

[81] Там же, стр. 43 и 48.

[82] Там же, стр. 48. (По Степному краю набор рабочих-тыловиков также был отсрочен до 15 сентября, см. там же, стр. 43).

Чем объяснить реакционную роль национальной буржуазии? Она объясняется конкретно-историческими социально-экономическими и политическими условиями, которые обуславливали столь антинародную позицию буржуазии. Марксизм-ленинизм оценивает историческую роль буржуазии, исходя из интересов национально-освободительного движения, из интересов борьбы против феодализма и империализма, борьбы за социализм. Часть национальной буржуазии на определенном этапе и в соответствующих условиях может принимать участие, даже играть руководящую роль в национально-освободительном движении. Об этом свидетельствует, например, прогрессивная роль значительной части национальной буржуазии в борьбе народов ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но и в современных условиях не вся национальная буржуазия и не везде играет прогрессивную роль. Реакционная буржуазия, особенно компрадорская, в экономическом и политическом отношениях тесно связанная с империализмом метрополии, ведет соглашательскую политику с колонизаторами против интересов своего народа.

Узбекская, казахская и иная местная буржуазия Средней Азии и Казахстана была малочисленной и экономически и политически слабой. Она находилась в зависимости от российского капитала и была ему подконтрольна. Промышленная буржуазия была тесно связана с монополиями России, особенно в области сбыта сырья и в системе банкового кредита. Экономические интересы торговой части национальной буржуазии были переплетены с интересами российских империалистов. (Об этом положении национальной буржуазии соответствующие материалы приведены в первой главе данной книги).

Хотя национальная буржуазия была недовольна своим политическим бесправием, зависимостью от русских капиталистов и ограниченностью сферы экономической деятельности, однако оппозиция национальной буржуазии против существовавшего режима не шла дальше рабских просьб перед правительством о представлении некоторых незначительных реформ — выделении мандатов в Государственную Думу, разрешения местного самоуправления и т. п. В страхе перед развивающимся революционным движением в России и его влиянием на

политическое и классовое самосознание трудящихся масс окраин, национальная буржуазия шла на поддержку царизма и была опорой реакции. Чтобы уяснить подобную антинародную позицию местной буржуазии, надо помнить слова В. И. Ленина о том, что «буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и *против* своего народа»[83].

Предательская антинародная роль национальной буржуазии со всей очевидностью обнаружилась в частности в период восстания 1916 года. Особенно гнусную роль сыграли буржуазные националисты — джадиды и алашезцы. Они, напуганные революционной борьбой масс, открыто призывали поддержать царское правительство и ревностно боролись против восстания, способствовали осуществлению набора на военно-тыловые работы. В «Туркистон вилоятининг газетаси» джадиды писали: «Царь издал повеленйе, мы пойдем на работу... О, послужим нашему царю, будем помощниками армии, надо помогать отечеству»[84]. За подписью Тулягана Ходжимиярова в той же газете 21 августа 1916 года было напечатано приветствие генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину в стихах. Автор стихотворения поздравлял генерала с прибытием в Ташкент, желал ему всяческого успеха и процветания, объявлял его отцом узбекского народа. «Мы готовы до самой смерти писать вам лестные отзывы», Ура Куропаткину!..» вот как возвеличивал Ходжимияров представителя колониальной власти, усмирителя народного движения. Тот же Ходжимияров в статье, опубликованной в указанной газете, обвиняя восставший народ, писал, что якобы «в результате непонимания или невежества произошло несколько неприятных событий».

Редактор органа джадидов журнала «Аль Ислох» Абдурахман Сайях советовал населению беспрекословно выполнять царский указ. «Дорогим единоверцам,— писал он,— рекомендуется в этом отношении, наряду с именитыми людьми, умеющими различать добро и зло, подчиниться указанному высочайшему повелению..., ибо

---

[83] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 49.

[84] «Туркистон вилоятининг газетаси» № 51, 24 сентября 1916 г.

защищать дорогую родину — есть дело обязательное для всего населения отечества, как русских, так и мусульман». Как две капли воды похожи слова джадида с кадетом, как они спелись между собой, когда речь шла о мобилизации народа на братоубийственную империалистическую войну, когда нужно было обмануть массы лозунгами «защиты родины и отечества».

Национальная буржуазия при активной помощи джадидских лидеров принимала участие в создании в уездах, областях и городах «туземных комитетов содействия» колониальным властям по осуществлению набора рабочих. Такой комитет из 16 человек был образован 15 августа 1916 года в Ташкенте под председательством Убайдуллы Магзум Абдурасул Ходжаева [85], занимавшегося адвокатурой, и одного из джадидов. В составе Комитета были лидер джадидов Мунаввар Кары Абдурашидханов, крупные богачи, представители «туземной» власти. О том, что члены местного комитета содействия были исключительно из угодных колониальной администрации лиц, свидетельствует рапорт начальника города Ташкента от 17 августа 1916 года, который подтверждал, что члены «Ташкентского Городского Комитета по призыву туземцев на работу в тылу действующей армии в политическом отношении вполне благонадежны»[86].

Джадиды организовывали «патриотические» манифестации в честь царя и Куропаткина, за проведение набора рабочих[87]. В одной из таких «манифестаций» в Ташкенте джадиды заставили выйти на улицу учащихся новометодных школ и петь «верноподданнейшие» песни, которые начинались словами: «Живи, живи, император, у тебя есть справедливость», и в которых выражалась готовность выполнить царский указ.

Антинародная, предательская роль джадидов подтверждается весьма ценными стенограммами двух бесед, проведенных историком М. Султановым в 1935 году с участником восстания 1916 года Ю. Ибрагимовым и очевидцем событий, одним из видных деятелей

---

[85] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1128, л. 67—73.
[86] Там же, л. 49.
[87] «Туркестанские ведомости» № 212, 30 сентября 1916 г.

джадидов в дореволюционном прошлом Турсунходжаевым[88].

Юлчи Ибрагимов, выходец из рабочих, принимал непосредственное участие в ташкентском восстании в 1916 году. Он рассказал, что баи и джадиды отнеслись к царскому указу о наборе рабочих-тыловиков одобрительно и агитировали за подчинение приказу царя. Джадиды Мунаввар Қары и Садретдинхан участвовали в подавлении восстания. Саид Махмуд хан Қазы даже дал распоряжение: «нужно расстреливать людей, сопротивляющихся полицейскому управлению»[89].

Очень характерной является беседа с Турсунходжаевым, раскрывающая реакционную деятельность джадидов в период восстания 1916 года. Турсунходжаев, как мы говорили выше, был из джадидов. После Октябрьской революции он осудил джадидизм и вступил в ряды Коммунистической партии, работал на руководящих постах в советских и партийных органах Узбекистана. Турсунходжаев рассказал, что джадиды были заняты подготовкой общественного мнения лишь для того, чтобы безболезненно произвести набор тыловых рабочих. Областные комитеты содействия набору возглавляли, главным образом, джадиды Мунаввар Қары, Башрулла Ходжаев, Бехбуди и другие. Турсунходжаев говорил, что сам он лично помогал местной администрации в проведении набора в Фергане. Во время приезда Керенского в Туркестан в сентябре 1916 года он сопровождал его в поездке по Фергане, был участником банкета в Андижане, устроенного местными богачами и администрацией в «честь» Керенского. Выступая на банкете, джадиды Ходжаев, Норбутабеков и другие выражали свои верноподданнические чувства царю. Они заявляли, что будут выполнять все указания властей[90].

«Я должен сказать,— продолжал далее Турсунходжаев,— что мы (джадиды,— *Х. Т.*) тогда играли исключительно предательскую роль. Было ведь колоссальное

---

[88] Эти беседы были проведены для сбора документов и воспоминаний участников восстания 1916 г. Стенограмма бесед хранится в документальных материалах Партархива Института истории партии при ЦК КПУз. Документ. материалы, инв. № 83, лл. 73—101.

[89] Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз. Документ. материалы, инв. № 83, л. 78.

[90] Там же, лл. 87—90.

восстание, очень большое восстание. Народное возмущение было сильное. Если бы джадиды, хотя бы, как мелкобуржуазная европейская партия, действовали бы, пошли бы на то, чтобы создать мощный организованный протест, тогда можно было многое сделать. Но этого сделано не было»[91].

Казахская буржуазия и ее идеологи алаш-ордынцы, боявшиеся как огня революционной борьбы масс, также встали на защиту царизма. Сразу же по объявлении царского указа алаш-ордынцы стали помогать царским властям в подготовке, проведении мобилизации и предупреждении народных восстаний. Предательская антинародная позиция реакционной казахской буржуазной интеллигенции откровенно была отражена в передовой статье их органа—газете «Казах» 8 июля 1916 года, в которой выражались «верноподданические», «патриотические» чувства: «25/VI его величество царь,— писала газета,— объявил приказ о призыве второстепенных национальностей.., приказ царя — истина, и ему возражений быть не может, подобно тому, как говорится: «приказ тверд — душа сладка», приказа мы не можем не выполнить..»[92] Предчувствуя бурю народного гнева, газета предупреждала о немыслимости и вредности сопротивления царскому указу, призывала аксакалов толковать населению об этом и склонять всех на безусловное выполнение воли царя.

В обращении к казахскому народу вожаки казахских буржуазных националистов А. Байтурсунов, А. Букейханов, М. Дулатов поспешили опровергнуть слухи о том, что они якобы выступили против призыва. В связи с этим они сообщали следующее: «8 июля в 188 номере газеты «Казах» мы писали о том, что должен делать казахский народ по данному вопросу. С того времени на страницах своей газеты мы боремся за реализацию приказа царя среди «Алаш» без всякого сопротивления. Таков наш путь, ничего у нас тайного или скрытого нет». И далее, они еще и еще раз твердили, чтобы никто не верил ложному слуху о том, что они будто бы писали письма о

---

[91] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз. Документ. материалы, инв. № 83, л. 94.

[92] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 637.

неподчинения приказу. «Мы не намерены говорить такие вещи»,— разглагольствовали алаш-ордынцы[93].

Другая казахская буржуазно-националистическая газета «Алаш» также выступала против народного восстания. Она, обращаясь к казахской молодежи, призывала их немедленно идти на тыловые работы и безусловно выполнить приказ царя. «В то время,— писала далее газета,— когда мы и днем и ночью думали о благополучной победе белого царя, помогали всем, чем могли, фронту, был объявлен царский указ от 25 июля о призыве киргизов на тыловые работы, что еще обрадовало нас»[94]. Газета «Алаш» восхваляла карательные меры Куропаткина против повстанцев.

Во время восстания 1916 года обнаружилась (как об этом будет сказано подробно в следующих главах книги) другая сепаратистская тенденция со стороны феодально-клерикальных, панисламистских элементов, которые пытались использовать народное движение в своих классовых, политических целях. В этих целях они кое-где спровоцировали реакционные выступления, которые в конечном итоге потерпели провал, так как не были поддержаны народными массами.

Несмотря и вопреки насильственным мерам со стороны колониальной администрации и лакейской предательской роли национальной буржуазии с одной стороны и сепаратистским антирусским устремлением феодально-клерикальных элементов народные массы шли своим путем, поднимаясь на героическое восстание.

Восстание не имело единой организации и пролетарского руководства. Оно вылилось в форму стихийных разрозненных выступлений, начиная от демонстрации протеста народных масс против царского указа, отдельных стычек восставших с войсковыми частями до крупных вооруженных выступлений.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане является революционным национально-освободительным массовым народным движением. Оно было одним из ярких проявлений назревшего в России революционного

---

[93] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане указ. сб. документов, стр. 661.

[94] «Алаш», 1916, 26 ноября, 4 и 11 декабря, цит. по кн. *Т. Елеуов* — Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, Алма-Ата, 1961, стр. 235.

кризиса. Своим острием оно было направлено против царизма и империалистической войны, вместе с тем восстание перерастало в антифеодальное движение аульной и кишлачной бедноты против феодалов и баев. Восставшие не только убивали волостных управителей и старшин, являвшихся представителями преимущественно эксплуататорских классов, но громили байские хозяйства. Дехкане и скотоводы, составлявшие большинство населения края, являлись основной движущей силой восстания 1916 года. Восстание приобретало характер крестьянского революционного движения, хотя в нем принимали активное участие также трудящиеся города — рабочие, полупролетарские элементы, ремесленники местных национальностей, а также представители демократической интеллигенции.

Беднота была наиболее активной участницей и душою движения. Не случайно в документах карательной экспедиции по усмирению восстания в Тургайской области говорится, что «огромное число мятежников состоит из беднейшего класса областей...»[95]. Во главе движения находятся те, «у которых никакого имущества нет», доносил верненский полицмейстер[96].

Данные Туркестанского военного окружного суда также свидетельствуют о том, что подавляющее большинство участников восстания составляли бедняцкие массы кишлаков, аулов и городов. Так в числе 34 участников восстания из селения Муратали Ташкентского уезда оказалось 3 чернорабочих, 22 бедняка и середняка и 3 кустаря[97].

Важной характерной особенностью восстания являлось почти повсеместное участие в нем женщин местных национальностей. Куропаткин в одном из своих докладов писал, что женщины выступали даже «в первых рядах протестующей толпы»[98].

Протест широких народных масс края против империалистического колониального гнета выразился в част-

---

[95] ЦГА КазССР, ф. 544, оп. 2, д. 295, лл. 6—29.

[96] Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г., «Тезисы...» стр. 10.

[97] «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 293.

[98] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 144—166.

ности в повсеместном отказе идти на военно-тыловые работы, в срыве осуществления царского указа 25 июня 1916 года.

«Общенародно то движение,— указывал В. И. Ленин,— которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения»[99]. Одним из таких народных движений и было восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.

Всенародный характер, движущие силы восстания 1916 года и его местные особенности можно будет подробно изложить лишь путем анализа хода движения по областям Туркестанского и Степного края, которым и посвящаются следующие главы работы.

---

[99] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 442—443.

Глава II

ВОССТАНИЕ В САМАРКАНДСКОЙ И СЫРДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Самаркандская область

Первым по времени восстало население Ходжента Самаркандской области. Восстание в Ходженте[1] началось стихийно, почти сразу же после объявления о наборе. Полицейский пристав города штабс-капитан Устимович, получив предписание своего уездного начальника, 2 июля вызвал к себе старшего аксакала (старосту) старого города Мирза Бахадура Мирза Касымова, казия (судью) Саид Ахмадха Бузрукходжаева и некоторых других должностных лиц, богачей и объявил им полученное распоряжение. Местная верхушка покорно обещала оказать всяческую поддержку в осуществлении набора рабочих.

Молва о наборе быстро распространилась в городе и окрестных кишлаках, вызывая недовольство и озлобление у народных масс[2].

Утром 3 июля полицейский пристав созвал более широкое совещание, на которое были приглашены все старшины и пятидесятники. Совещание должно было разработать меры, обеспечивающие немедленное составление списка по набору. Однако, напуганные народным возмущением, некоторые пятидесятники не явились на совеща-

[1] Ныне г. Ленинабад, Таджикской ССР.

[2] Воспоминание участника восстания Джуры Закирова. Партархив Института истории партии при ЦК КПУз. Документ. материалы, инв. № 82, стр. 122; *З. Ш. Раджабов.* Выступление на объединенной научной сессии в Ташкенте (1954 г.) в «Материалах объединенной научной сессии...», стр. 339.

ние. Пристав вынужден был вечером того же дня созвать у мечети Масляхатдин-шейх новое совещание с участием более широкого круга имущих слоев города. Как явствует из протокола дознания Исфанейского участкового пристава Дорофеева от 6—11 июля 1916 года, вопреки ожиданиям властей у мечети собралось несколько тысяч человек. Они потребовали от Устимовича немедленно прекратить или по крайней мере отложить составление списков до окончания уразы (мусульманского поста) и до получения известий из Ташкента и Самарканда об исполнении ими распоряжения по набору[3]. Дело оборачивалось совсем не так, как ожидали власти. Приставу ничего другого не оставалось, как поспешно оставить собрание и уехать[4].

В городе и окрестных кишлаках возмущение все возрастало и утром 4 июля вылилось в крупное восстание. Большое число повстанцев подошло к канцелярии старшины (в квартале Гузар Ахун). Прибывший сюда с полицейскими пристав Устимович пытался преградить им путь. Согласно «протоколу дознания», составленному Дорофеевым, «толпа восставших, в числе коих было много женщин, подростков и детей», громко кричала, окружила пристава Устимовича и потребовала от него отмены составления списков по набору. Приставу с большими усилиями при помощи полицейских удалось вырваться из окружившей его толпы и то лишь ценою обещания, что он немедленно поедет к уездному начальнику и доложит ему о требовании народа[5].

Такая же участь постигла прибывшего к месту событий старшего аксакала Мирза Муинова. Толпа окружила и его, вытащила из экипажа и прижала к стене, требуя немедленно прекратить составление списка. Испугавшись народного гнева, Муинов обещал выполнить это требование и уехал доложить о случившемся уездному начальнику вместе с судьей Бузрукходжаевым, крупным торговцем землевладельцем Камильджаном Алимджановым и одним из представителей «туземной» администрации Мирза Кабилом Умаровым. Они умоляли начальство отложить составление списка во избежание крупных неприятностей, с чем не мог не согласиться и уездный началь-

[3] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, лл. 289—296.
[4] Там же.
[5] Там же.

ник. Разумеется, все это было маневром, стремлением выиграть время, чтобы потом подавить народное движение.

Тем временем число восставших, по рассказам очевидцев, достигло 6—7 тысяч человек[6]. Они двинулись к новому городу. Навстречу толпе выехали пристав Устимович, судья Бузрукходжаев, Камильджан-бай и другие. Они объявили, что согласно новому распоряжению составление списка приостановлено и уговаривали возмущенных горожан разойтись. Но народ не верил им. Один из видных участников восстания — Джура Закиров[7] писал в своих воспоминаниях, что большинство населения ненавидело аксакала Мирза Бахадур Мирза Касымова, казия, Бузрукходжаева, бая Камильджана и им подобных, которые «своим гнетом довели трудящихся Ходжента до последних пределов»[8].

Во главе масс шли Абды Мадаминов, Джура Закиров, Дадабай Машарипов и другие. Пристав Дорофеев, пытаясь принизить общественное значение событий, писал, что судью Бузрукходжаева осыпали руганью «из-за личных счетов»[9]. Однако документы говорят о другом — народ, разоблачая махинации имущих, кричал, что судье и богачам нельзя верить, ибо они обманывают народ.

Опасаясь гнева возбужденной народной массы, судью усадили в экипаж и пытались увезти его. Лишь с большим трудом судье удалось бежать и найти убежище в канцелярии пристава. В спальне пристава прятались судья Бузрукходжаев и старшина Баба-Раим[10].

Восставшие направились к новому городу. Навстречу им вышел помощник уездного начальника подполковник Арцышевский. Он грубо обругал восставших и заявил, что об отмене набора не может быть и речи, и потребовал разойтись[11]. Видя, что их обманули, повстанцы вновь

---

[6] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз. Документ. материалы, инв. № 82, л. 123.

[7] Джура Закиров (1894—1928), таджикский революционер, член КПСС с 1918 г. Один из организаторов Октябрьской революции и Советской власти в Таджикистане.

[8] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз. Документ. материалы, инв. № 82, л. 122.

[9] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, лл. 289—296.

[10] Там же.

[11] ЦГА УзССР, ф. ТВОС, д. 62а, лл. 67—70.

окружили канцелярию полицейского пристава и потребовали выдачи списков по набору с тем, чтобы их уничтожить. Везде было слышно «дафтарро те!» (дай тетради)[12].

В указанном выше протоколе дознания, составленном приставом, говорилось, что «из толпы выделялись крайне безобразным поведением туземцы Абды Мадаминов, Дадабай Машарипов, Яхъяхан Кары Алимханов и Ишан хан Мирза Урунов, своим криком возбуждавшие толпу»[13].

Пристав отдал приказ полицейским оттеснить толпу от крыльца управления. Однако полицейским пришлось самим обороняться, их заставили скрыться в канцелярии. Как видно из материалов военно-окружного суда именно в этот момент повстанцы перешли к наиболее активным действиям. Под руководством Дадабая Машарипова, Джуры Азимбаева, Кары Алимханова и других наиболее активных участников восстания, призывавших народ ворваться в полицейское управление, повстанцы напали на полицейских, охранявших канцелярию и забросали их камнями[14]. В это время на помощь полиции подоспело пять солдат из ходжентской караульной команды, которые пытались оттеснить народ. Однако и эти солдаты, как сообщалось в экстренной телеграмме ходжентского уездного начальника, «были моментально окружены толпою»,[15] причем восставшие пытались отобрать у солдат оружие.

В этот момент полицейские, спрятавшиеся в канцелярии, начали стрелять из окон и дверей по безоружным людям[16]. Воспользовавшись замешательством среди восставших, солдаты присоединились к полицейским[17]. Были убиты 23-летний Мухамеджан Мир Абидов, 80-летний Акил Шайх Нигматшайхов и ранен Мирза Зада Мир Фазылов[18]. Огнем полицейских и солдат восставшие были оттеснены и разогнаны[19].

---

[12] Список по набору рабочих.

[13] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, лл. 289—296.

[14] ЦГА УзССР, ф. ВОС, д. 162а, лл. 67—70 и ф. 1, суд. часть д. 109, лл. 84—85.

[15] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 105.

[16] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, лл. 289—296.

[17] Там же, лл. 289—296 и 36.

[18] Там же.

[19] Там же, л. 9.

В Ходжент было спешно послано дополнительное воинское подразделение, но возмущение в городе и уезде не утихало. Несколько дней спустя в Ходжент прибыл военный губернатор области Лыкошин. Ходжентский уездный начальник Рубах сообщил, что «его сведения о настроении туземцев далеко не утешительные: все туземцы категорически решили не давать рабочих ни при каких условиях»[20]. Тогда губернатор пытался разъяснить населению города «назначение высочайшего повеления». Его встретили с почетом лишь имущие верхи города. Что же касается простого люда — «толпы»,— как выразился Лыкошин, то она слушала его «с мрачными лицами и хранила жуткое молчание». Затем собравшееся население загудело; повсюду слышались возгласы — «рабочих не дадим!», «не дадим!». На всем пути по городу военный губернатор видел одно и то же: «мрачный протест на лицах всех присутствующих»[21].

Возмущения и демонстрации протеста продолжались во всем Ходжентском уезде. 21 июля при аресте четырех «зачинщиков» восстания в Ходженте, поднялось население кишлака Костакоз. По донесениям уездного начальника и военного губернатора области, все жители этого села в количестве 500 человек пошли в город, чтобы выручить арестованных[22]. Властям лишь с большим усилием удалось их задержать.

Крупные волнения народных масс происходили в Ура-Тюбе и кишлаках Ганчинской волости Ходжентского уезда. Прибывшие из Ганчинской волости с решительным протестом две группы крестьян числом до 450 человек пытались помешать составлению списков, но были разогнаны нарядом конных стражников и полицейских[23].

Местные власти, опасаясь дальнейшего развития восстания, ходатайствовали перед генерал-губернатором края об оставлении в Ганчинской волости «Шахристанского карательного отряда, по исполнении им порученной задачи, с правом производства в нужных случаях экзеку-

---

[20] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 21 (на обр.).

[21] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 163.

[22] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, лл. 103—126 и указ. сб. документов, стр. 120—121.

[23] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 2, д. 350, лл. 12—13.

ции», как меры для устрашения протестующих и их «успокоения»[24].

По мнению уездного начальника «изъятие главарей» восстания не являлось достаточной мерой, потому что «всегда и всюду найдутся последователи «мучеников за правое дело», как их называет народ[25]. Вот почему для «покорения непослушной массы» потребовалось оставление в волости карательного отряда. Этот факт лишний раз свидетельствует о широком размахе народного движения, которое так беспокоило колониальные власти.

Восстание в Ходженте и уезде было подлинно народным, прогрессивным движением. В нем приняли участие задавленные эксплуатацией и национально-колониальным гнетом трудящиеся массы. В ходжентском восстании совершенно четко обнаружились два классовых полюса: с одной стороны, местная эксплуататорская верхушка — представители «туземной администрации и баи, как Камилджан Алимджанов, крупный землевладелец, оптовый торговец и представитель всех российских мануфактурных фирм в Ходжентском уезде»[26]. Эти слои выступали вместе с колониальными властями, они были ненавистны народным массам, видевшим в них своих поработителей. С другой стороны — народные массы, которые решительно поднялись против набора рабочих, выразив тем самым свой протест против империалистической войны. Во время восстания народные массы столкнулись лицом к лицу с эксплуататорами, объединившимися в условиях обострения классовой борьбы с колониальной властью, с такими же богачами и представителями местной администрации — судьями и старшинами.

Ходжентское восстание положило начало всенародной борьбе в крае. Весть о нем быстро распространилась в соседних уездах. Вскоре восстание охватило всю Самаркандскую и Сырдарьинскую области, а также Ферганскую долину.

В Самаркандском уезде развернулись события, сходные с ходжентскими.

---

[24] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 138.

[25] Там же.

[26] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, л. 67.

С объявлением царского указа среди коренного населения Самарканда и его уезда началось возмущение[27]. Местные власти хотели созвать во всех областях уезда сельские сходы для разъяснения содержания указа. Но уездный начальник Мартинсон вскоре убедился в полной бесполезности созыва подобных сходов. В донесении военному губернатору области он писал, что, объехав сходы Сиабской, Махаллинской, Ходжа-Ахрарской и Ангарской волостей, он выяснил «отрицательное отношение населения к реквизиции рабочих и склонность к проявлению сопротивления и учинению беспорядков»[28]. Во время схода в Ангарской волости сразу же выяснилось, что население относится к наряду совершенно отрицательно и рабочих можно взять лишь применив силу. «Ни спокойное объяснение,— докладывал Мартинсон,— что высочайшее повеление отменено быть не может и должно быть выполнено, ни уговоры спокойно отнестись, успеха не имели». Собравшееся на сход население активно выразило свой протест. Возмущенные жители избили старшину и нескольких «почетных» лакеев колониальных властей, которые будучи на сходе не протестовали против набора[29].

Встревоженный этим сообщением военный губернатор области вынужден был дать указание «о необходимости прекратить дальнейший сбор населения впредь до особого распоряжения». Но эта мера уже не могла предотвратить дальнейший размах восстания.

5 июля в селении Ургут около двух тысяч человек потребовали уничтожить уже законченные по некоторым сельским обществам списки призываемых. Пристав отказался выполнить это требование. Тогда восставшие с криками бросились к канцелярии исполняющего должность ургутского волостного управителя Мулла Азима Кабылбаева, где находились и старшины, и тут же, силой отобрав списки, разорвали их. Некоторые пятидесятники, мирзы и старшины были избиты[30].

---

[27] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 109, ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 2, д. 660, лл. 13—14.

[28] Там же, стр. 104.

[29] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 109, ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 2, д. 660, л. 104.

[30] Указ. сб. документов, стр. 110.

Участник восстания Шароф Усманов[31] рассказывает в своих воспоминаниях, что волостной управитель Абдушурбек, угрожая восставшим, говорил: «сейчас николаевская власть послала в Ургут солдат, пушки, и в течение трех часов Ургут будет подвергаться расстрелу, если не разойдетесь по домам»[32].

В тот же день произошла крупная стычка между населением и солдатами на железнодорожной станции Куропаткино[33].

После событий в Ходженте, Ургуте и Куропаткино военный губернатор сообщал и. о. начальника штаба войск Туркестанского военного округа, что у него «мало надежды на то, чтобы население где-нибудь добровольно нарядило рабочих, более возможно, что во многих местах туземцы категорически откажутся дать рабочих и их придется реквизировать силой»[34].

Наиболее крупное восстание в Самаркандском уезде произошло в Дагбитской волости. Несмотря на запрещение всяких сходов, 7 июля на базарную площадь в селении Дагбит стала собираться огромная масса народа, часть которой была вооружена палками[35]. Во главе восставших стоял Мулла Усман Абдурасулев[36].

Материалы научной экспедиции по изучению истории восстания 1916 года в Самаркандской области подтверждают, что Абдурасулев являлся представителем узбекской демократической интеллигенции[37]. Вместе с ним активное участие в восстании принимали дехкане-бедняки Сагдулла Зияев, Гадай Абдукадыров, Азизкул Мурадов и другие[38].

Возглавляемые Абдурасулевым повстанцы напали на мирзу (секретаря) волостного управления Муллу Саид Мурад Кабулова, а затем и на самого волостного.

---

[31] Усманов Шароф, член КПСС с 1919 г., персональный пенсионер.

[32] «Материалы научных экспедиций по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», составители Х. Т. Турсунов (руководитель), С. Рахимов и Х. Мухамедов, 1959 г., стр. 108.

[33] Указ. сб. документов, стр. 161.

[34] Там же, стр. 109.

[35] Там же, стр. 112.

[36] Там же.

[37] См. «Материалы истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 78—104.

[38] Там же.

Во время нападения мирза несколько раз выстрелил и трижды ранил Усмана Абдурасулева[39]. В ответ на это повстанцы бросились на Кабулова, избивая его камнями и палками, и в конце концов убили. Волостной управитель пытался бежать верхом на лошади[40], но один из восставших, схватив оружие убитого, начал стрелять в волостного управителя и тяжело ранил его. В донесении уездного начальника по этому поводу, с чисто канцелярским спокойствием говорится: «Дагбитская волость таким образом осталась без волостного управителя»[41].

Во время поездки автора в Самаркандскую область удалось выяснить основные причины нападения на мирзу Кабулова и волостного. Мулла Саид Мурад Кабулов был крупным землевладельцем. Его издевательства над кишлачной беднотой не имели предела, особенно после того, как он пробрался к личной власти в качестве мирзы. Сосватав свою дочь за волостного управителя Хусаинова, Кабулов по существу сам начал командовать в волости. Накануне же набора рабочих Хусаинов самоустранился от дел, а его должность временно исполнял другой послушный баю Мулла Хайдар Касымджанов. При этом заранее было предусмотрено, что в очередных выборах волостным станет Кабулов. В списке набора рабочих из Дагбита, составленном им же, были включены одни бедняки. Все богачи заранее были освобождены от набора.

Вот почему восставшие дехкане Дагбита, полные ненависти к эксплуататорам Кабулову и его сподручными, набросились на них. Тесно связанный с народом, руководил восстанием Усман Абдурасулев[42].

Для подавления восстания в Дагбит была послана воинская команда в составе 150 солдат, которые арестовали 30 человек его участников[43]; солдаты находи-

[39] См. «Материалы истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 78—104.

[40] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 436, л. 7 и (на обр.).

[41] Указ. сб. документов, стр. 105—106.

[42] Мулла Усман Абдурасулев вместе с бедняком Сагдуллой Зияевым был арестован и сослан на 12 лет. После Октябрьской революции он активно участвовал в создании Советской власти и гражданской войне в Самаркандской области. Был награжден боевыми орденами. В 1923 г. он был убит басмачами. См. указ. «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 99.

[43] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, л. 30.

лись здесь более десяти дней для «устрашения публики»[44].

Не успевали власти подавить восстание в одном месте, как оно вспыхивало в другом. 11 июля жители старого города Самарканда собрались у дома военного губернатора и требовали отменить набор рабочих. Однако развертыванию событий в городе помешали заранее сосредоточенные воинские части. Тогда часть населения города покинула свои дома и ушла в окрестные районы. Как докладывал Куропаткин вся «Пенджикентская дорога в десятых числах июля была сплошь полна беглецами»[45].

Открытое сопротивление набору происходило в Пенджикентской, Даульской, Чашмаобской, Фальгарской и других волостях[46]. Самаркандский уездный начальник полковник А. И. Мартинсон в донесении военному губернатору области писал, что население волостей вверенного ему уезда не слушает никаких распоряжений представителей власти. Восставшее население волостей криками «Не желаем», «Не согласны», Если сумеете взять силой, возьмите» и т. д. выражало свой гневный протест против царского указа. Далее сообщая об избиении повстанцами старшин, Мартинсон заключил, что «По-видимому, старшины эти не безгрешны при составлении списков»[47].

Самаркандский военный губернатор Лыкошин в телеграмме на имя Туркестанского генерал-губернатора вынужден был признать провал осуществления указа. «На добровольное подчинение туземцев вряд ли можно рассчитывать»,— сообщал он[48].

Вслед за Самаркандским, восстал Джизакский уезд. Народные массы, задавленные эксплуатацией, национальным гнетом и доведенные объявлением о наборе до отчаяния, стихийно поднимались на борьбу. Народное возмущение, начавшееся почти сразу же после известия о царском указе, следует отличать от реакционных выступлений, организованных затем феодально-клерикальными группами.

---

[44] Указ. «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 78—104.

[45] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 161.

[46] Указ. сб. документов, стр. 110—111, 116—117.

[47] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, л. 18.

[48] Там же.

Трудящиеся особенно были возмущены тем, что богатые разными путями добивались для своих сыновей освобождения от посылки на тыловые работы. Участник восстания в Джизакском уезде Абдали Уразбаев в своих воспоминаниях пишет: «По указу 3—4 дома посылали 1 мардикера. Богатые откликнулись деньгами и покупали бедняков (речь идет об отправке бедняков тыловиками за деньги — *Х. Т.*), а бедные не имели денег и не могли откупиться, потому и начали восстание»[49].

Впоследствии в свой речи на заседании Государственной Думы (13 декабря 1916 года) депутат Джафаров, анализируя начало джизакских событий, вынужден был признать, что «возможность откупиться от призыва путем поставки вместо себя другого породила массу недоразумений между имущими и неимущими массами населения, именно здесь нужно искать первую вспышку того, чо потом кровавым потоком разлилось по всему Джизакскому уезду». И далее: «В мозгу туземцев зарождалась мысль, что начальство на стороне богатых людей, и потому всякий, кто имел над ними хотя бы какую-нибудь вдасть, будь то русский или мусульманин, в их глазах являлись виновниками того, что они должны отправляться на работу в район действующей армии. В воздухе висела угроза расправ с поработителями-богачами и теми, кто их поддерживал, то есть с начальством»[50].

Разумеется, Джаффаров скрывал основные причины восстания и все дело сводил лишь к неправильным действиям местного начальства. Тем не менее его признания сами по себе дают нам известный материал для классовой характеристики начала джизакского восстания.

Встревоженный развивавшимися событиями начальник Джизакского уезда Рукин решил предупредить восстание и с этой целью, собрав население города Джизака в старогородской мечети, сказал: «Как я слышал, среди вас имеются лица, желающие оказать сопротивление, поэтому ставим на вид, я предупреждаю вас, что, если вы окажете сопротивление правительству, то я

---

[49] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 329, лл. 77—94; там же, д. 1100, л. 89 (на об.) и 90.

[50] «Материалы Джизакской научной экспедиции...», т. I, стр. 21.

сделаю так, что ваше имущество и вы сами будете сравнены с землей»[51].

Представители «туземной» администрации Акрам тура, Мухтархан тура, Абдусамат Магзум и другие заявили уездному начальнику о полной поддержке царского указа и дали подписку о том, что будут помогать властям в осуществлении набора и предупреждении народных волнений.

Угрозы уездного начальника не только не испугали население, но еще больше взволновали его.

Народные массы были глубоко возмущены предательством представителей «туземной» администрации и выразили в связи с этим свое негодование. Характерно, что настроение взволнованных трудящихся Джизака и гневный протест против «своих» и чужих угнетателей ярко были отражены в большой поэме узбекского народного поэта Фазыла Юлдаша Оглы (1872—1955)—«Джизакское восстание»[52]. В ней в качестве героев начинавшегося народного движения показаны простые люди из бедноты — такие как Тойир чулак (Таир-хромой), Курбан Агаджан полван (Богатырь Агаджан) и другие. Автор красочно описывает, как возмущение народных масс привело к открытому восстанию против царизма и местных баев, волостных и пятидесятников. Настроение восставшего народа хорошо показано в следующих словах поэмы:

Подшога қарши бўлайик,
Подшо кимдир, биз билмаймиз,
Подшо ёрдамчисин топиб,
Урра деб от қўяйлик,
Ё ўлайик, ё ўлайик,

---

[51] Цитируется по книге *З. Д. Кастельской* Восстание 1916 г. в Узбекистане, стр. 84.

[52] *Фазыл Юлдаш Оглы* «Жиззах қўзғолони» (на узб. языке). полный текст дастана хранится в рукописном фонде Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР; впервые достон частично был опубликован в 1935 году в сб. *Х. Зарипова* и *Ш. Раджабова* «Ўзбек совет фольклоридан намуналар» («Образцы узбекского советского фольклора»); в 1958 году важные части произведения опубликованы в сб. «Ўзбек ҳалқ шоирларининг совет давридаги ижоди» (Творчество узбекских народных поэтов в Советское время»), составители: Х. Зарипов, Х. Расул, М. Афзалов, Ш. Афзалов, И. Раджабов, М. Алавия, под ред. С. Касымова, изд. АН УзССР, Ташкент, 1958 г., стр. 75—117.

Сира қайтманглар ҳалойиқ
Меҳнаткашсан, зулм ўтди,
Суяклар ўртаниб кетди.
Қаттиқ зулм ўтгандан сўнг
Шунча халқ қўзғолон қибди.

(Краткий перевод: Будем выступать против царя, убьем представителей царя, либо добьемся своего, либо умрем, но не отступай, народ! Ты трудящийся, угнетенный многострадальный народ восстал из-за тяжелого гнета).

Многие донесения колониальных властей мало отражают народное движение в Джизаке, восстание здесь от начала до конца объявляется «газаватом»— «священной войной», что противоречит историческим фактам. Между тем, в ряде документов царской администрации можно найти описание начала стихийного народного движения, происходившего в ряде волостей уезда.

«Когда объявили о наборе рабочих,— писал в своем донесении джизакский лесничий Карамышев,— то начался в населении сильный ропот. Говорили, что вот зсе брали с них деньги, а теперь хотят брать людей и что лучше им умереть здесь, чем идти на войну. 11 июля, когда в центр Санзарской волости — селение Усмат приезжал уездный начальник по поводу набора, в его присутствии жители волости отказались дать рабочих[53].

На самом же деле выступление народных масс приобрело более широкий размах, чем изложено в упомянутом документе. Это было начало народного движения. ничего общего не имевшего с реакционным выступлением в Санзаре, организованном 14 июля бывшим казием Туракул Турдабековым. Об этом говорится в воспоминаниях одного из главарей газавата в Санзаре — Аликула Джурабаева[54]. «Однажды,— указывал он,— в наро-

---

[53] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 157.

[54] Джурабаев Аликул, 1876 г. рождения, ныне проживает в I отделении совхоза «Бахмаб» Галляаральского района (бывшей Санзарской волости Джизакского уезда) Самаркандской области. Воспоминания его составлены 19 апреля 1959 года во время пребывания экспедиции Института истории и археологии Академии наук УзССР по изучению материалов истории восстания 1916 г. в Самаркандской области. В обвинительном акте 24 ноября 1916 г. по делу санзарского мятежа под главенством Туракула Турад-

де распространился слух, что царь берет мардикеров (рабочих). Прибывший в Санзар по этому случаю уездный начальник пригласил на собрание в дом мингбаши (волостного управителя) Мулла Дустабека всех старшин. Я тоже был сельским старостой. Но на это собрание явились очень многие неприглашенные люди, их было более 1000 человек. На требование уездного начальника — мингбаши и старшины выразили согласие, но я не соглашался, ибо если бы я дал согласие, то меня убил бы народ. Сразу же после перевода слов уездного начальника все люди в один голос закричали: «не пойдем в мардикерство!» (на работу). Уездный начальник испугался и, кланяясь народу, заявил: «Ладно, не давайте мардикеров, я вас освободил. Это мое слово как начальника уезда, успокойтесь и немедленно расходитесь по домам». Толпа пыталась убить волостного, пятидесятников и старшин, но их уже не нашли, они успели сбежать. Это было раньше джизакских событий». Далее, Аликул Джурабаев признает, что вначале без всякого вмешательства казия Туракула Турадбекова и других «народ сам выступал и сразу же заявил, что не пойдет на работу».

О начале народного движения в Санзаре говорится также в воспоминаниях его участников и очевидцев Худоёра Рахманкулова[55] и Абдусаттара Мирзакаримова[56].

Помимо Санзара народные возмущения происходили и в других волостях Джизакского уезда. В ходе крупного выступления в Янги-Курганской волости был избит старшина кишлака Ишанкул за то, что уговаривал население дать рабочих.

бекова в качестве одного из активных его вожаков указывается и Джурабаев Аликул, чего не отрицает и сам Джурабаев. См. указ. сборник документов, стр. 149—152 и указ. «Материалы по изучению истории восстания 1916 г в Самаркандской области», стр. 18—23.

[55] Рахманкулов Худоер, 1892 г. рождения, ныне живет и работает в 6 отделении животноводческого совхоза «Бахмал» Галля-Аральского района, Самаркандской области. См. его воспоминания в «Материалах по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 15—17.

[56] Мирзакаримов Абдусаттар, член КПСС с 1920 г., ныне работает управляющим Заготзерно Галля-Аральского района; см. те же «Материалы...», стр. 60—61.

Согласно материалам заседания комиссии по выяснению районов, охваченных восстанием в Джизакском уезде, население Ямской волости восстало 12 июля. До этого дня в кишлаке Кырк был проведен сход группы повстанцев, «на котором было решено убить тех лиц, которые составляли списки рабочих». Далее указывается, что 12 июля в кишлаке Джар-Арык Ямской волости восставшие «напали и убили пятидесятилетнего Чукур-Тахтинского[57] сельского старшину и туземца Нарчи-байбача. Арестованных приставом убийц указанных лиц — пытались отбить жители кишлачных обществ» Чукур-Тахтинского, Шаршабского и Джар-Арыкского в количестве 800 человек. Этими бунтовщиками и был убит волостной управитель Ямской волости»[58].

Во время поездки по изучению истории восстания 1916 года в Самаркандской области автор побывал на местах событий в бывшей Ямской волости, на территории которой ныне находится 4 отделение совхоза «Зааамин» Зааминского района. Здесь была произведена запись воспоминаний народного бахши, 71-летнего Яллакаба Бекназарова, участника восстания. Его повествование о восстании в Ямской волости Джизакского уезда кратко сводится к следующему: население Чукуртакского кишлака Ямской волости, возмущенное набором рабочих, начало собираться отдельными группами. Многие полагали, что главными виновниками в составлении списков являются представители местной туземной администрации — волостные управители, пятидесятники, старшины. Собравшиеся решили прежде всего заставить их уничтожить списки и даже убить. Восставшее население кишлака Чукуртак примерно 500 человек во главе с бедняком Уста Турдыбеком Худайназаровым[59] направилось в дом старшины Муллы Махкамбая и потребовало от него списки по набору. Старшина заявил,

---

[57] Во всех донесениях колониальной администрации данный кишлак ошибочно назван Чукур-Тахтинским, на самом же деле назывался Чукур-Такским.

[58] ЦГА УзССР, стр. 21, оп. 2, уд. Уз. 49, лл. 43, 49, так же ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 243.

[59] Согласно обвинительному акту от 3 декабря 1916 г. об участниках восстания в Зааминском районе Турдыбек Худайназаров числится в качестве «главного подстрекателя» и руководителя описанных выше событий в Чукуртакском кишлаке. См. указ. сб. документов, стр. 153.

что все списки у волостного управителя. Тогда толпа, толкая старшину вперед, заставила идти к волостному, чтобы получить списки. По пути к дому волостного управителя, появившиеся откуда-то родственники старшины — Мулла Якуб, казий (судья), Абдурахим и другие, попытались освободить старшину. Тогда толпа убила его и набросилась на судью. Последнему удалось ускакать на коне и предупредить о случившемся волостного управителя и пристава Зааминского участка. Восставшее население Чукуртака направилось в Ям — центр волости. К ним присоединились восставшие из кишлака Кырк, которые убили своего пятидесятника. Позже восставшие убили волостного управителя Муллу Фазыла и разорили его дом и канцелярию[60].

Рассказ Я. Бекназарова подтверждается официальными архивными материалами. Так, из обвинительного акта о повстанцах Джизакского уезда Джайнаке Кульмухамедове и других от 3 декабря 1916 года видно, что восставшее население села Кырк Ямской волости, возглавляемое Каримом Арзыкуловым, убило двух пятидесятников — Кульбека и Нарчу и ранило старшину селения Ак-Таш; другая группа повстанцев во главе с Турдыбеком Худайназаровым убила Чукуртакского старшину Муллу Махкамбая. В тот же день наиболее активные участники восстания были арестованы[61].

Такое же восстание произошло в Янги-Курганской волости Джизакского уезда. Здесь повстанцы избили старшину Иншахуна «за то, что уговаривал дать рабочих»[62]. Стихийные народные выступления происходили вначале также в Зааминской и Джизакской волостях.

Возмущение среди местного населения старого города Джизака началось еще в первых числах июля, но в восстание оно вылилось лишь 13 июля при следующих обстоятельствах. Уездный начальник Рукин назначил к 6 часам вечера 12 июля проверочный сбор рабочих, включенных в список, составленный «туземной» администрацией[63]. В этот же день в Джизак вернулся Назыр Ходжа

[60] «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 61.

[61] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 153.

[62] ЦГА УзССР, ф. 21, оп. 2, д. 49, лл. 48—49.

[63] Указ. сб. документов, стр. 153.

ишан, ездивший в Ташкент для выяснения обстановки в связи с набором. Он объявил населению старого города, что «в Ташкенте возникли беспорядки в связи с набором рабочих и таковой отложен до окончания мусульманского поста «ураза». Возмущение в городе все более усиливалось. Учитывая это обстоятельство, а также позднее время, проверка рабочих 12 июля не состоялась и была отложена властями до следующего дня.

13 июля в городе началось восстание. Утром большая группа повстанцев явилась к джизакскому старогородскому старшине Мирзаёру Худаярханову и потребовала от него выдачи списков рабочих. Но он отказался и даже выругал толпу за неповиновение и потребовал немедленно разойтись по домам. Однако повстанцы, считая Худаярханова одним из главных виновников набора, напали на него и в одно мгновение убили. Далее восставшие направились к старшему аксакалу, «который, будучи предупрежденным стражником доложил о случившемся приставу и уездному начальству, предупредив обоих, что без войска появляться в туземном городе опасно»[64]. Получив эти сведения, джизакский уездный начальник полковник Рукин, вместе с приставом, переводчиком, аксакалом и в сопровождении двух джигитов (охранников), отправился на фаэтоне в старый город. Одновременно он приказал своему помощнику подполковнику Афанасьеву следовать за ним со своей воинской командой. Когда уездный начальник и сопровождающие его лица были уже на подходе к старому городу, их встретила толпа конных и пеших повстанцев. Попытка Рукина вести переговоры с населением не удалась. Повстанцы напали на представителей власти, пустив в ход палки и камни. Лишь аксакал, «закрывший голову холстом, успел скрыться». Остальные же — Рукин, пристав штабс-капитан Зотоглавов, джигит Камил Саиббаев и переводчик Мирза Хамдам — были убиты[65].

Толпа двинулась дальше, к новому городу и встретилась с командой Афанасьева. Повстанцы с криками: «бей!» «бей их!» стала окружать Афанасьева, но в это время солдаты дали несколько залпов. Толпа отхлыну-

---

[64] Указ. сб. документов, стр. 79.
[65] Там же, стр. 122 и 165.

ла назад и затем бежала, потеряв приблизительно 11 человек убитыми. Команда заняла развилку дорог, ведущую в русскую часть города, и проследовала на вокзал, чтобы защитить казарму, где были свободные винтовки и патроны.

Однако команда была слишком малочисленной для того, чтобы преследовать повстанцев до старого города. Через два часа со стороны ст. Черняева в Джизак прибыл эшелон лошадей, шедших на Кавказский фронт в сопровождении сотни безоружных нижних чинов. Подполковник Афанасьев задержал их, 35 человек вооружил и двинулся в старый город. Здесь он узнал об убийстве уездного начальника и сопровождавших его лиц[66].

О социальном характере начала восстания в г. Джизаке с большой убедительностью говорят сами участники событий. Например, участник восстания, строительный рабочий Машариф Хусаинов[67] так описывает начало этого восстания: возмущение в народе началось с подготовки старшин к составлению списков по набору. Беднота была особенно возмущена тем, что дети богатых освобождались от набора, что они могли откупиться от призыва на тыловые работы за счет бедных. Среди населения был распространен слух, что Назыр Ходжа ишан, ездивший в Ташкент, узнал, что там народ восстал и рабочих не берут. И в Джизаке народ не хотел посылать рабочих.

«В один из базарных дней в начале июля (речь идет о 13 июля — *Х. Т.*),— пишет Хусаинов,— люди начали скапливаться на базаре. Мы тоже, оставив свою работу, пошли за толпой. В это время в чайхане, расположенной на базаре, сидел старшина Мирзаёр. Сюда собралось около 30—40 человек. Одна старуха обратилась к старшине с вопросом: «Почему ты записал моего единственного сына? Ведь у некоторых есть по 4—5 детей, а у меня единственный?!» Тогда Мирзаёр накричал на нее: «Не твое дело проверять список! Какой был приказ сверху, так мы и делаем, уходи прочь своей дорогой».

---

[66] См «Материалы Джизакской научной экспедиции», стр. 95—96, 122, 156, 148—152, 174—179, 326—327.

[67] В последнее время М. Хусаинов (член КПСС с 1945 г.) работал на руководящих должностях в колхозе (председатель, полевод, бригадир). Ныне персональный пенсионер, проживает в колхозе им. Москвы Джизакского района.

Народ начал все больше прибывать и вмешиваться в спор. Дамин Кулол (гончар), защищая старуху, обратился к Мирзаёру:

— Она права. Ты действительно записал ее единственного сына; а из нашего двора записал сразу троих!

Мирзаёр, грубо отвечая ему, сказал:

— Что для тебя? Какое твое дело?

— Как же, как не мое дело? Кто же будет говорить за себя, у которого записали троих?.. Если всех нас записываешь на работу, то кому же останутся наши жены и дети?

— Ваши жены и дети останутся нам,— ответил запальчиво старшина.

Этот наглый ответ довел возмущение толпы до предела. Дамин Кулол обратился к толпе: «Слушайте, люди! Слышали, что говорят нам?! А мы считали этих правителей своими отцами, а они оказываются начальниками наших жен и детей!».

Сразу же раздались возгласы: «убить его!». Люди набросились на Мирзаёра и в одно мгновенье он был убит[68]. Потом восставшие напали на канцелярию мингбаши, разбили окна, сожгли списки. Мингбаши Муллахидир успел убежать.

Аналогичная картина начала восстания в Джизаке воссоздана и другими участниками движения[69].

По свидетельству участника революционных событий в Джизаке М. Урунходжаева в Джизакском народном восстании приняли активное участие 160—180 гончаров, возглавляемых Дамином Кулолом, 120—130 человек кузнецов во главе с Салимом Аксакилом, 170—180 человек из текстильщиков под воздействием Ташпулата Рахманова, 200 ремесленников кожевенных дел во главе с Карабаем Кабиловым и Ашурматом, 90—100 человек кустарей-мыловарщиков, возглавляемых Таджибаем аксакалом, до 300 человек пекарей, руководимых Абдуллой Ачиловым и Курбанбаем Уруновым и многие другие[70].

В одном из своих донесений джизакский лесничий правильно отразил эти события. Он писал, что «начались

---

[68] «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 1—5.

[69] Там же, стр. 7, 10, 73, 75, 93 и др.

[70] *М. Урунхужаев.* Унутилмас кунлар. Мемуарлар (на узб. языке), Узгосиздат, 1961, стр. 52.

беспорядки в туземной части г. Джизака с убийством старшины, человека настойчивого и резкого, обругавшего сопротивляющихся дать рабочих»[71]. В обвинительном акте об участниках джизакского восстания и в некоторых других документах колониальных властей указывается, что якобы 13 июля возбужденная ишаном Назыром Ходжой толпа убила старшину Худоярханова[72]. Однако факты неопровержимо доказывают, что Назыр Ходжа ишан появился среди восставших только после убийства старшины. Участник джизакского восстания Абдулла Ачилов[73] пишет, что группа повстанцев, в числе которой был и он, пришли к дому Назыра Ходжи. Он еще спал: его разбудили и сообщили о начавшихся событиях, об убийстве старшины Мирзаёра. Назыр Ходжа был недоволен убийством старшины и заявил: «Жаль! Зря убили его»[74].

По утверждению другого участника событий, Курбанбая Урунбаева, Назыр Ходжа, узнав, что старшина Мирзаёр убит, сказал повстанцам: «Плохо вы сделали»; тогда на него набросился с палкой один из повстанцев.[75]

Это же показывал сам Назыр Ходжа ишан во время допроса у следователя 6 августа 1916 года. Он признавал, что в момент начала восстания 13 июля он был дома и лишь после убийства толпой старшины примкнул к восстанию.

«В среду утром, кто-то сообщил мне,— говорит он,— что в квартале Раватлик махаллинцы (жители квартала) убили старшину Мирзаёра Худоярова за то, что он будто оскорбил какую-то сартянку. Кто убил старшину? Не знаю. Убив старшину, толпа направилась в русский город, я тоже присоединился к толпе узнать в чем дело, но не был главарем толпы»[76].

Назыр Ходжа ишан не был вожаком народных масс. Народное восстание в Джизаке началось стихийно, как и в других районах, оно носило революционный освобо-

[71] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 157.

[72] Там же, стр. 120—121, 138—139, 153.

[73] Ачилов Абдулла, 1884 г. рождения, ныне член с/х. артели им. Буденного, Джизакского района.

[74] «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 7.

[75] *З. Д. Кастельская.* Восстание 1916 г. в Узбекистане, стр. 85.

[76] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана. Документы и материалы, инв. № 89, л. 160.

дительный характер, было направлено против своих и «чужих» угнетателей. Но факты неопровержимо доказывают, что Назыр Ходжа был одним из активных зачинщиков реакционного выступления — «газавата», которое затем происходило здесь. Очевидно, он ждал развертывания событий. Лишь после убийства старшины он возглавил восстание и объявил себя джизакским беком[77], стремясь превратить и освободительное движение масс в националистическое. Именно с этим была связана его поездка в Ташкент 11 июля. В донесениях военного губернатора Самаркандской области не без основания указывалось, что «нет никакого сомнения, что ездивший 11 июля в Ташкент Назыр Ходжа вывел заключение, что в Ташкенте готовятся большие беспорядки и *вздумал использовать этот момент* и в Джизакском районе для *осуществления своих планов*[78]. (Курсив наш—*Х. Т.*).

После успешного начала восстания реакционные элементы распоясались и открыто перешли к осуществлению своих намерений,— объявили «газават» с призывом убить всех русских, отделиться от России и воссоздать самостоятельное феодальное бекство.

В беседе с научным сотрудником Музея истории АН УзССР М. Максимовой в июне 1946 года, очевидец восстания А. Мамиров[79] рассказал, что «лозунгами у повстанцев были теперь: «Долой белого царя и русских»[80]; реакционные элементы кричали: «Қўрқманг! ўлсангиз шахид, ўлдирсангиз ғозий! Ур урусларни! Мусульманабад қиламиз!» и т. д. (Перевод: «Не бойтесь! Если будете убитыми, станете шахидами, то есть жертвами во имя ислама, если убьете — то будете газы — героями! Бейте русских, сделаем мусульманабад — мусульманский мир! Убьем русских и создадим мусульманское государство»)[81].

Участник восстания Тагой Тилляев (Тиллябердыев) рассказывает, что «повстанцы говорили о том, как бы

---

[77] *З. Д. Кастельская.* Восстание 1916 г. в Узбекистане, стр. 85.

[78] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 141.

[79] Мамиров Ахмад, 1900 г. рождения, с/х артель им. Энгельса Такчилийского с/с, Джизакского района, Самаркандской области.

[80] «Материалы Джизакской научной экспедиции», т. I, стр. 266, из беседы с Бабаджановым Мумином.

[81] Там же, стр. 266, 276, 324, 347; «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 88.

уничтожить Николая, изгнать русских и посадить среди узбеков своего царя, сделать мусульманабад». И далее: «Я хотел вернуться назад, но боялся, что повстанцы меня могут убить, если я уйду; когда стемнело, я тихонько повернулся назад и вернулся домой»[82].

Толпа примерно до 200 человек во главе с Назыром Ходжой ишаном напала на станцию Джизак, причем наиболее активно действовали богачи — скупщики шерсти Мулла Мирзабек, Мулла Шербек, скупщики хлеба Танга берды, Саттар Ризак, Мулла Ташбек, а также близкие люди Назыра Ходжи — Рашид Рахманкулов, Урдиш байбача и другие[83]. Впоследствии, на допросе судебного следователя Назыр Ходжа сообщил, что он сумел сколотить вокруг себя толпу лишь в 100—200 человек[84].

Таким образом главарям «газавата» удалось путем угроз, шантажа и обмана привлечь на свою сторону часть населения и совершить свои гнусные дела. Это уже не было освободительным восстанием, а антинародным выступлением, спровоцированным реакционными элементами. Оно было направлено на разжигание межнациональной розни, реставрации былых ханских порядков в крае. Под их руководством и по их указаниям было испорчено железнодорожное полотно, разрушена линия связи, железнодорожные рабочие и служащие вынуждены были обороняться от этой толпы. Другая группа, также спровоцированная реакционерами, направилась на станцию Ломакино и Обручево, где во время нападения, из числа железнодорожных рабочих и служащих было несколько человек раненых и убитых[85].

Очень важно отметить, что новоязленным «бекам» и прочим реакционным элементам путем угроз и обмана удалось втянуть лишь незначительную часть отсталого населения некоторых районов Джизакского уезда. Не-

---

[82] «Материалы Джизакской научной экспедиции», т. I, стр. 25.

[83] Там же, стр. 83.

[84] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, документ. материалы, инв. № 84, л. 161.

[85] См. указ. сб. документов, стр. 165—166, а также воспоминания следующих очевидцев событий:

Зайцев Дмитрий Павлович, 1877 г. рождения, железнодорожник, пенсионер, живет в г. Джизаке, ул. Возрождения, 3. Его воспоминания в «Материалах Джизакской научной экспедиции», т. 1, стр. 233, 237.

которые дехкане участвовали в «газавате» лишь потому, что не разобрались в событиях. Они не знали об антинародных намерениях главарей и их сподвижников-мюридов, и не случайно, когда начались резня русских граждан и грабежи, простые люди в большинстве своем отхлынули от убийц и грабителей.

Но обычно реакционные элементы, как уже сказано, действовали путем обмана, шантажа и принуждения. (Из материалов бесед, проведенных в 1946 году членами Джизакской научной экспедиции, с железнодорожными рабочими-узбеками)[86].

Местные жители из дружественных чувств к русским предупреждали их о «газавате». Дочь железнодорожника Т. Г. Иванова вспоминает, что один из узбеков, живший недалеко от их дома в Джизаке, накануне восстания пришел к ней и сказал: «Как только придет отец (отец Т. Г. Ивановой в это время был на линии — *Х. Т.*), сразу уезжайте отсюда, Танька. Я знаю, что здесь скоро будут всех русских убивать»[87].

Подобные же факты приводятся в воспоминаниях очевидца восстания А. Ф. Дыдачкина, работавшего на ст. Ломакино стрелочником. Он говорил, что один из его знакомых узбеков Ташбай из кишлака Рабат помогал ему бежать от нападавших мятежников[88].

Описанные выше события уже являлись реакционным выступлением, спровоцированным феодально-клерикальными элементами, которое нужно отличать от прогрессивного восстания, происходившего в Джизакском уезде, как и в других районах.

Провоцированием антирусских реакционных выступлений под видом газавата был занят не только Назыр Ходжа ишан и его приближенные. Вообще в рассматриваемый период в Джизакском уезде были еще сильны сепаратистские стремления наиболее реакционных элементов — потомков бывших ханов и беков, которые лелеяли надежду на реставрацию ханского строя и восстановление местных бекств, на возврат своих старых привилегий, утраченных ими после присоединения края к России. Наиболее видными представителями таких

---

[86] «Материалы Джизакской научной экспедиции...», стр. 4—8, 14—18, см. беседы, записанные Мухсиновой.

[87] Там же, стр. 11.

[88] Там же, стр. 109.

групп являлись в Богдадской волости Абдурахман Абдуджабаров (Джевачи); в Санзарском участке — братья Туракул и Ишанкул Турадбековы; в Заамине — Касым Ходжа Ишан; в Джизаке — Мухтар Ходжа ишан и другие. Они ждали лишь удобного момента для того, чтобы попытаться осуществить свои стремления.

Наиболее влиятельной фигурой в организации «газавата» в Джизакском уезде был 68-летний Абдурахман Ходжи Абдуджабаров (Джевачи), крупный землевладелец, имевший более 100 десятин пахотной земли, 10 домов и несколько лавок[89]. Джевачи был выходцем из ханской династии. До завоевания края царской Россией его отец был Чардарьинским беком Бухарского ханства и был убит во время одного из сражений с российскими войсками. В то время Абдуджабаров, будучи 18-летним юношей, носил воинское звание «джевачи», которое затем закрепилось за ним[90].

Другой главарь реакционного выступления феодально-клерикальных элементов судья (казий) Санзарского участка Туракул Турадбеков давно был известен своими антирусскими настроениями и за возбуждение местного населения против русских колониальными властями еще в мае 1916 года, то есть за месяц до восстания, был отстранен от должности судьи[91]. Дядя Турадбекова до завоевания края царской Россией был санзарским беком, отец состоял при брате в должности караул-беги[92].

Реакционные элементы Джизакского уезда, как и некоторых других районов, полагали, что наиболее благоприятное время для осуществления планов отрыва Джизака от России и реставрации бекства настало именно в период первой мировой войны и особенно с началом народного восстания 1916 года. Они считали, что поскольку царская Россия призывает на тыловые работы население Туркестана, стало быть у нее плохи дела, что она терпит поражение на войне. До них доходили всевозможные вести о якобы «близкой победе германцев и турок

---

[89] См. «Протокол допроса обвиняемого Абдурахмана Джевачи», цитир. из материалов Партархива Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, Документ. материалы, инв. № 84, л. 165.

[90] Там же, л. 116.

[91] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 157.

[92] Там же, стр. 149.

над Россией». Вот почему эти сепаратистские элементы полагали, что восстание поможет отделить Джизакский уезд, создать свое бекство и в конечном итоге добиться отрыва всего края от России и реставрации ханского режима. В одном из донесений военного губернатора Самаркандской области отмечалось, что Назыр Ходжа для осуществления своих завоевательных планов пытался использовать джизакское восстание и что «в данном случае набор рабочих послужил лишь удобным предлогом, а больше имелись в виду религиозно-завоевательские стремления ишанов...»[93].

Поэтому, после объявления царского указа и начала народных возмущений, реакционные группы лихорадочно готовились повернуть народное движение в националистическое русло. Они проводили конспиративные совещания, посылали своих гонцов и письма бекам Бухарского ханства. Джевачи просил бухарских беков «прислать людей конных, вооруженных и с продовольствием»[94]. Характерно, что в письмах Джевачи в приступе неудержимого бахвальства именует себя Абдурахманом «Сахибуль-Кыран» («обладатель счастливого сочетания звезд»), то есть присваивает титул, который в свое время носили все крупные завоеватели Азии и в их числе эмир Тимур[95]. Была установлена тесная связь Джевачи, Турадбекова и других главарей реакционного восстания с главным вдохновителем «газавата» («священной войны» против «неверных») Назыр Ходжой ишаном (сын Абдурахмана Джевачи был мюридом у Назыр Ходжи ишана)[96].

В начале июля 1916 года Назыр Ходжа и его последователь ишан Мамараим Махсут Мулла Абдураим прибыли из Джизака в Богдан. Они вели пропаганду среди своих мюридов, требовали от населения, чтобы оно не давало рабочих, уничтожало русских, приказывали собираться в банды и идти на Джизак. При этом они утверждали, что у правительства нет силы оказать помощь своим властям в Джизакском уезде. После шестидневной

---

[93] Указ. сб. документов, стр. 141.
[94] Там же.
[95] Некоторые письма Джевачи были обнаружены в Китабском бекстве Бухарского ханства. См. указ. сб. документов, стр. 141.
[96] Там же.

проповеди в окрестностях Богдана ишаны возвратились в Джизак, где также вели аналогичную пропаганду[97].

Таковы были планы реакционных групп Джизакского уезда в период объявления набора на тыловые работы. Они пытались использовать народное движение в своих интересах, направить его в реакционное русло, не брезгуя никакими средствами — обманом, шантажом, угрозами. Националистический дурман, идеи «газавата», в известной мере повлияли на отсталую часть населения.

Имело ли место при подготовке реакционных выступлений в Джизаке иностранное влияние? Выше уже приведены некоторые факты о связях мятежников из Богдана и некоторых других районов с соседними бекствами Бухарского ханства. Реакционеры Джизака, Ташкента и некоторых других местностей имели сношения и с Шаяхси ишаном в Бухаре[98].

Колониальные власти с особым вниманием изучали признаки возможного германо-турецкого влияния на события в Джизакском уезде. В результате были выявлены два, проверенные ими, обстоятельства. Первое связано с письмом прапорщика Толмачева, находившегося в 1916 году в плену у немцев. В письме из плена 18 декабря Толмачев предупреждал свою жену, жившую в Джизаке, что ей лучше выехать из Джизака по тем же причинам, по которым она ранее, весной 1916 года, оставила Петро-Александровск[99] (ныне г. Турткуль Каракалпакской АССР). Известно, что весною 1916 года в Хивинском ханстве происходило восстание иомудов во главе с Джунаидханом, претендовавшим на ханский престол. В связи с авантюрой Джунаидхана часть русских, живших в пограничном с Хивинским ханством Петро-Александровске, выехала в другие местности. Колониальные власти предполагали, что в письме Толмачева имеется намек на возможность восстания в Джизаке, подобного восстанию иомудов. Военный губернатор Самаркандской области из письма Толмачева заключил, что военнопленные, на-

[97] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» указ. сб. документов, стр. 120; 138—139; Также ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 444, л. 42.

[98] Ишан Шаяхси имел своих мюридов в различных районах Туркестана.

[99] Указ. сб. документов, стр. 129, 141—142.

ходящиеся в Джизаке, знали о подготовлявшемся восстании и писали об этом на родину[100].

Второе обстоятельство заключалось в том, что русский солдат задержал у военнопленных в Джизаке, имевших связи с местным населением, письма и какие-то «сартовские планы», как их назвал солдат. Что это за планы — тогда не было выяснено. На основе указанных обстоятельств Лыкошин и допускал мысль об «участии в деле восстания военнопленных офицеров турецкой армии, живших в Джизаке»[101].

В архивах нам не удалось обнаружить каких-либо более определенных фактов об участии немецких или турецких военнопленных в Джизакском восстании. Как явствует из показаний участкового пристава Богданского участка Борилло, данных им судебному следователю Самаркандского окружного суда по поводу реакционного выступления во главе с Джевачи, «никаких иностранных влияний не замечалось»[102]. По крайней мере, у нас сейчас нет каких-либо достоверных фактов, подтверждающих прямое вмешательство иностранной агентуры в организации «газавата» в Джизакском уезде. Это не значит, конечно, что на поведении реакционных элементов не сказалось влияние длительного воздействия панисламистской, пантюркистской или иной враждебной идеологии, которая годами насаждалась феодально-клерикальными группами и извне.

Такова была обстановка, в которой феодально-клерикальные элементы скрыто готовили и инспирировали реакционные выступления.

«Газават» охватил также Богданский участок Джизакского уезда. Здесь Абдурахман Джевачи, получив известие о народном восстании в Джизаке вечером 13 июля, послал своего брата Бабека в Джизак за сведениями[103]. Джевачи действовал скрыто и весьма осторожно, что видно из рапортов Богданского участкового пристава Борилло.

Джевачи вначале колебался в отношении организации «газавата», взвешивая возможности его успеха. Он хит-

[100] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 142.

[101] Там же.

[102] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, документ. материалы, инв. № 84, л. 139.

[103] Указ. сб. документов, стр. 11.

рил с Борилло, обещал ему всяческую помощь, предлагал «убежище», которое затем должно было превратиться в ловушку, а одновременно ждал вестей из Джизака, чтобы при удаче начать совместные с Джизаком действия[104]. Такой вывод можно сделать потому, что «газават» в Богдане приобрел открытый характер именно после того, как из Джизака возвратился брат Джевачи — Бабек Абдужабаров вместе с джизакской депутацией, во главе с ишаном Назыром Ходжой, имамом Муллой Мухамедом, богачом Рахимбаем, арендатором весового сбора Мухамедом Шарифом Худайбердиевым и другими[105].

Как указывается в обвинительном акте по делу о повстанцах Джизакского уезда Мухамеде Шарифе Худайбердыеве и других, *«на происшедших в доме Абдурахмана Джевачи совещаниях было окончательно решено объявить священную войну* и, собрав полчища туземцев, идти в поход на Джизак с целью отвоевать его у России и образовать самостоятельное бекство»[106] (курсив наш — *Х. Т.*).

Абдурахман Джевачи 14—17 июля вел усиленную агитацию за «газават», посылая гонцов во все волости и в степь[107]. Его сторонники распространяли панисламистские воззвания, в которых подстрекали на «газават». В одном из них говорилось: «О миндаль, растущий в горах, о, люди, собравшиеся на базаре, слушайте меня. Завтра с рассветом в среду Абдурахман Джевачи, вооружившись саблей своего отца, идет в Джизак на «газават». Кто русского убьет, тот будет победителем, а кто погибнет в этой войне, тот будет праведником. Все, от семи до семидесяти лет должны идти на «газават», кто не пойдет, у того голова будет снесена, а имущество будет разграблено. Рано утром выступайте...»[108]

Ночью 14 июля Борилло получил агентурные данные о том, что у сторонников Джевачи выработан план покушения на него и всех русских. Они заранее оповестили ближайшее население степи о том, что «уже пристава и

---

[104] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», сб. документов, стр. 118.

[105] Там же, стр. 159.

[106] Там же.

[107] Там же, стр. 131, 134.

[108] «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», изд. АН УзССР, Ташкент, 1955, стр. 401.

всех русских не существует, с приглашением их (жителей степи —*Х. Т.*) явиться в Богдан и соединиться с ними»[109]. Борилло заранее скрылся в степи. Но дом и канцелярия пристава подверглись разгрому[110]. 15 июля были убиты письмоводитель Сибирцев и лесообъездчик Бабин. Акушерка Янковская и прислуга лечебницы Клюева, которые из лечебницы были приведены в дом Джевачи под предлогом «защиты» их жизни, подверглись насилию. Их заставляли принять мусульманство.

В селении Синтаб сторонниками газавата были избиты две русские семьи — младшего топографа Бердышева и техника Гемминга; их жизнь была сохранена лишь после принятия ими мусульманской веры[111].

С большими усилиями Джевачи и его сторонники собрали несколько сот человек и направились в поход в г. Джизак. К 21 июля в местности Клы, в 12 километрах от г. Джизака, было собрано около 500—600 человек[112]. Во главе толпы стояли: Абдурахман Джевачи, Назыр Ходжа, Джайнак Абдураззаков, Каландар Ходжа. У них было три знамени с надписью: «Нет бога кроме бога, и Магомет — пророк его»[113]. Но они были рассеяны сильной атакой царских войсковых частей. После неоднократных попыток нападения на город сторонники Джевачи были остановлены, затем отброшены и разгромлены войсками.

Назыр Ходжа ишан, поняв свое полное поражение, бежал в степь,[114] бросив обманутых им людей на произвол судьбы.

Абдурахман Джевачи пытался выпутаться из того положения, в каком он оказался. «Когда он был задержан казачьим разъездом, то в это время он вез из Богдана русскую акушерку с прислугой, якобы спасенных (им — *Х. Т.*) от разъяренной толпы туземцев»[115].

---

[109] Указ. сб. документов, стр. 130.
[110] Там же, стр. 119, 130, 159.
[111] Там же, стр. 167—168.
[112] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 119.
[113] Там же.
[114] Назыр Ходжа затем был пойман царскими властями и осужден к смертной казни через повешение.
[115] Указ. сб. документов, стр. 139.

Характерными в этом отношении являются следующие показания на суде, данные Назыр Ходжой после его ареста: «...Джевачи повел две русские женщины к приставу, его арестовали и больше не пустили. Я думал, что он сделал это нарочно; увидел, что солдат много, что дела сартов плохи, задумал поэтому выручить себя под видом спасителя русских женщин сдался русским»[116]. Назыр Ходжа всячески скрывал свою роль как главаря в «газавате» и свализал всю вину на Джевачи. В свою очередь арестованный властями Джевачи на судебном разбирательстве отрицал это, указывал на Назыра Ходжу, выдавая его за главного вожака[117].

В Санзарской волости богатые слои населения заранее собирались у бывшего судьи, одного из главных организаторов «газавата» Турадбекова, для выработки общего плана действий. В обвинительном акте по делу участников «газавата» в Санзаре Туракула Турадбекова и других (ноябрь 1916 г.) отмечалось, что «влиятельные туземцы: Аликул Джурабаев, представитель племени Коштамчали (Каштамгал) Курбанбай и Мухамед Мурад, братья Хусаиновы и другие, посещая собрания братьев Турадбековых, в свою очередь в своих селениях собирали почетных туземцев для обсуждения вопросов, как должны реагировать туземцы на призыв для работ»[118].

13 июля 1916 года прибывшие в Джизак Туракул Турадбеков и сопровождавшие его лица встретили новоявленного «джизакского бека»— Назыра Ходжу ишана. «Туракул и Ишанкул Турадбековы,— говорится в обвинительном акте судебных властей по их делу, — узнав от мятежников, разрушивших железнодорожный путь, что в Джизаке бунт, что объявлен «газават», уездный начальник, пристав и другие должностные лица убиты, и, наглядно убедившись в наступлении «мусульманских времен», кратчайшим путем через горы вернулись к себе в Санзар вечером 13 июля»[119]. Возвратившись, Туракул Турадбеков провозгласил «священную войну» против

---

[116] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, документ. материалы, инв. № 84, лл. 162—163.

[117] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 139.

[118] Там же, стр. 149.

[119] Там же, стр. 150.

русских[120]. Приближенные Турадбекова объявили его санзарским беком[121].

В обвинительном акте об этом факте сказано так: «Полчища Туракула Турадбекова во главе с братом Ишанкулом Турадбековым, влиятельными лицами: Аликулом Джурабаевым, Мухамед Муратовым и Курбан баем, братьями Хусаиновыми и другими, перебили 14 невооруженных статистиков»[122]. За этим последовали и другие реакционные действия «газаватистов». Всего на Санзарском участке организаторами «газавата» было убито 43 русских, в том числе 14 детей[123]. Некоторые из русских женщин, захваченные в плен мятежниками, подверглись надругательствам. Несколько дней спустя, когда был подавлен санзарский мятеж, из плена были освобождены 56 женщин и детей[124].

Следует отметить, что народным массам была чужда авантюра реакционных элементов. Местное население осуждало организаторов террора против русских[125]. Участники «газавата» в Санзарской волости угрозой принуждали янги-курганцев примкнуть к восстанию, а когда последние категорически отказались, то санзарцы зажгли склады с хлебом и лавки на базаре, принадлежавшие жителям[126]. Местные жители спасали русских при нападении «газаватистов». Так, например, шесть русских были укрыты казахами в безопасном месте[127].

Подобно санзарским событиям, феодально-клерикальные элементы, возглавляемые Касымом Ходжой ишаном, организовали «газават» в Зааминской волости. Касым Ходжа еще с 14 июля, в ходе народного восстания, предпринял попытку превратить его в «газават». В этот день, когда повстанцы окружили управление зааминского участкового пристава Соболева, Касым Ходжа предложил ему выдать оружие и перейти в мусульманство. Таким образом, Касым Ходжа стремился придать борь-

---

[120] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 150.

[121] Там же, стр. 70.

[122] Там же, стр. 150—151.

[123] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 434—435.

[124] Указ. сб. документов, стр. 134.

[125] «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 54—55.

[126] Указ. сб. документов, стр. 140.

[127] Там же, стр. 134.

бе религиозное направление. Когда пристав отказался выполнить эти требования, Касым Ходжа приказал толпе обстрелять балхану, где находился пристав. Выстрелом одного из повстанцев пристав был ранен и вскоре умер[128]. После этих событий и был объявлен «газазат» против всех русских.

В обвинительном акте по делу Джанана Кулмухамедова и других о расправе с русским населением, составленном 3 декабря 1916 года, указывается, что «*на следующий день* (15 июля 1916 г.— *Х. Т.*) *после убийства пристава, в главной* мечети селения Заамин *Ишан Касым Ходжа* при большом стечении народа *был избран «зааминским беком»* (миром). *Объявив «газават», священную войну*, ишан Касым Ходжа для участников бунта отменил дневной пост «уразу», и здесь же в мечети был устроен общий пир. Своих сподвижников «новый бек» назначил при себе «министрами». После пира мятежники, по указанию ишана, во главе с ним двинулись в сторону ст. Обручево, намереваясь дойти до ст. Урсатьевская»[129] (курсив наш — *Х. Т.*).

Из цитированного выше акта явствует, что Касым Ходжа объявил «газават» 15 июля и в этот же день был «избран» зааминским беком.

В Заамине, помимо пристава, были убиты двенадцать русских граждан, не находившихся на административной службе, в том числе учитель с прислугой и детьми, счетовод и другие[130]. По другим данным, число убитых русских достигало 45 мужчин, женщин и детей. До 70 человек, преимущественно женщин и детей, было взято в плен, и их принуждали принять мусульманство[131]. Бесчинства реакционеров охватили и Караташскую волость Зааминского участка. Здесь также, как в Санзаре, банда бывшего судьи Муллы Игамберды Мавлянова истребила семьи лесообъездчиков. Двое детей лесообъездчика Шарко были спасены пастухом Суюнбаем Парманкуловым[132]. Несколько женщин и детей были взяты в плен и обращены в мусульманство[133].

---

[128] Указ. сб. документов, стр. 154.
[129] Там же.
[130] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, лл. 49—50.
[131] Там же, стр. 75—76.
[132] Указ. сб. документов, стр. 154; ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, лл. 49—50.
[133] Там же, д. 1199, лл. 25—26.

Таковы были пагубные последствия «газавата». Затея реакционных элементов, не нашедшая поддержки в народе, была обречена на провал.

И. Мавляни в своем выступлении на научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана, проходившей в Ташкенте в 1954 году, правильно отметил, что реакционные лозунги клерикально-феодальных элементов были направлены против русских, но на деле они оказались направленными также против трудящихся местных национальностей, против союза трудового народа местных национальностей с трудящимися России[134].

П. А. Ковалев считает, что джизакское восстание, хотя и вредило русскому империализму, «но вместе с тем и даже в большей мере оно вредило русскому революционному движению», и «что оно дискредитировало идею национального движения, насаждало национальную отчужденность, возбуждало националистические страсти, межнациональную вражду. Оно вредило дружбе русского и узбекского народа, мешало начавшемуся процессу превращения колониального края из резерва империализма в резерв русской революции»[135].

Соглашаясь с этим общим выводом П. А. Ковалева заметим, что он, говоря о вредных последствиях восстания, очевидно, имеет в виду не все джизакские события, а реакционные выступления в некоторых волостях Джизакского уезда. П. А. Ковалев в другом месте своего доклада правильно отмечает, что «джизакское восстание, то есть восстание в четырех основных центрах уезда (Джизак, Богдан, Заамин, Санзар), нельзя отождествлять с народным движением в уезде»[136].

Для подавления народного восстания и выступления сторонников «газавата» были брошены в Джизакский уезд крупные воинские части под командованием полковников Иванова и Попенгут. При этом каратели под предлогом наказания за «газават» провели массовый террор против всего коренного населения. Старый город Джизак был сожжен и сравнен с землей. Население было беспощадно перебито или изгнано[137]. Истреблялись сотни и тысячи людей, ничего общего не имевших с «газаватом».

---

[134] «Материалы объединенной научной сессии...», стр. 359.
[135] Там же, стр. 332—333.
[136] Там же, стр. 333.
[137] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 9.

«Карательная экспедиция,— говорил в своей речи на общем собрании Думы 13 декабря 1916 года депутат Джафаров,— заходила далеко вглубь Джизакского уезда и она не разбирала, кто причастен, кто нет, а расправлялась со всеми теми, кто носил туземный халат»[138].

В Джизакском уезде «карательным отрядам было приказано уничтожить на своем пути все население и все селения»[139].

В своем описании джизакских событий и. о. управляющего государственными имуществами Самаркандской области Карамышев писал, что карательные экспедиции, посланные для подавления мятежа, «должно быть не имели точных сведений о том, какие селения или части их, принимали участие в мятеже и поэтому были разгромлены попадавшиеся по дороге кишлаки без разбора степени их виновности»[140].

Рассказывая о тяжелых последствиях деятельности главарей «газавата» Назыра Ходжи ишана, Абдурахмана Джевачи и других, участник джизакского восстания Урдуш Мукимов[141] вспоминает следующие выдержки из народной песни того времени: «Назыр Ходжа пошшо бўлиб, Жевачилар вазир бўлиб, Жиззахни вайрон айлади» (Перевод: «Назир Ходжа, сделавшись падишахом, а Джевачи — везиром, разорили Джизак»).

Народные массы были возмущены действиями карательных отрядов как следствием «газавата», принесшим народу столько страданий. «В Санзарской волости,— писал в докладной тот же Карамышев 3 декабря 1916 года,— многие туземцы говорят, что они, горные жители, разорены а виновники беспорядков и убийств ходят на свободе и даже нажили во время восстания деньги»[142].

На основании вышеизложенного приходим к заключению, что:

1. Предпосылки народного восстания в Джизакском

---

[138] Стенографический отчет Государственной Думы, четвертого созыва, сессия V. ЦГВИА (Москва), ф. 400, Азиатская часть, д. 40, ч. I, лл. 75—81.

[139] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, ед. хр. 1100, л. 9.

[140] Указ. сб. документов, стр. 158.

[141] Мукимов Урдуш работал председателем колхоза им. Буденного Джизакского района, теперь председатель сельсовета, член КПСС.

[142] Указ. сб. документов, стр. 158.

уезде были те же, что и в других местах Туркестанского края.

Восстание в Джизаке и волостях Джизакского уезда началось как народное движение, основными движущими силами которого были трудящиеся города и кишлаков, когда восставшие открыто сопротивлялись набору рабочих, срывали составление списков «тыловиков», нападали на представителей «туземной» и колониальной администрации и т. п.— были народным движением и не имели ничего общего с «газаватом».

2. В некоторых волостях уезда (Джизак, Каган, Санзар, Заамин, Кара-Таш) феодально-клерикальные элементы использовали начавшееся здесь народное восстание в своих реакционных целях. Этими группами был объявлен «газават» («священная война»), направленный против русских вообще, имеющий целью отрыв уезда от России и восстановление старых ханских порядков.

Если начавшееся народное восстание в уезде было прогрессивным, освободительным, то «газават», спровоцированный феодально-клерикальными элементами являлся реакционным, антинародным.

Реакционное выступление, организованное «газаватистами», было превращено в межнациональную борьбу. Феодалы и духовенство стремились к отделению Джизакского уезда, а затем и всего края от России и реставрации ханско-бекских порядков. Лозунг Назыра Ходжи ишана и других организаторов «газавата» о создании «Мусульманского государства», так называемого «Мусульманабада» («мусульманского мира»), противоречил интересам народов Средней Азии, и являлся сугубо реакционным.

Конкретно-исторические условия Туркестана того периода были таковы, что подлинное социальное и национальное освобождение народов края могло быть достигнуто (и, как известно, было действительно достигнуто) в тесной связи с революционной борьбой рабочего класса России. Между тем отделение Туркестана от России, к чему стремились сепаратистские феодально-клерикальные элементы, в их числе новоявленные джизакские «беки», отбросило бы народы края на многие десятилетия назад к средневековым ханским временам и нанесло большой ущерб развитию освободительного движения. Поэтому «газават» сепаратистов ослаблял революционно-демократические силы прежде всего в самом крае; он наносил

удар по все более укреплявшемуся союзу трудящихся масс Туркестана с революционным рабочим классом России.

«Газават» был спровоцирован и организован феодалами, клерикалами и другими слоями местных имущих слоев. Путем обмана, угроз и принуждения им удалось привлечь к себе часть дехканства. Политическая и культурная отсталость, зависимость мелкобуржуазных масс кишлака способствовала тому, что они находились под влиянием духовенства и баев, умело использующих религиозные предрассудки и темноту масс. В этой связи уместно вспомнить слова В. И. Ленина, что «В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения...»[143].

3. Если народное восстание в большей части Джизакского уезда и в других районах Средней Азии способствовало росту классового самосознания и революционизировало трудящиеся массы, наносило удар по царизму и его колониальной системе, то «газават», спровоцированный реакционными элементами, лишь способствовал межнациональному отчуждению, разжиганию национальной розни, вредил союзу рабочего класса России с дехканскими массами края. Поэтому мы должны строго отличать подлинно прогрессивные народные революционные движения от реакционных.

Мы должны помнить указание В. И. Ленина о том, что принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе. Марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо чтобы оно ограничивалось только тем, что есть прогрессивного в этих движениях,— чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией.

Итак, чтобы не допустить искажения исторических фактов и событий и определить общественные явления с точки зрения марксизма-ленинизма, необходимо отличать прогрессивное народное восстание, происходившее в Джизакском уезде в 1916 году от отдельных, частых ре-

---

[143] *В. И. Ленин,* Соч., т. 8, стр. 219.

акционных выступлений «газавата», спровоцированного феодально-клерикальными элементами в некоторых районах.

В соседнем с Джизаком, Катта-Курганском уезде с первых же дней объявления мобилизации на тыловые работы население кишлаков решительно протестовало против набора[144]. По сведениям, полученным царскими властями, националистические элементы Катта-Курганского уезда также готовились к «газавату» и все время поддерживали связь с Джизаком. Военный губернатор области сообщал, например, что «в Катта-Кургане известный богач Абдушукур-байбача расходует громадные деньги на вооружение населения и снабжение его лошадьми с целью поднять восстание в Катта-Курганском уезде»[145]. Центром «газавата» был запланирован кишлак Янги-Курган, а одним из организаторов — крупный торговец хлебом Хасан-байбача. К нему в дом тогда приехали представители от сепаратистских элементов Джизакского и Самаркандского уездов[146].

В ряде мест Катта-Курганского уезда были распространены воззвания с призывом к священной войне, начало которой было приурочено к 15 июля[147].

Однако народные массы не поддержали организаторов «газавата». К тому же горький «опыт» реакционных групп в Джизакском уезде также отрезвил катта-курганских реакционеров, и последние, вначале заговаривавшие о «газавате», притихли. Подготовленное ими выступление, таким образом, прозалилось в самом зародыше, а народное движение все более развивалось и превратилось в ряде волостей в крупные восстания.

Одно из крупных народных движений происходило в Чимбайской волости, население которой категорически отказалось от поставки рабочих. 15 июля, несмотря на запрещение уездного начальника, до 800 чимбайцев двинулись в город Катта-Курган. Восставшие, с призывом «Убить его!», набросились на чимбайского волостного

---

[144] «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 39—50, 112—118.

[145] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 147, л. 29, также Сб. документов, стр. 722.

[146] Там же.

[147] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ сб. документов, стр. 168.

управителя и старшину иман-якшинского сельского общества. Последним с трудом удалось спастись от нападающих[148].

Участники восстания Кучкар Тангатаров[149], Намаз Надыров[150] и другие вспоминают, что чимбайским волостным управителем был Абду Алим-бай, крупный землевладелец, который вместе со старшинами включал в списки по набору одних бедняков. Когда чимбайцы заявили, что они не пойдут на тыловые работы и восстали, по настоянию волостного управителя, в Чимбай прибыла полурота солдат, которая опустошила ближайшие кишлаки и подвергла массовому избиению участников восстания[151]. Ими был избит известный бахши Нурман-шаир Абдиев, писавший стихи, направленные против царского указа о наборе. Его заключили в тюрьму и избили так, что он стал инвалидом[152].

18—19 июля восстало население Минг-Арыкской волости. И здесь восставшие напали на волостного управителя и старшин Ак-Чурганского и Чин-Алтынского сельских обществ[153], их дома были разгромлены восставшими. Волостной управитель Мулла Усман Мулла Карабаев, преследуемый восставшими бежал и явился к приставу в селение Пейшамбе «прося защитить его от угрожаемой опасности быть убитым толпой жителей его волости»[154].

Для подавления народного движения катта-курганский уездный начальник командировал в Джума-базар (центр Минг-Арыкской волости) своего помощника с полуротой солдат. На рассвете 19 июля произошло крупное столкновение восставших, численностью около 4 тысяч человек, с воинской командой[155]. Один солдат был

---

[148] Указ. сб. документов, стр. 168.

[149] Тангатаров Кучкур, 1890 года рождения, ныне живет в совхозе «Катта-Курган» Самаркандской области.

[150] Надыров Намаз, 1889 года рождения, ныне живет в совхозе «Катта-Курган».

[151] «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 25—38.

[152] Воспоминания Нурманова Султан Мурада, сына Нурман-шаира, ныне чабана совхоза «Катта-Курган». «Материалы по изучению истории восстания 1916 г. в Самаркандской области», стр. 28.

[153] Указ. сб. документов, стр. 125.

[154] Там же, стр. 124—126 и ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1142, лл. 41—42.

[155] Там же, стр. 169.

ранен. Лишь когда подоспело подкрепление, отряд сумел отбить нападение и затем перейти в наступление и рассеять восставших по степи[156].

В этот же день восставшие в Каль-Курганской волости убили казия (судью), крупного бая муллу Таш Гаиб Назарова, ранили старшину и других представителей местной администрации. В материалах Туркестанского военно-окружного суда в качестве руководителей восстания в Каль-Курганской волости фигурируют безземельные батраки Рузыкул Имамов, Зият Рахманбердиев, малоземельные дехкане Мухамед Рахмат Алимов, Иман Худайназаров, Хатам Курбанов, Султан Артыкбаев, Махмедияр Мустафакулов и другие, которые после подавления восстания были подвергнуты тюремному заключению на разные сроки[157]. Джуракул Ниязов — чернорабочий — обвинялся как главный руководитель восстания в Каль-Кургане. По приговору особого временного военного суда в Катта-Кургане от 12 января 1917 года Джуракул Ниязов был осужден к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение «за явное выступление против власти с оружием в руках, за убийство должностного лица (имеется в виду убийство судьи — казия Таш Гаиб Назарова,— *Х. Т.*), по поводу исполнения им обязанности по службе»[158]. За активное участие в восстании были приговорены к каторжным работам сроком на 18 лет дехканин Ильмурадкул Абдушукуров и бедняк, имеющий один танап земли, Авлакул Джанмуратов[159].

Из 25 активных участников восстания в Каль-Курганской волости привлеченных к судебной ответственности шесть человек оказались безземельными батраками, четыре — чернорабочими, семеро — бедняками, владевшими клочками земли от 1 до 4 танапов, пятеро — дехканами, имевшими от 5 до 10 танапов; один дехканин, владевший 12 танапами, один —20 танапами и один

---

[156] Указ. сб. документов, стр. 120.

[157] ЦГА УзССР, ф. Туркестанского Военно-Окружного суда, д. 166, лл. 3—5, 13—62, 147—150; ф. 3, д. 1289, л. 68.

[158] ЦГА УзССР, ф. 8, Военно-Окружной суд, д. 166, лл. 3—15, 13—62, также ф. Политагентства в Бухаре, д. 1289, л. 68. Впоследствии смертная казнь Джуракулу Ниязову была заменена ссылкой на каторжные работы сроком на 15 лет (там же).

[159] Там же.

имам, имевший один танап земли[160]. Таким образом, подавляющее большинство активных участников восстания являлось дехканской беднотой.

Испугавшись размаха народного движения, катта-курганский уездный начальник считал необходимым в целях устрашения населения уничтожить все дома жителей Узбеккенды, Арабхана — активных участников восстания[161].

Кроме Минг-Арыкской и Каль-Курганской волостей, восстание распространилось на Митанскую, Пайшамбинскую, Джуйшагарскую, Сергилинскую и Катта-Курганскую волости[162].

Особенно значительным было восстание в старом городе Катта-Кургане и окрестных кишлаках. 20 июля громадная масса народа (по воспоминаниям участника событий Кулмухамеда Эшпулатова — не менее двух тысяч человек)[163] двинулась к старогородскому полицейскому Управлению, где властями заранее была размещена воинская команда. Солдаты были спешно построены в боевом порядке. Восставшие с криками и шумом двинулись им навстречу. Несмотря на угрожающие предупреждения начальника команды Стеблюка, восставшие набросились на солдат и забросали их камнями. Солдаты открыли огонь.

После кровавой расправы власти сумели разогнать нападающих. На месте было оставлено пять трупов повстанцев. Толпа унесла с собой раненых[164].

Такова общая картина событий в Катта-Курганском уезде, анализ которых показывает, что здесь происходили аналогичные Ходжентской и большинству других волостей народные восстания. Наиболее крупными выступлениями нужно считать восстания в Чимбайской, Каль-Курганской, Минг-Арыкской, Катта-Курганской волостях и городе Катта-Кургане. Попытки же реакционных сепаратистско-националистических элементов объявить «газават» («священную войну») потерпели провал, так как не были поддержаны народными массами.

---

[160] ЦГА УзССР, ф. 8. Военно-Окружной суд, д. 166, лл. 3—15, 13—62, также ф. Политагентства в Бухаре, д. 1289, л. 68.

[161] Указ. сб. документов, стр. 121.

[162] Указ. сб. документов, стр. 168—170.

[163] «Материалы по восстанию 1914 г. в Самаркандской области», стр. 21. Эшпулатов Кулмухамед, 1886 г. рождения, персональный пенсионер, ныне живет в Каттакургане, ул. Пролетарская, 5.

[164] Сб. документов, стр. 123.

Сырдарьинская область

К восстаниям в Самаркандской области хронологически примыкают и восстания в Сырдарьинской области. Среди многочисленных выступлений народных масс здесь наиболее важное и значительное место занимает восстание в Ташкенте — в главном административном центре Туркестанского генерал-губернаторства. Ташкент, как известно, являлся вместе с тем крупным центром революционного движения в Туркестанском крае.

Волнения среди местного коренного населения Ташкента начались, как и в других местах, сразу же после распространения вести о царском указе. С самого начала колониальная администрация города почувствовала, что набор рабочих может вызвать сопротивление населения. Например, полицмейстер старогородской части Ташкента Н. Я. Колесников сообщал, как из разговоров с местными жителями он «вынес впечатление, что население прежде всего будет стараться уклониться от набора рабочих» и даже «будет противодействовать проведению этой меры в исполнение». Он заключал, что «во всяком случае рабочих они, по-видимому, решили не давать»[165].

Первоначально было объявлено, что старый город Ташкента должен поставить около семи тысяч человек. На самом же деле наряд по набору составлял 13 600 человек, из них в старогородской части — около 12 тысяч, остальные в новом городе[166]. Сведения об этом значительном увеличении числа мобилизуемых рабочих еще больше усилили возмущение и решительный протест народных масс[167].

7 июля начальник города Ташкента вызвал в Шейхантаурскую мечеть всех имамов и пятидесятников и объявил им царский указ, обязав их оказывать помощь в организации набора. Но население не желало слушать имамов и пятидесятников. Поэтому последние написали прошение[168] на имя начальника города, в котором указывали, что каждый из них, вернувшись с совещания в Шейхантаурской мечети «в свой квартал, вполне ясно растолковал своим махаллинцам содержание высочайше-

[165] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 271.

[166] Там же.

[167] Указ. сб. документов, стр. 317, 318.

[168] Прошение было подписано 64 пятидесятниками и муллами.

го повеления с увещанием и нотациями». «Но жители махаллей,— писали они,— единодушно возражая нам, дали знать, что они ни одного рабочего дать не в состоянии и что вместо рабочего они согласны вносить деньги... Дальнейшие наши слова вызывали только гнев их, и они даже начали на нас нападать. В настоящее время большинство из нас, боясь жителей своих кварталов, скрывается в своих домах»[169]. При этом авторы прошения предупреждали начальника города, что если по поводу набора «возникнут в среде народа беспорядки, то они в этом не будут ответственны»[170]. Таким образом возмущение населения Ташкента началось сразу же после объявления указа.

Одновременно начались волнения во всем Ташкентском уезде, причем население прежде всего выступало против волостной администрации как непосредственной исполнительницы указа о наборе. Как явствует из донесения и. о. полицмейстера «туземной» (старогородской — *Х. Т.*) части Ташкента А. А. Тихоцкого, пятидесятники, на которых легла вся работа по разверстке наряда и составлению списков, оказались в крайне затруднительном положении в виду неповиновения и сопротивления населения. «Не смея отказаться от распоряжений полиции приступить к составлению требуемых списков,— писал Тихоцкий,— пятидесятники фактически требования этого исполнить не могли, в виду ясно выражаемого намерения населения рабочих не давать»[171].

Среди части «туземной администрации, прежде всего среди ее наиболее зажиточных слоев, имелись панисламистско-сепаратистские группы, которые пытались использовать народное движение в своих интересах. К ним относились некоторые мингбаши (тысячники) и казии — судьи. Феодально-клерикальные элементы и в их числе казии четырех частей Ташкента, так же, как подобные группы в Джизакском уезде, давно вынашивали план реставрации в Туркестанском крае ханского строя. Им казалось, что наиболее подходящим моментом для этого является тот период первой мировой войны, когда цар-

---

[169] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, Д/М, инв. № 82, т. 4, стр. 20.

[170] Там же.

[171] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 318.

ская Россия терпела поражения на фронте. Туркестанское районное охранное отделение располагало данными о том, что ташкентские казии находились в сношениях с правящими кругами Афганистана еще до опубликования царского указа о мобилизации местного коренного населения на тыловые работы. В середине июня охранным отделением были получены агентурные сведения о том, что между четырьмя казиями Ташкента[172] и мингбаши шли «переговоры о посылке коллективного послания афганскому эмиру с предложением, если он истинный мусульманин, объявить войну России, так как в настоящее время самый подходящий момент, в который его поддержат мусульмане Туркестанского края. Позже это будет поздно»[173]. Одно из секретных писем ташкентским казием было отправлено в Афганистан через некоего Муллу Абдурахмана[174].

Далее было выяснено, что письмо афганскому эмиру от имени ташкентских казиев было написано казием Кукчинской части старого города Ташкента Абду Набиевым и отправлено в Бухару владельцу книжного магазина Нигматулле Ходжаеву в двух конвертах, из которых внутренний конверт с письмом должен был принять афганец Расул Мухамед-хан[175] и отправить его афганскому эмиру[176].

В одном из докладов Туркестанского охранного отделения сказано, что казии четырех частей Ташкента, их помощники и родственники вели агитацию «среди населения об оказании помощи афганскому эмиру в случае объявления последним войны России и о сборе денег от лиц, сочувствующих этому движению»[177].

---

[172] Казий Шейхантаурской части старого города Ташкента Нусратхан Мулла Ариф-хан Шариф Ходжаев; казий Сибзарской части — Саид Махмуд-хан Мухеддин ишан Кариев, казий Кукчинской части — Ходжи Абду-Малик Ходжи Абдунабиев и казий Беш-Агачской части — Магды-хан Бакихан (Бакиханов).

[173] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, лл. 153—158.

[174] Там же, л. 148.

[175] В письмах казия Расул Мухамед-хан охарактеризован как «купец по торговле книгами», так как он держал связь с книжным магазином Нигматуллы Ходжаева. Очевидно, это была лишь маскировка, ибо в тех же письмах Расул Мухамед-хан именуется то «Хан-Сахибом» (в переводе — хан, состоящий на службе), то «Сердар-Сахибом» (полководец, состоящий на службе).

[176] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, лл. 153—158.

[177] Там же.

Ишаны, муллы и казии распространяли среди населения слухи о том, что Турция одерживает успехи на фронтах, а русские терпят поражения, что вскоре Афганистан вступит в войну против России, и наступит время «изгнания русских из Туркестанского края и возвращения этого края под владычество ислама»[178].

Не ограничиваясь агитацией, эти же элементы принимали «меры к вербовке новых членов и посылке таковых по городам края для повсеместного приобретения сторонников сего движения, при посредстве которых, в случае, если Афганистан объявит войну России и русские войска двинутся в Афганистан, чинить им всякие препятствия путем порчи дорог, угона скота, транспортных средств, устройства экономических забастовок»[179], причем число сторонников вовлечения Афганистана в войну с Россией насчитывалось в Ташкенте, якобы, до 150 человек.

Но Афганистан во время войны держал, как известно, нейтралитет. Несмотря на агитацию некоторых воинственных кругов, Афганистан все же не вступил в войну против России, и поэтому эта ставка сепаратистских феодально-клерикальных элементов провалилась. Тем не менее они не сдавались. Особенно оживилась их провокационная работа, когда начались волнения в связи с объявлением набора по царскому указу. Они опять начали писать воинственным кругам Афганистана и призывать скорее выступить против России, используя для этого сложившуюся благоприятную обстановку в Туркестане. 8 июня в Старой Бухаре у упомянутого выше книготорговца Сеида-ходжи Нигматуллы Ходжаева при обыске были обнаружены секретные письма для отсылки в Афганистан. В одном из зашифрованных писем, в частности, говорилось: «...В настоящее время это дело (то есть начавшиеся волнения.— *Х. Т.*) распространилось и на окрестные местности и села. Да будет известно, что среди народа слышится много толков. Возможно, что благодаря этому вспыхнет восстание во всем Туркестане»[180].

---

[178] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, л. 198.
[179] Там же.
[180] Там же.

В другом письме на имя того же Расула Мухамед-хана сообщалось, что в настоящее время «правительство (царское,— *Х. Т.*) находится в выжидательном (нерешительном) положении в отношении набора солдат. В стране возвышается всеобщий вопль, плач и горе...». И далее: «возможно, что население этой страны (Туркестана — *Х. Т.)* устроит всеобщие беспорядки и в стране вспыхнет восстание... Положение совершенно изменилось. Все это признаки падения и гибели государства...»[181]. И еще: «Раз страна осталась во владении нескольких чиновников и от военной силы ничего не осталось, то можно заключить, что на германской и турецкой границах Россия терпит провал». В заключение в письме провозглашалось: «Да уничтожит и погубит их (русских) господь. Да превратит бог эту страну в цветное поле для шагов солдат богом данного (мусульманского) государства, во имя пророка и самого бога»[182]. В письме выражалась надежда, что афганский эмир воспользуется начавшимся в Туркестане восстанием.

Феодально-клерикальные элементы, готовя мятеж в Туркестане и ожидая поддержки Афганистана, одновременно стремились использовать для осуществления своих планов находящихся в крае и, в частности, в Ташкенте военнопленных немцев и австрийцев. По данным Туркестанского военного округа в 1916 году во всем Туркестане насчитывалось 89 949 военнопленных, из них 2249 офицеров и 87 700 солдат. В Ташкенте находилось 12 884 пленных солдата и 719 офицеров[183]. Значительное число военнопленных было размещено в лагерях Аулиеата, в Коканде, Самарканде, Ходженте, Троицком (под Ташкентом), Черняеве и Джизаке.

Попытки сепаратистских групп установить связи с военнопленными подтверждаются, например, следующими данными: в июле 1916 года в Ташкенте был арестован разносчик кваса некий Сали Юсуп-оглы (Юсупов), который в лагере саперного батальона, «приняв сербов-добровольцев за пленных немцев, говорил им о предполагаемом бунте с участием Афганистана, спрашивал, не примут ли они участие»[184].

[181] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, л. 198.
[182] Там же.
[183] ЦГВИА (М.), ф. 1396, оп. 3, д. 176, л. 16.
[184] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 436, л. 146.

Приведенные факты не оставляют сомнения в том, что феодально-клерикальные элементы края в годы первой мировой войны и особенно в 1916 году в связи с набором готовили панисламистское реакционное восстание, всячески стремились спровоцировать афганского эмира на вступление в войну против России и использовать для этой цели начавшееся народное восстание. О том, что реакционные элементы действительно возлагали надежды на народное восстание и пытались использовать его в своих интересах свидетельствует текст одного из секретных писем казия Ходжи Абдулла Малика Абдунабиева в Афганистан: «Последние дни и ночи,— пишет он,— разговоры по новому набору солдат[185] из туркестанских жителей усилились, что безгранично волнует население. *Посмотрим, до чего дойдет конец дела...* В государстве этих неверных нельзя добиться блага ни в мирской ни в загробной жизни. Да упрочит господь положение ислама»[186] (курсив наш,— *Х. Т.*).

Планы реакционеров и их подготовка к панисламистскому восстанию в целях отрыва Туркестана от России не имели ничего общего с развертывавшейся национально-освободительной борьбой — народным восстанием 1916 года в Средней Азии и Казахстане.

Реакционные элементы в целях организации панисламистского мятежа, пытались использовать, как уже сказано, народное движение. Такая попытка была сделана ими и в Ташкенте. 10 июля мингбаши Шейхантаурской части Хашим Ходжа ишан Хасан Ходжаев, Сибзарской части Усман Ходжа Иноят, казии Шейхантаурской, Сибзарской и Кукчинской частей послали своих элликбаши (пятидесятников) в махалля, чтобы «простой народ с женщинами пошли в полицию и заявили бы там, что они своих детей не дадут на войну, причем ссылались на то, что они сами это не могут сделать, так как они лица влиятельные и им неудобно, а простому народу ничего не будет» и что «губернатор испугается и набор отменит»[187]. Эти элементы явно рассчитывали в случае народного восстания превратить его затем в пан-

---

[185] Вместо набора рабочих, в письме нарочно или ошибочно говорится о наборе солдат.

[186] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, л. 148.

[187] Там же, лл. 153—158, также ф. 17, оп. 3, д. 436, л. 141.

нисламистское движение. Однако использовать народное восстание в своих реакционных целях им не удалось. Что же касается их «совета» относительно отказа от набора, то и без этого народ выступал с решительным протестом, который в конечном итоге превратился в крупное восстание, происходившее 11 июля 1916 года.

Вожаками народного движения были рабочие Юлчи Ибрагимов, Гулям Камалов, Мухмуд ходжа Мирза Ходжаев, дехкане-бедняки Абдурахман Хакимов, Якуб Раджабов[188], рабочие Рахим берды Икрамов, Ачил Бабаджанов и другие. Они шли в первых рядах восставших. Это целиком подтверждается как воспоминаниями участников восстания, так и многочисленными официальными документами царских колониальных властей.

По показаниям полиции еще до восстания один из рабочих типографии произнес речь перед собравшимися «и в этой речи проводил мысль, что рабочих давать не следует. Толпа ему аплодировала»[189]. За неподчинение царскому указу агитировал один из видных представителей прогрессивной интеллигенции — фармацевт городской аптеки Мусахан Мирзаханов, живший в махалле Балан-мечеть Шейхантаурской части[190]. Именно он был одним из тех, кто призывал итти восставать[191]. Полиция установила также, что Мусаханов сказал одному из «туземцев»: «там бунтуют, и ты иди»[192].

11 июля 1916 года к 11 часам утра в полицейское управление старогородской части Ташкента были приглашены все пятидесятники для приведения в исполнение распоряжения властей о «реквизиции местных рабочих»[193]. Между тем с раннего утра, задолго до намеченного совещания пятидесятников около старогородского

---

[188] «Список активных участников восстания 1916 г...», утвержденный постановлением Бюро ЦК КП(б) Узбекистана № 247, VIII—22 от 29 июля 1936 г., хр. в Партархиве Института истории партии, ф. 499 (отдел Средазбюро ЦК ВКП(б) по изучению истории партии и революционного движения в Средней Азии), оп. 1, д. 147, лл. 5—6.

[189] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 232.

[190] Мусахан Мирзаханов, после Октябрьской революции работал на руководящих постах в советских медицинских учреждениях.

[191] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 232.

[192] Там же.

[193] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 318.

полицейского управления[194] собралось много женщин-узбечек, к которым стали присоединяться и мужчины[195].

Бывший полицмейстер, временный советник Сырдарьинского областного правления Н. Я. Колесников сообщал впоследствии, что, когда он рано утром пришел в областное правление, то «почувствовал надвигающуюся угрозу со стороны населения»[196]. Поэтому он доложил в канцелярию генерал-губернатора, что «настроение в населении очень плохое; беспорядки будут и их не избежать, ибо беспорядки имели место во всех городах и к Ташкенту прислушиваются, дабы с него взять пример»[197]. Колесников докладывал также помощнику военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майору Геппенеру об «очень скверном настроении» населения и о том, что «без вооруженной силы не обойтись».

Тем временем недовольство нарастало. Вскоре число возмущенных жителей достигло нескольких тысяч человек[198]. Участник восстания Р. Б. Икрамов, бывший рабочий ташкентского конного трамвая, рассказывает в своих воспоминаниях, что рабочие и ремесленники собрались к полицейскому управлению со всех частей старого города, причем особенно много народу из Кукчинской части[199].

Восставшие пытались проникнуть к зданию полицейского управления, охраняемому городовыми. Несмотря на это, как сказано в «Обвинительном акте о повстанцах города Ташкента Абдурахмане Мулла Хакимове, Юлчи Ибрагимове и др.»,— «толпа выломала отделяющую сад решетку, избила городовых и хлынула к зданию полицейского управления»[200]. Женщины кричали: «Не дадим рабочих!», а мужчины: «Не пойдем, здесь умрем»[201]. В толпе

---

[194] Полицейское управление «туземной» (старогородской) части города находилось по ул. Алмазар, в здании, ныне занимаемым 2-м противотуберкулезным диспансером.

[195] Указ. сб. документов, стр. 281.

[196] Там же, стр. 269.

[197] Там же.

[198] Там же.

[199] «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», стр. 362.

[200] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 282.

[201] Там же.

слышались возгласы: «Пусть погибнет царь — наш угнетатель! До каких пор он будет нас угнетать? Мало ему этого, теперь он хочет взять на войну наших сыновей! Не отдадим своих сыновей на войну!»[202].

Пытавшиеся задержать и успокоить толпу шесть городовых (пятеро из них местной коренной национальности и один русский) были избиты. При этом у одного из городовых был оторван револьвер[203]. Вышедшие навстречу восставшим пристав 4-го участка Мочалов, пристав 3-го участка Харчев и секретарь полицейского управления Трентовиус безуспешно пытались успокоить толпу[204]. Однако возбуждение народных масс все возрастало: в окна управления и в стоявших у крыльца городовых восставшие стали бросать камнями. И. о. полицмейстера «туземной» части Ташкента в своем докладе писал: «Пытавшийся усовестить бесновавшихся женщин ночной караульщик сарт[205] был втянут в гущу толпы и на глазах чинов полиции убит»[206]. Вслед за этим восставшие стянули с крыльца секретаря полицейского управления Трентовиуса, повалили его на землю, выхватили из ножен шашку и стали избивать, пытаясь оттащить дальше[207]. Но в это время пристав Мочалов приказал полицейским стрелять из револьверов. Толпа на мгновение отхлынула от крыльца, и во время этой заминки Трентовиусу удалось вбежать в здание управления. Однако через несколько секунд после этого «толпа вторично нахлынула и, намереваясь проникнуть в здание управления, произвела разгром кирпичами и камнями оконных и дверных стекол»[208].

Положение, таким образом, стало настолько угрожающим, что Мочалов поспешно запросил «военной помощи». Пристав по телефону доложил в областное управление Колесникову о том, что «к полицейскому управлению собралась толпа в две-три тысячи человек;

---

[202] «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», стр. 362.

[203] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 313.

[204] Там же.

[205] Речь идет о караульщике-узбеке Мир Ахмет Ша Мир Акбаршаеве.

[206] Указ. сб. документов, стр. 318.

[207] Там же, стр. 282 и 318.

[208] Там же, стр. 282.

кричат, шумят, бьют полицейских, разбили голову секретарю Трентовиусу, что полиция стреляла и есть убитые из толпы»[209].

Н. Е. Колесников по приказу военного губернатора области немедленно же выехал в полицейское управление. По пути он заехал в помещение конвоя Туркестанского генерал-губернатора и взял с собой шесть человек казаков[210]. По дороге, около завода Иванова[211], он встретил восставших людей, выхватил револьвер и держал его на виду, чтобы показать, что полумер не будет».

После прибытия Колесникова в полицейское управление возбуждение еще более усилилось. «Я пробовал говорить, убедить толпу,— писал он впоследствии,— но слушать никто не хотел. Я обратился к казакам, чтобы они оттеснили толпу от здания нагайками, но скоро нагайки у них были вырваны»[212]. Один из восставших бросился на Колесникова с обнаженной шашкой, но был им убит наповал[213]. По признанию Колесникова даже некоторые женщины пытались замахнуться на него палками[214]. В это время он скомандовал полицейским открыть огонь. В толпе уже были убитые и раненые, но восставшие с криками «ур — бей!»— продолжали наступать на полицейских. Тогда они заперлись в здании управления и перешли к обороне. В окна полетели кирпичи и камни, восставшие пытались пробиться в помещение[215]. Колесников в панике принялся звонить по телефону губернатору и начальнику города Ташкента Кочану и настойчиво просить военной помощи. Звонил он и начальнику школы прапорщиков, умоляя выручить его[216]. Когда же Колесников попытался позвонить в прокуратуру, телефонные провода оказались порванными[217].

Тем временем восставшие со всех сторон продолжали

---

[209] Указ. сб. документов, стр. 269.

[210] Там же.

[211] Завод Иванова (ныне пивной завод № 3) находился на ул. Укчи, примерно в 1—1,5 км от полицейского управления.

[212] Указ. сб. документов, стр 269.

[213] Там же, стр. 282.

[214] Там же, стр. 270.

[215] Там же, стр. 282.

[216] Там же, стр 270.

[217] Телефонные провода были сорваны Мир Касымом Исамухамедовым и Юлчи Ибрагимовым; см. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 249 и партархив, инв. № 83, л. 80.

осаждать здание полицейского управления, бросая камни и кирпичи и разбив все двери и окна. И. о. полицмейстера А. Мочалов писал: «Нам пришлось около двух часов быть осажденными озверевшей толпой в здании полицейского управления, куда старалась проникнуть и толпа, бросавшая безостановочно кирпичи и гальки в окна»[218].

В первых рядах восставших, призывавших бить городовых и являвших пример мужественной борьбы, были вожаки восстания Юлчи Ибрагимов, Максум Курчибаев, Гулям Юсупджанов, Гулям Камалов, Абдурахман Мулла Хакимов, Кабул Мир Салихов, Азиз Мусабаев и другие[219]. В своих воспоминаниях о восстании Юлчи Ибрагимов указывал, что народ собрался и восстал, а муллы и пятидесятники постарались скрыться. «Между тем,— отмечал он,— Арифходжа* стал упрекать народ, после чего я дал ему пинка. Еще кто-то попробовал было сказать, что «разве можно противоречить царю?»— я крикнул: «бей его!»[220].

Несколько чинов полиции были уже ранены. Убитые и раненые были и среди восставших. Одна из женщин — Рузван биби Ахмаджанова — смело вышла вперед и крикнула: «Убейте, но не отдадим вам своих сыновей». В нее был произведен выстрел в упор, и она явилась одной из первых жертв восстания[221]. Из числа восставших были убиты также Абдусамат Ходжаев, Мулла Абдукадыр Сали Мухамедов, Хаитбай Хасанбаев, Юнус Абдукаримов и другие.

С каждой минутой напор озлобленных горожан усиливался. Положение осажденных полицейских становилось критическим. В целях оказания им помощи начальник г. Ташкента Кочан спешно выслал из нового города на извозчиках 26 городовых и сам выехал к месту событий. «Когда я прибыл к полицейскому управлению,— писал он в своем донесении,— застал огромную толпу народа как женщин, так и мужчин, частью на улице у здания полицейского управления, частью во дворе последнего. Толпа была огромная, в несколько тысяч чело-

---

[218] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 436, лл. 12—13.

[219] Там же, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 248—252.

* Арифходжа — местный миллионер.

[220] Партархив ЦК КП Узбекистана, Д/М, инв. № 83, л. 80.

[221] Р. Ахмаджанова умерла на следующий день от тяжелой раны. См. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 248—252.

век, среди нее были убитые и раненые»[222]. На требование Кочана удалиться и очистить двор полицейского управления, никто не обращал внимания: «в воздухе стоял общий гул, гам и рев»[223].

В это время прибыли рота юнкеров из школы прапорщиков, а затем казаки и особая военная дружина[224]. Три взвода юнкеров окружили двор управления, но восставшие «продолжали отнимать ружья, бить юнкеров, вели себя вызывающе»[225].Тогда к полицейскому управлению прибыл военный губернатор Сырдарьинской области Галкин. На его вопрос, обращенный к одному из стариков — участников восстания — зачем он сюда пришел, последний ответил: «Звали всех на бунт, вот я и пришел». Так же отвечали и другие. Губернатор уговаривал народ успокоиться. Но восставшие кричали ему в ответ, что рабочих не дадут[226]. После отъезда губернатора столкновение с полицейскими продолжалось. Снова была пролита кровь. Всего в этот день из числа осаждавших управление было убито пять человек, тяжело ранены 21 человек, из которых шестеро умерли на следующий день. Таким образом, по официальным данным, всего было убито и умерло от ран 11 человек и ранено 15 человек[227]. Многие раненые, не учтенные полицией, были унесены участниками восстания.

В стычке с полицейскими была тяжело ранена в грудь участница восстания Зухра биби Мусаева. Несколько человек ее отвезли затем в безопасное место. Весьма интересна дальнейшая судьба этой женщины. Ее тайно вылечил замечательный русский медик, лекарский помощник старогородской больницы М. П. Стец.

В постановлении Бюро ЦК Компартии Узбекистана от 28 июля 1936 года, в числе активных участников восстания в Ташкенте указывается и М. П. Стец[228]. Там мы читаем следующее: «М. П. Стец — лепком, 72 г., в 1916 г.

---

[222] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 265.

[223] Там же.

[224] Там же.

[225] Там же, стр. 270. Из юнкеров были ранены трое, из городовых — 6 чел. СМ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 248—252.

[226] Указ. сб. документов, стр. 270.

[227] Указ. сб. документов, стр. 307.

[228] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, ф. 499, оп. 1, д. 147, л. 6.

оказывая первую помощь раненым повстанцам, тов. Стец не только спас жизнь Зухра биби, но и сохранил в тайне от жандармов ее местонахождение. Сейчас т Стец инвалид труда. Он живет на ул Полторацкой, д. № 19».

Итак, М. П. Стец, не взирая на опасность быть узнанным властями, помогал восставшим. Он не только спас жизнь Мусаевой, но и лечил еще нескольких раненых повстанцев, фамилии которых нам узнать не удалось.

В ходе восстания были арестованы и привлечены к судебной ответственности его вожаки[229]. Согласно приговору военно-окружного суда Абдурахман Каюм Сафиев — сапожник — один из активных участников восстания, призывавший нападать на полицейских, был присужден к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение[230]. Такая же участь постигла и другого активного участника восстания чернорабочего Мир Касыма Ша Мухамедова[231]. К длительным срокам каторги и ссылки были приговорены Якуб Мураджабаев, чернорабочие Таджибай Юнус Ходжаев и Юлчи Ибрагимов, дехканин-бедняк Мурат Ходжа Мухамед Али Ходжаев, каменщик Гулям Камалов[232].

Восстание в центре Туркестанского генерал-губернаторства в значительной мере повлияло на другие части края. Известно, что в дни восстания в Ташкенте побывали представители других районов и городов. Из докладной записки помощника главного военного прокурора генерала Игнатьева от 3 января 1917 года видно, что посланники других мест ждали, «что скажет Ташкент и как он решит,— давать или не давать рабочих». И далее: «Услыхав ответ Ташкента (имеется в виду восстание 11 июля — *Х. Т.*), посланцы эти быстро разнесли его по своим местам, и с этого дня беспорядки широкою волною разлились по уездам Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областей...»[233].

Несомненно, что восстания, начатые в Ходженте и получившие в дальнейшем более широкий размах в Ташкенте, сыграли важную роль в развитии событий во всем Туркестанском крае.

---

229 Указ. сб. документов, стр. 251—706.
230 ЦГА УзССР, ф. В. О. суда, д. 140, лл. 4—10.
231 Там же.
232 Там же.
233 Там же, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 104 (на обороте).

Одни за другим выступали жители волостей Ташкентского уезда. В течение 12—14 июля восстание охватило почти все волости Ташкентского и других уездов Сырдарьинской области, 12 июля восстали Китайтюбинская, Джаляптюбинская, Кошкурганская и Джетыкентская волости (центр народных выступлений — сел. Янгибазар); 14 июля восстало население Кенжигалинской, Хурданской, Аблыкской и Теляузской волостей. Восставшие в селении Ханабад с возгласами: «Рабочих не дадим!», «Бей должностных лиц!» бросились на кенжигалинского волостного управителя. Когда джигит пристава Баймурат стал призывать стражников спасти волостного, то толпа набросилась на него, изранила его ножами. Волостному управителю удалось спастись при помощи своих родственников. 13—14 июля восстание охватило Тойтюбинскую, Пскентскую, Аккурганскую, Букинскую и Майдантальскую волости[234]. Общим мотивом восстания, как и везде, был решительный протест против набора рабочих. Население нападало на представителей «туземной» администрации, уничтожало составленные списки подлежавших набору, громило дома и имущество волостных управителей.

Получив сведения о начавшемся восстании начальник Ташкентского уезда Н. Н. Караульщиков 19 июля «объехал селения Тойтюбе, Пскент и Ханабад (центры восстаний — *Х. Т.*), собрал бывших там по случаю праздника (мусульманский праздник Рамазан-Хаит) на базарах людей, разъяснил, что набор рабочих есть высочайшая воля, что заявления населения о нежелании дать рабочих есть неисполнение повеления царя, и оно вызвало посылку войск и введение военного положения, а в дальнейшем малейший беспорядок и уклонение от исполнения высочайшей воли повлечет за собой применение военной силы»[235].

Однако ни угрозы, ни посылка войск, ни введение военного положения не остановили восстания. 21—22 июля оно разгорелось с новой силой. Вследствие крупных выступлений в Зенгиатинской волости Ташкентского уезда был сорван съезд волостных управителей, созванный по поводу набора. Между тем колониальной

[234] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 312—314.
[235] Там же, стр. 313—314.

администрацией на ст. Кауфманскую, где должен был состояться указанный съезд, была послана специальная команда — патруль из 26 стрелков под командой прапорщика Бенарадского для наблюдения за настроением собравшихся. Возбужденное население не дало провести съезд и с возгласами «Ур—ур!!» (бей—бей!!) напало на представителей администрации и патруль. С крыш домов раздались выстрелы. Солдаты открыли огонь по жителям кишлака. Трое из восставших были убиты и 20 человек арестованы[236].

К этому времени восстало казахское население Алтыковской и Джасукумской волостей. Об этом участковый пристав послал трезожную телеграмму в Ташкент. «С толпой около шести тысяч человек,—телеграфировал он,— справиться трудно... Громадные полчища обходят полицейские силы на разъезде 123». Он просил немедленно выслать карательный отряд[237]. До прибытия подмоги пристав с находившимися в его распоряжении 12 конными солдатами выехал в центр района восстания — село Яллама Чиназской волости. Здесь повстанцы численностью в несколько тысяч человек окружили должностных лиц. Из толпы стали раздаваться крики и угрозы по адресу пристава, заявившего, что он будет вести разговор с пятидесятниками. Конные повстанцы стремились окружить пристава и его солдат. Опасаясь быть отрезанным, пристав Худоярханов начал отходить к разъезду № 123, где, рассыпав солдат в цепь, решил задержать толпу до прибытия карательного отряда. Вскоре сюда прибыла стрелковая рота, которая разделившись на две части, выступила в кишлак Яллама[238]. Лишь огнем по безоружной массе карателям удалось подавить восстание казахов Алтыковской и Джаусукумской волостей.

Особенно крупное народное выступление произошло в Тойтюбе Ташкентского уезда, где события развертывались при следующих обстоятельствах. 21 июля сюда из Пскента прибыла воинская команда из 25 солдат во главе с участковым приставом Ковдышевым с целью проведения насильственной разверстки по набору. В этих условиях был собран волостной съезд и произведена

[236] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 275—276.
[237] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 436, л. 273.
[238] Указ. сб. документов, стр. 277, 279—280.

разверстка рабочих по кишлакам Тойтюбинской волости. Пристав, оставив четырех солдат при волостном управлении, с остальной командой вернулся в свой участок — Пскент. Народ был возмущен поведением волостного управителя, пятидесятников и других должностных лиц, которые помогали властям в проведении набора и участвовали в разверстке рабочих. Вот почему на другой день после съезда, 22 июля, с раннего утра к дому волостного управителя в Тойтюбе Бек Мухамеда Маллябаева подошла толпа в несколько тысяч человек, вооруженных кто чем мог, включая и охотничьи ружья. Четыре солдата, находившиеся при волостном управителе, открыли с его балкона огонь и убили трех повстанцев. Тогда восставшие напали на солдат, но тем удалось спастись бегством. Затем, как указывалось в рапорте помощника начальника Ташкентского уезда А. И. Афанасьева, толпа напала на дом волостного управителя. Восставшие ворвались в дом и убили его «за то, что он поддерживал распоряжение правительства. Затем растащили его имущество, сожгли портрет царя и всю канцелярию волостного»[239].

В Тойтюбе была спешно выслана воинская часть в составе 60 человек под командой участкового пристава, которая произвела арест 70 участников восстания. Но восстание и после этого не прекратилось. «Весть о беспорядках в Тойтюбе,— сообщал Афанасьев,— быстро распространилась по всему Пскентскому участку и имела пагубные последствия, так как сейчас же восстали и другие волости». Восставшие из соседней Османатинской волости шли на соединение с повстанцами Тойтюбе; в Аккурганской волости повстанцы, вооруженные палками, напали на дом волостного управителя, но ему удалось скрыться в Пскент; волостной управитель Букинской волости скрылся в камышах, а затем бежал в Пскент; в Каризской волости толпа подошла к дому волостного управителя, уничтожила канцелярию, но сам волостной управитель, «переодевшись в русское платье, бежал в Пскент».

Так развертывалось восстание в Тойтюбе и в соседних с ним волостях. Встревоженная развернувшимися здесь грозными народными выступлениями колониальная ад-

[239] Указ. сб. документов, стр. 280—291, 313—314.

министрация предпринимала экстренные меры. В Тойтюбе и Пскент дополнительно послали новую воинскую команду из 100 солдат во главе с помощником начальника Ташкентского уезда Афанасьевым[240].

Только путем применения силы и поджогом домов «зачинщиков восстания» осуществлялось исполнение наряда. При этом людей сгоняли нагайками и кое-где стреляли в толпу. Все это имело место в Тойтюбинской волости, где было убито и ранено до 20 человек. 76 человек было арестовано.

Афанасьев намеревался во что бы то ни стало выполнить набор, не останавливаясь перед применением оружия. Он дал распоряжение, чтобы утром 24 июля в Тойтюбе был собран сход. Тем не менее его приказ не был выполнен. Население скрылось в окрестных садах и камышах. Тогда Афанасьев приказал конным солдатам сгонять население к дому волостного управителя, а против сопротивляющихся применить оружие. Одному из офицеров он приказал вместе с солдатами обойти дехканские дворы и забрать имеющихся там лошадей для нижних чинов. «Население стали сгонять нагайками к дому волостного управителя,— рапортовал Афанасьев,— и из 325 дворов на сход согнали около 200 человек». Сей ретивый начальник объявил сходу, что он не спрашивает желания населения, а приказывает исполнить царский указ немедленно и представить ему именные списки призываемых рабочих. Несмотря на угрозу, присутствовавшие на сходе ответили, что «подчиняться они не желают...» И только под угрозой расстрела они, наконец, с большим трудом составили список.

Чтобы яснее представить себе обстановку, в которой происходило исполнение царского указа о мобилизации, приведем еще несколько примеров. Окончив кровавую расправу над восставшими в Тойтюбе и добившись насильственным путем «согласия» населения идти на тыловые работы, каратели и дальше действовали таким же образом. Так в селении Карасув, по признанию Афанасьева, в виду отказа населения выполнить набор, «имущество всех главарей было уничтожено. На сход 25 июля собрались поздно и с большой неохотой; наряд рабочих по спискам и приговор был выполнен только под угрозой

[240] Указ, сб. документов, стр. 290.

расстрела пулеметом»[241]. В Османатинской волости «оцепив собравшихся войсками,— хвастался Афанасьев,— я приказал съезду сделать разверстку, а после сходом составить приговор и именные списки. Было разъяснено высочайшее повеление о наборе рабочих, объяснено, что их желания никто не спрашивает и всякий протест их будет подавлен оружием. Наряд был выполнен, ясно было всем, от офицера до нижнего чина, что это было сделано только благодаря присутствию войск»[242].

И так было везде — в Аккурганской, Букинской, Каризской, Пскентской и других волостях — применение оружия, нагайки — вот что сопутствовало «исполнению высочайшего указа».

Во время восстания в Ташкентском уезде население кое-где захватывало землю, рубило лес и т. д. Например в донесении и. о. военного губернатора Сырдарьинской области С. А. Гепнера от 21 августа 1916 года сказано, что в Галясайском обществе коренное население самовольно произвело запашку около 800 десятин земли в полосе казенных дач, умышленно уничтожило межевые знаки и истребило лес[243]. Когда лесообъездчиками было предложено жителям уплатить за вспаханную землю — дехкане отказались.

В Перовском уезде 24 июля возмущенное казахское население напало на дом волостного управителя Масловского, убило его и писаря[244]. Аналогичные стихийные выступления происходили в Аулиеатинском и Казалинском уездах. Казахи Казалинского и Перовского уездов массами откочевывали в соседнюю Тургайскую область и принимали участие во всенародном восстании тургайцев.

Восстание охватило также Амударьинский отдел Сырдарьинской области, где население отказалось выставить рабочих; кое-где оно скрывалось в песках Кзыл-Кумов, как, например, в Даукаринской волости[245].

24—25 июля в Турткульской волости Амударьинского отдела произошло крупное возмущение. До 200 женщин решительно протестовали против набора, избили волост-

---

[241] Указ. сб. документов, стр. 293.
[242] Там же.
[243] Там же, стр. 300.
[244] Там же, стр, 299, 311.
[245] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 305.

ного управителя. Толпа была разогнана джигитами волостного управления, но на следующий день женщины снова собрались и повторили протест участковому приставу[246]. В Саргибийской волости восставшие убили волостного управителя и трех старшин. Активные участники этого восстания Юсуп Матганов, Асмет Абдуллаев, Шеринбет Ходжиев и Кадыр Авезбайжилиев были приговорены военно-окружным судом к смертной казни; один человек был приговорен к бессрочной каторге, шесть — к каторжным работам до 12 лет каждый и трое — к тюремному заключению[247].

Наиболее значительным было восстание каракалпаков в Чимбае 29 июля 1916 года. Описывая начало народного возмущения начальник Амударьинского отдела полковник Колосовский писал, что в этот день на площади перед участковым управлением «неожиданно появилась плотная толпа каракалпаков, по определению очевидцев, численностью до тысячи человек; впереди с криками «ур-бей!» бежало 200—300 старух, вооруженных палками, сзади следовали мужчины всех возрастов»[248]. Они требовали для объяснения пристава участка. Микельджанян — пристав Чимбайского участка, приказал полицейским джигитам разогнать толпу, разрешив для объяснений оставить несколько человек уполномоченных. Однако толпа бушевала, подогреваемая возгласами и криками старух. Восставшие начали бить окна и выламывать двери, а затем ворвались в дом пристава. Тода Микельджанян вышел на крыльцо и произвел для устрашения толпы три выстрела в воздух, но был сбит камнями и палками. Он пытался убежать, но его догнали и убили. Была убита и его жена. Пришедшие на помощь приставу старшина села Чимбай, переводчик, фельдшер и два-три джигита были избиты. Дом пристава подвергся полному разгрому; бумаги и дела были порваны и сожжены[249]. Начальник Амударьинского отдела с прискорбием отмечал, что «портреты государя императора и наследника цесаревича, висевшие на стене в канцелярии пристава,

---

[246] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 286.

[247] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1134, лл. 173—174.

[248] Указ. сб. документов, стр. 295.

[249] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, л. 238, а также указ. сб. документов, стр. 295—296.

были изломаны и сожжены»[250]. После разгрома участка толпа разошлась; все окрестные курганчи (жилища) были брошены и большинство каракалпакского населения со скотом и имуществом скрылось в песках и тугаях дельты Аму-Дарьи[251]. В момент восстания воинской охраны в Чимбае не было. Позже сюда прибыла воинская команда. Непосредственные участники восстания были арестованы.

Начальник Амударьинского отдела в своем рапорте от 6 августа высказывал всевозможные предположения о руководстве возмущением со стороны ишанов, о связях восставших с панисламистскими элементами. Но это были только предположения. Факты же показывают, что в Амударьинском отделе происходило стихийное *народное* движение, не имевшее ничего общего с реакционными элементами. Военный губернатор Сырдарьинской области А. С. Галкин 18 июля признавал, что по имеющимся у него сведениям «мусульманское население Ташкентского, Черняевского, Аулиеатинского и Перовского уездов и Амударьинского отдела никаких враждебных намерений и выходок по отношению к населению русских поселков не проявляло», и ввиду этого он считал, что никакой надобности в специальной обороне этих поселков не встречалось[252].

Но позднее, во второй половине августа в районе Мерке Аулиеатинского уезда феодально-клерикальными элементами были организованы реакционные националистические выступления, направленные против русских поселений. Центром движения стал Мерке. Были совершены нападения на русское население сел Новотроицкого, Кузьминки и других, были убиты 44 русских[253]. Это движение было реакционным, но его нельзя смешивать с народными восстаниями, охватившими всю Сырдарьинскую область. Попытки феодально-клерикальных элементов использовать народное движение 1916 года в своих сепаратистско-националистических целях не получили поддержки народных масс. Надо особо подчеркнуть, что не только местные реакционеры, но и колониальные власти

---

[250] Указ. сб. документов, стр. 297.
[251] Там же, стр. 296.
[252] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 274.
[253] Там же, стр. 308—311.

пытались спровоцировать межнациональную рознь. В этих целях они извращали факты и события, распускали всевозможные лживые слухи о «всеобщем газавате мусульман против русских», тем самым подогревая шовинистические настроения среди русского населения. Они как огня боялись соединения революционного движения русских рабочих с освободительной борьбой «туземцев». В этом отношении весьма ценным является свидетельство очевидца событий 1916 года, видного революционного деятеля Туркестана Д. И. Манжара[254]. В своей книге «Революционное движение в Средней Азии 1905—1920 гг.» он писал о начале и историческом значении народного восстания 1916 года в Туркестане. Разоблачая шовинистические махинации царской администрации, автор подчеркивал следующее: «Как реагировала на это (восстание,— *Х. Т.)* власть? В первую очередь были приняты меры агитационного порядка. Начали «агитировать» среди русских при помощи полиции, жандармов, чиновников и т. д., что восставшие мусульмане режут русских, что из Германии и Турции приехали агенты, которые руководят восстанием, что в Урсатьевской перерезали всех железнодорожников, что якобы со стороны Кауфманской и Келеса движутся в старый город Ташкент тысячи вооруженных мусульман, которые на своем пути вырезают все русское население»... «Не были без дела и попы. Хорошо помню,— продолжал далее Д. И. Манжара,— зывешенное у нас в мастерских объявление, в котором говорилось, что завтра, после обедни, во всех церквах будет прочитана проповедь на тему: «Мусульманская религия и ее отношение к православной церкви»[255].

Такая агитация велась не только в Ташкенте, но и в других городах края. При помощи лжи и провокаций колониальным властям и попам удавалось затуманить сознание масс. Д. И. Манжара подчеркивал, что в это время

---

[254] Д. И. Манжара (1885—1937) — бывший рабочий Ташкентских железнодорожных мастерских, один из большевистских руководителей Октябрьской революции и Советской власти в Туркестане. Работал на ответственных постах в партийных и советских органах Средней Азии.

[255] *Д. И. Манжара.* Революционное движение в Средней Азии 1905—1920 гг. (воспоминания), Среднеазиатский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма, Средазпартиздат, Ташкент, 1934, стр. 32—33.

«в противовес поповско-полицейской агитации, значительно ослабленные партийные организации и революционно-настроенный актив рабочих не смогли противопоставить достаточно активной работы по разъяснению истинных причин восстания и истинного положения вещей. В результате среди рабочих Ташкента складывалось неправильное отношение к восстанию 1916 года»[256].

Заметим, что полицейско-поповская клевета мешала сближению русского населения с коренным населением и способствовала разжиганию межнациональной розни. Это особенно проявилось в некоторых районах Аулиеатинского, Джизакского уездов и затем в ряде волостей Семиреченского уезда.

Тем не менее ни феодально-клерикальным элементам, ни колонизаторам не удалось превратить восстание 1916 года в Туркестане в межнациональную войну, они не получили поддержки ни со стороны трудящихся коренных национальностей, ни со стороны русских трудящихся.

«Восстание 1916 года,— писал Д. И. Манжара,— со всей очевидностью показало, что киргизское, казахское, узбекское и туркменское дехканство, несмотря на свою отсталость, не прекращало борьбу против гнета российского самодержавия, против грабежа капиталистов. Восстание 1916 года важно также и потому, что оно происходило в период империалистической войны, накануне Февральской революции». Д. И. Манжара справедливо критикует отдельных авторов, которые долгое время недооценивали революционной роли трудящихся масс местных национальностей, и в особенности дехканства, и призывает со всей решительностью бороться против такой недооценки революционных выступлений масс[257].

Нападение на волостных управителей, разгром их домов и канцелярий, стычки с солдатами, активное сопротивление распоряжениям властей, выражение ненависти масс к властям и сожжение повстанцами портретов царя, что раньше трудно было представить,— все эти события характеризуют восстание во многих волостях

---

[256] *Д. И. Манжара.* Революционное движение в Средней Азии 1905—1920 гг. (воспоминания), Среднеазиатский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма, Средазпартиздат, Ташкент, 1934, стр 32—33.

[257] Там же, стр. 33.

Сырдарьинской области как подлинно народное движение.

Итак, в Сырдарьинской области и в Амударьинском отделе происходило народное восстание, носившее прогрессивный характер, направленное против национально-колониального гнета, против царизма, против империалистической войны. В некоторых местах восстание носило черты антифеодальной борьбы дехканских масс.

Глава III

ВОССТАНИЕ В ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

В Ферганской области по официальным данным колониальной администрации происходило в три с лишним раза больше выступлений народных масс (86), чем в Самаркандской (25) или в Сырдарьинской (20) областях. В Ферганской долине, где классовые противоречия были значительно сильнее, в восстании участвовали более широкие слои трудящихся масс кишлака и города.

Восстание в области началось 8 июля народными возмущениями в селениях Катта-Авган и Найманча Кайнарской волости Кокандского уезда[2] и в селении Чек Автобачи Алтыкульской волости Андижанского уезда[3]. Население открыто заявило свой протест против набора на тыловые работы, избило нескольких волостных старшин и представителей колониальной администрации.

На следующий день восстали киргизы и узбеки Араванской и Янгикурганской волостей Кокандского уезда, а также население города Андижана, Алтынкульской волости и др.

В селении Газыянглик Араванской волости в восстании приняло участие до двух тысяч человек. Здесь были убиты восставшими волостной управитель Ибрагим Хасанбаев, его мирза (секретарь) и джигит (охранник)[4].

---

[1] Ферганская область в 1916 г. включала нынешнюю территорию Ферганской области Узбекской ССР, южную часть Киргизской ССР и часть территории северного Таджикистана.

[2] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 1, д. 157, лл. 287—288.

[3] Там же, д. 149, лл. 37—38.

[4] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 176—177.

Восставшие направились в сторону Авганбаха к резиденции уездного начальника Медынского, который испугавшись, попросил военной помощи из состава охраны лагеря военнопленных в Авганбахе. Когда головные группы повстанцев подходили к дому уездного начальника, подоспела полурота солдат из лагеря, преградившая путь восставшим.

Впереди народной толпы, как указывал в своем рапорте начальник Кокандского уезда, находились Курбан Али Рузыбаев, Мама Юсуф Ахмадбаев, Алтыкбай Ташматов, Мусульманкул Алимбаев и Мама Соли Ташназаров. Восставшие кричали: «Не дадим рабочих», и «из возгласов женщин можно было понять, что они не желают отдавать своих сыновей и мужей на работы в тылу армии»[5]. В конечном итоге все участники восстания, т. е. 316 человек были арестованы, в том числе указанные выше вожаки.

В тот же день восстало население селения Ганджираван. Прибывшие сюда для борьбы с повстанцами солдаты воинской части связали руки всему населению кишлака, погрузили всех на арбы и таким образом для устрашения горожан возили по улицам Коканда. При этом солдаты избивали жителей города, сочувствовавших восставшим. Затем на городскую базарную площадь в сопровождении карательного отряда прибыл уездный начальник К. В. Медынский. Угрожая населению, он сказал: «Имеете ли вы понятие о котлете, рубленном мясе? Если будете вести себя неспокойно,— всех вас превращу в котлету»[6].

Но несмотря на угрозы, аресты и насилия, восстание в Ферганской долине продолжало шириться.

Одно из крупных восстаний произошло в городе Андижане 9 июля. В этот день на площади у мечети «Джами» уездным начальством был назначен сход местных старшин, пятидесятников и «почетных» лиц для объявления царского указа и разъяснения порядка набора рабочих. Однако и здесь случилось то, что происходило во многих других местах: к месту схода стекались многие тысячи простых людей, протестуя против цар-

---

[5] Указ. сб. документов, стр. 185—188.
[6] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 89.

ского указа. Они кричали: «Не дадим рабочих! Не пойдем!»[7]

Активный участник протеста, хлебопек Усмаджан Махамад Рахимходжаев (Рахимов) в своих воспоминаниях об этом событии писал: «Множество бедняков собрались на площади Джами, которая считалась центром города Андижана. Когда городские чиновники начали говорить о наборе в мардикерство (в тыловые рабочие — *Х. Т.)*, из толпы стали кричать: «Не пойдем в мардикерство!», «Не хотим тяжести мардикерства взять на себя», «Пусть сами баи идут в мардикерство!». Не взирая на такие выкрики населения, мингбаши начали грозить. Народ возмутился, начались возгласы: «Пора убивать угнетателей!», и толпа убила одного из них, закидав камнями. Приказания уездного начальника «замолчать!», «разойтись!» — не подействовали»[8].

Другой участник восстания Юлдаш Мирзаев, бывший в то время чайрикером, рассказывает, что восставшие захватили с собой с дровяного базара палки и дубины, вплоть до жердей базарных зонтов, и, размахивая ими в воздухе, кричали. Среди них были также вооруженные камнями и кетменями. Среди толпы было много женщин и детей[9]. По указанию участников восстания, мастера, ныне пенсионера Мухитдина Наджиметдинова[10] и Усманджана Ибрагимова[11], восставшие закидали камнями и убили крупного бая Касым Инака Хашим хана Ходжи, который жестоко эксплуатировал дехкан. Уездный начальник и представители полиции бежали просить помощи у начальника гарнизона. За ними скрылись и баи, местные должностные лица, испугавшиеся народного гнева[12].

---

[7] *П. А. Ковалев.* Народные волнения и восстания в узбекских и таджикских районах Туркестана (в июле — августе 1916 г.). Труды САГУ им. В. И. Ленина, новая серия, вып. XXVIII, исторические науки, кн. II. Ташкент, 1956, стр. 77; так же «Сб. документов», М., 1960, стр. 173—174.

[8] Воспоминания участников восстания 1916 г. в Ферганской области, собранные Х. Зияевым, рукоп. фонд Института истории и археологии АН УзССР, стр. 53—54. (В дальнейшем Х. Зияев, указ. сб. воспоминаний).

[9] Там же, стр. 63.

[10] Там же, стр. 71.

[11] Архив Музея истории АН УзССР, папка № 17. Воспоминания Усмаджана Ибрагимова, стр. 1.

[12] *Х. Зияев.* Указ. сб. воспоминаний, стр. 57, 67, 69, 71.

Между тем сотни восставших направились на Скобелевский проспект в сторону Гультепинской площади, расположенной в новом городе. Здесь восставшие вновь встретились с уездным начальником и потребовали у него подписки в том, что «требование людей (на) нужды войны будет отменено, иначе грозили сейчас же перерезать всех пятидесятников и должностных лиц и разгромить их имущество»[13].

Никакие уговоры и угрозы уездного начальника и полицейских не действовали. Повстанцы напали на полицейских и стали разоружать их, не обращая внимания на подоспевшую к тому времени 4-ю Уральскую казачью сотню.

По донесению И. А. Бржезицкого, «толпа наступала на полицию и казаков, начала бросаться камнями, кетменями, палками, при этом один казак и несколько полицейских были ранены. Когда же уездный начальник приказал казакам встать в ружье, камни снова посыпались градом, и толпа бросилась на казаков с криком «Бей их!» Тогда казаки открыли огонь[14], причем было убито 3 и ранено 12 человек; среди тяжело раненых был участник восстания Махамад Рахимходжаев. Впоследствии умерли от ран бедняк Саид Ахрар Шарифбай, сторож Ходжибай Максудали Кары и другие; 119 активных участников волнений были арестованы[15].

После этого ферганский губернатор телеграфировал в Ташкент генерал-губернатору о необходимости срочно усилить воинские гарнизоны городов ввиду возникших беспорядков в Андижане и вблизи Коканда[16].

10 июля восстало население города Маргелана и его окрестностей. Местный полицмейстер доносил, что в ночь на 10 июля, т. е. накануне назначенного для объявления царского указа дня, «нашлось несколько туземцев, ходивших по дворам и призывавших собраться на Урду (городская базарная площадь,— *Х. Т.*), чтобы там всею массою воспротивиться исполнению указа и не давать

---

[13] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 149, лл. 1—2.

[14] Там же и «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 173.

[15] Там же, ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 9980 (а), лл. 197-1057; см. также *Х. Зияев*, указ. сб. воспоминаний, стр. 56.

[16] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 1211, л. 5.

рабочих, как это уже имело место в некоторых больших городах края». Он считал, что «эта агитация, приуроченная к объявлению высочайшего указа и послужила, по всей вероятности, ближайшим поводом к возникновению беспорядков 10-го числа»[17]. Из приведенного донесения можно заключить, что восстание в старом Маргелане было в известной мере подготовлено вожаками движения, хотя в донесении и не указаны их имена.

В маргеланском восстании, по признанию военного губернатора Ферганской области, приняли участие 20—25 тысяч человек. Вот как описывал это событие старомаргеланский полицмейстер подполковник Пахотин: «К утру 10 июля базарная городская площадь (Урда-таги) заполнилась огромною толпою, забившею все ближайшие улицы туземного города. Местные представители власти, прибывшие для объявления высочайшего указа, были с трудом пропущены на Урду и встречены толпою явно враждебно с угрожающим маханием рук и поголовным сплошным криком: «Не желаем!». За непрекращавшимся ревом нельзя было произнести ни одного слова, чтобы быть услышанным... Возбуждение толпы росло с каждой секундой, раздались крики «Бей!», толпа бросилась с камнями и палками и убила несколько человек полиции и туземной администрации, разгромила местный театр-кинематограф и тир»[18].

В приговоре временного военно-полевого суда по делу маргеланского восстания указывалось, что население с возгласами «бей полицию» и «бей аксакалов», «с угрозами на словах и в жестах стали надвигаться на подполковника Пахотина и сопровождавших его чинов полиции, что вынудило этих полицейских чинов, опасаясь за свою жизнь, покинуть площадь Урду»[19].

При этом следует отметить, что привлеченные к суду участники восстания Таджибай Мадалиев и Холмат Ходжа Якубджан Ходжаев обвинялись в том, что во время нападения на квартиру владельца кинематографа Жозе-

---

[17] Там же, ф. 276, оп. 2, д. 157, л. 282.

[18] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 229.

[19] ЦГИАЛ, ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 530, д. 1068, лл. 54—62. «Приговор по делу участников восстания в г. Маргелане 10 июля 1916 г.», см. л. 56.

фа Дерсена «они, с целью возбудить неуважение к особе царствующего государя императора, найдя в квартире этой изображение государя императора, надругались над таковым изображением, проткнув его палками и крича «Ур» (что значит «бей»)»[20].

Активно участвовали в восстании бедняки Мирза Тилляев, Чинибек Бадарбаев, рабочий Нурмат Мурадов, ткачи Ахунджан Байбутаев, Нурмат Мамасадыков, Нормухамедов, Рахматулла Махсумов, Муминджан Абдумутаминов и другие. Среди ныне здравствующих участников восстания 1916 года в Маргелане — Таджибай Мадалиев, Мавлон Лайляев — бывший тогда чайрикером; Рахман Раззаков — ныне садовник колхоза Ташлакского района Ферганской области; Музаффар Гафуров—продавец ларька Райпотребсоюза Ахунбабаевского района той же области; Кисман Ибрагимов — бывший сапожник, ныне пенсионер; Назир Абдуллаев — бывший извозчик у баев, ныне персональный пенсионер; Рахматулла Максумов — бывший бедняк, ныне пенсионер, Ислам Рахимов — бывший кузнец, ныне сторож в парткабинете, член КПСС с 1919 года и многие другие.

Вспоминая о восстании в Маргелане, М. Лайляев пишет, что возмущенный царским указом бедный народ, и без того измученный жестоким угнетением царских властей и баев, восстал. Все были недовольны крупными баями — Махмудом мингбаши, Мавлянбеком мингбаши, которые ратовали за выполнение царского указа. Махмуд мингбаши, обращаясь к народу, произнес речь: «Небо высоко, а земля тверда!— так что от нас никуда не уйдете, мы распоряжаемся вашей судьбой и вы обязаны итти в мардикерство!». Мы начали кричать наперебой: «Ты угнетатель, сам иди!», «Долой Махмуда мингбаши!», «Мы не пойдем!». Раздались голоса «Бей!». Толпа народа зашевелилась и бросилась на баев. Я тоже бросился, поняв, что уже настало время отомстить мингбаши[21]. Махмуд мингбаши и Мавлянбек мингбаши были убиты[22].

О том, что эти мингбаши были ненавистны народу, говорит и Рахман Раззаков: «Восставшие напали на чиновников и убили двух мингбаши — Махмудбека

[20] ЦГИАЛ, ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 530, д. 1068, лл. 54—62, «Приговор по делу участников восстания в г. Маргелане 10 июля 1916 г.», см. л. 57.

[21] *Х. Зияев,* указ. сб. воспоминаний, стр. 7—8.

[22] Там же, стр. 8, 13, 26.

вместе с Мавлянбеком[23], как матерых угнетателей и баев. Я сам, своими глазами видел, как женщины забросали камнями тело Махмудбека мингбаши... Люди, стоя над трупами убитых, говорили друг другу: «Слава богу избавились от угнетателей»[24].

Приговор военно-полевого суда подтверждает, что восставшими помимо двух аксакалов — Махмудбека Шахруханова и Мавлянбека Бадалбаева, были убиты старший полицмейстер Павел Суянов и полицейские Хомуджан Исакбаев и Сахиб Назар Алиев-Ходжаев, а также торговец Хасан Ходжи Назрулла Ходжаев[25].

Участники восстания Музаффар Гафуров и Кимсан Ибрагимов разрушили телефонную линию, соединявшую старый Маргелан с областным центром Скобелевым (ныне Фергана).

Власти принимали срочные меры для подавления восстания. Из Скобелева прибыла сотня 6 Оренбургского казачьего полка. Началась расправа с восставшими[26]. Ружейно-пулеметным огнем было убито и ранено 63 человека. Многие из активных участников восстания были арестованы. Военно-полевой суд выносил жестокие приговоры: 15 человек, обвиненные «в явном против власти восстании с оружием в руках» и «в убийстве должностных лиц и частных лиц — торговцев» были приговорены к смертной казни через повешение. Среди них — Нормухамед Рахматулла Маззумов (в народе его называли — «Нормат-бедняк»), Мукаррамха Юсуф Али Ходжаев и другие[27], 5 человек, в их числе Мавлян Лайляев, «за явное против власти восстание» были сосланы на каторжные работы сроком на 15 лет каждый, 40 участников восстания были приговорены к тюремному заключению на разные сроки[28].

Для предупреждения новых выступлений народных масс казачья сотня и полицейские силы установили в

---

[23] Махмудбек Шахруфханов — крупный бай, являлся аксакалом (старостой) Сафильтудинской части города, а Мавлянбек Бадалбаев — тоже из крупных баев, был аксакалом Ташмазарской части Намангана.

[24] *Х. Зияев.* Указ. сб. воспоминаний, стр. 13.

[25] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 1068, т. 56, (об.).

[26] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 170, л. 40, там же, д. 157, л. 282.

[27] ЦГИАЛ, ф. 1405, л. 60, (об.).

[28] Там же, лл. 60, (об.) и 61—62.

Маргелане постоянное патрулирование. Полусотня казаков была выслана на другой день (11 июля) за город, где в полутора километрах «по наманганской дороге по направлению к городу наступала толпа тысячи в 3—4 жителей кишлаков Язъяванской волости с огнестрельным оружием, камнями и палками»[29].

Восстание охватило прилегающие к Старому Маргелану, Файзиабадскую, Язьяванскую и Яккатутскую волости Скобелевского уезда, куда также была выслана для усмирения восставших казачья сотня[30]. 12 июля в северной части Старого Маргелана выступления масс продолжались. Участковый пристав пытался успокоить население и предлагал толпам расходиться по дворам, но чем дальше он отъезжал в сторону Намангана, тем более густые толпы преграждали ему путь, и у селения Пеникан он вынужден был повернуть. Здесь восставшие убили двух представителей местной администрации, из которых один «уговаривал толпу разойтись, а другой знаками предупредил пристава об опасности и необходимости уйти»[31]. Восстание было подавлено вооруженной силой, причем, по сообщению военного губернатора Ферганской области полковника Иванова — убитых и раненых должно быть не менее 11—12 человек[32].

В селе Файзиабад тысячная масса восставших убила казия (судью) и забросала камнями пристава, волостного управителя и казаков[33]. В Яккатутской волости толпа оказала вооруженное сопротивление властям и убила 6 джигитов, старшин и пятидесятников[34]. От огня казаков погибло 9 и ранено 4 человека[35].

В селении Ишангузар Файзиабадской волости тысячная толпа восставших убила волостного управителя. Повстанцы не дрогнули перед прибывшими солдатами. Вооруженные палками и камнями, они предприняли

---

[29] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 157, л. 282.

[30] Там же.

[31] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 205—206.

[32] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 40.

[33] Там же, а также ф. 276, оп. 2, д. 152, л. 7 и д. 157, л. 15; д. 170, л. 41; также ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 41.

[34] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 152, л. 7.

[35] Там же, и д. 157, л. 15, д. 170, л. 41, также ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 41.

нападение на солдат. В сражении от пуль карателей погибли три дехканина и четверо были тяжело ранены[36].

С раннего утра 11 июля на одной из крупнейших площадей — «Кураш хана» Лаббайтагайской части Намангана начали собираться тысячи жителей города и окрестных кишлаков. Над площадью стоял гул от возмущенных и гневных возгласов народа против усиливающегося угнетения колонизаторов и «своих» эксплуататоров.

Начальник Наманганского уезда полковник Крошков в своем рапорте на имя военного губернатора Ферганской области писал, что, когда он прибыл к месту восстания с нарядом полиции, «застал на площади возле сифона толпу в несколько тысяч человек, среди которой были и женщины. Толпа буквально ревела, не слушая никаких увещеваний, что вынудило меня вызвать роту и пулеметы»[37].

Несмотря на это, восставшие не только не расходились, а, напротив, стали «вести себя еще более вызывающе. Послышались угрожающие крики «ур» («бей!» — *Х. Т.*), и толпа двинулась вперед на выставленный взвод нижних чинов с ружьями наперевес и начала хватать за ружья, шашки полицейских и два поставленных впереди взвода пулемета[38]. Наиболее активные участники возмущения призывали толпу не уступать военной силе и стали теснить полицию и войска[39].

Тогда началась кровавая расправа. Был отдан приказ открыть огонь. Было убито 12 человек, ранено 64 и умерло от ран 27 человек.[40]. Девять наиболее активных вожаков Наманганского восстания были арестованы[41]. По признанию начальника уезда, восставшие вели себя ге-

---

[36] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 152, л. 7.

[37] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 180—181.

[38] Указ. сб. документов, стр. 180—181.

[39] ЦГА УзССР, ф. 1, д. 1142, лл. 3—4.

[40] Там же, ф. 276, оп. 1, д. 157, лл. 290—291. В нашем докладе на объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, состоявшейся в феврале 1954 г. в Ташкенте, нами были приведены неуточненные цифры о жертвах Наманганского восстания. Там указывалось, что убитых было 12 и ранено 38.

[41] ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 157, лл. 15—878.

роически — даже раненые кричали: «Это ничего (майле!), свое мы все равно сделаем»[42].

В тот же день, 11 июля, происходили волнения и в ряде других мест Наманганского уезда. Так, в Кенинской волости тысячи трудящихся селений Шуркурган, Беш Кепе и других мест, выступая против царского указа, предприняли нападение на волостного управителя и старшин. Во время восстания волостной управитель Таджибай Ходжи Джамалетдин Магзумов, полицейский Мананов и сельский старшина селения Беш Кепе Келдыбай Игамберды Ходжиев находились в балахане (во втором этаже) дома, где был размещен отряд по проведению сельскохозяйственной переписи под руководством инструктора Н. И. Чернова. В рапорте пристава 2-ой части Намангана Грабарчука по этому поводу указывалось, что «Толпа около 1000 чел., осадив названную выше балахану, категорически начала требовать от волостного управителя Таджибая посемейные списки. Волостной, видя, что увещания его и чиновников на толпу не повлияли, выбросил на улицу к толпе несколько экземпляров списков. Толпа не удовлетворилась этим и потребовала копии списков. Чиновники переписи, учитывая угрожающее положение, начали постепенно выбрасывать к толпе бланки по переписи как пустые, так и заполненные необходимыми данными. Все это не привело к желательным результатам. Толпа, все больше приходя в раздражение, стала требовать самого волостного. Так как волостной не выходил к толпе, то часть последней, несмотря на протесты чиновников и стражника, по лестнице взобралась на второй этаж, набросилась там на волостного управителя и начала наносить ему побои, и затем сбросила его оттуда на улицу. Здесь значительная часть толпы подхватила волостного, вытащила на середину улицы и тут покончила с его жизнью, забросав труп покойного туземными кирпичами»[43].

Старшина бежал. Восставшие продолжали требовать от чиновников списки по набору. Кто-то ударил регистратора Петрова. Но по свидетельству руководителя переписи Н. И. Чернова, данному начальнику Наманган-

---

[42] Указ. сб. документов, стр. 181.
[43] Там же, стр. 201.

ского уезда Крошкову указывалось, что толпа требовала от переписчиков только списки. Восставшие заявили, что «русских они не намерены убивать, что мы их гости, а не враги, в доказательство чего предложили 4 лошади и свободный пропуск в г. Наманган»[44]. Все русские переписчики свободно уехали в Наманган.

Вообще для восстания в Фергане, как большинства других районов, характерно отсутствие какого-либо враждебного отношения повстанцев к русскому населению. Необходимо отметить, что панисламистские элементы безуспешно пытались захватить руководство народным движением в свои руки и придать ему религиозный характер. Так, например, по данным Туркестанского охранного отделения, в Намангане Махамат-хан Тюра ишан призывал население не давать рабочих, «так как это будет противно шариату, ведь рабочие пойдут на помощь действующей против Германии армии, а Германия является защитницей шариата». Среди киргизов Ошского уезда ишаны призывали нападать на русских и перерезать их[45].

Происки панисламистских кругов имели место в Кенибадаме и в некоторых других селениях[46]. Однако все попытки феодально-клерикальных элементов не имели успеха, по той простой причине, что они шли вразрез с восстанием, носившим характер освободительной и классово-революционной борьбы широких народных масс. Вот почему религиозные проповедники не получили поддержки. В Ферганской области не было ни религиозных, ни антирусских выступлений масс.

Восставшее население селения Чуама, Майгирской волости, Андижанского уезда убило пятидесятника и разгромило дом старшины[47].

Крупное стихийное народное восстание охватило Ошский уезд и город Джалалабад, т. е. Южную Киргизию. А. Г. Зима справедливо подчеркивает, что именно в южных районах Киргизии события протекали особенно бурно, «где киргизское дехканство вместе с узбекским на-

---

[44] Указ. сб. документов, стр. 205.

[45] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 216.

[46] Там же.

[47] Там же, стр. 184—191.

родом боролось против царизма и против «своих» угнетателей[48].

В районе Нарына в Манбулакской волости восставшие, численность которых к концу июля достигла более тысячи человек, напали на представителей местной администрации, уничтожили списки по мобилизации. Группа манапов во главе с волостным спаслись бегством. В том же районе произошло убийство аульного старшины и двух стражников, когда они повезли списки мобилизованных в волостной центр[49]. Восстание охватило и Булакбашинскую волость Ошского уезда. Под натиском народа волостные и старосты бежали[50]. Против восставших были брошены карательные отряды.

В селении Чуджа Нарынской волости огромная масса народа напала на сельского старшину Михраба Камильбаева. Последний скрылся, переодевшись в одежду пастуха. К месту событий прибыл пристав со стражниками. При подавлении восстания в Чудже были убиты Хусанбай Махмуд и Шарипбай Карабаев. Несколько других активных участников восстания были арестованы[51].

Невероятным притеснениям подверглись киргизы Ошского уезда. Репрессии, чинимые карательным отрядом, вынудили киргизское население обратиться с жалобой к властям. Так жители Иркештамского аульного общества Алайской волости с возмущением заявили приставу кочевого района о том, что «им жить положительно невозможно в своем ауле и что они в силу необходимости должны перейти в Уч-Тепинское общество, если, конечно, последнее изъявит согласие принять их в свою среду, в противном случае им придется перейти в пределы Китайской империи, так как начальник Иркештамского гарнизона вместе со своими казаками разъезжает по аулу, отнимает у киргиз масло, сено и баранов, а в случае отказа дать, наносит киргизам побои, причем жаловаться не приказывает, угрожая убить, ссылаясь на военное положение»[52].

---

[48] *А. Г. Зима*, содоклад «О характере восстания 1916 г. в Киргизии» в «Материалах научной сессии...», стр. 317.

[49] Там же.

[50] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 41.

[51] Указ. сб. документов, стр. 198—199 и ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 41.

[52] Указ. сб. документов, стр. 230.

К 12 июля восстание охватило все уезды Ферганской области: Скобелевский, Андижанский, Кокандский, Наманганский и Ошский.

12 июля восстание началось в Риштанской волости Кокандского уезда, а также в 24 пунктах Андижанского уезда (в Балыкчинской, Хакулабадской, Избаскентской и др. волостях), в Нижнем Алмазе Наманганского уезда, Аувальской волости Скобелевского уезда и других местах[53].

Восстание в Риштанской волости приобретало настолько угрожающий характер, что сюда спешно прибыл начальник Кокандского уезда К. Л. Медынский с полицейскими. Он пытался арестовать руководителей восстания. Были задержаны семь человек. Тогда «толпа двинулась выручать задержанных». Одновременно люди напали на волостного управителя Муллу Камильджана, Муллу Джалалова и на уездного начальника, которые были окружены. Тогда уездный начальник и стражники выстрелили в толпу и ранили несколько человек. Подоспевшая команда карателей, вызванная уездным начальником, рассеяла восставших и произвела аресты[54].

Подобное Риштанскому происходило выступление и в селении Шарихан, где огромные массы восставших, как докладывал начальник Скобелевского уезда Я. М. Гоштовт, напали на полусотню казаков. Несмотря на угрозу расправы, из толпы посыпались камни, кирпичи и палки. Бросали даже с крыш. Был ушиблен один солдат, другой был ранен ножом. В это время взвод, бывший в пешем строю, дал залп, которым было убито 16 и несколько человек было ранено. Через некоторое время снова собралась большая толпа с палками и камнями. Вновь просвистели пули карателей. Потеряв одного убитым и несколько человек ранеными, повстанцы были вынуждены отступить[55].

13 июля восстание достигло наибольшего размаха. В этот день, по данным колониальной администрации, произошло 27 выступлений и волнений масс, в их числе новые восстания в селениях Варзик, Уйчи Наманганского уезда, Кала, Кутарма, Суфикишлак Джалалкудукской

[53] См. указ. сб. документов, стр. 73—174, 183, 196, 200, 256, ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 157, лл. 15, 284—286, 292—293.
[54] Указ. сб. документов, стр. 197.
[55] Там же, стр. 200.

волости, Ильетан Нарынской волости, Мирабад Алтынкульской волости Андижанского уезда и др.[56]

Восставшими в Суфикишлаке был убит кизылаякский сельский старшина Юлдаш Хасанбаев и его писарь Мулла Юлдаш Султан Ходжаев. Спешно посланная сюда воинская часть, подавив восстание, убила троих повстанцев, арестовала 49 наиболее активных участников. Восстания в селениях Кала и Кутарма Джалалкудукской волости, были также подавлены карательными отрядами[57].

14 июля крупное восстание вспыхнуло в Чинауле близ Намангана. Тысячи жителей окружили пристава и сопровождавших его солдат. Они с возмущением кричали: «Не дадим рабочих, давай списки, подати с нас берут, лошадей всех забрали и еще людей хотят взять, не дадим». Восстание было подавлено военной силой. Дело о 50 активных его участниках было передано военноокружному суду[58]. В этот же день происходили восстания в селениях Ходжиабад и Урманбек Балыкчинской волости Андижанского уезда[59], Чакар Булакбашинской волости Ошского уезда. На следующий день восстали селения Яркурган, Кзыларават, Чадак и Пап[60].

17—18 июля были отмечены крупные восстания таджикского и узбекского населения в селении Ашт близ Намангана, в Мангырской волости Андижанского уезда и других местах.

Чрезвычайно сложно в одной работе дать описание восстания во всех районах обширного края. Мы привели ряд типичных фактов и примеров. Из учтенных нами восстаний и демонстраций протеста против войны, происходивших в июле 1916 года в Ферганской области, в 14 случаях произошли кровавые столкновения с войсками и полицией[61]. По официальным данным, из числа восстав-

---

[56] Указ. сб. документов, стр. 235, 238, 239, 252, 257, 258.

[57] Там же, стр. 258.

[58] Указ. сб. документов, стр. 247—248.

[59] Там же, стр. 206, 207, 213, 237, 240, 258, 259.

[60] Там же, стр. 259 и ЦГА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 157, лл. 289—291.

[61] В городах Андижане, Намангане, Маргелане, в селениях и волостях — Газы, Яглыке, Туде, Риштане, Пеникане, Ишангизаре, Яккатуте, Шарихане, Чудже (Нарынская волость), Суфикишлаке, Чанадауле.

ших было убито 56, ранено 109, из которых впоследствии умерло от тяжелых ран 28 человек[62].

Эти цифры значительно преуменьшены. В действительности убитых и раненых было значительно больше, ибо, как отмечал ферганский военный губернатор, многие восставшие быстро уносили убитых и раненых, поэтому властям не удавалось точно определить их численность[63].

Во время столкновений был убит один русский полицейский, ранены один офицер и пять солдат из казачьих сотен[64]. Восставшие особенно нападали на представителей местных властей. По официальным, неполным, данным, восставшими в Ферганской области было убито 34 человека[65], в том числе 8 волостных управителей, 11 сельских старшин, 5 пятидесятников, 8 джигитов и местных полицейских, казии и др. Среди этой категории было много раненых.

И это не случайно. Волостные управители, пятидесятники, сельские старшины, казии и другие, будучи выходцами из имущих классов, являлись прислужниками царской колониальной администрации и поэтому были ненавистны трудящимся массам. В секретном донесении Туркестанского охранного отделения по поводу убийства Араванского волостного управителя, сообщалось, что убийство «произошло ввиду сильных поборов, чинимых последними с населения». Он, совместно с писарем Гафуром, чтобы собрать побольше денег с населения, решил всех записывать в призывные списки, а затем вычеркивать оттуда за соответствующую мзду. Этим и было вызвано убийство. По примеру этого волостного управителя поступает большая часть волостных управителей Ферганской области[66] — так закончил свое донесение начальник охранного отделения. Между прочим писарь Гафур, получавший 25 рублей в месяц, путем поборов так обогатился, что за два года купил себе большое земельное владение и накопил более 10 тысяч рублей. Конечно, дело было не только в преступных деяниях волостных управителей, старшин и прочих, с ними рас-

[62] ЦГА Уз ССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 44.
[63] Там же, л. 40.
[64] Указ. сб. документов, стр. 225.
[65] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 44 (на обороте).
[66] Указ. сб. документов, стр. 217.

правлялись как с представителями царской власти, непосредственно проводившими мобилизацию населения.

Многие чины местной администрации бежали от мести народа. Ферганский военный губернатор Гиппиус сообщал в Ташкент: «Из всех уездов я получаю очень тревожные сведения. Туземная администрация уездов напугана настолько, что бежит от волостей в город, боясь крозавой расправы»[67].

Восстание 1916 года начало перерастать кое-где в антифеодальное движение дехканских масс, направленное против местных феодалов и баев. Восставшие не только убивали волостных управителей, старшин и судей, являвшихся выходцами из имущих слоев, но нападали и на дома крупных землевладельцев и ростовщиков. В этом отношении характерным является восстание в селении Чуама Майгирской волости Андижанского уезда. Здесь повстанцами был не только разгромлен дом старшины, но и дом его отца — крупного богача, ростовщика Каримбая Туракулова. Напав на дом Туракулова, восставшие первым долгом захватили и сожгли «туземные долговые документы и векселя на сумму приблизительно 200 тысяч рублей»[68].

Сохранившиеся в архивных фондах военной прокуратуры Туркестанского военного окружного суда многочисленные прошения жителей селения Чуамы в связи с делом бая Каримбая Туракулова с еще большей убедительностью вскрывают классовые корни борьбы.

В прошении Таш-Мухамед Хаджи Мухамедова говорилось, что Каримбай и ему подобные с помощью местных властей добился ареста всех бедняков, вставших ему поперек дороги, что здесь «забирали под арест без разбора всех, на кого только указывали богатые баи, желающие по каким бы то ни было причинам убрать со своего поприща лишних, мешающих зачастую их преступной деятельности, по ростовщичеству и т. п. Администрация же в лице волостного, казия, сельского старшины, пятидесятника и др., всегда, конечно, была на стороне богатейшего класса туземного населения, поощряющего зачастую преступную деятельность сил последних, уделяя себе как «начальству» львиную долю барышей»[69].

[67] ЦГА УзССР. ф. 1, оп. 1, д. 1132, л. 44.
[68] Указ. сб. документов, стр. 192.
[69] ЦГА УзССР, ф. 732, оп. 1, д. 345, л. 31.

В этом же прошении указывалось, что автора его неправильно обвинили по указанию «одного из богатых кулаков Туракулова». Далее было сказано, что этот бай пытался убрать со своего пути всех, мешающих его преступной деятельности по ростовщичеству.

В прошениях жены арестованного по делу о восстании в селении Чуама Зулейхи Биби Мулла Назим Ходжаевой на имя Туркестанского генерал-губернатора указывалось, что их земля около —3—4 танапов незаконно захвачена Каримбаем Туракуловым[70].

Аналогичные жалобы на бесчинство богачей, захватывавших земли бедноты, можно прочесть в прошениях других дехкан Чуамы — Мамадкула Абдулкасымова, Туйчибая Туракулбаева, Акабара Али Ахмад Алиева, Тутибиби Максудбаевой и др.[71]

Нападение повстанцев на байские хозяйства имело место и в Чакарском сельском обществе Булакбашинской волости Ошского уезда. Здесь толпа уничтожила у сельского старшины-бая разные денежные долговые документы на сумму 10 тыс. рублей, а также уничтожила домашние вещи[72].

В прошении на имя военного губернатора области бывший чакарский сельский старшина местный богач Назар Балтымат Аминов жаловался на то, что восставшие жители Булакбашинской волости Ошского уезда разгромили его дома, уничтожили домашнюю обстановку, стоимостью 10 тыс. рублей и виноградники. Во время нападения из кассы старшины исчезли 15 тыс. рублей, долговые документы на 10 тыс. рублей и земельные документы на 30 тыс. рублей[73].

Классовый характер борьбы масс прослеживается в ряде донесений колониальной администрации. Так, в рапорте начальника Скобелевского уезда Е. М. Гоштовта отмечалось, что одной из общих причин восстания было «использование отбросами туземного населения (так презрительно именовали власти бедноту,— *Х. Т.*) момента волнения для наживы и отомщения туземной администрации за преследование. Эта часть мужского населения

---

[70] ЦГА УзССР, ф. 723, оп. 1, д. 345, л. 35.

[71] Там же, лл. 21, 24—25, 26, 46 и указ. сб. документов, стр. 231—232.

[72] ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 9980/а, л. 197.

[73] Указ. сб. документов, стр. 206.

выступала во главе толпы и сейчас же обращалась к населению и убийству старшин и к хищениям имущества»[74].

Все эти факты свидетельствовали о начавшемся перерастании в ходе восстания антиимпериалистической борьбы в борьбу антифеодальную.

Восстание народных масс Ферганской долины с самого начала совершенно парализовало деятельность «туземной» администрации. Нападения на волостных управителей, старшин и т. п. «почетных» представителей власти настолько напугали последних, что они буквально потеряли голову в страхе перед народной карой. Об этом ясно свидетельствовал, например, рапорт начальника Андижанского уезда И. А. Бржезицкого. «Почетные туземцы,— писал он,— которые когда-то пользовались большим влиянием на народ, теперь они это влияние утратили настолько, что открыто боятся даже говорить с народом на темы о созыве рабочих» и далее— «туземная администрация после убийства алтынкульского волостного управителя Хакимбека Мулла Рузыбекова, его двух джигитов, кизылякского старшины Юлдаша Хасанбаева (и) нескольких пятидесятников напугана до такой степени, что не может взять в свои руки дело управления населения»[75].

Это же положение признавал и военный губернатор области Гиппиус, когда писал, еще 18 июля, что «туземные власти разбегаются, спасаясь от кровавой расправы бесчинствующего народа»[76].

События в Ферганской долине принимали все более угрожающий размах и приобретали характер всенародной борьбы. Царская администрация оказалась не в состоянии быстро подавить народные выступления.

«Положение грозит стать критическим от быстро развивающихся событий»,— телеграфировал военный губернатор области генерал-лейтенант А. И. Гиппиус в военное министерство[77]. С целью сорвать восстание, вместе с мерами угрозы и насилия он решил предпринимать другие более гибкие меры, рассчитанные на обман и заблуждение масс. «Употреблю все усилия,— писал он,— вывести Фергану из смуты мерами убеждения и разум-

[74] Указ. сб. документов, стр. 227.
[75] Там же, стр. 207.
[76] Там же.
[77] Там же.

ного управления, однако обстоятельства вероятно потребуют репрессий в виде разрушения целых селений или даже кварталов города с отобранием земель (в) казну»[78].

Военный губернатор выпускает объявление, своего рода воззвание к населению Ферганской области. Он угрожает, что «присланных в его распоряжение войск — с избытком достаточно не только для того, чтобы усмирить всякую бесчинствующую толпу, но и для того, чтобы разрушить и сравнять с землей всякое население, а в городе всякий квартал и даже целый туземный город, если начиная с сегодняшнего дня, возникнут такие же беспорядки, кои до сего времени почти во всех городах и во многих местах Ферганской долины»[79].

Тем не менее, вскоре генерал признал бессилие царской администрации: «В настоящий момент,— рапортовал 15 июля он Туркестанскому военному губернатору,— ближайшая задача управления заключается в восстановлении порядка, о насильственном же наборе рабочих пока нечего и думать»[80].

Тогда Гиппиус, вместе с угрозами насильственного подавления восстания, прибегает к своеобразному маневру, целью которого являлись обман, заблуждение восставших масс и в конечном итоге срыв восстания. Он издает второе объявление—воззвание о том, что реквизиции рабочих, т. е. набора по повинности не будет, что никакой нормы набираемых рабочих на Ферганскую область не устанавливается, а населению предоставляется дать для надобности государства лишь желающих, хотя бы одного от всей области[81]. Таким образом Гиппиус фактически отменил царский указ о мобилизации и заменил его добровольным набором рабочих. И этот маневр несомненно нанес значительный ущерб подъему освободительного восстания в Ферганской области. Многие простые люди были введены в заблуждение и поверили второму воззванию Гиппиуса. Им казалось, что царская власть, испугавшись восстания, отступила и дала волю народу.

---

[78] Указ. сб. документов, стр. 207.

[79] «Туркестанский голос», № 16.

[80] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 44, опубл. в «Материалах научной сессии», Ташкент, 1955, стр. 288.

[81] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 218, 641.

И уже 21 июля, Гиппиус, в телеграмме помощнику военного министра докладывал, что Фергана под влиянием его «слов, угроз, увещаний, распространяемых плакатов и разъезжающих добровольных агентов быстро успокаивается»[82].

Желая затормозить развертывание народного движения, военный губернатор обращался за помощью и к мусульманскому духовенству. 23 июля в Намангане перед собравшимся в одной из крупных мечетей населением генерал Гиппиус выступил в роли мусульманского проповедника. Он принялся толковать населению изречения из Корана о необходимости неукоснительного подчинения властям.

Вот что он писал по этому поводу: «Убедившись после 10-дневных разговоров с учеными и мусульманами, что дело не подвигается вперед, я, наконец, им заявил, что если мусульманский закон запрещает мусульманским ученым разъяснять коран населению и переводить его тексты на туземный язык, то я обойдусь и без мулл, а как знающий арабский язык, все сам один устрою и скажу населению, что в Коране нет указаний против нынешнего набора рабочих, и прочту те места Корана, где говорится про подчинение властям»[83].

По распоряжению Гиппиуса представители высшего мусульманского духовенства подобрали ему несколько изречений. Во дворе мечети Намангана была собрана тысячная толпа. Для генерала-проповедника было заранее приготовлено удобное место на паперти и стол, на котором лежало несколько книг. А. И. Гиппиус с помощью имамов натянул на себя халат и надел на голову чалму. Так, облачившись в одежды мусульманского духовного лица, он начал читать и разъяснять. Царские власти были крайне недовольны действиями Гиппиуса. Они считали, что военный губернатор принял недостаточные меры военного подавления восстания. Его разъяснения о «добровольности» призыва и выступления в роли «мусульманского священника» усматривались как урон престижу колониальной власти в глазах местного населения. Военное Министерство обвинило губернатора в само-

[82] ЦГИАЛ, ф. 1286 (департамент полиции), IV делопроизводство, оп. 51, д. 85, л. 40 и указ. сб. документов, стр. 644.

[83] Записка военного губернатора Ферганской области Гиппиуса, «Красный Архив», т. 2, (75), 1936, стр. 190.

вольных действиях и потребовало от него объяснений. Одновременно было решено отозвать Гиппиуса из Ферганы, заменив его другим лицом. В конечном итоге он был отчислен от должности военного губернатора Ферганской области. На его место временно был назначен П. И. Иванов[84].

До отъезда из Ферганы А. И. Гиппиус в ряде донесений отстаивал свою правоту. В телеграмме на имя помощника военного министра П. А. Фролова 18 июля Гиппиус сообщил, что «Принужденный сбор рабочих поведет в тупик, из которого нет выхода». На этой телеграмме Фроловым была наложена следующая резолюция: «Полагаю, что чем скорее генерал Гиппиус отправится к месту нового служения, тем лучше»[85].

Тем не менее Гиппиус продолжал упорствовать и 24 июля вновь послал телеграмму Фролову, в которой докладывает: «Осмеливаюсь на основании десятилетней службы в Фергане полагать, что ошибка самой мысли о принудительных мерах заключается в отсутствии таких представителей населения, которые могли бы такую мысль провести (в) жизнь. Так называемые почетные лица не имеют власти заставить народ дать рабочих. Туземная администрация, как показал опыт сама подвергается насилию, спрашивается, кто же станет понуждать? Совершенно невыполнимо ни угрозами, ни силой, ни карательными отрядами»[86].

Приведенные документы еще раз подтверждают, что принудительные планы мобилизации населения провалились. Вместе с тем демагогический маневр Гиппиуса о «добровольном наборе» в известной мере способствовал ослаблению натиска народных масс, срыву восстания. Не случайно, что в докладе генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина от 26 июля 1916 года указывалось, что «относительное спокойствие в Ферганской области достигнуто резким отступлением Ферганского военного губернатора генерал-лейтенанта Гиппиуса от полученного им приказания: он объявил населению, что будут брать на работы только тех, кто добровольно изъявит на то согласие»[87].

---

[84] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, д. 82, л. 843.
[85] Указ. сб. документов, стр. 641—642.
[86] Там же, стр. 646—647.
[87] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 52.

В конечном итоге народные массы убедились в обмане, но было уже поздно. После Гиппиуса принудительные меры по набору еще усилились. К этому времени в Фергану были стянуты дополнительные карательные части, которые беспощадно ликвидировали малейшие попытки народных выступлений. К тому же колониальные власти заручились поддержкой национальной буржуазии и ее идеологов — джадидов. Созданные в уездных центрах Ферганской области комитеты по содействию набору возглавлялись представителями джадидов, в Андижане — Мирали Байбачой, Маргелане — Саидом Ахмеджаном Гиясом Ходжаевым, в Коканде — Абиджаном Махмудовым, в Фергане — Мир Адилом и другими[88]. Джадиды организовывали так называемые «патриотические демонстрации». Однако народ не верил национальной буржуазии. Не об этом ли говорили протоколы собраний представителей уездной администрации и торгово-промышленных кругов, обсуждавших ход и причины восстания. На поставленный Андижанскому собранию 3 августа 1916 года вопрос: «Наблюдается ли какой-либо подъем патриотического духа среди туземного населения?», участники собрания ответили: «патриотические манифестации, устроенные в некоторых городах области, о чем имеются сведения в газетах, не есть проявление истинных чувств туземной массы и могут только вводить в заблуждение»[89]. Яснее не скажешь!

Применением насилий, угроз, при помощи национальной буржуазии местной администрации и части духовенства властям удалось составить списки по набору. После подавления восстания в Андижане 22 июля местная администрация, опираясь на военную поддержку царских властей, вновь созвала городской съезд, на который собрались по шести представителей от каждого квартала, а также все пятидесятники, судьи, муллы. Старший аксакал Ширмат Мирза сказал, что «высочайшая воля должна быть выполнена без всяких разговоров». Простые люди выражали свое несогласие с набором. Но их «урезонивали» судьи и муллы. Сайский судья Мулла Тюракул Джанбалиев сказал, что «по шариату

[88] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, Д/М, № 83, л. 97.

[89] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб документов, стр. 221 и 222.

туземцы обязаны выполнять высочайшее повеление». Главный ишан Мадмуса Ахун подтвердил, что «шариат мусульманам не воспрещает выполнить волю царя, почему они должны исполнить царский указ»[90]. Вот как «почетные представители» населения, играя по отношению к народу предательскую роль, послушно выполняли «монаршию волю».

Хотя колониальные власти при подавлении восстания и при осуществлении царского указа опирались на «туземные верхи», однако главная ставка их была на военно-репрессивные меры. Не случайно, что участники заседания представителей Кокандской уездной администрации, банков и торгово-промышленных фирм 31 июля признавали, что «успокоение туземного населения лишь наружное, перед лицом ощетинившихся штыков, а искренность выражения верноподданнических чувств никакого доверия не заслуживает». Поэтому собрание высказало «свое глубокое убеждение в необходимости введения твердой, сильной власти и осуществления бесповоротно решительной программы управления в крае, о чем и обратилось к исполняющему должность Ферганского военного губернатора полковнику Иванову, высказав опасения, что малейшее колебание власти и полумеры поставят русскую торговлю, промышленность и все русское дело в крае в условия смертельной опасности»[91].

Крайне встревоженные народным движением, способным привести к прозалу всей колониальной системы, органы власти взяли курс на подавление восстания путем жестоких репрессий. Не добившись какого-либо «патриотического подъема» в массах, власти с ожесточением и злобой, свойственными колонизаторам, расстреливали, избивали и арестовывали за малейшее подозрение в неповиновении и таким образом разгромили народное движение в Фергане и провели насильственный набор.

Ферганское восстание являлось национально-освободительным антиимпериалистическим, антивоенным движением, все более приобретавшим антифеодальный характер. Приведем некоторые убедительные данные,

[90] «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 212—213.

[91] Там же, стр. 219.

свидетельствующие, что движущей силой восстания являлись трудящиеся дехкане и городская беднота.

Материалы военно-окружного суда дают следующую картину социального состава участников восстания в городе Маргелане. Из 83 человек, привлеченных к судебной ответственности, было осуждено —50; из них рабочих — ткачей —17, сапожников, пекарей, плотников, шелководов и других ремесленников — 13, бедняков и неимущих — 7, торговцев — 8, учащихся мусульманских школ—2, писарей—1. Профессии 2 человек не указаны[92].

В числе осужденных к смертной казни был 20-летний Нормухамед Рахматулла Максумов, ткач «с оружием в руках убивший должностных лиц». Приговор был приведен в исполнение 14 ноября 1916 года[93]. Был приговорен к смертной казни торговец овощами Таджибай Мадалиев (приговор приведен в исполнение)[94]. Приговорены к смертной казни, которая затем была заменена каторгой или ссылкой на длительные сроки —плотник Муминджан Абдуматалимов[95], сапожник Абдурахман Мамаджанов[96], ткачи Малябай Касымбаев и Махаматали Хабибуллаев[97], торговец Ахмат Захрходжаев[98]. Остальные участники восстания были осуждены на каторгу сроком от 3 до 10 лет (4 человека) или к тюремному заключению от одного месяца до 3 лет (40 человек).

Таким образом, подавляющая масса наиболее активных участников восстания, осужденных по суду, являлась выходцами из бедняцких слоев населения.

По своему возрасту 50 осужденных разделяются следующим образом: до 18 лет — 2 человека[99], от 18 до 20 лет —9, от 21 до 25 лет — 12, от 26 до 30—6, от 31 до 40 лет —12, от 41 до 50 лет — 6 и свыше 50—3 человека.

---

[92] ЦГА УзССР, ф. Военно-окружн. суда, д. 156, лл. 1—733.
[93] Там же, д. 15, лл. 2—3, 130, 702, 738.
[94] Там же, л. 70.
[95] Там же, л. 134.
[96] Там же, л. 136.
[97] Там же, лл. 148, 156 и 24—25.
[98] Там же, лл. 184—189.
[99] Один из них 16-летний Хаммат Ходжа Якубджан Ходжиев был приговорен к каторжным работам на 10 лет. (См. ЦГА УзССР, ф. военно-окружн. суда, д. 156, л. 34), а другой 17-летний Хамдам Мамат Ходжиев — пекарь по профессии был приговорен к 3 месяцам тюремного заключения. (См. там же, лл. 40—41).

Таким образом в восстании наиболее активно участвовала молодежь до 30 лет (29 человек).

Вот другие данные того же военно-окружного суда о составе активных участников восстания в селении Нижний Ашт Наманганского уезда[100]. Всего было привлечено к суду 120 человек, осуждено 45; из них безземельных и малоземельных (имевших земли до 3 танапов)—16 человек, дехкан, имевших от 3 до 6 танапов земли—3, чернорабочих—7, кузнецов—7, сапожников—1, чайханщик—1, торговцев и крупных землевладельцев—8, имам—1, неизвестной профессии—1 человек.

В числе осужденных—33 таджика и 12 узбеков, причем среди осужденных были и женщины-таджички: 40-летняя Угул Биби Ташматова и 50-летняя Нури Ниса Турсунова[101].

Повстанец Туйчибай Ишджанбаев был приговорен к смертной казни через повешение с лишением всех прав состояния. К смертной казни, которая затем была заменена каторгой сроком на 10 лет, были осуждены дехкане-бедняки, владевшие до 1,5 танапов земли — Абдувахид Мазатов, Дадабай Маюсупов, Абдусалим Абдувалиев, Мирзаджан Мадхаликов и другие.

И здесь мы видим почти ту же картину, что и в Маргелане. Основной движущей силой восстания в Нижнем Аште являлась сельская беднота — безземельные, малоземельные дехкане, чернорабочие.

Аналогичное положение в восстании в селении Яркурган Уйчинской волости Наманганского уезда. Здесь военно-окружным судом были осуждены 15 человек, из них безземельных дехкан—5 человек, малоземельных—5, середняков—4 и только один имел 24 танапа земли[102]. Как указано в приговоре суда «земледелец, не имеющий имущества»— Юлдашбай Ашурбай, как зачинщик восстания, был лишен всех прав состояния и сослан на каторгу сроком на 10 лет (затем каторга была заменена тюремным заключением на 4 года) [103].

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что основными движущими силами восстания в Ферган-

---

[100] См. ЦГА УзССР, ф. 1, д. 110, лл. 1088—1144.
[101] Там же.
[102] ЦГА УзССР, ф. 2, д. 149, лл. 3—4; д. 148, л. 11.
[103] Там же, д. 149, стр. 20, д. 148, л. 20 и л. 21.

ской долине были трудящиеся слои кишлака и города — дехкане, беднота, ремесленники.

Итак восстание в Ферганской долине было подавлено. Но оно имело огромное историческое значение. Будучи подлинно народным движением, в котором приняли участие тысячи трудящихся — узбеки, таджики, киргизы, восстание было направлено не только против царизма и постепенно приобретало характер классовой борьбы местного дехканства и городской бедноты против эксплуататорских элементов.

Предательская роль национальной буржуазии и мусульманского духовенства и других эксплуататорских групп, которые помогали колониальной администрации подавлять восстание и боролись за осуществление царского указа, привела лишь к обострению социальных конфликтов.

Это особенно ярко проявилось в дни Февральской буржуазно-демократической революции и особенно в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Глава IV

ВОССТАНИЕ В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Вплоть до 1953—1954 годов среди историков имели место различные точки зрения о характере Семиреченского восстания 1916 года. Одни считали его целиком национально-освободительным, другие же, наоборот, объявляли его сплошь реакционным. Дискуссия велась иногда без достаточно глубокого анализа сложных и противоречивых явлений.

Одним из крупных недостатков в этой области являлась слабая изученность социально-экономических предпосылок и причин восстания 1916 года в Семиречьи и проявившихся в ходе восстания острых социальных и национальных противоречий. Отдельные авторы, особенно Т. Рыскулов, рассматривая эти предпосылки, сводили все к тяжелым последствиям переселенческой политики царизма и объявляли при этом созданные в результате переселения русские хозяйства сплошь кулацкими.

Другим не менее серьезным недостатком являлось то, что анализируя причины реакционных выступлений в отдельных районах Семиречья некоторые историки видели в них лишь результат националистических устремлений феодально-клерикальных элементов. При этом игнорировалась реакционная аграрная и национальная политика царизма, которая в течение длительного времени подогревала и провоцировала межнациональную рознь.

Важным этапом в развитии исторической науки в Киргизской ССР явилась состоявшаяся в мае 1953 года научная конференция Киргизского филиала Академии наук СССР, посвященная исследованию характера националь-

ных движений в Киргизии во второй половине XIX— начале XX веков и обсуждению макета I тома «Очерков по истории Киргизской ССР».

На конференции, с участием представителей ученых Москвы, Ленинграда и ряда братских республик, были обсуждены в частности вопрос о характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, в том числе и на территории Семиреченской области. (Доклад проф. А. В. Пясковского и содоклад А. Г. Зима). После детального обсуждения, конференция правильно определила социальный характер этого сложного восстания. Выводы киргизской конференции были одобрены и происходившей в 1954 году в Ташкенте Объединенной научной сессией, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период [1].

Как на киргизской, так и ташкентской научных сессиях были детально рассмотрены все этапы восстания 1916 года, в частности на территории Семиречья, проанализированы конкретно-исторические факты и особенности восстания. Установлен дифференцированный подход к оценке характера различных выступлений, определена необходимость отличать подлинно народные движения от побочных, реакционных феодально-монархических выступлений.

Восстание в Семиречьи началось примерно так же как и народные движения в других областях Средней Азии и Казахстана. Выступления казахов и киргизов и здесь носили ярко выраженный характер открытого сопротивления призыву на тыловые работы и были направлены против представителей колониальной и местной администрации.

Не желая ехать на тыловые работы, киргизские и казахские трудящиеся массами бросали работу и уходили в глубь степей, в горы и в пределы Китая. Возмущенное население нападало на волостных управителей и старшин, уничтожало списки призываемых.

Во многих местах представители туземной администрации, муллы и другие «почетные» лица выражали свою полную готовность помогать колониальной власти в осуществлении набора. Начальник Джаркентского уезда

[1] «Материалы научной сессии...», Ташкент, 1955, стр. 277—320, 339—409, 581—585.

хвалил особое усердие мулл Джаркентско-Таранчинской волости. «Кто бы то ни был царь — мусульманин или иноверец — подданные должны повиноваться. Слова царя — «важип», то есть священны»,— говорили они населению[2]. Но народные массы не захотели слушать эти советы мулл. Возмущенное царским указом население Джаркентско-Таранчинской волости прервало созванное 6 июля в селении Городском собрание по поводу набора[3].

Несколько позднее в Ивановской волости Джаркентского уезда восставшее казахское население, не желая давать людей на тыловые работы, арестовало волостного управителя и других должностных лиц, которые «могли» дать сведения о наличности требуемых людей[4]. В Альджанской волости того же уезда казахское население также отказалось дать рабочих. «Хоть перестреляйте всех, но на работу не желаем и никого не отпустим»,— заявили казахи[5].

Население Дунганской волости с возгласами «Умрем лучше, но туда не пойдем», демонстративно ушло с собрания, на котором присутствовал «сам» уездный начальник[6].

11 июля на площади, перед канцелярией начальника Нарынкольско-Чарынского участка собралась толпа до 1000 человек казахов, которая двинулась к канцелярии. Навстречу собравшимся вышел участковый пристав Подварков и стал объяснять, что «их берут не в солдаты, а на работы в тылу армии». Толпа ответила: «Правильно, но людей не дадим». Находившиеся впереди толпы почетные лица стали говорить о том, что при переходе их в русское подданство государь обещал казахам, что их в солдаты брать не будут. Свое слово государь не сдержал, и поэтому они людей ни в солдаты, ни на работу не дадут. Участковый пристав тщетно пытался уговаривать их, но напрасно. «Толпа киргиз,— говорится в постановлении судьи 4 участка Джаркентского уезда,— закричала, что все-таки они людей не дадут. После возгласа из толпы:

---

[2] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 371.

[3] Там же, стр. 323 и 327—328.

[4] Там же, стр. 323.

[5] Там же, стр 324.

[6] Там же, стр. 328.

«разговоры коротки, людей не дадим», толпа стала расходиться и, разбившись на несколько партий, направилась к канцелярии волостных управлений, которые находились на «Кочкорке». Восставшие потребовали черновики списков людей волости и, получив их, уничтожили [7].

В связи с участившимися массовыми собраниями возмущенного населения области для открытого протеста против набора, военный губернатор 28 июля издал приказ о категорическом воспрещении всяких собраний и сходок «как под открытым небом, так и в закрытых помещениях, не предусмотренных законом». Население предупреждалось, что «всякие сходки или собрания толпы будут разгоняться военной силой»[8].

12 июля восставшие жители селения Карам Карамской волости убили волостного управителя Арына Абдурасулева за его содействие призыву и разгромили его дом [9].

Заведующий Семиреченским розыскным пунктом В. Железняков доносил, что в Восточной и Западно-Кастенских волостях Верненского уезда «молодые киргизы, подлежащие призыву на работу в действующую армию, на всякий случай для побега запаслись хорошими лошадьми, ограбив их у более зажиточных и богатых киргизов»[10].

Из этого документа видно, что борьба здесь с самого начала приобрела классовый характер. Восстанием Кастенских волостей руководили вожаки — выходцы из бедноты. И это особенно подтверждается следующими признаниями того же Железнякова: «Руководят ими (молодежью,—*Х. Т.*) киргизы Бурге, Улебай, Тышкан и Джиланкуз, у которых в волости никакого имущества нет, и им ничего не значит переехать, куда угодно»[11].

Восстание все более ширилось. Повстанцы Кизылбурковской и Сюгатинской волостей Верненского уезда оказали вооруженное сопротивление помощнику уездного на-

---

[7] Сб. «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 33—34.

[8] «Семиреченская жизнь», 28 июля 1916 г., сб. «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 34—35.

[9] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр 326.

[10] Там же, стр. 324 и 326.

[11] Там же, стр. 327.

чальника, прибывшего для составления списков рабочих[12].

Казахи, киргизы и дунгане в пограничных районах Лепсинского, Джаркентского и Пржевальского уездов массами уходили в Китай. «Смута и паника охватили целые волости,— писал впоследствии и. о. военного губернатора Семиреченской области А. И. Алексеев,— пограничные волости Лепсинского и Джаркентского уездов в половине июля стали уходить в Китай, другие — в степи Балхаша или же в горы, бросая свои поля и зимовки»[13].

Управитель Маканчи-Садыровской волости Лепсинского уезда Касым Джакамбаев и его приближенные — судья Окыш Омаров и Джексембай Князев — стали требовать с населения волости денег и скот, обещая освободить их от повинности. Некоторые начали откупаться, другие же, возмущенные открытым вымогательством, порицали их действия. В конечном итоге волость восстала. Против нее был отправлен отряд из 30 солдат во главе с помощником уездного начальника Масловым. После открытия огня восставшие скрылись. На другой день к восставшим казахам Маслов послал волостного управителя Касыма Джакамбаева. Тот вернулся и доложил, что киргизы отказываются повиноваться. После этого карателями был открыт огонь — «раздались выстрелы и около 90 человек оказались убитыми... Затем отряд пошел в соседние аулы и стал арестовывать людей даже не бывших на сборище». Они были отправлены в Лепсинск, и когда в пути уставшие арестованные садились на землю их тут же убивали. Таким образом, в пути было убито 12 человек[14]. Так жестоко было подавлено восстание казахов Маканчи-Садыровской волости.

Из этой волости карательный отряд направился в соседнюю Мамбетбай-Кысчанскую волость, где было еще спокойно.

Однако отряд и здесь арестовал около 40 казахов, из которых по дороге в Лепсинск 6 человек были убиты.

Аресты и убийства казахов проводились и в других местах Лепсинского уезда, только потому, что они не хо-

---

[12] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 332.

[13] Там же, стр. 371.

[14] Сб. «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 76—77.

тели подчиниться приказу о мобилизации и отстаивали свои права. Интересно отметить что в одном из рапортов на имя Туркестанского генерал-губернатора подчеркивалось: «В Лепсинском уезде со стороны убитых и арестованных киргиз не были никаких нападений на крестьянские поселки и никто из русских не пострадал» [15].

Об арестах и расстрелах ни в чем не повинных людей узнало население других уездов и это вызвало негодование казахов и киргизов.

Кровавые расправы колониальных властей лишь способствовали разжиганию межнациональной розни и этим воспользовалось манапство, подстрекая население на ответные меры теми же средствами — к нападению на русские поселки и уничтожению русского населения.

В руководстве народным движением против мобилизации значительную роль сыграли представители демократической интеллигенции. В материалах следствия, проведенного полицмейстером города Верного Поротиковым, имеются интересные сведения о деятельности одного из видных представителей передовой казахской интеллигенции Токаша Бокина. 14 июля 1916 года полицмейстер Верного созвал совещание волостных управителей «для объяснения им цели призыва и убеждения их в необходимости подчиниться высочайшему повелению». Все должностные лица покорно изъявили свое полное согласие с требованиями властей. Однако прибывший на собрание Токаш Бокин стал возражать, говоря что подобные вопросы нужно разрешать всем уездом и что это дело нельзя проводить лишь с согласия кучки влиятельных лиц. Переводчик Семиреченского областного управления Ибрагим Джайнаков[16] на допросе у полицмейстера показывал, что казахи, присутствовавшие на этом собрании, «чутко прислушивались к протесту Бокина, и налаженное нами дело (набор рабочих — *Х. Т.*) стало расклеиваться». А житель аула № 5 Большеалмаатинской волости Сары открыто заявил, что «Токаш Бокин рассуждает правильно и что действительно надо такой вопрос разрешать не то что (не только — *Х. Т.*) с участием почетных лиц всего уезда, но даже с участием букары (простого народа)». Возму-

---

[15] Сб. «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 77.

[16] *Ибрагимов Джайнаков* — один из лидеров казахских буржуазных националистов, прислужник колониальной власти в Семиречьи.

щенные выступлением Токаша Бокина и Сары «почетные лица» предлагали им замолчать, а затем избили Сары[17].

Но простой народ очень хорошо отзывался о Токаше Бокине, который неоднократно участвуя на сходках населения, «выступал с речами, направленными против призыва». Опасаясь роста влияния Токаша Бокина, военный губернатор области приказал начальнику уезда отдать приказ войскам, чтобы они поймали или убили Токаша Бокина. 14 августа он был арестован[18].

Кровавые расправы с повстанцами не прекратили народную борьбу. Она все более усиливалась и охватывала одну волость, один уезд за другим.

В конце июля Верненскому уездному управлению стало известно, что несмотря на все усилия местной администрации, Қызылбурковская и Согатинская волости не хотят давать рабочих на тыловые работы. Население активно сопротивлялось составлению списков. Волостные управители показали свою полную беспомощность. Поэтому власти решили приступить к составлению списков насильственным путем. С этой целью в урочище Джамбек, расположенном в центре кочевок Қызылбурковской волости, 2 августа приехал пристав с 10 солдатами и двумя полицейскими. Несмотря на это, группа казахских женщин с криком бросилась к составителям списков. К женщинам присоединилась толпа конных казахов, вооруженных пиками, палками и т. п. Они окружили юрты, где находились статистический отряд переселенческого управления, помощник уездного начальника А. И. Хлыновский, а также прибывшие солдаты и полицейские во главе с приставом. «Киргизы (казахи — *Х. Т.*), составлявшие списки, стали кричать толпе, чтобы она воротилась, но те, подъехав к ним, стали их бить палками и таким образом разогнали»[19]. Составителям списка, солдатам, приставу и другим под сильным напором масс самим пришлось

---

[17] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 342.

[18] «Восстание 1916 года в Қазахстане», стр. 14—16 и 126—127 (Токаш Бокин был освобожден из-под ареста лишь после Февральской революции. Он принимал активное участие в победе Октябрьской революции и установлении Советской власти в Қазахстане. В 1918 г. Токаш Бокин был зверски убит алашордынцами.

[19] Сб. «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 78—79.

спасаться бегством, причем несколько человек из них было убито.

По сообщению начальника гарнизона города Верного генерал-майора Грызова, восставшие казахи Джаильмышевской волости Верненского уезда приняли решение «не подчиниться требованию правительства и оказать вооруженное сопротивление властям, каковое сопротивление и было оказано толпой конных киргиз (казахов,— *Х. Т.*) отряду казаков под командованием подполковника Базилевского» [20].

Одно из первых крупных народных выступлений произошло в начале июля в Нарынском районе Северной Киргизии. Здесь волостной управитель манап Кадыр исключил из списка своего брата, а вместо него включил бедняка Салбара Османова. Возмущенные дехкане численностью до 100 человек пытались убить волостного управителя. Последний, спасаясь от преследователей, бежал из аула. Во главе повстанцев стояли бедняки Кулат, Конкоз и Мамыркан. К концу июля численность восставших в этом районе превышала уже 1000 человек. Такое же народное движение развернулось в Кулане. Восставшие киргизские дехкане единодушно решили не подчиняться царскому указу, а когда старшина селения и два стражника повезли списки мобилизованных в центр волости — Нарын, молодежь попавшая в списки, догнала нарочных по дороге к Нарыну и всех убила[21].

Весь июль в Пржевальском уезде происходили волнения народных масс. Киргизы Маринской, Кексуйской, Тюпской, Тургенской, Барнаульской и других волостей, решительно протестуя против набора, оставляя родные места, продолжали уходить в пределы Китая. Приехавшие в Пржевальск 23 июля волостные управители заявили уездному начальнику В. А. Иванову, что население волостей их не слушает, киргизы же «призывного возраста открыто говорят, что, прежде чем итти на фронт на работы, они убьют своих представителей, если дадут согласие на отправку рабочих на тыловые работы в армию».

---

[20] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 348.

[21] *А. Г. Зима.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, изд. АН Киргизской ССР, Фрунзе, 1959, стр. 99.

Волостные управители при этом, чтобы сохранить свою жизнь и одновременно заставить население подчиниться приказу властей, говорили уездному начальнику, что киргизская молодежь открыто угрожает убить всех представителей администрации. Поэтому они просили уездного начальника арестовать их, ибо «если он их арестует, то народ, жалеючи их представителей явится к нему, уездному начальнику, и составит приговор на рабочих, а в противном случае, то есть если представители изъявят согласие от имени народа отправить рабочих, то киргизы призывного возраста и их родственники перережут всех своих представителей». Однако полковник Иванов потребовал, чтобы они сами повлияли на население и составили списки рабочих[22].

Народные массы воочию убеждались в продажности и предательских действиях волостных управителей, старшин и т. п. К тому же во время набора, как и в других местах, те же управители использовали составление списков для грабежа населения и личной наживы. И это приводило в ряде случаев к серьезным возмущениям и восстаниям. В судебных материалах по восстанию в Пржевальском уезде есть признание, что волостные списки были составлены киргизской знатью без включения собственных фамилий. При составлении же списков по аулам скрыться знати и ее родственникам не удалось бы, так как это вызвало волнения среди бедноты. Вот почему волостные управители, аульные старшины, боясь, что откровенное составление списков «вызовет резню среди киргиз», всячески оттягивали выполнение требования уездного начальника[23].

В Пишпекском уезде выделяется восстание киргизов Токтинского и Чинийского аулов Тлеубердинской волости, Беловодского участка. Они выступили под водительством дехкан Мелика Момандорова, Сарымолдо Артыкбаева и других. К тлеубердинцам присоединились киргизы Джамансартовской, Бакинской и Карабалтинской волостей. Повстанцы направили свой гнев, главным образом, против волостных управителей, старшин и манапов. Восстание было подавлено совместными усилиями солдат

---

[22] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 355.

[23] Сб. «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 31.

и дружиной, составленной из кулацких элементов Беловодска[24].

Таковы лишь некоторые факты, характеризующие народные возмущения и восстания, развернувшиеся в Семиреченской области.

В своих планах подавления восстания царские власти уделяли большое внимание разжиганию межнациональной и родоплеменной розни, стремясь внести раскол в ряды восставших и противопоставить им русских переселенцев. Верный колониальному принципу «разделяй и властвуй!», генерал-губернатор края Куропаткин приказал военному губернатору Семиреченской области вооружить русское население и противопоставить его киргизам, организовать военно-полевые суды, «воспользоваться родовой; или племенной рознью туземного населения области для борьбы с возмутившимися»[25].

В разгар подавления восстания в сентябре военный губернатор, усиливая межнациональную рознь, приказал начальнику карательного отряда Слинко разъяснить своим подчиненным, что на северный склон Александровского хребта «никто из киргиз пропущен не будет». Огромная часть наиболее плодородной Чуйской долины от Дмитриевки до Джиль-Арыка и вся долина Кебень, так же как все северное и южное побережья Иссык-Куля и долина Текес, объявлялись «чисто русскими районами». Почти «все волости Токмакского участка, загорные волости,— сообщал губернатор,— также волости берегов Иссык-Куля, долины Текеса—все до единой будут смещены навсегда в районы Джумгала, Сонкуль, в Атбашинский участок и в южные пржевальские Сырты». Одновременно запретными для киргизов объявлялись также долины Кочкарки и Алабаш[26].

Другими словами, речь шла о полном изгнании киргизов и казахов с плодородных земель и передаче этих районов в колонизационный фонд. Этот бесчеловечный план, рассчитанный в конечном итоге на вымирание киргизов, был одобрен на состоявшемся 16 октября специальном краевом совещании под председательством Куропаткина.

---

[24] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов.

[25] «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 80—81.

[26] «Восстание 1916 года в Казахстане», стр. 132—133.

Планом предусматривалось изгнание 50 526 киргизских хозяйств в малопригодный для жизни горный район и образование обособленного от русских Нарынского уезда. Отбираемые же земли киргизов было намечено передать Пржевальскому уезду «с чисто русским населением»[27]. Созещание заранее решило образовать в этих местах ряд новых казачьих станиц, указывало их территории и т. д.

В самом начале народного восстания власти использовали для его подавления не только войсковые части, но и ополченские дружины, составленные из надежных для царизма кулацких элементов русских поселений. 14 июля вр. и. д. Туркестанского генерал-губернатора М. Г. Ерофеев дал указание Семиреченскому военному губернатору использовать ополченческие дружины для подавления восстания наряду с военными командами [28].

Все эти шовинистические меры царизма были на руку и местным феодально-клерикальным элементам, которые также раздували национальную рознь и панисламизм в целях провоцирования реакционных выступлений.

Разнузданная шовинистическая и феодально-клерикально-панисламистская пропаганда создала крайне неблагоприятную обстановку для развития народно-освободительного движения.

Вот почему в некоторых районах Семиречья манапам и мусульманскому духовенству удалось в конце концов путем угроз и обмана овладеть руководством восстания и повернуть его в антинародное реакционное русло. А. В. Шестаков был прав, когда он, отличая народное движение от реакционных выступлений в отдельных районах Семиреченской области, писал, что «возглавлявшие в ряде случаев восстание «ханы», манапы и духовные лица тянули движение назад — к феодально-родовым отношениям, к изжитому прошлому» [29].

Несомненно, являются необоснованными и неверными утверждения отдельных историков, будто руководство восстанием на юге Семиречья находилось с самого нача-

---

[27] «Восстание 1916 года в Казахстане», стр. 132—133.

[28] Там же, стр. 64—65.

[29] *А. В. Шестаков.* Спорные вопросы о восстании в Средней Азии в 1916 году. «Коммунистическая мысль», изд. Среднеазиатского коммунистич. ун-та, кн. 4, 1927, стр. 139.

ла в руках реакционных элементов. Такого, явно ошибочного взгляда придерживались например, С. Ильясов и Г. Нуров, которые писали, что «В Северной Киргизии во главе движения с самого начала стали крупные киргизские манапы»[30]. Здесь явное смешение различных по социальному характеру движений — народного и реакционного, что является, разумеется, серьезной ошибкой.

В своем содокладе на научной конференции в Киргизии в мае 1953 года А. Г. Зима говорила, что реакционные выступления манапства не могут рассматриваться как составная часть освободительного движения киргизского народа, что эти выступления были отдельным потоком, не имевшим ничего общего с народным движением, и принимали в нем участие принужденные к тому угрозами лишь отсталые слои киргизского населения[31]. Это правильно. А. Г. Зима считает, что восстание на территории Киргизии прошло два этапа: «Первый этап — общий для всей территории Киргизии — июльский, начинался со времени объявления указа о наборе на тыловые работы до подавления восстания на юге Киргизии, и второй этап — августовско-сентябрьский в Северной Киргизии, когда, наряду с народно-освободительной борьбой, манапами и баями было организовано реакционное движение. Таким образом, в ходе восстания 1916 года нужно видеть не одно реакционное выступление манапов и части отсталых элементов из киргизов, а национально-освободительную борьбу киргизского народа за свои особые, классовые интересы, коренным образом отличные от целей и интересов манапов. Нельзя считать, что киргизский народ весь попал под влияние манапов»[32].

Исторические факты подтверждают этот вывод. В начале, в Семиречье, как и в других районах Средней Азии и Казахстана, развертывались народные возмущения и восстания. Но затем в отдельных, сравнительно небольших по масштабу районах примерно с 7—10 августа произошел перелом, когда руководство движением перехватили

---

[30] *С. Ильясов* и *Г. Нуров.* О некоторых вопросах истории киргизского народа дооктябрьского периода. Труды ин-та языка, литературы и истории, вып. III, Фрунзе, 1952, стр. 167.

[31] *А. Г. Зима.* О характере восстания 1916 года в Киргизии, указ. труды, вып. IV. Фрунзе, 1954, стр. 104.

[32] Там же, стр. 105.

ущемленные царизмом представители манапства. И этот этап движения являлся уже реакционным.

Интересно, что этот перелом подметили даже представители колониальной администрации. Вот например, телеграмма военного губернатора Семиреченской области от 9 августа на имя А. Н. Куропаткина. В начале телеграммы говорится о росте недовольства и волнений среди киргизов, озлобленных злоупотреблениями по составлению списков призываемых. А затем: «Смущением (и) растерянностью, а отчасти и озлоблением киргизов, опрометчиво, но смело, воспользовались некоторые главари. Явились горячие проповеди изгнать русских. ... Бесспорно известно, что много благомыслящих киргизов против мятежа, но как они, так и почетные лица и волостные управители, бессильны»[33].

А вот «Всеподданнейший рапорт» и. д. военного губернатора Семиреченской области А. И. Алексеева Николаю II о восстании 1916 года, отправленный 4 марта 1917 года. «Брожение среди туземцев продолжалось весь июль,— писал Алексеев,— постепенно поступали сведения то об отказе призывных выйти на работу, то о повороте настроения их в благоприятную для дела сторону, то о бегстве в Китай целой группы призванных, то о бегстве рабочих от русских хозяев. Но все эти факты, в первое время носили характер только ослушания или пассивного сопротивления...» И далее: «*Этим моментом* (то есть народными возмущениями, сопротивлением набору — *Х. Т.*) воспользовались некоторые влиятельные туземцы, которых вынесла волна общего расстройства. Решив, быть может, что Россия ослаблена войной, что Семиречье обездолено охраной и настало время использовать наступившую разруху для уничтожения русской власти в крае и на руинах последней создать новое киргизское ханство, они очертя голову, подняли восстание»[34].

О том же говорилось и в третьем документе — донесении помощника главного военного прокурора генерала В. Е. Игнатовича. Он писал, что «имеются указания на то, что и здесь (в Семиреченской области — *Х. Т.*) в первых числах июля происходили по волостям съезды кир-

[33] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 336—337.

[34] Указ. сб. документов, стр. 408.

гизов, на которых было решено рабочих не давать, а в случае принудительных со стороны администрации мер поднять восстание... Дальнейшее развитие движения среди киргизов Семиреченской области началось уже с августа месяца, причем, оно приняло также характер восстания, сопровождавшегося нападениями на русское население, убийствами, грабежами и насилиями»[35].

Основными районами реакционных выступлений казахских феодалов и киргизского манапства явились — район Токмака, Атекинская и Сарыбашинская волости Пишпекского уезда, ряд волостей Пржевальского и южной части Джаркентского уездов.

Манапы тайно организовывали сборища, готовясь к мятежу. Одно из таких сборищ состоялось 8 августа 1916 года, когда сарыбагишевцы собрались и совершали традиционную «бату» (клятву). Был поднят на кошме и провозглашен ханом Мукуш Шабданов, внук Джантая, незадолго перед тем возвратившийся из паломничества в Мекку и Константинополь. Новоявленный хан и его сподвижники тут же призвали повстанцев к вооруженной борьбе с русскими[36]. В загорных волостях (Сусамырской, Джумгальской и др.) манап Канаат Абукин был провозглашен «Кочкорским ханом». Были посланы гонцы в различные волости Северной Киргизии с письмами и воззваниями, призывавшими к «священной войне» против русских[37]. Купец А. М. Ибрагимов при допросе его жандармским ротмистором показал, что в письме этом за 30 подписями и печатью говорилось примерно следующее: «поклон от сарыбагишевских манапов манапам Машбаю, Толкомбаю и др..., мы восстали и перерезали всех русских, отобрали казенных лошадей. По получении сего известия всех манапов Арыка и Белена (главные роды), чтобы они тоже восстали, мы со знаменем Батыр Ходжи (отец Шабдановых) соберемся в Бурулдай»[38].

Явно антирусское панисламистское направление движения, возглавлявшегося манапами находило свое отра-

---

[35] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, ед. хр. 1100, л. 106.

[36] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 410.

[37] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1139а, л. 144 и ЦГА Каз. ССР, ф. 75, д. 41, лл. 59—65.

[38] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 331.

жение в письмах и воззваниях манапов, возглавлявших реакционные выступления. Одно из писем манапа Канаата Абукина гласит:

«Правоверному мусульманину и многоуважаемому Ибрагиму. Мы с помощью великого Аллаха и пророка Магомета восстали против русских кяфиров[39], разгромили селение Кочкорское и Атаевское, направляемся на Токмак, думаем, что ты последуешь нашему примеру. Да поможет тебе великий Аллах. Аксакал Канат»[40].

В Пржевальском уезде (племя Бугу) был провозглашен ханом крупный манап, один из главарей мятежа, Батырхан Нагаев.

9 августа начались нападения на село Григорьевку (у оз. Иссык-Куль) и на селения Столыпино и Белоцарское в долине рек Кочкора и Джумгала. Мужское население Белоцарского почти все было перебито, а женщины уведены в плен. Поселки Таврическое, Ново-Киевское, Ново-Афонское, Владимирское и другие были сожжены[41].

Впоследствии арестованный царскими войсками один из главарей реакционного движения Канаат Абукин признал, что он «руководил мятежниками, действиями вооруженных толп киргизов под селениями Токмаком и Покровским Пишпекского уезда, каковые действия заключались в целом ряде нападений, насилий, грабежей и убийств, направленных против жителей и администрации Токмакского, Покровского...»[42].

Главари реакционного движения рассчитывая на успех, полагали, поскольку в Семиречьи войск мало, многие русские мужчины ушли на фронт и оружие, розданное в свое время переселенцам было частично отобрано властями на нужды действующей армии, сравнительно легко будет оторвать Семиречье от России и создать здесь «самостоятельное» ханство.

Если народные массы выступали на решительную борьбу против царизма и их прислужников — баев, феодалов и представителей местной царской администрации и эти восстания носили народно-освободительный

[39] Кяфиров — неверных.

[40] Цитируется из кн. *А. Н. Зорина* Революционное движение в Киргизии (северная часть), Среднеазиатский научно-исслед. ин-т истории революции, Киргизгосиздат, Фрунзе, 1931, стр. 20.

[41] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 372—373, 411—412.

[42] Там же, стр. 377.

антивоенный, антиимпериалистический характер, то в реакционных выступлениях, спровоцированных феодально-клерикальными элементами дело обстояло иначе — эти движения были направлены не против царизма, а против русских вообще, в том числе против русских трудящихся.

Вожаки реакционных движений угрозами и насилиями заставляли людей примкнуть к ним. Так в одном из писем за подписью Мокуш Шабданова, Сулеймана Корчина, Канаат Абукина было сказано: «Токмакскому волостному старшине, аксакалу и аксакалу кашгарского сарта. Приказание от главных управителей мусульман: приказываем всем побросать орудия и покориться мусульманам и сообщить нам. Если не послушаете, то будете уничтожены от жизни»[43]. Выступая перед населением в Сарыбагишевской волости мулла Умар и Кемель Шабданов говорили: «Не бойтесь умирать здесь, ибо смерть в войне с русскими священна, таких людей ожидает рай»[44]. Канаат Абукин на следствии признал, что его «бойцы шли в бой верхами. Шли неохотно. Приходилось подгонять сзади нагайками»[45].

О мерах принуждения, применяемых манапами по отношению к простому люду говорилось и в докладной записке и. д. военного губернатора Семиреченской области А. И. Алексеева. Он, признавая непричастность киргизского населения к движению верхушечных слоев, имевшего целью создать «киргизское ханство», писал, что организаторы антирусского реакционного восстания часто силою принуждали население итти за ними[46].

Организаторы реакционных выступлений — манапы — обманывали массы. Они, скрывая свои коварные цели, выдавали себя за поборников народного дела. Трагедия обманутой манапством части населения заключалась в том, что беднота думала, будто она борется за правое дело против колонизаторов и не понимала истинных политических целей реакционного манапства.

---

[43] Указ. сб. документов, стр. 385.

[44] ЦГА УзССР, ф. 44, д. 16920, лл. 70—77 и указ. «Материалы научной сессии...», Ташкент, 1955, стр. 293.

[45] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 379.

[46] Там же, стр. 375.

Здесь сказывалась политическая отсталость, слабость классового самосознания трудящихся киргизского аула.

Однако по мере того, как развертывались кровавые события (межнациональная резня) эта часть аульной бедноты начала понимать всю пагубность авантюры феодально-клерикальных элементов, осуждала их и постепенно отходила от реакционного движения. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, в том числе воспоминания участников и очевидцев движения. Так, например, Курманали Жузенов (член КПСС с 1926 г.) рассказывает, что во время восстания 1916 года «приехали киргизы и позвали отца, чтобы он тоже к ним присоединился. Итак, отец мой уехал. Но через день он вернулся и заявил, что разве так воюют... кроме убийства женщин и детей и поджога сел ничего не могут делать»[47].

Реакционеры нанесли в этих районах огромный ущерб дружбе между русским, казахским и киргизским народами. Нападению, не считая отдельных хуторов, заимок и пасек, подверглось 94 русских селения, в которых было сожжено и разрушено 5373 двора, было убито 2030 человек, ранено 684, взято в плен и без вести пропало 1105 русских граждан[48].

Таковы были последствия реакционных выступлений. Те историки, которые вопреки фактам, объявляли развернувшееся с 7—10 августа реакционное движение манапства с его кровавыми последствиями, кульминационным пунктом национально-освободительной борьбы киргизского и казахского народов, допускали грубую ошибку. Такая оценка реакционных движений является по существу клеветой на народные массы.

Серьезно пострадали в результате преследования карательных войск и киргизские трудящиеся. О зверствах, насилиях над киргизским населением можно судить, например, по следующему приказу военного губернатора Семиреченской области М. А. Фольбаума, адресованному начальнику Пишпекского уезда: «... считайте малейшую группировку киргиз (ов) кучками уже

---

[47] Труды Ин-та языка и литературы и истории Кирг. филиала АН СССР, IV вып., стр. 38.

[48] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 377 и 415.

за мятеж, подавляйте таковой крестьянскими дружинами, наведите на эти волости панику...»[49].

И карательные воинские части вместе с кулацкими отрядами под предлогом борьбы с мятежниками, безжалостно разрушали целые аулы, истребляли сотни и тысячи ни в чем неповинных киргизов. Вот некоторые из злодеяний карательных войск. Отряд хорунжего Александрова доносил, что он только за один день, 10 августа, поголовно истребил целый аул, сжег стойбище и угнал весь скот[50]. Конвоем были переколоты в Пишпеке —138, а в Беловодске —517 пленных киргизов[51].

Десятки тысяч киргизских селений были разорены и разграблены войсками и русскими кулаками. При допросе судебным следователем межевой техник в Пржевальске И. А. Поцелуев говорил по этому поводу: «Военная реквизиция имущества мятежников вскоре обратилась в грабительский промысел. Масса темных добровольцев стала грабить даже городских мусульман, не особенно считаясь с их положением,— мирны они или мятежны. Такими добровольцами были разграблены многие дома»[52]. Многие киргизы и казахи, преследуемые карателями, бежали в пределы Китая. По сведениям областного статистического Комитета убыль киргизского населения и потери в их хозяйстве в результате восстания 1916 года и карательных мер царизма только по Пишпекскому и Пржевальскому уездам выразилась в следующих цифрах: из 62 340 киргизских хозяйств, имевшихся до восстания, к январю 1917 года оставалось лишь 20 365[53].

Положение беженцев киргизов и казахов было ужасающим. В протоколе, составленном войсковым старшиной Бычковым[54], читаем: «Последнее время киргизы, как и раньше, продолжают итти в глубь Китая, на подводах по найму, многие идут пешком, даже есть случай (когда) матери оставляют своих грудных детей, прода-

---

[49] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 669.

[50] Там же, стр. 662.

[51] Там же, стр. 675.

[52] «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 48.

[53] Там же, стр. 11.

[54] Бычков с отрядом в 60 человек прибыл в Кашгар (Китай) для поимки главарей восстания и для возвращения попавших в плен русских граждан.

ют подростков как девочек, так и мальчиков. Продают последнюю свою одежду»[55].

Драгоман (переводчик) Российского консульства в Кашгаре Стефанович в начале января 1917 года докладывал, что киргизы-беженцы продают предметы первой необходимости и что вся киргизская масса находится перед угрозой голодной смерти. «Чтобы избавиться от лишних ртов и тяжелой ноши в пути,— писал он,— киргизы начинают бросать на дороге и в местах своих стоянок малолетних детей, девочек же и мальчиков свыше 12 лет продают местным сартам по 30—40 рублей... При таких условиях будущее их представляется крайне тяжелым и безвыходным»[56].

Кочевое население лишилось значительной части скота, то есть того, чем кормилось. Уже в ходе подавления восстания каратели грабили обездоленных киргиз, захватывали их скот и все имущество. В своей телеграмме Куропаткину военный губернатор области сообщал, что «в окрестностях Пржевальска скопилось свыше трехсот тысяч голов, на Кочкорке не поддающееся еще учету количество скота, но около ста тысяч. Более умеренная добыча имеется еще у Токмака. Дальнейшие действия отрядов у Джумгола и долины Алабаш к востоку от Кочкорки... несомненно умножат количество скота»[57].

Как отмечалось во «всеподданнейшем отчете» Семиреченского военного губернатора за 1916 год, имевшийся только по Пржевальскому уезду киргизский скот, состоявший из 2 347 472 голов, весь погиб. В остальных уездах осталось лишь немногим более 6 миллионов голов, убыль в этих местах составили 30 процентов, то есть около двух миллионов голов[58].

Реакционное движение в некоторых районах Семиречья принесло неисчислимые бедствия и разорение всему трудящемуся населению области, как местному коренному, так и русскому. Это движение, возникшее на базе реакционной политики царизма и деятельности феодально-клерикальных элементов, отвлекало народные массы как киргизов, так и русских от классовой борьбы, создавала преграду объединению русских трудящих-

[55] «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 103.
[56] Там же, стр. 115.
[57] Там же, стр. 83.
[58] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 1182, лл. 170—198.

ся с трудящимися массами местных национальностей. Эти реакционные выступления были на руку лишь царским властям и манапству. Прав А. В. Пясковский, когда говорил, что «это восстание в некоторых очагах на северо-востоке Киргизии привело, в общем итоге, отнюдь не к расшатыванию реакционного самодержавия, не к ослаблению местных реакционных сил, а, наоборот, укрепило эти реакционные силы, объективно помогало этим реакционным силам. Общее революционное движение не только ничего не выигрывало от восстания в этом районе, а, наоборот, оно тормозило развитие революционного движения, ослабляло общий революционный фронт и революционный натиск на главного врага — на царское самодержавие»[59].

Научная конференция Киргизского филиала Академии наук СССР в мае 1953 года пришла к выводу, что восстание в Киргизии в 1916 году носило прогрессивный, народно-освободительный характер. Лишь в отдельных районах (в ряде волостей быв. Токмакского участка и некоторых загорных волостей Пишпекского уезда, а также в части волостей быв. Пржевальского уезда) восстание, превращенное усилиями реакционных феодально-клерикальных элементов в антирусское, националистическое движение, носило реакционный характер. Конференция подчеркнула, что «в этих реакционных очагах феодально родовой верхушке удалось натравить лишь только отсталую часть киргизского населения на русский народ»[60].

В этом правильном выводе конференции однако не полно мотивированы на мой взгляд причины реакционных выступлений, в силу которых феодально-клерикальным элементам удалось захватить руководство восстанием в некоторых районах. В серьезных межнациональных противоречиях в тогдашней Киргизии были повинны не

---

[59] *А. В. Пясковский.* О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX веков. Труды ИЯЛИ Кирг. филиала АН СССР, IV вып., Фрунзе, 1954, стр. 41.

[60] Резолюция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских союзных республик по вопросу о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX веков, Труды Ин-та языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР, вып. IV, Фрунзе, 1954, стр. ~~130~~ 131.

только местные феодалы и клерикалы, но и царское правительство, колониальная политика которого была направлена на натравливание одних народов на другие, что особенно остро ощущалось, в силу ряда причин, в Семиречье. Действительно, аграрный вопрос в Семиречье был особенно сложным и острым. Земельные притеснения киргизов со стороны царизма здесь были наиболее тяжелыми. Вот почему, анализируя главные причины восстания в этом районе, сами представители колониальных властей вынуждены были указывать на особую обездоленность киргизов в земельном отношении.

Например, в рапорте чиновника для поручений Туркестанского охранного отделения от 30 декабря 1916 года сказано:

«Киргизское восстание вызвано: 1. Отобранием для русских переселенцев лучших киргизских земель, отчуждением в полную собственность казны лесов по горам и неустройством киргизов в земельном отношении. Члены переселенческого ведомства руководились лишь одной целью — нарезать как можно больше участков, совершенно не считаясь в данном случае с нуждами киргизов. По количеству отобранных у киргизов и нарезанных для переселенцев участков измерялись служебные качества чиновников»[61].

Вот другой документ: и. о. военного губернатора Семиреченской области А. А. Алексеев писал, что одной из главных причин недовольства местных кочевников «явилась широкая колонизация Семиречья русским элементом, повлекшая за собой стеснение прежнего простора, а местами и потерю туземцами прежнего обилия земли и воды... Киргизы во многих местах были уже более чем следовало стеснены и смещены»[62].

Во «всеподданнейшем рапорте» Туркестанского генерал-губернатора от 22 февраля 1917 года говорилось то же: «Среди других народностей, населяющих туркестанский край, киргизское население, составляющее до 2615 тыс. душ, является наиболее бесправным относительно пользования землей... У Киргизского населения были

---

[61] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 395.

[62] Там же, стр. 405 и 406.

отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казенных скотоводческих участков и казенных лесных дач — единственного владения казны... Но и на той земле, которая оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, это население стеснено в распоряжении этой землей лесной стражей. Малочисленная, дурно материально обставленная и лишенная должного контроля, эта стража является бичом населения»[63].

И наконец, свидетельство члена Государственной Думы Капниста, который побывал в Туркестане, участвуя в ревизии сенатора Палена. В своей речи на закрытом заседании Государственной Думы в декабре 1916 года, анализируя причины восстания Киргизии, он говорил: «Я пробыл год в Туркестане, участвовал в ревизии сенатора гр. Палена, ознакомился с Туркестаном, и для меня было совершенно ясно, что те события, которые имели место, он не могут не случиться. Почему же для меня было ясно? Да вот почему: я горячий сторонник русской колонизации Туркестана, но я всегда был противником того, как она производится. Ведь на закрытом заседании, не боясь разжигать каких-либо страстей русских или инородческих, можно открыто говорить. Я знаю, как производились отводы земель инородческих: во многих случаях, для упрощения, вовсе не злым намерением душить туземцев, но туземцев грабили (голос слева: верно), и грабили как: везде проще отвести большой кусок в окружной меже, не разбираться в том, что может оказаться в этой окружной меже. А в этой меже иногда оказывались и пахотные поля орошенные, и клеверники, и мечети, и кладбища и т. д., но они попались в этот круг, и кончено. Несомнено, что это проще, но такого рода упрощенная колонизация, она уже в то время, в 1909 и в 1910 гг. давала намек на то, что может случиться и там, в Туркестане, 269 статья, то есть, аграрные беспорядки, которые были у нас в России, в России между землевладельцами и крестьянами, а там между русскими переселенцами и туземцами»[64].

Причины восстания 1916 года раскрыты в прошениях

---

[63] «Восстание 1916 года. в Средней Азии и Казахстане», указ, сб. документов, стр. 95.

[64] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, д. 40, ч. I, л. 86.

и жалобах киргизов, казахов, адресованных властям. В одном из этих прошений на имя российского консула в Кульдже от имени 4595 кибиток Пржевальского уезда, бежавших в ходе восстания в пределы Китая, было сказано: «принадлежавшие нам земли от нас взяли под предлогом, что мы не отбываем воинскую повинность, нам же предоставили горы. Но горы, занятые лесом, оказались казенными. На скот и юрты наложили подать. Поля отошли к крестьянам, а горы отошли в казну и нам нечем было жить. Отопляться нам тоже было очень затруднительно. Цены на лес повысились в 5 раз, так что деревья дошли от 3 до 15 рублей штука. Билеты (разрешение на сбор топлива в лесах — *Х. Т.*) заставили брать по два раза в год и бедные не в состоянии делать это, а если срубят одно дерево, то лесная стража составляет протокол на деревья.

Каждая волость ежегодно платила штрафы по несколько тысяч рублей, причем, кто был в состоянии, тот платил, а бедные отсиживали под арестом. Призывали помогать России в войне, и мы помогали раз пять. Кроме двух налогов, которые мы платили каждый год, нам еще наложили на каждую юрту по 4 рубля. Взято налогов с 80 юрт. Понадобились юрты для армии, попоны для лошадей...»[65].

Мы привели эту длинную выдержку из прошения киргизов, но она весьма разносторонне раскрывает страдания народа, который был поставлен в безвыходное положение. В прошении говорится, далее о том, что призыв на работу в тылу армии еще более ухудшил положение киргизов, и они стали бежать в Китай.

И действительно, земельные изъятия колонизаторов в наиболее плодородных орошенных районах Семиречья, главным образом, в Пишпекском и Пржевальском уездах, были особенно тяжелыми для населения. Вот почему киргизская беднота неминуемо должна была выступить с решительным протестом против бесчеловечной аграрной политики царизма. Характер репрессий в земельном вопросе был особенно нетерпимым. Вот почему в основе освободительной борьбы киргизского народа лежал самый острый — земельный вопрос. Говоря об остроте зе-

[65] «Восстание 1916 года в Средней Азии», Сб. документов, под. ред. П. Г. Галузо, Госиздат УзССР, Ташкент, 1932, стр. 163, и сб. «Восстание 1916 года в Киргизстане», стр. 159.

мельных отношений в Семиречье, даже Керенский в своем выступлении на заседании Думы вынужден был признать, что ко всем остальным причинам восстания здесь «прибавилось и исключительное положение аграрное»[66]. Далее он говорил, что согнанные с плодородных земель побережья Иссык-Куля киргизы были лишены возможности пользоваться водой и лугами, лежащими на берегах этого озера. Они были загнаны в горные области. «И острота земельных недоразумений или земельного ограбления местного населения наиболее остра была именно в этих местах»[67].

Таким образом, сами депутаты Думы на закрытом заседании вынуждены были признавать тяжелые последствия колонизаторской земельной политики.

Но господа керенские и графы капнисты и другие многое недоговаривали: они скрывали, что не только переселенческая политика, но и вся прогнившая общественная система, весь социальный и национальный гнет, господствовавший в крае и особенно усиленный в условиях Семиречья, вызывал сильнейшее недовольство, возмущение масс и привел к открытому восстанию. Этой обстановкой в свою очередь воспользовались реакционные элементы.

Колониальные власти искусственно раздували в Семиречье, как и других окраинах, национальный антагонизм. Они всеми силами пытались не только помешать сближению коренного населения с русским, но и поссорить их между собой. Уже самыми насильственными методами изъятия земель коренного населения под переселенческий фонд царизм культивировал межнациональную вражду.

Указывая на последствия реакционной переселенческой политики царизма, В. И. Ленин в 1912 году писал, что «в результате у переселенцев с туземцами создаются прямо враждебные отношения»[68].

В работе «Переселенческое дело» К. Пален признал что отчуждение переселенческими чинами «обработанных земель, необходимых для обеспечения жизненных интересов туземного населения, несомненно, возбуждает

---

[66] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, д. 40, ч. I, л. 89 об.
[67] Там же.
[68] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 79.

среди последнего серьезное недовольство...»[69]. В. В. Бартольд внимательно изучавший жизнь семиреченских киргизов и казахов, подчеркивал, что царское правительство распоряжалось землями коренного населения по своему усмотрению. «Разумеется, писал он,— такой способ приводил к столкновению с киргизами»[70].

На самом деле положение переселенческого дела, особенно в Семиречье было хаотическим, недовольство населения росло. Поэтому и не случайно, что Пален считал необходимым выделить Семиречье из пределов Туркестанского генерал-губернаторства и подчинить его Министерству Внутренних дел. Путем такого отделения Пален полагал возможным создать условия для ускорения «процесса обрусения области»[71]. В его планы входило создание переселенческих поселений, изолированных от коренного населения, со своим сельским управлением, сходом и судом. «Отличительной чертою сельского строя,— писал К. Пален,— является его деление на туземное и русское. Это начало, создавшееся исторически, в свое время могло быть обосновано соображениями политической осторожности. Далее он высказывал мнение, что такая обособленность туземного населения «в конечном развитии должна привести к племенной вражде и неприязни к русским учреждениям»[72].

Так колониальные власти всячески натравливали русское и коренное население друг на друга, разжигая национальную отчужденность и рознь.

Одним из серьезных проявлений шовинистической политики колониальных властей являлось вооружение части русских поселенцев, особенно кулацких элементов, как опоры царизма. Вооружение поселенцев началось еще в 1891 году, после утверждения царем соответствующего ходатайства Совета Министров. При этом Военный министр царского правительства, разъясняя порядок вооружения русских поселенцев, недвумысленно писал, что оружие и патроны передать в распоряжение военного губернатора области «предоставив его усмотрению рас-

---

[69] *К. Пален,* Отчет по ревизии..., Переселенческое дело, стр. 163.

[70] *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана, стр. 148.

[71] *К. Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Недостатки управления, стр. 16—17.

[72] Там же. Сельское Управление, стр. 199[1], 192[2].

пределения их между поселенцами области с выдачей лишь тем из последних, которые будут признаны местным начальством вполне благонадежными»[73]. В Семиреченской области 7257, или 43 процента из общего числа поселенцев, были вооружены винтовками[74]. Надо полагать, что и здесь власти раздавали оружие «наиболее надежным».

Результаты захватнической переселенческой политики царизма и искусственных мер, разжигавших национальную рознь, укрепляла агрессивно-шовинистическую тенденцию русского переселенческого кулачества против народных масс края. Эти реакционные шаги колониальных властей, вместе с тем, подогревали также националистические тенденции байско-манапских элементов местного населения. Оба эти враждебные народным массам тенденции ясно обнаружились в ходе восстания 1916 года в ряде районов.

Необходимо иметь в виду и наличие недовольства среди манапов в связи с переселенческой политикой царизма. Земельные изъятия колониальных властей в Семиречье не ограничивались изгнанием только трудящихся слоев аулов со своих обработанных земель. Они коснулись частично и крупных землевладельцев и скотоводов-манапов. В поисках все больших излишков земель для колонизационного фонда, переселенческие организации затрагивали и земли манапов. Например, в 1908 году была изъята значительная площадь земель, принадлежавших крупнейшим манапам Шабдановым. На части этих земель на Большом Кебене были образованы переселенческий поселок Новороссийск, на Малом Кебене — село Самсоновское и др.[75]. Таким образом, хотя и частично, были ущемлены интересы крупных манапов. Вот почему манапы, в том числе братья Мокуш Кемель, Аман и Хисаметдин Шабдановы, как «обиженные», пытались воспользоваться народным восстанием, чтобы восстановить свои былые привилегии, создать свое ханство. Они обманывали озлобленные народные массы, внушали им, будто бо-

[73] «Восстание 1916 года в Туркмении», (Документы и материалы), Ашхабад, 1938, стр. 9—10.

[74] *П. Г. Галузо.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк), в кн. «Коммунистическая мысль», Записки Среднеазиатского Коммунистического Университета им. В. И. Ленина, кн. I, Ташкент, 1926, стр. 86.

[75] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 370.

рются за их земельные права. В результате, манапам удалось захватить руководство движением и направить его по реакционному пути.

Итак, виновниками межнациональной розни в некоторых районах юга Семиречья являлись не народные массы, а царские власти, русское кулачество и местные феодально-клерикальные элементы. Даже участвовавшие в реакционных выступлениях трудящиеся киргизы и казахи были далеки от националистических устремлений. Как указано выше, трагедия их заключалась в том, что, участвуя в реакционных выступлениях манапства, они полагали, будто борются за справедливое дело.

Несколько слов об иностранном влиянии на восстание в Семиречье. В донесениях колониальных властей встречаются отдельные намеки и предположения о действиях германо-турецких агентов в Семиречье. Так, например, в одной из телеграммм Куропаткина военному министру говорилось, что «во время великой войны киргизское население подготавливалось (к) восстанию германскими офицерами, проникшими (в) Афганистан и Кашгар»[76]. Однако ничего конкретного здесь не сказано.

В докладной записке и. о. военного губернатора А. И. Алексеева (ноябрь 1916 г.) в качестве одной из важнейших причин недовольства киргизов, приведших к открытому возмущению, выдвигалась пропаганда, проникшая из соседнего Китая (Кульджа, Кашгар), где имелись «германские агенты, действовавшие через дунган и китайцев, в большом числе приезжающих на Каркару и Пржевальск...»[77].

Восстание 1916 года было подготовлено не иностранными державами: его основные причины коренились не во внешнем влиянии, а во внутренних социально-экономических и политических условиях.

Это, конечно, не значит, что влияние извне не играло никакой роли в организации реакционных выступлений в некоторых районах. Такое влияние очевидно имело место. В донесениях царских властей имеются некоторые факты о действиях немецко-турецкой аген-

---

[76] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 346.

[77] Там же, стр. 374.

туры в Семиречье. Так, например, в телеграмме Семиреченского военного губернаторства от 4 сентября 1916 года сказано о поимке одного германского шпиона. О помощи мятежникам со стороны немецких колонистов и о нахождении среди киргизов турецкого муллы сообщал пишпекский уездный начальник[78].

Во «всеподданнейшем отчете» военного губернатора Семиреченской области от 4 марта 1917 года по поводу восстания говорилось: «Что германские агенты питали некоторые надежды на туркестанских инородцев, то об этом имеются достоверные сведения в сообщениях наших консулов из Кашгара и Кульджи»[79] и т. д.

Таковы лишь отдельные факты. Более конкретных данных о действиях немецко-турецкой агентуры в период восстания 1916 года в Семиречье не имеется. Если же главари реакционных выступлений и имели связь с иностранной разведкой, то не эти связи являлись определяющими, как писали об этом царские чиновники.

Итак в Семиречье, как и в других районах, происходило народное, прогрессивное национально-освободительное движение, имевшее ярко выраженные аграрные причины. Вместе с тем на втором этапе движения примерно с 7—10 августа, феодально-клерикальным элементам удалось в отдельных районах области спровоцировать реакционные националистические выступления, чему способствовала проводившаяся длительное время реакционная аграрная и национальная политика царизма. Отдельные реакционные выступления ничего общего не имели с подлинно народными восстаниями и возмущениями, происходившими в Семиречье.

---

[78] Труды Ин-та языка, литературы и истории, IV вып., Фрунзе, 1954, стр. 36.

[79] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 408.

Глава V

ВОССТАНИЕ В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

В первых же донесениях представителей царской администрации (приставов, уездных начальников, охранного отделения) о настроениях населения в связи с объявлением указа о наборе на военно-тыловые работы, сообщалось о «тревожном положении», создавшемся в туркменских аулах и городах. Например, в рапорте начальника Асхабадского уезда И. Л. Карпинского от 10 августа 1916 года на имя и. д. начальника Закаспийской области Н. К. Калмакова сообщалось о происходившей 7—8 июля в районе Геок-Тепе демонстрации протеста туркменского населения против набора. Большая возбужденная масса туркмен ряда геоктепинских аулов, расположенных вблизи Асхабада, направилась к канцелярии начальника области «с заявлением о несогласии подчиниться распоряжению о наборе рабочих». Они откровенно заявляли, что «ни под каким видом не дадут требуемых правительством людей». Когда власти предупредили делегатов, что за дерзкие разговоры они будут арестованы и заключены в тюрьму — представители населения ответили: «Нас не надо арестовывать и в тюрьму сажать; повесьте нас тут же на месте, а наших сыновей оставьте в покое»[1]. За составление списка населения Геок-Тепе старшина этого селения был убит восставшими[2].

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, Д/М, инв. № 82, лл 32 и 43—44.

[2] Там же.

Аналогичные выступления геоктепинцев повторялись и в последующие дни. Власти арестовали вожаков выступления дайхан Сулеймана Копанчи оглы, Мерген Хезрет Кули оглы и других[3].

Народное движение, начатое в Геок-Тепе, быстро распространилось в другие районы. 12 июля с решительным протестом против набора выступили туркмены аула Бахарден, Асхабадского уезда. За активное выступление против набора и возбуждения масс здесь приказом начальника области были арестованы Меред Нуры оглы, Нияз Кули Ходжа Нияз оглы, Аки Мамед оглы, Нурли-Али Юсуп-Али оглы, Ил Аман Кадам оглы и Абиш Сары оглы[4]. Вместе с тем власти арестовали и. д. старшины аула Мамеда Сахат Джиллау, который обвинялся в том, что не смог обеспечить выполнение царского указа и составления списков рабочих. Характерно объяснение старшины по этому поводу. В своем прошении на имя начальника области он писал, что лично полностью согласен с распоряжением властей о наборе и объявил об этом населению. «Но,— сообщал он далее,— среди общества, к великому моему огорчению, оказались лица, которые стали противиться моему требованию»[5].

Среди населения распространялись упорные слухи о том, что вообще не существует царского указа и набор выдумало местное начальство для своего отличия и наживы. Например, в своем рапорте от 14 августа 1916 года начальник Асхабадского уезда отмечал, что житель аула Эррик-Кала молла Мухамед Назар молла Мюльк оглы, выступая 7 июля от имени собравшейся около канцелярии начальника области толпы, заявил о несогласии подчиниться распоряжению о наборе рабочих и утверждал, что набор придумали «полковники» для отличия, а указа о «реквизиции» нет. «Вообще же этот молла,— писал начальник Асхабадского уезда,— вел себя в высшей степени вызывающе и демонстративно по отношению к власти, заражая этим толпу»[6].

---

[3] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 431.

[4] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, дд. 446, 442, лл. 427, 429 и 432.

[5] Там же, д. 442, лл. 236—237 (см. докладную и. д. Дурунского пристава и прошение и. д. старшины аула Бахардан).

[6] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 430—431.

По тем же сообщениям аналогичное положение сложилось и в ауле Геок-Тепе № 3, где житель аула Мерген Хезрет Кули оглы разъяснял, что «указа о наборе рабочих нет, а дело в том, что начальство растратило казенные деньги, платить рабочим денег нет, а потому теперь хотят набрать туркмен»[7].

Активное сопротивление набору происходило во всех уездах области. Так, например, в Красноводском уезде, согласно рапорту вр. и. д. Чикишлярского пристава Золоторева от 8 июля, туркмены «на сходе решили во что бы то ни стало людей не давать, хотя бы на этой почве пришлось умереть»[8]. «За последнее время,— сообщал заведующий Асхабадским розыскным пунктом,— туркмены в Мервском уезде держат себя вызывающе, говоря, что туркмены ныне должны «взяться за голову и постоять за себя»[9]. «Население добровольно не желает дать рабочих»,— докладывал 12 июля управляющий населением района Тохтамыш Капитан Малиновский[10]. Как указывалось в протоколе коллежского советника Ниязбекова от 26 июля, житель аула Куты Эмир Берды оглы и житель аула Гяурс Анна Мамед молла Шамамедов вели агитацию среди населения Асхабадского уезда против исполнения царского указа. Они указывали, что население других областей Туркестанского генерал-губернаторства и, в частности, «туркмены Мервского и Тедженского уездов, не дали русским властям ни одного рабочего», и поэтому советовали таким же образом поступать дайханам Асхабадского уезда[11].

Население подавало властям жалобы на представителей «туземной» администрации и богачей, допускавших злоупотребления при составлении списков. Например, в прошении жителей аула Языканджик Тедженского уезда на имя начальника Закаспийской области говорилось, что «родственники аульной администрации и прочие богатые лица по три, четыре и пять братьев вполне трудоспособные, не пользующиеся льготою по призыву, не внесены в сказанный список (по набору —

[7] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 431.
[8] Там же, стр. 423.
[9] ЦГИАЛ, ф. 1286 (департамент полиции)..., д-во, д. 130, ч. 10.
[10] Указ. сб. документов, стр. 425.
[11] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 442, л. 517.

Х. Т.), значит властью аульной администрации освобождены от призыва на государственную охранную службу»[12].

Широко распространенной формой сопротивления туркменского дайханства набору явились откочевки в отдаленные районы Каракумов и в пределы Персии и Афганистана. По данным заведующего Асхабадского розыскного пункта А. А. Фиркса только в течении одного дня из Пендинского приставства Мервского уезда 60 туркменских кибиток, «не желая подчиниться набору рабочих в тыл армии, выехали в Афганистан»[13]. Откочевки туркменского населения, как формы сопротивления власти, продолжались, и увещания Пендинского пристава через старшин о прекращении откочевок не имели никакого успеха[14].

Отказываясь выполнить распоряжение властей о наборе, оставляли работу и скрывались также рабочие железнодорожники[15].

Многие старшины Красноводского уезда, сознавая свое бессилие выполнить распоряжение властей, просили уездного начальника оказать им помощь в усмирении населения и мобилизации рабочих силами воинских частей[16].

Положение, создавшееся в связи с народным движением против набора и фактическим срывом исполнения царского указа, обсуждалось на экстренном совещании уездных начальников, состоявшемся 12 июля. Совещание пришло к выводу, что всякая надежда на мирный исход исполнения указа исчезла, что необходимо применение решительных карательных мер против народных волнений и проведение набора в принудительном порядке. Совещание ходатайствовало перед Туркестанским генерал-губернатором о немедленном командировании в Закаспийскую область дополнительных воинских частей[17].

---

[12] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 444—445.

[13] Там же, стр. 446.

[14] Там же, стр. 458.

[15] Там же, стр. 463.

[16] «Восстание 1916 г. в Туркмении» (Документы и материалы), стр. 34.

[17] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 464.

И. о. начальника Закаспийской области Н. К. Калмаков телеграфировал 13 июля Туркестанскому генерал-губернатору, что «туркменское население отказывается доставить рабочих»[18]. 14 июля 1916 года был издан специальный приказ и. д. начальника области с угрозой в адрес восставшего туркменского населения: «Рабочие все равно будут взяты, если не добровольно, то силой,— писал Калмаков,— и я беспощадно покараю те аулы, где не хотят исполнить волю государя», а 15 июля он сообщал генерал-губернатору, что набор возможно осуществить лишь принудительно, поскольку туркмены добровольно не дают рабочих, оказывая сопротивление. Для проведения набора насильственным путем сформированы подвижные воинские отряды[19].

Встревоженный сообщениями из Закаспия и. о. Туркестанского генерал-губернатора М. Р. Ерофеев предложил начальнику области принять срочные меры к прекращению «самовольного» ухода туркменского населения из городов и селений в целях уклонения от работ, а также «немедленно организовать преследование и захват бегущих и их обозы. Для образования конных карательных и понудительных отрядов,— указывал генерал-губернатор,— необходимо спешно реквизировать «потребное число лошадей и седел у туземного населения. Посадить на лошадей хотя бы без седел нижних чинов, умеющих ездить верхом»[20]. В другом распоряжении Ерофеев предлагал производить военные прогулки по туркменским городам и селениям «с целью ознакомления с ними и способов действия на случай применения карательных и понудительных мер»[21]. Тем не менее демонстрации протеста населения все более возрастали.

Н. К. Калмаков заранее предусмотрел проведение набора путем насильственных мер. «В случае сопротивления,— писал он,— (в) каждом ауле администрация в сопровождении сотни казаков в составе отряда для содействия и прекращения активных беспорядков выбирает рабочих, направляя их под конвоем казаков на

---

[18] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 6348, л. 19.

[19] «Восстание 1916 г. в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 36—37.

[20] Там же, стр. 39.

[21] Там же, стр. 41.

сборный пункт, откуда немедленно вывозятся из области, куда вами будет указано; списки будут составляться на сборных пунктах»[22].

В рассматриваемый период произошли крупные возмущения в Серахском приставстве Тедженского уезда. 20 июля 1916 года по распоряжению Серахского пристава Сокологорского были вызваны на совещание управители волостей, старшины, эмины (сборщики податей), судьи, ишаны, муллы и другие представители эксплуататорских слоев населения края для предварительной подготовки к набору. Однако на совещание прибыло «много неприглашенных из туркменского населения». Пристав безуспешно пытался разъяснить населению значение царского указа, говорил он и о тяжелых последствиях для народа в случае его невыполнения. После этого житель аула Кущи Буки-Караманской волости Клыч Нияз Комеков заявил: «Готовы умереть здесь, а рабочих дружин не дадим»[23]. Клыч Нияз был немедленно арестован.

Сокологорский далее сообщал, что туркмен аула Оджук Караманской волости Тедженского уезда Кули Ишан Ораз Ишанов 15 июля был избран населением «руководителем конными молодыми туркменами на случай, если будут принудительно брать туркмен на сформирование рабочей дружины, то есть будучи их атлыкбаши (предводителем конного отряда — *Х. Т.*) он должен распоряжаться конным составом туркмен в числе 500 человек»[24].

Возмущенное население Еловачской волости категорически отказывалось выполнить царский указ. Одним из вожаков готовившегося здесь повстанческого движения молодежи был житель аула Ейке-Башардим Давлет-Нияз Каландаров, прославившийся «у населения за храбро-воинственного человека»[25]. По сообщению того же Сокологорского за агитацию против приказа о наборе наряду с Давлет-Нияз Каландаровым был арестован

---

[22] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 33—34.

[23] «Восстание 1916 г. в Туркмении». (Документы и материалы), стр. 41

[24] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 466, лл. 8, 10, 12, 14, 18, 55—56.

[25] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 427.

также и другой предводитель масс житель аула Орду Ходжа Мамед-Аман Мамед-Мурадов[26].

Народное движение в Закаспии все более ширилось.

Интересно, в связи с этим, отношение эксплуататорских слоев туркменского населения к царскому указу и к восстанию. Связанные экономическими и политическими узами с царизмом и русской империалистической буржуазией, представители имущих слоев туркмен направили свои усилия на борьбу против активного народного сопротивления набору. Об этом свидетельствуют маневры, предпринятые эксплуататорской верхушкой во главе с ханшей Гюль Джамал[27].

«Богатые туркмены Мервского оазиса,— сказано в донесении заведующего Асхабадским розыскным пунктом в Закаспийской области,— не желая дать рабочих из своей среды, обратились за советом к ханше»[28].

На первом совещании богатых туркмен Мервского и Тедженского уездов, состоявшемся у ханши Гюль Джамал, было вынесено решение не давать рабочих и немедленно телеграфировать об этом в Петроград царю и военному министру. Одновременно участники совещания обратились за консультацией к адвокату графу Г. Дорреру[29]. Последний предупредил о немыслимости и неразумности какого бы то ни было сопротивления царскому указу. Он посоветовал возбудить ходатайство об отмене набора рабочих и его замене уплатой денег и натурой (скотом и т. п.).

Этот план понравился Гюль Джамал. На следующем совещании представителей богатых слоев населения 10 июля по инициативе ханши было решено послать прошение начальнику Мервского уезда якобы от имени

---

[26] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.., стр. 428.

[27] Гюль Джамал (Гюль Бай Джамал) проживала в Байрам-Али, возле Мургабского государева имения. При завоевании Туркменского края царской Россией Гюль Джамал со своими подданными добровольно перешла в русское подданство. Вследствие этого она пользовалась некоторым вниманием со стороны царских властей. (См. «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 433).

[28] Указ. сб. документов, стр. 433.

[29] Г. Доррер — кадет, после Февральской революции 1917 г. был областным комиссаром Временного правительства, заместителем генерала Коровиченко. 14 декабря 1917 года расстрелян за участие в антисоветской демонстрации.

всех текинцев. В начале прошения говорилось, будто все туркмены текинских племен «вполне сознают священную обязанность свою во исполнение царского указа нести жертвы на благо родины, как бы тяжелы они ни были», и далее: «отдать свой труд, и если понадобиться, то самую жизнь за царя и родину, это каждый текин исполнит с радостью». После этого составители прошения верноподданнически просили заменить наряд на работы в тылу армии «работами для нужд государственной обороны в пределах области, денежными сборами для нужд войны или натуральной повинностью». Гюль Джамал одновременно с сожалением подчеркивала, что проведение в жизнь царского указа «вызвало на практике некоторые печальные недоразумения...», однако, говорилось в прошении, влиятельная часть населения Мервского уезда «употребляет все усилия к тому, чтобы убедить своих единоплеменников добровольно в назначенный срок явиться на сборные пункты и поступить в рабочие дружины»[30].

Просьбу о замене набора рабочих денежными и иными сборами ханша предполагала лично поддержать в Петрограде. Поэтому она обратилась к начальнику области за разрешением о выезде, однако ей было в этом отказано.

Небольшая оппозиционная группа во главе с волостным старшиной Эмир Вердыевым и Мамед Оразовым выступала против этих действий ханши и считала необходимым противодействовать набору рабочих. Ханша, однако, не согласилась с Вердыевым и Оразовым, считая, что они «своими несостоятельными просьбами повредят общему делу, что приказание белого царя надо исполнить, а она (ханша — *Х. Т.*) лишь может просить некоторые льготы для туркмен»[31].

По указанию Гюль Джамал был начат сбор денег с каждой кибитки «для передачи на нужды войны, с расчетом, что крупное вознаграждение в миллион рублей сможет отменить набор»[32]. Эксплуататорская верхушка

---

[30] «Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг.», сб. документов, кн. IV, Ашхабад — Москва, 1946, стр. 107—110.

[31] ЦГИАМ, ф. 102, 4-д-во, 1916 г., д. 130, оп. 10, лл. 146, 147

[32] Там же, лл. 141—142.

туркмен советовала населению не волноваться и ждать результатов их ходатайства перед властями.

Все это привело к тому, что значительная часть туркменского населения, обманутая ханшей, заняла выжидательную позицию. Туркмены рассчитывали на возможность откупиться от поставки рабочих и охотно делали денежные взносы ханше[33]. Маневры туркменских баев в значительной степени ослабили сопротивление народных масс. Это подтверждается донесениями Асхабадского розыскного пункта. 13 сентября 1916 года директору департамента полиции было донесено: «...туркмены четырех уездов находятся под полным влиянием мервской ханши Гюль Джамал, которая от лица туркмен в корректной форме обращается к администрации с рядом просьб по урегулированию вопроса набора, и нет никаких данных считать, что ее влияние вылилось бы в форму противоправительственной агитации»[34].

Ханша и ее клика явно двурушничали. Собирая с населения денежные «пожертвования» вместо набора, она, одновременно заявляла о своей полной готовности поддержать набор рабочих на тыловые работы. И. о. начальника области Калмаков докладывал Куропаткину о том, что 17 июля 1916 года, будучи на приеме у него «ханша Гюль Джамал заявила, что туркменский народ даст рабочих и беспрекословно исполнит волю государя»[35].

Усилия ханши и эксплуататорской верхушки туркмен были направлены на подавление народного возмущения «мирными» средствами, путем обмана масс. Несмотря на соглашательскую политику эксплуататорской верхушки и репрессии карательных отрядов, восстание туркмен продолжалось в различных формах.

Председатель Красноводского воинского присутствия Калашников в рапорте на имя Калмакова, сообщая о сопротивлении населения, считал необходимым командировать в Чикишляр, Кара-Кала и Казанджик до 50 конных казаков и по роте в Кара-Кала, Чикишляр и

---

[33] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 464.

[34] ЦГИАМ, ф. 102, 4-д-во, 1916, д. 130, оп. 10, лл. 141—142.

[35] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 465.

Красноводск[36]. Калмаков, в свою очередь, предвидя угрозу дальнейшего усиления сопротивления туркмен, могущего превратиться в открытое восстание, спешно послал требуемые воинские части в Кара-Калу и Чикишляр. Одновременно им был сформирован «целый карательный летучий отряд из трех родов оружия»,который перебрасывался в наиболее важные районы повстанческого движения»[37]. Начальник же Тедженского уезда сообщал в область и расписывался в невозможности собственными силами справиться с сопротивлявшимся набору туркменским населением Серахса. Он настойчиво просил немедленно послать в район Серахса не менее полуроты с пулеметом[38].

Учитывая надвигающуюся угрозу, 23 июля командующий войсками Туркестанского военного округа отдал приказ, согласно которому разрешалось открывать огонь по скопищам восставших, «не допуская их даже на дальний выстрел»[39].

Таким образом, убедившись во всей опасности народного движения, царские власти принимали срочные меры по пресечению восстания в Закаспии.

Получив такие указания, начальник Закаспийской области с еще большим усердием приступил к набору, применяя принуждение и карательные меры против восставшего туркменского населения. Он объявил, что в случае сопротивления распоряжениям властей рабочие будут набираться силой, а население понесет «строжайшие наказания, громадные денежные штрафы и потерю имущества за сопротивление». Вместе с тем он грозил, что сопротивляющиеся будут облагаться двойным нарядом рабочих[40].

Уездными начальниками были составлены подробные планы проведения принудительного набора. Так, например, в плане Тедженского уездного начальника предусматривались, в частности, следующие действия: «Начальник уезда или его помощник и пристав (в зависимо-

---

[36] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов стр. 425.

[37] Там же, стр. 426.

[38] Там же.

[39] «Восстание 1916 г. в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 45.

[40] Там же, стр. 41.

сти от района) в сопровождении части карательного отряда не менее полуроты пехоты, полусотни казаков при пулемете и орудии.., при управителе и переводчике выступает в намеченный аул, окружает его разъездами конных частей, по одному разъезду в 4 чел. с каждой стороны аула, устанавливает пехоту с пулеметом и орудием против аула в более удобном для того месте и через управителя требует схода населения в определенный пункт на виду отряда...» В случае неисполнения этого требования предписывалось ударами нагайки и прикладами собрать всех мужчин силою и выполнть наряд вдвойне против требуемого от аула количества рабочих, «не особенно придерживаясь при этом определенного возраста», а затем под конвоем препровождать мобилизованных на сборный пункт[41].

По первоначальному плану, призываемые должны были поступать в распоряжение местной администрации для формирования специальных дружин. Однако этот план пришлось отменить вследствие начавшегося восстания. Туркестанский генерал губернатор отдал распоряжение о передаче мобилизуемых на сборных пунктах непосредственно военному командованию[42].

Одновременно опасаясь осложнений с набранными рабочими на сборных пунктах, их побегов и укрывательства населением, совещание при начальнике Закаспийской области признало необходимым «добытых обязательной реквизицией рабочих отправлять из области немедленно, не производя им дезинфекции, дезинсекции и прививки, выполнив таковые впоследствии вне пределов области»[43].

И все же, несмотря на карательные меры властей, туркменские трудящиеся массы продолжали упорную борьбу.

23 июля начальник Тедженского уезда телеграфировал, что в Серахсе «волнения не унимаются, положение серьезное, аресты главарей возможны при наличии достаточной силы»[44]. И действительно, на следующий

---

[41] «Восстание 1916 г. в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 70—71.

[42] Там же, стр. 34.

[43] Там же.

[44] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 465.

же день 24 июля выступила огромная масса дайхан, численностью в 4 тысячи человек и направилась с протестом в г. Серахс. Вызванная серахским приставом войсковая часть пограничной охраны вышла «на усмирение взбунтовавшейся четырехтысячной толпы, шедшей к городу». Лишь после объявления повстанцам полученной из Ташкента телеграммы, разрешающей отсрочку набора, толпа разошлась[45].

Выступления дайхан продолжались также в Мервском, Асхабадском и других уездах. Таким образом, несмотря на репрессии, возмущения среди туркмен приняли довольно широкие размеры.

Почувствовав невозможность подавления сопротивления масс лишь карательными мерами, начальник Закаспийской области ходатайствовал перед вышестоящими инстанциями об отсрочке набора рабочих до 15 сентября. И уже 24 июля власти вынуждены были санкционировать данную отсрочку[46]. Однако и после этого восстание в Закаспии продолжалось то в одном, то в другом районе.

В летописи восстания 1916 года в Закаспии важное место занимает вооруженное выступление туркменского дайханства аулов Кукурчек и Курбан-Каз в районе Гасан Кули Красноводского уезда. Как явствует из рапортов вр. и. д. чикишлярского пристава Золотарева от 25 августа 1916 года, население указанных аулов, несмотря на сообщение об отсрочке набора до 15 сентября, продолжало сопротивление и даже готовилось к вооруженному восстанию. Получив эти сведения, 14 августа пристав со своим отрядом прибыл в Кукурчек. Вызванные к приставу старшины заявили, что они не в силах выполнить указ о наборе. «Будешь сам говорить с народом,— говорили они приставу,— и, может быть, он тебя послушает и согласится дать добровольно рабочих[47]. Не добившись никакого результата от старшин и почувствовав надвигавшуюся угрозу активного выступления дайхан, пристав принял меры охраны своего отряда и послал в окрестности аула конные разъезды.

---

[45] «Восстание 1916 г. в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 44.

[46] Там же, стр. 51.

[47] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 436—437.

Группа солдат сообщила приставу, что в канавах недалеко от аула они обнаружили засевших вооруженных туркмен, открывших по разъездам огонь. Отряд пристава Золотарева был окружен повстанцами. «Приняв во внимание все изложенное,— писал пристав,— а также и доклад джигита Клыч-Дова оглы, о том, что мы окружены со всех сторон, я решил уйти к ближайшему опорному пункту — пограничному посту Курбан Каз»[48].

16 августа чикишлярский пристав послал в аул Курбан Каз разведку в целях выяснения настроения населения. Но и разведка была обстреляна туркменскими повстанцами, при этом разведчик Колошин был ранен. Прибывший к месту происшествия пристав со своим отрядом также попал под огонь и был вынужден вернуться на пост. Тогда в аул Курбан-Каз были посланы два карательных отряда — Гасан-Кулийский и Чатлинский. Однако к прибытию карателей повстанцы скрылись. На следующий день по приказанию начальника Красноводского уезда Шелашникова для конфискации имущества повстанцев и ареста оставшихся в ауле туркмен, утром 17 августа в Курбан-Каз снова прибыл отряд Чикишлярского пристава Золотарева. Внезапно «отряд был встречен ружейным огнем со стороны туркмен,— сообщал Золотарев. Отряд отвечал тем же, и завязалась перестрелка. В помощь отряду с поста прибыли человек 10 пограничников. Около 11 час. утра 14 конных туркмен обскакали справа отряд, подскочили к посту и открыли огонь, но несколькими выстрелами оставшихся на посту людей нападение было отбито». Вскоре пристав получил подкрепление от Гасан Кулийского отряда. Вновь завязалась перестрелка. Повстанцами были убиты пограничники Олимпиев и Вандаев, двое из солдат-кавалеристов (Штеп и Кирьянов) были ранены. Лишь после упорных боев объединенных сил двух отрядов туркмены были выбиты из аула[49].

Вооруженная борьба туркменских дайхан, развернувшаяся 13—18 августа в районе Чикишлярского приставства, не закончилась указанным выше событием, что подтверждается следующими документами: 19 авгу-

---

[48] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 437.

[49] Там же, стр. 437—438.

ста начальник Чикишлярского гарнизона подполковник пограничной службы Иванов послал на имя начальника области следующую телеграмму: «Прошу выслать войска и пулеметы, положение серьезное». Помощник Красноводского уездного начальника также подтверждал опасное для властей положение в этом районе и крайнюю необходимость спешной подброски сюда карательных войск. По сообщению российского пограничного комиссара в Персии полковника Михайлова 19 августа в 9 верстах от Яглы-Олума началась перестрелка с пограничниками[50].

«Получив эти тревожные вести из Чикишляра,— докладывал начальник области Калмаков в штаб Туркестанского Военного Округа,— я сам выехал в Кара-Кала, а оттуда дальше по Атреку для расследования дела и личного разъяснения высочайшего повеления»[51]. Тем временем, восстание туркмен все более ширилось. 21 августа генерал Логинов телеграфировал: «...на границе России Чаатлы окружены мятежниками, сообщение с Чикишляром прервано, дороги закрыты».

В связи с этим в этот район послана еще одна полусотня, но и этого оказалось мало. 22 августа подполковник Иванов вновь послал в Асхабад следующую телеграмму: «Присылайте немедленно войска (в) Чикишляр, туркмены массою наступают». По другим сообщениям вахмистра Чаатлинского отряда число восставших здесь туркмен достигало 5 тысяч человек[52].

Начальник Красноводского уезда 24 августа донес, что около 400 конных туркмен, заняв пограничную полосу Курбан-Каз-Карагаш со стороны Персии, открывали огонь по разъездам и пограничникам[53]. В районе только одного пограничного поста — Яглы Олума — оказалось сосредоточенными свыше 2 тысяч кибиток иомудов. 1 сентября начальник области Калмаков донес командующему войсками округа, что «настроение крайне тревожное, мои уговоры, доводы исполнить высочайшее повеление мало действительны[54].

---

[50] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 467.
[51] Там же.
[52] Там же, стр. 468.
[53] Там же, стр. 470.
[54] Там же.

Итак, ни уговоры властей с призывом подчиниться царскому указу и ни насилия карателей не смогли сломить сопротивление восставших туркмен. Выполнение указа было сорвано. Сотни и тысячи туркмен своеобразными маневрами беспокоили царскую администрацию. В дальнейшем туркменские повстанцы, под давлением превосходящих по вооружению регулярных войсковых частей, большими массами откочевали в пределы Ирана (Персии). «До начала октября,— сообщал генерал-майор Давлетшин, уполномоченный Туркестанского военного губернатора,— настроение населения, по словам старшин, было весьма тревожное: иомуды большею частью откочевали в Персию; осталось до 100 кибиток Бегелька, 40 кибиток Каррови, 50 кибиток Салак и 200 кибиток Атабай, всего около 400 кибиток[55].

Массовый уход туркмен в пределы Ирана объяснялся, в частности, надругательством над населением со стороны царских властей. Так, например, в заявлении туркмен на имя Российского пограничного комиссара было сказано: «Население в этом году получило много обиды от пристава и его помощника, а равно от переводчика; эти лица опросили нас не ласково, а путем насилия. Пристав объяснил нам, что если не составим списки рабочих, то он нас перебьет, нанес нам много обиды. Причиною этого столкновения (столкновение в Кукурчаке и Курбан-Каз.— *Х. Т.*) служили названные 3 лица. Они в сопровождении 40 всадников выехали в селения, обидели население, благодаря этому население рассеялось»[56].

Почти так же развертывалось народное движение и в других районах Закаспия. 1—2 октября 1916 года произошло вооруженное восстание тедженских туркмен. Согласно заключению военно-прокурорского надзора Туркестанского военно-окружного суда группа вооруженных повстанцев Серахского приставства Тедженского уезда выступили с целью срыва отправки мобилизованных рабочих на военно-тыловые работы. В приказе Куропаткина от 22 декабря 1916 года были признаны виновными вожаки выступления — 15 туркмен за то, что они «будучи вооружены берданками, револьверами и ножами, неже-

[55] «Восстание 1916 года в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 118.

[56] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 472.

лая подчиниться исполнению высочайшего указа от 25 июня 1916 г. о наборе из туземцев на тыловые работы в действующую армию, с целью воспрепятствовать отправлению из Серахса в Теджен собранной для этой цели из туземцев партии рабочих, состоявшей из 257 человек...»[57]. В ночь с 1 на 2 октября конный туркменский повстанческий отряд подъехал к Серахсу. При первом же известии о продвижении туркмен, им навстречу выехали ротмистр 30-й пограничной бригады Жуков и серахский пристав Сокологорский с конно-полицейской и пограничной стражей. Туркменский отряд оказал вооруженное сопротивление, и затем, разбившись на группы, проследовал к Караманской и Еловачской волостям, призывая население освободить мобилизованную партию рабочих и для увеличения своих сил вербовал людей. Днем 2 октября в 30 верстах от Серахса, в местности Пирен вновь произошло вооруженное столкновение между туркменскими повстанцами и преследовавшими их карателями. В течение двух часов продолжалась сильная перестрелка[58].

«4 октября туркмены,— писал Куропаткин,— с целью отбить по пути следования партию рабочих, вновь собрались вооруженной толпой в количестве не менее 50 чел. в двух верстах от ст. Каушут близ г. Серахса»[59]. Вооруженное восстание 1—4 октября в районе Серахса было подавлено. Карательный отряд, возглавляемый баем Менгли-ханом, арестовал 22 человека. Но борьба теджен-ских дайхан продолжалась[60].

21 ноября 1916 года произошло крупное выступление дайхан Мервского уезда. Узнав о прибытии в Мерв начальника области Калмакова, представители разных аулов — свыше 500 человек явились к нему с требованием, об удалении двух волостных управителей и нескольких аульных старшин и эминов, злоупотреблявших своим положением при составлении списка мобилизуемых. Во избежание осложнений Калмаков был вынужден пойти на уступки и отстранить некоторых наиболее ненавист-

---

[57] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 483.

[58] Там же, стр. 483—484.

[59] Там же, стр. 484.

[60] «История Туркменской ССР», т. 1, стр. 388; ЦГА УзССР, ф. 11, оп. 1, д. 1142, лл. 52—53.

ных населению должностных лиц «туземной» администрации[61].

Вооруженное выступление отдельных групп тедженских туркмен в районе Серахса 2—4 октября хотя было кратковременным и небольшим по размаху, тем не менее оно являлось показателем активного сопротивления возмущенного населения против царского указа. Характерно и то, что многие из мобилизованных рабочих отказывались от явки на сборные пункты, поэтому администрация то и дело издавала приказы о привлечении к ответственности лиц, отказавшихся от мобилизации. Например, приказом начальника области от 13 декабря 1916 года житель аула Кара Копгур Аман Анна Эвезов «за уклонение от явки на сборный пункт рабочих» был подвергнут аресту сроком на три месяца, с условием «по отбытии наказания насильно отправить в тыл армии»[62]. Другим постановлением 10 туркменских рабочих «за уклонение от работ по реквизиции» были подвергнуты аресту на три месяца каждый[63].

Важно и то обстоятельство, что среди мобилизованных туркмен, оставленных на работе на Среднеазиатской железной дороге, самовольный уход и отказ от службы становился массовым явлением. Так, например, 20 октября заведующий Асхабадским розыскным пунктом сообщал в департамент полиции об отказе мобилизованных туркмен от работы на железнодорожной станции Комарово[64]. Начальник 14 участка службы пути и сооружений дороги доносил 4 декабря 1916 года, что туркмены Анна Дурды, Яким Рахим, Байрам оглы, Пальван Корсак, Хан Дурды Ораз Гельды, Берды Эвезов, Бай Гельды хан, Ата Мурад Ходжи Кули, Берды Ханмурад, Артык Бабахан и Джума Ораз Али «проявили полное нежелание работать и действуют крайне возбуждающим образом и на других рабочих». Распоряжением начальника области все они были подвергнуты аресту сроком на три месяца[65].

---

[61] «История Туркменской ССР», т. 1, стр. 388; ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 475, л. 31.

[62] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 445, л. 74.

[63] «Восстание 1916 года в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 174.

[64] ЦГВИАМ, ф. Департамент полиции, 1916 г., д. 130, ч. 10, л. 158.

[65] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 445, лл. 174—175.

Другая группа рабочих самовольно оставила службу на том же 14 участке железной дороги. Из них Кара Кузы хан Иманов, Ораз Мухамед Базар Баишоглы, Курбан Мамед Сахат, Курбан Аман Гельды Баши, Баки Кер оглы и другие были подвергнуты «штрафу по три тысячи рублей или аресту каждого на три месяца»[66]. 3 декабря начальник службы пути сообщал, что «реквизированный» для работы на дороге туркмен Бабаш Ай Назар с 9 ноября самовольно ушел с работ и «смущал артель»[67]. 4 декабря начальник 14 участка службы пути доносил начальнику Тедженского уезда о том, что часть мобилизованных туркмен за отказ от работы приказом начальника области была арестована сроком на один месяц каждый[68].

Вскоре о самовольном уходе 41 тылового рабочего-туркмена с работы на железной дороге рапортовал и начальник Асхабадского уезда. Приказом начальника области все они были подвергнуты аресту сроком на 10 суток каждый[69].

Из службы пути железной дороги продолжали поступать многочисленные заявления о том, что тыловики, оставляя работу, «смущают артель» и не выполняют распоряжений[70].

Из других областей Средней Азии также поступали сведения о неподчинении туркмен-тыловиков. Например, 31 января 1917 года военный губернатор Самаркандской области сообщал, что мобилизованные туркмены на станции Самарканд в течение нескольких дней не выходят на работу, почему каждый месяц получается ущерб казне до 900 рублей[71].

Все события, изложенные выше, свидетельствовали о том, что и в Закаспии, как и других районах Средней Азии, развертывалось подлинно народное восстание, приобретавшее в различных районах ту или иную форму, начиная от отказа идти на работу, местных демонстраций протеста до открытых вооруженных выступлений.

---

[66] «Восстание 1916 года в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 173—174.
[67] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 6339.
[68] Там же, д. 445, лл. 201—202.
[69] Там же, лл. 78—80.
[70] Там же, лл. 208, 354; д. 6339 и др.
[71] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 1179. л. 72.

Однако в силу ряда причин движение закаспийских туркмен не получило широкого размаха. Во-первых, царская администрация, учитывая уроки восстания в соседних областях края, заранее сосредоточила в основных пунктах воинские части. Во-вторых, царские власти отсрочку призыва начали прежде всего с Закаспийской области[72]. В-третьих, часть (три тысячи) мобилизованных туркмен была оставлена для работы на железной дороге на территории самой области. Этим самым администрация не только удовлетворила ходатайство управления дороги, но и добивалась «утихомирения» возмущенного царским указом туркменского населения; и, наконец, в-четвертых, в сравнительно быстром подавлении народного движения властям помогла часть эксплуататорских слоев туркменского населения, видной представительницей которых являлась Гуль Джамал, о своеобразных действиях которой сказано выше.

Среди эксплуататорской верхушки туркмен проявились подобно джизакским бекам и семиреченским манапам явно сепаратистские тенденции, стремление использовать народное движение в своих узкоклассовых интересах. Именно представители феодально-клерикальных кругов Азис Чапыков, Алты-Сопи и другие возглавили панисламистские выступления в районе Теджена 5—6 октября 1916 года[73]. Этим моментом пытался воспользоваться Джунаид-хан — главарь реакционных банд в Хивинском ханстве. В рассматриваемый период он скрывался на территории Афганистана после бегства в феврале 1916 года из пределов Хивы в связи с провалом своей авантюры в ханстве. А когда началось народное восстание в июле 1916 года Джунаид-хан в целях организации в Закаспии реакционного движения стремился перейти из Афганистана в пределы Закаспийской области, однако афганское правительство помешало ему в этом[74]. Однако хотя Джанаиду не удалось непосредственно возглавить реакционное выступление в Теджене, его

---

[72] «Восстание 1916 года в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 51.

[73] ЦГА ТССР, ф. с/б., д. 180, л. 3.

[74] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5106. л. 370. Там же, д. 423, л. 413; д. 5106, лл. 444, 449; «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ, сб. документов, стр. 459.

осуществил ближайший сподвижник Джунуида — Азис Чапыков.

Группа Азиса Чапыкова угрозами заставила Отамышского волостного управителя Мамеда Тач Дурдыева и писаря Хан Гельды Каррыева собрать народ на выступление в Теджен. Чапыков говорил, что он уполномочен Джунаид ханом, бухарским эмиром и вообще мусульманскими государствами, и что 6 октября 1916 года повсеместно будет выступление против русских и в Бухаре, Самарканде, Чарджуе, Ташкенте, Мерве и других местах[75].

Путем угроз, насилий и обмана реакционным элементам удалось собрать лишь 500—600 человек. В ночь с 5 на 6 октября 1916 года Азис Чапыков предпринял попытку вооруженного нападения на Теджен. По пути его банды убили трех железнодорожных рабочих и одну девушку[76]. Затем мятежники направились в город, где они предполагали уничтожить всех русских[77]. Однако дальнейшее продвижение группы застопорилось, так как власти, осведомленные о начавшемся мятеже, послали воинские подразделения, которые недопустили Чапыкова к городу и затем обратили его сподвижников в бегство[78]. Туркестанское охранное отделение в своем донесении от 26 октября 1916 года, признавая непричастность подавляющего большинства населения Тедженского уезда к авантюре Азиса Чапыкова, писало, что русский отряд население «встречало с белыми флагами, преобладающая часть населения относилась вполне доброжелательно, что является показателем, что далеко не все население было на стороне взбунтовавшихся»[79]. В докладе генерала Давлетшина, командированного властями в Закаспий-

---

[75] ЦГА ТССР, ф. С/б., д. 180, лл. 10, 12 и 13.

[76] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 448—449.

[77] Из всего населения Тедженского уезда в 60 190 человек русских было 3018, в том числе в Теджене 442 человека. В городе проживало еще 142 армянина, туркмен не было. (См. «Обзор Закаспийской области за 1911 г.», Асхабад, 1915, стр. 250, Приложение № 1).

[78] Азису Чапыкову удалось спастись бегством. Но впоследствии он, будучи английским агентом, продолжал свои реакционные дела, организуя антисоветское басмаческое движение в Туркмении и был разгромлен советскими вооруженными силами.

[79] Указ. сб. документов, стр. 456.

скую область, признавалось, что при беседе с ним туркмены характеризовали тедженских мятежников «шайкой разбойников и всякого сброда», который «позорит весь туркменский народ, и марает его доброе имя»[80].

Таким образом выступление реакционных элементов в районе Теджена, не будучи поддержанным туркменским народом, провалилось.

Аналогично описанным выше событиям происходили реакционные выступления феодально-клерикальных элементов в районе Гюргена, выразившиеся в нападениях на русские поселки Рождественский, Донской, Крещенский и другие. Эти выступления не имели ничего общего с народным восстанием в Красноводском уезде. Даже представители колониальной администрации вынуждены были признать изменение характера восстания с момента нападения на русские поселения. Об этом откровенно говорится, например, в телеграмме туркестанского генерал-губернатора Куропаткина на имя военного министра, в которой сказано «мятежные выступления иомудов, *имевшие основной причиной нежелание поставить требовавшихся от них стражников* начались в середине августа и выражались нападениями (на) наши пограничные отряды, транспортные посты. *Дальнейшем мятежникам* примкнули другие роды кочевых туркмен джафарбайцев, атабайцев, и *беспорядки приняли характер нападения на русские поселения района реки Гюрген,* из которых четыре были совершенно разрушены и другие сильно пострадали»[81] (курсив наш — Х. Т.). Хотя Куропаткин называет начальную стадию восстания, выразившуюся в нападении на пограничников, мятежом, что не соответствует действительности, тем не менее он вынужден был признать иной характер событий после нападения на русские поселения в районе Гюрген. Эта же мысль еще более ясно выражена в письме командующего войсками Туркестанского военного округа военному губернатору Сырдарьинской области генералу Мадритову, назначенному начальником карательной экспедиции в Закаспии[82].

---

[80] «Восстание 1916 года в Туркмении, (Документы и материалы), стр. 114.

[81] ЦГВИАМ, ф. 1396, оп. 2, д. 151, л. 493.

[82] Там же, л. 15.

Итак, реакционное восстание происходило не в Атреке. Оно началось на Гюргене несколько позже, чем народное движение в Красноводском уезде. Это было в сентябре, когда руководство стихийным движением возглавили реакционные элементы. Такова диалектика событий. Сложной обстановкой, складывавшейся в южных пограничных районах, воспользовались панисламистко-пантюркистские и иные враждебные группы, а также воевавшие тогда против России немцы, турки и другие, чему в значительной степени способствовал Иран. Так, например, один из руководителей немецкой разведки и военных авантюр в Иране Оскар Нидермайер в своей книге, изданной в Мюнхене в 1925 году под названием «Под палящим солнцем Ирана», частично раскрыл завесу над проводившейся во время первой мировой войны антирусской деятельностью немецкой, австрийской и турецкой агентур. Он хвастался, что вместе с немецкими, австрийскими и турецкими помощниками разрабатывал новую организацию и разделение иранской армии. Сам он руководил чем-то вроде школы генерального штаба, строил крепостные сооружения на дороге Кабул-Пешевар и обучал иранских офицеров точной стрельбе. Основным же в «деятельности» Нидермайера являлся шпионаж и даже организация подготовки военного похода против России. «Дело шло о том,— писал он,— чтобы искать в Персии сообщения с моими, предназначенными в поход на восток людьми, пробраться в русский Туркестан, где многие тысячи австрийцев сидели в плену, держать вместе собственное войско и заботиться о значительном количестве бежавших из русского плена...»[83]. Эти факты показывают стремление Германии по возможности использовать австро-немецких военнопленных, находившихся в Туркестане, в авантюрах против России. Нидермайер далее отмечал, что они «многие месяцы почти вполне господствовали в центральной Персии, подрывали враждебное влияние (имеет в виду русское влияние,— *Х. Т.*). Все это вместе взятое, считал он

---

[83] «Архивные документы и другие материалы о германском влиянии в Средней Азии (1914—1926 гг.)», собранные А. Азаровым на 30 листах, хранящиеся в Партархиве Туркменского филиала ИМЛ, ф. 40, оп. 1, д. 70, лл. 2—3.

тем «достижением», которое «имело значительную реакцию на месопотамском театре военных действий»[84].

Вот другие факты о немецко-австрийском шпионаже и других антирусских действиях. Согласно агентурным данным царской охранки, бежавший из Асхабада в Персию военнопленный австрийский поручик И. Бернарди, прибыв в Тегеран, вошел в связь с германским и австрийским консульствами, от которых принял поручение «возвратиться через Шахруд на русскую границу с целью вести противорусскую пропаганду среди пограничных мусульман». Бернарди был арестован казачьим отрядом 3 мая 1915 года. При этом выяснилось, что он имел оружие, прокламации, которые вез для распространения среди русских мусульман и карты с пометками пограничных русских городов[85]. Были и другие подобного рода факты[86].

Мы не располагаем данными о прямых связях иностранной агентуры с главарями реакционного движения 1916 года в Гюргене. Однако внешне-политическая обстановка того времени в граничащих с Закаспийской областью районах (соседство с Ираном, происки немецко-турецкой агентуры и т. п.) создавали почву для такой связи. Известно также, что в пограничных районах, особенно кочевых районах туркмен, по рекам Атреку и Гюрген, десятками бродили дервиши и паломники, пытаясь вызвать у населения антирусские настроения и сочувствие Турции и Германии[87].

О фактах усиления антирусской панисламистской пропаганды муллами говорят и сами участники событий 1916 года в Туркестане. В этом отношении важными являются воспоминания участников восстания в бывшем Красноводском уезде, собранные научным сотрудником Института истории Академии наук Туркменской ССР С. Г. Агаджановым в 1952 году.

Назар Гелдиев, житель Чикишляра, рассказывает, что

---

[84] «Архивные документы и другие материалы о германском влиянии в Средней Азии (1914—1926 гг.)», собранные А. Азаровым на 30 листах, хранящиеся в Партархиве Туркменского филиала ИМЛ, ф. 40, оп. 1, д. 70, лл. 2—3.

[85] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 423, лл. 33 и 33 об.

[86] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 4 д-во, д. 130, п. 9, л. 90 об. 1916. ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 414, лл. 22—23; д. 468, л. 1; д. 555, л. 20; ф. 17, оп. 1, д. 1033, лл. 157, 182—183 и др.

[87] ЦГВИАМ, ф. 1396, оп. 2, д. 151, л. 377—379.

«муллы говорили иомудам, что если падете в борьбе с русскими, то будете шеидами (святыми, павшими за веру), а если останетесь живы, то будете казиями (то есть борцами за веру)[88]. Эти панисламистские лозунги сходны с теми, которые распространялись и в Джизакском уезде сторонниками Джевачи и Назарходжи. Другой участник событий Байрам Бердыев—из Гасан-Кулийского района, рассказывал, что «муллы в те времена открыто говорили народу, что необходимо воевать против русских, как против неверных, что нужно бороться за религию»[89]. Житель аула Аджияб Гасан-Кулийского района Мятик Бекге оглы вспоминает, что ахуны и муллы говорили, что «нужно сражаться против «неверных» русских и что «скоро придут турки и помогут нам»[90]. Аналогичные сведения мы находим и во многих других воспоминаниях[91].

Феодально-клерикальные элементы на Гюргене не только распространяли панисламистские идеи, но от слов перешли к делу, использовав при этом начавшееся народное движение против царизма. И здесь, как и в некоторых районах Джизакского и Тедженского уездов, реакционным элементам удалось захватить руководство восстанием и изменить его характер. Это было феодально-монархическое движение, возглавлявшееся такими реакционными элементами, как Баба Клыч, Мерген, Эсен-хан, Шахи-хан и др., которые превратили восстание в реакционную межнациональную борьбу.

Вместо борьбы с царизмом они окружали и сжигали русские переселенческие поселки. Например, 25—27 сентября 1916 года вооруженная толпа несколько раз нападала на русский поселок Рождественский, обстреляла его и угнала весь скот. Население поселка спаслось бегством. На следующий день поселок был подожжен мятежниками. Жители трех соседних поселков под охраной сотни казаков отступили в поселок Донской. Одновременно был подожжен и разграблен поселок Бадракун иомудами из родов Емир Кочек во главе с местными ханами

[88] Воспоминания участников восстания 1916 г. в б. Красноводском уезде, собранные С. Г. Агаджановым, рукописный фонд Института истории АН Туркмении, инв. № 4, стр. 6.

[89] Там же, стр. 11.

[90] Там же, тетрадь пятая, стр. 9 и 9 об.

[91] Там же, тетрадь шестая, стр. 2 (об), 3, 5, и др.

Кульджан Аман и Клыч Мулла. Затем вооруженные группы персидских туркмен вместе с прибывшими из России отрядами джафарбайцев напали на селения Михайловское, Крещенское и поселок Донской, население которых заранее было эвакуировано[92]. Длительное время велась осада поселков Саратовского, Кара-Суве и др.; неоднократно обстреливались Лианозовские промыслы[93], при нападении на русский поселок Немирдан было убито несколько поселенцев, а также несколько человек из отряда, охранявшего поселок Саратовский[94].

Туркменское население начало понимать всю опасность авантюры Баба Клыча, Мергена и других представителей знати. Поэтому многие отказывались участвовать в их бандах. В «Дневнике» русского пограничного комиссара говорилось, в частности, что когда 21 ноября «рано утром Баба Клыч разослал гонцов по всем Каньюкмазским аулам для объявления, чтобы все, кто за него, откочевывали вместе с ним для совместной защиты против русских, сам перекочевал верст на 7 к востоку. За ним последовали только 15 кибиток его ближайших приверженцев. Остальные Каньюкмазские роды не желают иметь бунтовщика, постоянно волнующего и возбуждающего население против русских в своей среде и просят его удалить»[95].

Баба Клыч, Эсен-хан, Шахи-хан и другие феодально-клерикальные элементы, спровоцировавшие межнациональную рознь и их реакционные выступления, тормозили развитие народно-освободительного восстания.

Национально-колониальный гнет царизма еще более усилился в период восстания, особенно же при его подавлении. Для разгрома восстания туркмен была направлена на Гюрген карательная экспедиция под командованием генерала-лейтенанта Мадритова. В составе экспедиции были 12,5 сотни конницы, 5 батальонов пехоты, 8 конно-разведочных команд, 18 орудий, 13 пулеметов, полроты сапер. Силы экспедиции были разделены на три отряда: Чикишлярский (подполковник Дерфельден),

---

[92] «Востание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 474, 441—443, 447.

[93] Там же, стр. 459.

[94] Там же.

[95] ЦГВИАМ, ф. 1396, оп. 2, д. 151, л. 473, 473 об.

Астрабадский (полковник Габаев) и Гюргенский (полковник Стржалковский)[96]. Численность карательной экспедиции Мадритова вместе с карательными войсками генерала Нарбута достигла к декабрю 1916 года 10 тысяч человек.

В предписании командующего войсками Туркестанского военного округа генералу Мадритову было дано указание усмирить туркмен, реквизировать их скот и выполнить разрядку по набору рабочих. Предусматривалось мобилизованных в рабочие дружины отправлять на самые тяжелые работы. Партии «их,— говорилось в предписании,— организовать как арестантов, пока не заслужат доверия». На каждые 10 человек назначался один десятский из казаков, а на сотню — сотский из урядников; во главе всего эшелона мобилизованных должны были стоять два офицера[97].

Карательная экспедиция Мадритова отличалась неслыханными зверствами и произволом по отношению к туркменскому населению. Каратели под видом борьбы против мятежников нападали на многие мирные аулы, грабили их и сотнями убивали ни в чем неповинных и не участвовавших в мятеже людей. Пограничный комиссар полковник Михайлов писал, что мирные аулы просят оградить их от насилия казаков, убивавших мирных туркмен, в том числе и женщин[98]. Отряд карателей полковника Габаева также обстреливал и сжигал мирные аулы и убивал мирных жителей[99].

В ходе длительных боев карательными отрядами было истреблено много сотен туркмен. Последняя операция карателей была произведена 31 января 1917 года. Было убито до 700 иомудов, разгромлены десятки аулов и погибло много скота. Туркмены, преследуемые карателями, бросали свое имущество и весь скот. По признанию полковника Михайлова, пригнанный карательными отрядами скот представлял такую массу, которую трудно было сосчитать. «Туркмены говорят,—писал он,— что угнан войсками весь их скот»[100].

---

[96] ЦГВИАМ, ф. 1396, оп. 2, д. 151, л. 473, 473, об. л. 15.
[97] ЦГВИАМ, ф. 1396, оп. 2, д. 151, л. 16.
[98] Указ. сб. документов, стр. 473.
[99] ЦГВИАМ, ф. 1396, оп. 2, д. 151, л. 478.
[100] «Восстание 1916 г. в Туркмении», (Документы и материалы), стр. 197 и 198.

Впоследствии было выяснено, что всего было захвачено у населения 100 тысяч голов баранов, 4900 верблюдов, 12 120 голов рогатого скота; часть скота по приказанию генерала Мадритова была роздана русским поселенцам, остальное сдано для засолки и отправки в действующую армию[101]. Кроме того, власти приказали всех лошадей и ишаков «взять у всех иомудов и гоклан, не исключая и освобожденных от реквизиции»[102].

В целом от карательной экспедиции Мадритова пострадали примерно 25 тысяч русско-подданных и 15 тысяч персидско-подданных туркмен[103].

По признанию Доррера — областного комиссара Временного правительства — экспедиция генерала Мадритова реквизировала у туркмен почти все их имущество. Даже после окончания экспедиции воинские части продолжали грабить и чинить насилия над населением[104].

Зверские действия карательной экспедиции привели к усилению межнациональной розни между туркменским населением и русскими поселенцами. И это не случайно. Даже в заметках особой Гюргенской комиссии признавалось, что действия генерала Мадритова «вызывают справедливые нарекания туркмен и лишь обостряют вражду последних к русским поселенцам»[105]. «В общем весь район, где прошла экспедиция генерала Мадритова,— заключала упомянутая комиссия,— можно считать совершенно опустошенным, поля в нем остались необработанными, население вконец разоренным, и ныне население, лишенное и крова и пищи, испытывает настоящий голод, давший уже массовые заболевания голодным тифом и цынгою»[106].

Так огнем и мечом прошли по южным туркменским районам царские карательные экспедиции.

Обобщая события в Закаспийской области в целом, приходим к следующим выводам:

---

[101] «Восстание 1916 г. в Туркмении» (Документы и материалы), стр. 206.
[102] Там же, стр. 265 и 207.
[103] Там же, стр. 266.
[104] Там же, стр. 269.
[105] Там же, стр. 265.
[106] Там же.

Народно-освободительное движение в Закаспийской области, являлось частью общего восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, которое способствовало усилению общего революционного кризиса в стране.

В отдельных же районах, под руководством феодально-клерикальных, панисламистских, пантюркистских элементов, происходили реакционные выступления (5—6 октября в Теджене и на Гюргене); они усиливали межнациональную рознь и приносили ущерб освободительному революционному движению народных масс. Однако планы реакционных элементов, направленные на отрыв Туркмении от революционной России, провалились, не поддержанные широкими массами трудящихся туркмен.

Глава VI

ВОССТАНИЕ В АКМОЛИНСКОЙ, СЕМИПАЛАТИНСКОЙ И УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Восстания в Акмолинской и Семипалатинской областях Степного генерал-губернаторства, а также в Уральской области, носили в общем такой же характер, как и в других районах Казахстана и Средней Азии.

Уже сразу после объявления царского указа о мобилизации беспокойство и волнения охватили всю Казахскую степь. Местные царские власти доносили, что казахи начинают съезжаться большими группами и вооружаются пиками и суюлями[1], что часть населения убегает в малонаселенные, отдаленные степные районы, угоняя с собой скот и т. д. Из пограничных с Китаем уездов (Зайсанского и Усть-Каменогорского) поступили донесения, что казахи уходят за границу, захватывая с собой управителей[2]. Вместе с тем казахи, работавшие у русских переселенцев и на железнодорожных, землеустроительных работах, в промышленных предприятиях, на почтовых станциях и др., самовольно бросали работу и уходили в степь. Например, в телеграмме английского акционерного общества от 30 июля 1916 года сообщалось: «На нашем Спасском заводе, Успенском руднике и Карагандинских копях в Акмолинском уезде, на Корсакпайском заводе и Джезказганском руднике в Атбасарском уезде все черные работы и почти вся перевозка между заводами и железной дорогой, приготовление нужных нам запасов кирпича, песка, извести, камней,

[1] С у ю л и — длинные палки наподобие дубины.

[2] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 490, 496—497.

сена и прочих исполняются киргизами, которые в последнее время в большинстве бежали. Вследствие этого нет возможности продолжать наши работы, которые очень важны для цели государственной обороны»[3]. Аналогичное положение было и в рудниках и заводах Риддерского горнопромышленного акционерного об-ва и других предприятиях.

Таким образом, массовый уход казахских рабочих с заводов и рудников, будучи одной из форм пассивного сопротивления набору, явился ударом по военной экономике царской России.

Одновременно началось возмущение и восстания в Акмолинской и Семипалатинской областях. Возникнув в Устькаменогорском уезде, они затем перекинулись в другие местности. Наиболее серьезные народные восстания охватили Зайсанский, Каракалинский и Семипалатинский уезды Семипалатинской области; Акмолинский, Атбасарский, Петропавловский — Акмолинской области.

Казахи собирались здесь в отдельные группы, вооружались пиками, топорами, ножами и затем нападали на должностных лиц, отбирали у них оружие, нагрудные значки, печати и имущество. Так, например, крестьянский начальник 6-го участка Петропавловского уезда Н. В. Кучук сообщал, что, как только распространились сведения о царском указе, среди казахов Петропавловского уезда начались волнения. Казахи, оставив мирные занятия, стали собираться большими партиями из аулов разных волостей и на своих совещаниях решили не давать рабочих. Повстанцы угрожали должностным лицам, отбирали у них нагрудные знаки, печати и списки призываемых, избивали управителей и писарей волостей[4]. Повстанцы Петропавловской волости, численностью около 300 человек, окружили аул управителя Сулейменова, разорили его юрту, разбросали вещи и заявили, чтобы он никаких списков не составлял и распоряжения начальства о привлечении киргизов на работу не исполнял, так как в противном случае они его зарежут. Испуганный управитель бежал в село Никольское. Но повстанцы преследовали его и вынудили его

---

[3] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 509.

[4] Указ сб. документов, стр. 520.

отдать списки и должностную печать[5]. Повстанцами был арестован волостной управитель Каратальской волости того же уезда, дом управителя был разгромлен и т. д.[6]

Тысячная толпа казахов четырех волостей Атбасарского уезда Акмолинской области, собравшаяся в урочище Бормола, с ножами в руках бросилась на чиновников, производивших переучет кибиток, грозила их убить, захватила имевшееся у них оружие, разрушила юрты, растащила имущество и деньги, уничтожила посемейные списки. Из толпы не умолкая неслись крики: «Зарезать всех чиновников!». Представители царских властей в течение трех часов находились в осаде[7].

19 июля вооруженная суюлями большая группа казахов Карабулакской волости в урочище Кызыл-Карасу избила прибывших сюда для разъяснения царского указа пристава 2-го стана Станкеева и волостного управителя Кепенева[8].

Народные выступления в Уральской области начались 3—4 июля, когда тысячи восставших казахов Лбищенского уезда, вооруженные дубинками и ружьями, бросали работы, откочевывали в отдаленные районы и даже в пределы соседнего Хивинского ханства. Они угоняли скот, пытались прервать телеграфную связь и отобрать станционных лощадей, убивали и арестовывали представителей местной администрации, уничтожали семейные списки и т. д.[9]

Подобные же стихийные народные возмущения происходили и в Уральском уезде. 8 июля огромной толпой казахского населения в Чингирлаусской волости был убит волостной управитель[10]. Повстанцы Наумовской волости того же уезда избили волостного и писаря, отобрали и уничтожили списки мобилизованных[11].

11 июля восставшее население Чиликской волости Уральского уезда в количестве 1000 человек напало на волостного управителя Колпакова и писаря Киселева,

---

[5] Указ. сб. документов, стр. 522.
[6] Там же, стр. 512.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 537.
[9] Там же, стр. 501.
[10] Там же, стр. 564.
[11] Там же, стр. 489.

прибывших для организации призыва. Собравшиеся кричали: «Отдайте списки!», «Убьем всех вас!», «Лучше здесь умрем, чем пойдем умирать на войну!». Пытавшихся проникнуть в кибитку, где разместился управитель, аульных старшин, писарей и аксакалов толпа избивала и прогоняла прочь. Затем толпа восставших ворвалась в кибитку и набросилась на Колпакова, Киселева и аксакалов и начала избивать их палками и нагайками. Вожаками восставшей бедноты были Актаган Избасаров, Имангиз Байгучаков, Айсу Айметов и Казыхан Ажаев. Они впоследствии были арестованы властями и за организацию восстания приговорены к смертной казни через повешение[12]. Повстанцы потребовали от волостного управителя, писаря и старшин, чтобы новых списков они не составляли и заявили начальству о том, будто неизвестные им киргизы отобрали у них песемейные списки. Лишь после удовлетворения всех требований повстанцев волостному управителю и другим представителям администрации удалось спастись[13].

Нападения повстанцев на должностных лиц царской администрации принимали все более широкие размеры. Начальник Акмолинского уезда в рапорте от 27 июля докладывал, что казахи, вместо обычных кочевок группами в 5—13 и самое большое 25 30 юрт, стали теперь собираться в группы до 600—800 юрт. Они вооружены ружьями, палками с насаженными на концы штыками и косами и организованы в отряды по 500—1000 человек[14].

Например, в окрестностях оз. Кургальджина собрались и вооружились повстанцы 8 волостей Акмолинского уезда. К ним же присоединились 5 волостей из южно-восточной части Атбасарского уезда. «Эта группа киргизов,— писал акмолинский уездный начальник,— являющаяся в настоящее время самой сильной по численности, сплоченности и вооружению, обращает на себя внимание всего киргизского населения, которое прислушивается к ее велениям. Глядя на ее образ действий, в других частях уезда также стали группироваться киргизы по

---

[12] ЦГА КазССР, ф. 544, оп. 2, д. 222, лл. 13—14, в Р/ф Института истории АН Казахской ССР, инв. № 819, стр. 219.

[13] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 565—566.

[14] Указ. сб. документов, стр. 514.

две-три и более волостей в одном месте»[15]. Одним из вожаков восстания в Актюбинском уезде был представитель прогрессивной казахской интеллигенции А. Майкутов.

«В окрестностях р. Солеты,— читаем в том же рапорте,— собрались и вооружились волости Коржункульская и Селетинская. К ним примкнули 2 волости Омского уезда и 2 Павлодарского уезда;

— на р. Уленте сгруппировались часть Коржункульской и вся Еремипская волость. К ним примкнули 2—3 волости Павлодарского уезда;

— в окрестностях с. Долинского сгруппировались волости Бугулинская, Кумгольская, Чирубей-Нуринская и Чарыктинская и части волостей Байдавлетской, Спасской и Карагандинской. К ним примкнули 3 волости Каркаралинского уезда;

— все 24 южных волости уезда сгруппировались на р. Сары-Су.

Кроме вышеозначенных крупных центров группировки киргизов в пределах уезда собралось еще несколько групп с меньшим количеством входящих в их состав киргизов, а именно:

а) на оз. Тюрт-Сарт — часть Нуринской волости, всего около 300—400 кибиток;

б) на оз. Чушкалы — части Нуринской и Кулан-Утмес-Нуринской волости, всего около 300—400 кибиток;

в) на ур. Каз-оты-Аккум — Нуринской волости, всего около 600—700 кибиток;

г) на оз. Куш-Куль на границе Атбасарского уезда — Аксийрак-Кульская волость, всего около 500—700 кибиток;

д) на ур. Кыз-Карасу — Карабулакская волость, около 300—400 кибиток;

е) в окрестностях с. Ильинского — часть Кзыл-Топракской и Селетинской волостей, около 400 кибиток;

ж) в окрестностях с. Раздольного — части Чирубай-Нуринской, Бугулинской и Кумгольской волостей, около 400 кибиток;

з) на оз. Борлы-Куль — части Карагандинской и Спасской волостей, около 300 кибиток»[16].

По данным военного губернатора Акмолинской обла-

---

[15] Указ. сб. документов, стр. 518.
[16] Там же, стр. 519.

сти на оз. Сулу-Куль на Бормоле было сконцентрировано около 10 тыс. повстанцев[17].

Численность повстанцев по отдельным районам Семипалатинской и Акмолинской областей достигала огромных размеров. В Зайсанском уезде насчитывалось несколько групп свыше тысячи человек каждая, в Семипалатинском уезде — группа в 7 тысяч человек, в Усть-каменогорском уезде насчитывалось несколько групп, некоторые из них численностью до 3 тысяч человек, в Акмолинском уезде около оз. Кургальджин сгруппировалось до 30 тысяч казахов, у Еременских гор — до 5 тысяч, в Атбасарском около ур. Улутавского свыше 7 тысяч и в Кош-Агачском районе — до 2 тысяч[18].

Повстанцы были вооружены найзами, айбалтами, сюлями, косами и ружьями. Холодное оружие казахи изготовляли в своих кузницах.

В одном из документов, хранящихся в архивных фондах Канцелярии Степного генерал-губернаторства, указывается, что повстанцы Акмолинского уезда оказали сопротивление военному губернатору, который пытался созвать съезд для разъяснения царского указа. Аксакалы заявили губернатору, что они бессильны убедить молодежь повиноваться царскому указу и итти на работы для армии. Народ не дал говорить губернатору. Раздались грозные возгласы, что население не будет давать ни рабочих в тыл армии, ни лошадей, намеченных «к реквизации»[19].

Обеспокоенный столь грозным размахом повстанческого движения, Акмолинский уездный начальник доносил, что «власти безусловно не могут проникнуть в их среду (к повстанцам — *Х. Т.*), так как киргизы открыто заявляют, что всякого, попытавшегося проникнуть к ним, они убьют. А потому подавление возникшего среди киргизов волнения и обращения их к прежней мирной жизни возможно только военной силой»[20].

Для подавления восстания в Акмолинской и Семипалатинской областях было направлено 6 казачьих сотен и 7 полусотен, 8,5 рот пехоты и 2 воинские команды. Вла-

[17] Указ. сб. документов, стр. 537.
[18] Там же, стр. 490—491.
[19] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1303а, л. 206.
[20] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 519.

сти использовали в качестве карателей и высланные в Акмолинск и Атбасар специальные воинские команды, предназначенные для сопровождения мобилизованных казахов. Карательные отряды были вооружены пулеметами, присланными по распоряжению Генерального штаба[21].

Несмотря на принятые меры, каратели зачастую отступали, встречая сопротивление восставшего населения. Вот что произошло, например, в Кон-Кургальджинской волости. 11 июля в урочище Бормола повстанцами был убит пристав Иванюшкин и арестована его стража. Войсковой атаман Сибирского казачьего войска Березовский, расследовавший обстоятельства дела, писал, что он из всех событий вынес убеждение, что настроение среди киргиз (казахов,— *Х. Т.*) достигло такого напряжения, что необходимо быстрое применение воинской силы, чтобы не дать волнению киргиз разрастись до еще более крупного восстания[22]. Для подавления восстания в Кон-Кургальджинскую волость была направлена воинская команда, во главе с приставом Батниковым. 18 июля карательный отряд на ур. Чошкалы, в 65 верстах от Акмолинска, был встречен вооруженной толпой казахов, численностью приблизительно в 400—500 человек. Ехавшие вместе с карателями аксакалы Тогмагомбет Урукпаев и Сыпан Мокин пытались первыми подойти к толпе с целью их «увещания», но тут же были избиты. Восставшие заявили, что с каждой высланной против них «военной силой они будут воевать до последней капли крови». Тогда каратели бежали. Описывая эти события, Акмолинский уездный начальник доносил: «пристав Батников, видя воинственное настроение встретившей их толпы, учтя малочисленность своего отряда и отсутствие достаточного вооружения, вынужден был от толпы отступить и возвратиться 19-го июля обратно в г. Акмолинск»[23].

Повстанцы Семипалатинского уезда оказали вооруженное сопротивление призыву, нападали на стражников и войска. Случаи активного сопротивления карателям имели место и в других уездах. Командир

---

[21] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ, сб. документов, стр. 491.

[22] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1303а, л. 205 (обр.).

[23] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 515—516.

карательного отряда Воробьев рапортовал, что 31 июля казахи Таинтинской волости Устькаменогорского уезда, «выслушав объявление о мобилизации их на работы, взбунтовались. Они сели на коней и с гиком бросились в числе двух-трех тысяч в атаку с целью смять отряд массой». Только открыв огонь, карателям с трудом удалось рассеять повстанцев. Было убито и ранено при этом более 60 казахов[24].

Крупное столкновение с карателями произошло также в урочище Карабалапан той же волости. Большая группа повстанцев напала на карательный отряд, прибывший во главе с помощником устькаменогорского уездного начальника. «Хоть убей нас, не пойдем, мы не боимся этой горстки войск!»— заявили казахи и бросились к солдатам, пытаясь окружить их. Отряд открыл огонь, было убито и ранено несколько повстанцев и 9 человек арестовано[25].

Основными силами развернувшегося в казахской степи народного движения были трудящиеся массы и, прежде всего, аульная беднота, рабочие рудников и мелких промышленных предприятий.

Восстание было направлено как против представителей колониальных властей и карателей, так и против «своих» баев, волостных управителей и других прислужников царизма, которых народ называл предателями. Не случайно поэтому, что напуганные размахом и растущей силой народного движения баи искали защиты у колонизатороз. Казахские баи, крупные скотоводы, представители местной администрации — волостные, старшины, аксакалы, являлись той реакционной антинародной силой, опираясь на которую царские власти осуществляли призыв и подавляли народные выступления. Об этом свидетельствуют документы. Вот, например, заявление группы баев Кургальджинской волости Акмолинского уезда на имя военного губернатора области. «Мы, нижеподписавшиеся,— писали баи,— ездили по направлению к кургальджинским волостям с целью воздействовать на киргизов и уговорить их, чтобы они оставили всякое волнение, не собирались в скопища и чтобы беспрекословно подчинялись высочайше-

[24] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 554.

[25] Там же, стр. 555—556.

му указу о привлечении к военным работам, а также, чтобы они беспрекословно указали виновника убийства пристава Иванюшкина. Проехав 75 верст от города, мы встретили большое скопление киргизов на лошадях и подверглись нападению от них, причем двум из нас нанесены тяжелые удары». И далее: «вообще мы вынесли твердое убеждение, что с каждым днем волнение по уезду среди киргизов распространяется все шире и шире». Поэтому баи считали крайне необходимым «немедленно произвести угрозу военной силой». «Если же,— писали они,— с этой грозой почему-либо будет замедлено, то волнение среди киргизов охватит весь уезд»[26].

Баи неоднократно обращались к колониальной администрации с просьбами об охране своего богатства. Типичным примером может служить прошение бая Алексеевской волости Павлодарского уезда З. Чорманова в уездное управление. «Имея благосостояние, состоящее в скотоводстве,— писал он,— а именно: 3000 лошадей, 1000 баранов, 200 голов рогатого скота и 100 верблюдов, движимого и недвижимого имущества в 185 тыс. р.— я опасаюсь за разгром своего имущества ввиду плохого настроения кочевого населения — киргизов. Так как рабочие все ушли, и я остался совершенно без рабочих, скот мой в настоящее время расхищается кочевниками — киргизами — неизвестными лицами. Покорнейше прошу ваше высокоблагородие оказать мне законное содействие в охране имущества и скота»[27].

И просьбы баев не оставались без внимания. Им оказывалась всяческая помощь и представлялись различные льготы. Они не только были освобождены от призыва, но при попустительстве колониальной администрации еще более наживались за счет бедноты. В жалобе мобилизованных казахов Омской волости военному министру указывалось, например, на произвол волостной администрации при призыве на тыловые работы. Они писали, что волостной управитель Мадин Бибатыров и его писарь Ахмет Татинов, «как имеющие власть и возможность играть видную роль, при обсуждении вопроса мобилизации не стеснялись брать взятки за освобождение от службы, и, действительно, многих освободили благо-

[26] Указ. сб. документов, стр. 513.
[27] Там же, стр. 539.

даря мздоимству. Таким образом освободились все лица, имеющие деньги, в большинстве случаев купцы».

18 июля военный губернатор Семипалатинской области сообщал, что должностные лица из казахов понимают необходимость (в собственных интересах) подчиниться требованию властей. Но в большинстве случаев они бессильны внушить это народной массе, «которая при малейшей попытке образумить ее бросается на управителей избивает, считая, что они предатели»[28].

Перед лицом неминуемого перерастания народного возмущения в крупное восстание, царь вынужден был удовлетворить ходатайство об отсрочке призыва в Зайсанском уезде. 20 июля последовал царский указ об отсрочке мобилизации казахов Зайсанского уезда до сбора урожая и осенней обработки полей. Генерал-губернатор Н. А. Сухомлинов, выполнив царский указ, вместе с тем докладывал, что «освобождение одного Зайсанского уезда при аналогичности условий в других уездах может повлечь серьезные непоправимые последствия». Ввиду этого он ходатайствовал перед правительством о распространении мероприятий об отсрочке и на остальные уезды и области Степного края[29].

К этому времени в крае начались крупные восстания. И это обстоятельство заставило царя 30 июля издать указ об отсрочке набора по всему Степному краю до 15 сентября[30].

Хотя казахи встретили сообщение об отсрочке призыва как свою победу, но они не сложили оружия. В этом отношении характерным является, например, сообщение начальника Атбасарского карательного отряда Иванова генерал-губернатору Сухомлинову: «тайной разведкой в Атбасаре и его окрестностях выяснил,— писал он,— что киргизы поняли отсрочку как победу и говорят: призыв пока отложили, а там посмотрим еще»[31].

Дальнейшие события показали, что казахи не только готовились к новым действиям, но и в некоторых местах продолжали активно выступать. Так, например, начальник Акмолинского уезда Веретенников командировал в

---

[28] Указ. сб. документов, стр. 550.
[29] Там же, стр. 488, 509.
[30] Там же, стр. 43.
[31] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 526.

Карабулакскую волость, для разъяснения населению цели призыва на военные работы, одного из представителей казахской знати Нормухамеда Саганаева. Последний прибыл на место 5 августа и начал «разъяснять собравшемуся населению об обязанности казахов выполнить приказ царя и ту ответственность, которая им угрожает за невыполнение высочайшего повеления, он получил ответ, что «они все помрут на том месте, где родились, но на работу не пойдут, что его как посланника правительственной власти они считают изменником киргизского восстания». Саганаева избили, и он вынужден был доложить о провале своей «миссии». Как писал уездный начальник, «вообще же Саганаев вынес впечатление, что на киргизов Карабулакской волости никакие увещания не подействуют, а усмирить их можно только военной силой»[32]. Вслед за этим Веретенников выяснил, что у Кургальджинского озера сосредоточилось до 30 тыс. вооруженных казахов, и он 7 августа телеграфно попросил своего соседа начальника Атбасарского уезда немедленно послать ему на помощь карательный отряд численностью не менее 1000 человек, целью которого являлось окончательное подавление восстания[33]. Подобные же сообщения поступали и из других районов. В донесении главной конторы Риддерского горнопромышленного акционерного общества от 11 августа говорилось, что рабочие-казахи, продолжая сопротивляться набору, отказываются вернуться на заводы и рудники. Он просил сделать распоряжение о немедленном возвращении казахов на предприятия «принудительным реквизиционным порядком»[34]. Участники заседания Петропавловского уездного съезда крестьянских начальников 11 августа составили следующее заключение: «факт враждебности киргизов к реквизиции на тыловые работы заставляет думать, что без содействия администрации со стороны военной силы реквизиции успешно осуществлена быть не может,

[32] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 529—530. (см. протокол начальника Акмолинского уезда А. С. Веретенникова и Н. Саганаева).

[33] Там же, стр. 529 (см. телеграмму Атбасарского уездного начальника Березовского начальнику штаба Омского Военного округа А. А. Таубе).

[34] Там же, стр. 531—532.

Брожение среди киргизов Средней и Канжегалинской волостей в общем носящее правда, пока пассивный характер, не улегшееся и после дарования отсрочки призыва до 15 сентября, решительно убеждает в этом. Вот почему безусловно необходимо, чтобы к началу реквизиции киргизов в уезд были передвинуты воинские части в размере двух взводов пехоты и полсотни казаков на каждый пункт медицинского осмотра»[35].

Итак, сопротивление трудящихся казахов набору продолжалось и после отсрочки набора. Восстание вновь приобретало широкий размах, когда подошел второй, отсроченный срок, призыва на тыловые работы — 15 сентября. Но сборные пункты пустовали. Об этом говорили следующие лаконичные донесения уездных начальников 22 сентября из Зайсана: «ни одного киргиза на осмотр не явилось, все призываемого возраста скрылись, почти все киргизы уходят в Китай»; из Баян-Аула Павлодарского уезда 26 сентября: «Киргизы не являются»; из Каракалинска: «Сегодня четвертый день призыва, никто не является»[36]. В докладной записке и. о. председателя съезда крестьянских начальников Акмолинского уезда М. П. Плахова 27 сентября сообщалось, что многие казахи не явились на приемные пункты из-за нежелания подчиниться указу о призыве на военные тыловые работы По плану из пяти волостей Акмолинского уезда — Сартерекской, Акмолинской, Бугулинской, Нуринской и Кулан-Утмес-Нуринской было намечено набрать 3353 рабочих-тыловика, из них на пункт медицинского осмотра явились лишь 409 человек. Большинство казахов продолжало отказываться выполнить распоряжение властей[37].

В сентябре и октябре в Степных областях продолжались активные повстанческие действия. К началу октября только в одной Алексеевской волости Акмолинского уезда собралось до 10 тысяч повстанцев. В результате столкновения повстанцев с карателями были убиты 7 казаков. После этого для подавления восстания, в Алексеевскую волость был послан новый усиленный кара-

---

[35] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр 534.
[36] Там же, стр 497.
[37] Там же, стр. 540—541.

тельный отряд под командованием генерал-майора Ягодкина[38].

В ходе восстания все более возрастало классовое самосознание трудящихся масс, и борьба приобретала не только антиколониальный, антивоенный, но и антифеодальный характер. Одним из подобных выступлений восставших народных масс являлись события, развернувшиеся в течение двух недель в Павлодарском уезде.

Восстание началось здесь при следующих обстоятельствах: волостной управитель Аккелинской волости, один из крупных скотовладельцев, Нуркеш Чорманов, награжденный царскими медалями «За услуги» перед властями, собрал сход и начал читать список мобилизованных на тыловые работы. Возмущенная масса шумела: «Убирайся, продажная собака!», «Не пойдем!», «Кому помогать? Царю, купцам?», «Не обманешь народ», «Долой изменника!». Чорманов решил опередить события и ускакал в Баян-Аул за карательным отрядом[39].

17 сентября около 200 повстанцев, вооруженных суюлями, пиками и палками напали на богатое хозяйство Чормановых и угнали более 4 тысяч лошадей. Волостной управитель, докладывая об этом в Павлодарское уездное управление, просил «принять меры к дальнейшей приостановке нападения на имущество рода Чормановых»[40].

20 сентября Чорманов вернулся вместе с павлодарским уездным начальником Аркадьевым в сопровождении карательного отряда. Каратели полагали, что при одном их появлении казахи послушно согласятся дать рабочих. Но восстание разгоралось с новой силой.

Как указывалось в обвинительном акте по делу о восстании в урочищах Алабас и Агачуй Павлодарского уезда, начальник уезда приказал Нуркешу Чорманову собрать к нему всех старшин, судей и по два влиятельных аксакала для разъяснения им необходимости повлиять на молодых казахов «в смысле прекращения скопищ и беспорядков и о беззамедлительной явке подлежащих призыву»[41].

---

[38] Указ. сб. документов, стр. 498.

[39] «Восстание 1916 года в Казахстане», (Документы и материалы), стр. 148—149.

[40] Указ. сб. документов, стр. 559.

[41] Там же, стр. 561.

Но совещание было сорвано. К 23 сентября в двух верстах от дома Чорманова, на левом берегу р. Ащи, начали собираться значительные группы повстанцев. Аркадьев с казаками решил проучить непослушных казахов. Преследуемые карателями повстанцы в количестве нескольких сотен верховых, вооруженных суюлями, направились к урочищу Алабас, а вслед за ними двинулся и отряд карателей.

«По мере приближения отряда к Алабасским сопкам число верховых казахов все возрастало. Повстанцы занимали всю западную, южную и северную части урочища Алабас, как бы имея целью преградить казакам движение вперед и окружить отряд со всех сторон. Заметив невыгодное положение своего отряда, прапорщик Чукреев направил свою полусотню карьером к двум каменным могильникам, расположенным у самых сопок, где быстро спешив людей, дал залп по одному из передних киргизских отрядов, которые намеревались захватить могильники и опередить в этом отношении казаков»[42]. Закрепившись здесь, казаки открыли залповый огонь по осаждавшим их повстанцам. Но последние начали обходить карательный отряд с двух сторон. Аркадьев послал в Павлодар со стражником Карабасом Абишевым донесение с просьбой о немедленной высылке подкреплений. Между тем число повстанцев все более увеличивалось.

25 сентября прибыло подкрепление. Но каратели все еще считали свои силы недостаточными. Решили ожидать прибытия еще одной казачьей сотни и не начинать боевых действий. Спустя два дня вся масса восставших перекочевала к урочищу Арал-Тюбе и этим маневром отрезала Аркадьева с казаками от села Алексеевского и Баян-Аула, откуда отряд получал хлеб и фураж. Утром 28 сентября все ближайшие сопки были уже заняты отдельными группами восставших. Казаки, отступая, забаррикадировались во дворе Чорманова[43].

«Нас было уже много,— вспоминает Т. Хусаинов,— из всех аулов волости скакали в Алабас к зимовке Чорманова возмущенные молодые джигиты. Не прошло и

---

[42] Указ. сб. документов, стр. 562.
[43] Там же, стр. 563.

2-х дней, как здесь собралось уже несколько тысяч человек, вооруженных найзанами, топорами, пиками. Мы захватили часть чормановских табунов, взяли в кольцо чормановскую зимовку, а вместе с ней и карательный отряд»[44].

Рано утром 29 сентября тысячные толпы повстанцев, разделившись на три больших группы, атаковали осажденных в доме Чорманова карателей. Но силы были неравными. Вооруженные в основном деревянным оружием и несколькими берданками, восставшие не могли противостоять сильному огню солдат. 4 октября на помощь карательному отряду прибыло новое воинское подкрепление с пулеметом. Это окончательно решило исход боя. В столкновениях с карателями погибло много повстанцев. Убитых и раненых население унесло с собой. Лишь девять убитых казахов остались на поле боя. Преследуя повстанцев, каратели не щадили ни женщин, ни детей. 39 активных участников восстания были арестованы[45].

22—24 сентября в районе Кенгир Семипалатинской области произошло вооруженное столкновение между карательным отрядом и повстанцами.

Вот как описываются события в телеграмме начальника карательного отряда: «В 5 часов утра на высоком обрыве, называемом Каражар, показались одиночные всадники, к которым через полчаса с разных сторон прибыло 600—700 чел. На наши выстрелы киргизы отвечали залпами из ружей. Я оставил 20 чел. под прикрытием пулеметов и повел остальных казаков в обход горы с трех сторон. Киргизы продолжали стрелять. Совершив обход, повел в атаку». Перед превосходящими по вооружению силами карателей повстанцы вынуждены были отступать[46].

Несмотря на поражение, повстанцы продолжали сражаться с карателями. 25 сентября в южной части Павлодарского уезда Семипалатинской области около 4 тысяч повстанцев окружили высланный в Барнаул каратель-

---

[44] «Восстание 1916 года в Казахстане», (Документы и материалы), стр. 149—150.

[45] Указ. сб. документов, стр. 563.

[46] «Восстание 1916 года в Казахстане», (Документы и материалы), стр. 151—152.

ный отряд. Вновь произошло столкновение. Народные выступления усилились в Устькаменогорском и Акмолинском районах[47].

Против восставших казахов Семипалатинской и Акмолинской областей из Омского военного округа были направлены усиленные карательные войска. Несмотря на превосходство в вооружении, войсковые части не могли в течение долгого времени подавить восстание и терпели большой урон от постоянных и смелых нападений повстанцев.

Двухтысячная толпа повстанцев, вооруженная винтовками, пиками и топорами, напала 3—4 октября вблизи урочища Айнабулак Акмолинского уезда на карательный отряд, состоявший из одной роты пехоты и 20 казаков. Аналогичное нападение большой группы повстанцев (600 чел.) на карательный отряд произошло 8 октября и на ст. Каратай того же уезда. Под натиском восставших каратели бежали. 6 солдат было убито[48]. 26 октября повстанцы Кокчетавского уезда в урочище Кожас смело напали на казачий карательный отряд[49].

Вооруженные стычки акмолинских казахов с карателями и их байскими пособниками продолжались весь октябрь. Повстанцы окружали районы мобилизационных пунктов и никого не пропускали ни в степь, ни из степи, а казахов, выражавших желание явиться на призыв, избивали. Поэтому крестьянские начальники настойчиво просили власти о присылке воинских частей[50].

Продолжавшиеся в сентябре-ноябре народные восстания фактически привели к срыву и второго срока явки казахов на призыв. Согласно докладу ответственного сотрудника Министерства внутренних дел В. Г. Кондоиди от 8 декабря 1916 года, в Акмолинской области из общего числа 43 316 казахов, ожидавшихся на призывных пунктах к 8 ноября, не явились 27 333, или 55 проц. В Семипалатинской области из 85 479 человек, подлежащих призыву, к 5 ноября не явились 50 479 человек —

---

[47] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 255.

[48] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 545.

[49] Там же, стр. 540—541.

[50] Там же.

около 59 проц.[51]. В Уральской области из намеченных к набору 50 270 человек — 32 тыс., то есть до 60 проц.

Напуганные мощным народным движением, царские власти пытались объяснить причины столь широких размеров народных возмущений и восстаний в Степном крае. В числе причин «киргизского восстания» некоторые представители царской администрации указывали якобы на руководство движением со стороны каких-то немецких и турецких агентов. Например, начальник штаба Омского военного округа А. А. Таубе утверждал, что бежавшими в Монголию киргизами руководил турок (по подозрению — офицер). Он писал также: «имеются сведения, что в некоторых пунктах руководят киргизскими движениями немцы. Несколько уличенных из них в содействии киргизам деньгами и мукой арестованы»[52].

Однако подозрения возникали у властей большей частью на основе слухов, подчас не имевших никаких оснований. Может быть отдельные немецкие и турецкие агенты в Степном крае не прочь были использовать складывавшуюся обстановку в связи с восстанием в своих интересах. Но нет никаких подтверждающих фактов о руководстве «киргизским восстанием» со стороны немецко-турецкой агентуры, как об этом твердили некоторые представители колониальных властей.

В этом отношении характерным является признание В. Г. Кондоиди. В своем докладе от 8 декабря 1916 года Министерству внутренних дел о восстании в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях он писал: «как выше указано, в Степном генерал-губернаторстве не обошлось без слухов об участии в киргизских волнениях немецких подстрекателей. Убежденным сторонником подобного мнения явился бывший акмолинский генерал-губернатор Масальский-Кошуро. Не имея вполне подтверждающих фактов, тем не менее 26 августа названным лицом арестованы им уличенные немцы Кобер и Шпильман, а также мукомолы — немец Юстус и еврей Ривкин, доставлявшие муку киргизам и державшие у себя без разрешения и документов германского подданного Рекка, разъезжавшего по уезду. Задержан патрулем немец Руве. Атаман Сибирского уральского

[51] Указ. сб. документов, стр. 503.
[52] Там же, стр. 492.

казачьего войска и начальник его штаба склонны тоже усмотреть в киргизском движении участие немецкого и турецкого (на почве ислама) элемента, однако произведенное по сему поводу расследование помощником начальника Омского жандармского управления ротмистром Демушкиным категорически опровергло все возводимые на указанных лиц обвинения»[53].

Нет никакого сомнения в подлинно народном характере возмущений и восстаний, развертывавшихся в казахской степи, движущими силами которых являлись сами народные массы. Они же выдвигали из своей среды вожаков, о которых часто нарочито умалчивалось в донесениях царских властей.

Кулаки из русских поселений распространяли слухи, будто восставшие казахи намерены «сжечь русские поселки и зарезать всех русских». Но эти слухи были опровергнуты самим развитием событий. Характерным в этом отношении является случай в Севастопольской волости Петропавловского уезда, описанный в рапорте пристава 4-го стана Петропавловского уезда. Некоторые казахи-повстанцы останавливались в русских поселках Охотничьем, Дмитриевском и других и просили у крестьян «дать им хлеба, чаю и овса для лошадей, ссылаясь на то, что они — солдаты, идут на войну и что когда русские солдаты проходили, то киргизы им давали». Но «среди населения под влиянием носившихся слухов, что киргизы будут жечь, грабить и убивать русских, произошла паника». Однако повстанцы никого не убили, ни на кого не нападали, и успокоившееся русское население давало им пшеницу. Подавляющее большинство свидетелей по расследованию этого «дела» показало, что «никто из них каких-либо угроз от киргизов не слыхал, а слышали только слухи об этом. Платы от киргизов за выданный хлеб не требовали, и они сами не платили». Они же заявили приставу, что со стороны повстанцев никаких насилий в виде побоев, угона скота и поджогов совершенно не было[54]. Лишь в некоторых местах реакционным элементам удалось натравить отдельные группы восставших на русских трудящихся. Имелись случаи, например, грабежа у ра-

[53] Указ. сб. документов, стр. 500—501.
[54] Там же, стр. 527.

чих строившейся железной дороги в Атбасарском уезде, а также убийство нескольких русских крестьян и крестьянок[55]. Эти отдельные случаи, однако, не повлияли и не могли повлиять на общий ход народного движения в степи.

Восстание в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях носило народно-освободительный характер.

Восстание в этих областях оказало влияние и на соседние казахские районы Букеевской орды Астраханской губернии, а также Томскую губернию, на территории которых также происходили возмущения и волнения среди казахского населения. Казахи Бийского уезда Томской области, активно сопротивляясь набору, перекочевали в китайские пределы»[56].

Восстания в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях были тесно связаны с еще более мощным восстанием в Тургайской области, которое развертывалось под руководством верных сынов казахского народа Амангельды Иманова и Алибия Джангильдина.

---

[55] Указ. сб. документов, стр. 497, 500, 516—517.
[56] Там же, стр. 484—490.

Глава VII

ВОССТАНИЕ В ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Восстание в Тургайской области началось с первой половины июля и вскоре охватило все уезды — Актюбинский, Иргизский, Кустанайский и Тургайский. Одним из первых народное выступление произошло в Карабалыкской волости Кустанайского уезда. Из протокола, составленного волостным управителем С. Кадыровым, мы узнаем, что созванный им 9 июля 1916 года съезд кибитковладельцев 5 аула для разъяснения царского указа о призыве «инородцев» был сорван вследствие поднявшегося здесь «бунта». Присутствовавшие на съезде Исхак Досмухамедов, Дюсембай Досанов, Бертай Куванышпаев и Кубек Досмухамедов призывали народ к восстанию и сами показали пример, первыми выступив против представителей власти. Исхак Досмухамедов и другие организаторы кричали: «Не пойдем в солдаты!», «Перебьем всех, кто будет брать! Приедет сам государь, и его убьем!». Восставшие избили аульного старшину Алтыбая Сексембаева, а через три дня был убит и сам волостной управитель С. Кадыров[1].

Кустанайский уездный начальник в телеграмме на имя военного губернатора Тургайской области расценивал Карабалыкскую волость как «очаг киргизского бунта всего уезда» и просил направить туда специальный карательный отряд из оренбургских казаков с пулеметами и артиллерией. При этом он указывал на слабость

[1] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 571—572 и 581.

Кустанайского гарнизона, не способного подавить восстание.

В свою очередь военный губернатор Тургайской области обратился с ходатайством к командующему войсками Казанского военного округа «о немедленном командировании из Челябинска в г. Троицк сотни казаков в помощь гражданским властям»[2]. 14 июля сам губернатор спешно выехал в район восстания. В Карабалык был выслан специальный карательный отряд. Началось вылавливание «бунтовщиков». Всего было арестовано 72 человека[3].

Угрожая восставшим, военный губернатор Тургайской области говорил: «Вы вздумали бунтовать. Смотрите: женщин, детей,стариков и старух — всех истреблю, никого не оставлю», и во исполнение своей угрозы губернатор послал в различные районы карательные отряды[4].

Начальник Актюбинского уезда в своем рапорте на имя военного губернатора писал: «...киргизы призывного возраста в большинстве выбыли из своих аулов, в чем я лично убедился, совершая поездку в конце июля по Актюбинской, Алимбешовской, Тереклинской и Карабулакской волостям». В донесении начальника Тургайского уезда сообщалось, что «почти во всех волостях казахами отобраны были списки у волостных управителей, и сами управители поставлены под охрану»[5].

Восстание росло. Подобно другим областям, казахи-рабочие, городские мастеровые, бросив работу, уходили в ряды восставших[6]. Казахский аул пришел в движение. Люди бросали свои посевы и стада и начали собираться большими группами.

15 июля военный губернатор Тургайской области доносил, что недовольство казахов «принимает общий характер, часть бежит в глубь степей, а часть решила оказать сопротивление»[7].

---

[2] ЦГИАЛ, ф. 1286 (Департамент полиции), оп. 51, д. 85. Справка о беспорядках в Тургайской области, лл. 15, об. и 16.

[3] «Восстание 1916 года в Казахстане». (Документы и материалы) под ред. Б. С. Сулейменова, Алма-Ата, 1947, стр. 39.

[4] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 94—105.

[5] Там же, стр. 578.

[6] Там же, стр. 579.

[7] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 51, д. 85, л. 16 об.

В день отправки этой депеши огромная масса повстанцев Актюбинского уезда напала на почту, а также пыталась убить крестьянского начальника. В связи с этим вице-губернатор области просил командующего Казанским военным округом о посылке новых войсковых частей в города Тургай и Актюбинск[8].

Но каратели не успевали справиться с одними повстанческими районами, как возникали другие серьезные очаги народного движения. Повсеместно участились нападения восставшего населения на волостных управителей и старшин. При этом многие из них подвергались аресту, отбирались должностные значки и печати, списки призывников уничтожались.

12 октября около 200 повстанцев Иргизского уезда, вооруженные пиками, палками, дубинами, ножами и ружьями, напали на волостных управителей Бельконинской, Талдыкской, Темир-Астаувской волостей, на аксакалов и писарей, ехавших в Иргиз в связи с организацией призыва. Повстанцы потребовали от волостных управителей и аксакалов вернуться и не выполнять распоряжения начальства. «Вернитесь назад в свои аулы!— Не пустим вас в Иргиз! Вы нам враги, соглашаетесь нас отдать в солдаты. Мы — люди, подлежащие призыву, там нас ожидает смерть, а вас живыми дома не оставим, из своих убили Байгабыла, Илеусиза, Таяжия, Кадыра и других, решили такой же участи подвергнуть вас». С этими словами повстанцы бросились на волостных управителей, аксакалов и писарей, били и кололи их. Два писаря были убиты[9].

«Некоторые аксакалы,— сообщал тургайский уездный начальник,— при всем старании не могли ни в чем убедить взволновавшуюся массу; были случаи, как передавали киргизы, что молодые люди бросались на этих аксакалов с ножами, намереваясь убить за то, что будто бы хотят поддержать начальство и дать свое согласие на призыв всех киргизов на военные работы»[10].

---

[8] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 51, д. 85, л. 18.

[9] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 590—591.

[10] Там же, стр. 579.

Восставшими были убиты управитель Бистюбинской волости Кустанайского уезда, старшина аула № 1, Аккаргинской волости и многие другие[11].

Повсюду действия представителей местной администрации были фактически парализованы. Нападения на волостных управителей и старшин повстанцев стали массовым явлением. «Аульные старшины,— докладывал начальник Кустанайского уезда,— были совершенно терроризированы такими действиями киргиз и не только не имели возможности исполнять службу, но не смели выходить из своих кибиток»[12].

Подвижные повстанческие отряды внезапно нападали на воинские подразделения. Начальник Кустанайского уезда докладывал, что казачья сотня при ее малоподвижности оказалась совершенно «непригодной для поимки скопищ киргиз. По моему глубокому убеждению,— писал он,— казачья сотня может принести существенную пользу при поимке укрывающихся от призыва киргиз и то лишь до выпада снега только в том случае, если она будет посажена на автомобили, не имея с собой обоза»[13].

Стихийное восстание в Тургайской области начало приобретать постепенно характер организованной вооруженной борьбы. Началось изготовление разного рода холодного оружия — пик, топориков и т. п. Готовились наступления на Тургай.

К концу июля общее число вооруженных повстанцев, которые должны были начать наступление на Тургай, составляло 10 тыс. человек, причем каждый из повстанческих отрядов сгруппировался в определенном намеченном месте.

В ряде мест повстанцы начали нападать на карательные отряды. Так, например, в телеграмме Командующего войсками Казанского военного округа сообщалось, что 18 октября казачья сотня, направленная из г. Иргиз в район оз. Коженкуль (в 70 верстах от этого города) «с целью разогнать скопище киргиз по прибытию на указанный пункт была окружена и атакована большой

---

[11] «Востание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 581—582.

[12] Там же, стр. 581.

[13] Там же, стр. 584.

группой повстанцев, вооруженных пиками, секирами, текменами, шашками и ружьями»[14].

Ввиду серьезности положения в районе Иргиз, сюда спешно прибыл Тургайский военный губернатор М. М. Эверсман и одновременно были посланы воинские подразделения с пулеметами[15].

Восстание в Тургайской области, как и в некоторых других районах Средней Азии и Казахстана, начало приобретать постепенно не только антицаристский, антиимпериалистический, но и антифеодальный характер. В ходе борьбы восставшие все чаще нападали одновременно и на «своих собственных» баев.

Вот один из характерных эпизодов. Крупный повстанческий отряд Баксайской волости Актюбинского уезда убил волостного управителя, забрал у баев аула № 1 около двух тысяч лошадей. Баи бежали. Как указывалось в рапорте начальника уезда, один из крупных скотовладельцев, слывший «за первого богача, скрываясь из местожительства и боясь быть ограбленным в пути, свой денежный капитал, достигающий 75 тыс. руб., зарыл в землю»[16].

Другой богатый скотовод Кенжалы Юсупов доносил военному губернатору Тургайской области о нападении повстанцев на его хозяйство. «Вооруженная шайка,— телеграфировал он,— напала (на) мой аул, увела баксайского управителя, угнала табун лошадей, числом неизвестно сам (с) тремя братьями бежал. Прошу оградить мой аул, которому грозит нападение шайки»[17].

Нередко баи сколачивали и свои отряды для борьбы с повстанцами. Как это видно из рапорта начальника Актюбинского уезда, повстанцами Кызылджарской волости Иргизского уезда «на почве волнений среди киргизов было убито 6 аксакалов»[18]. Но более подробно об этом рассказывает активный участник восстания Тайшим Урусов. «Мы узнали, что на нас движется отборный байский отряд в 60 человек. Отрядом руководил бай

---

[14] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 591, 593.

[15] Там же, стр. 593—594.

[16] Там же, стр. 596.

[17] Там же, стр. 595.

[18] Там же, стр. 618.

Омар Шинарбаев, имевший 500 голов крупного скота и почетный халат, подаренный царем. В отряде баи Агибай Баркымбаев, Сагындык Оспанбаев, Кожак Манатов, Берден Джекибаев и Койчибай Каскулаков, человек небогатый, но верный байский холоп.

Мы встретились с врагом на ур. Майлисор. После ружейной перестрелки и горячего рукопашного боя мы разбили этот отряд. Шесть баев мы захватили в плен. По решению нашего совета они были убиты»[19].

Таким образом, классовая борьба в ходе восстания в Тургайской области приобретала кое-где характер открытых боев между повстанческой трудящейся массой и местными баями.

Классовый антифеодальный характер восстания прослеживается и в донесениях представителей царских властей. Например, в рапорте начальника Тургайского уезда от 9 августа говорилось, что «брожение в уезде среди киргизского населения не прекращается, в особенности настроение у молодежи призывного возраста сильно приподнятое. В настоящее время творят самоуправные деяния большею часть по отношению к своим одноаульцам — влиятельным и богатым лицам, выражающиеся в самовольном отобрании у них всякого скота для своей надобности»[20].

Некоторые представители имущих классов предпринимали попытку использовать народное восстание в своих интересах. Они стремились повернуть повстанческое движение на путь реакции и предательства народных интересов. Начали появляться из среды феодалов самозванные ханы.

Так, например, крупный казахский скотовладелец-феодал Абдулгафар Джамбусинов, в корыстных целях примкнувший к восстанию, становится «ханом» Тургайского уезда. Однако ему не удалось направить восстание в реакционное русло. Это объясняется прежде всего размахом и глубиной народного движения, которое приобретало все более антифеодальный характер. В этих условиях Абдулгафару ничего другого не оставалось, как маневрировать и ожидать удобного случая

[19] «Восстание 1916 года в Казахстане», (Документы и материалы), стр. 79.

[20] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 577.

для осуществления своих целей — восстановления в Казахской степи средневекового режима ханов и султанов. Но такого случая не представилось. К тому же Абдулгафар понял, что он не может рассчитывать и на иностранную поддержку его авантюры, хотя он предпринимал в этом отношении определенные шаги. Он посылал своего брата Садымана и сына Сатылбалды ишана — Зияддина в Бухарское и Хивинское ханства для выяснения возможности поддержки последними его планов. Но посланцы убедились в невозможности такой помощи из Бухарского и Хивинского ханств, всецело зависимых от царизма[21]. В стан Абдулгафара пробирались и турецкие агенты, но и они не смогли, разумеется, серьезно повлиять на ход событий.

Этим новоявленным «ханам» удавалось иногда войти в доверие к повстанцам и даже возглавлять их отдельные группы. Но как только «ханы» пытались действовать во вред восстанию — они получали отпор. Вот, например, рапорт начальника Атбасарского уезда военному губернатору Акмолинской области: один из «ханов» в Сары-тургайской волости Тургайской области имел в своем распоряжении 800 киргизов — солдат (имеется в виду — повстанцев). Этот хан хотел напасть и разграбить свинцово-серебряный рудник, «но его солдаты — киргизы заявили хану, что если он нападет на завод, то они будут воевать против него»[22].

По мере развития народного движения «ханы», эти, предавая народные интересы, один за другим добровольно сдавались на милость царских властей.

Народное движение выдвинуло своих подлинных руководителей — в том числе такого легендарного героя, как Амангельды Иманова, большевика Алибия Джангильдина и других.

Общепризнанным народным вождем восстания в Тургайской области был Амангельды Иманов[23] из аула № 3 Кайдаульской волости Тургайского уезда. Его отец

[21] Материалы дискуссии «О характере национальных движений в дореволюционном Казахстане», АН КазССР, стр. 336.

[22] Указ. сб. документов, стр. 547.

[23] Амангельды Иманов (1873—1919) — герой казахского народа, позже один из видных руководителей борьбы за победу и упрочение Советской власти в Казахстане. В 1918 году вступил в ряды Коммунистической партии. 18 мая 1919 года был убит контрреволюционной бандой алаш-ордынцев.

Удербай был бедняком-пастухом. Рано лишившись родителей, Амангельды познал все тяготы жизни бедняка, юношей батрачил у баев. Еще до восстания 1916 года Амангельды выдвинулся как заступник народных масс от произвола баев[24].

Большое значение в политическом воспитании Амангельды Иманова имело революционное влияние большевика Алибия Джангильдина, верного сына казахского народа, одного из выдающихся руководителей восстания 1916 года. Замечателен революционный путь этого пламенного большевика.

А. Джангильдин[25] родился в 1884 году в местечке Кайдаул, Кайдаульской волости, Тургайского уезда, в бедной семье. С помощью представителей передовой русской интеллигенции он поступил в Кустанайское городское училище, которое и окончил в 1902 году и затем продолжал образование в Казанской учительской семинарии. Здесь он вступил в нелегальный марксистский кружок, который имел связь со студентами Казанского университета. А. Джангильдин принимал активное участие в революционном студенческом движении в 1905 году. Из Казани А. Джангильдин переехал на учебу в Москву, где продолжал свою революционную работу в нелегальном студенческом кружке[26]. В 1908 году из-за преследования царских властей вынужден был эмигрировать за границу. В Швейцарии в 1911 году произошло самое важное событие в жизни А. Джангильдина. Здесь ему посчастливилось впервые увидеть Владимира Ильича Ленина.

Вспоминая свои встречи с В. И. Лениным, А. Джангильдин писал: «Узнав, что я уроженец Казахстана, Ленин начал расспрашивать о моей жизни. Я ему рассказал о своих мытарствах по разным странам. Владимир Ильич внимательно выслушал мой рассказ;

---

[24] См. воспоминания одного из руководителей восстания Алибия Джангильдина об Амангельды Иманове и Тургайском восстании, в указ. сб. документов, стр. 630.

[25] Джангильдин Алибий Тогжанович (1884—1953) — видный партийный и государственный деятель Казахской республики. С 1951 до конца своей жизни работал заместителем председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

[26] «Восстание 1916 года в Казахстане», (Документы и материалы), стр. 33—34.

в дальнейшей беседе он коснулся положения угнетенных царизмом народов и подробно остановился на путях освобождения трудящихся колониальных стран. На прощание Ильич пожелал счастливого возвращения на родину».

Возвратившись в 1913 году в родную степь, А. Джангильдин встретился с другом детства Амангельды Имановым. Они решили посвятить свои силы освобождению своего народа. Вскоре царские власти узнали о революционной деятельности А. Джангильдина. Он вынужден был бежать в Крым, где работал на метеорологической станции в Симферополе. Здесь он познакомился с большевиком Ивановым. С его помощью А. Джангильдин в 1915 году на время приехал в Петроград и вступил в ряды большевистской партии.

В Петрограде А. Джангильдин участвовал в одном из партийных собраний, на котором обсуждались в свете ленинских указаний пути и методы мобилизации масс на борьбу с самодержавием. При этом было уделено внимание и вопросам работы большевиков среди трудящихся масс порабощенных народов царской России[27].

Возвратившись в Симферополь, А. Джангильдин продолжал революционную работу и переписывался с Амангельды Имановым. В одном из писем Амангельды сообщал А. Джангильдину о готовящемся восстании. «Мобилизацию сорвем, джигитов не дадим,— писал Амангельды.— Объединенными силами пойдем войной против царской власти. Лучше погибнуть на своей земле в борьбе за свободу народа. Возьмем же боевые знамена и пойдем войной вместе с русским народом против нашего врага — царской власти. Настал день испытания. Вокруг меня объединились лучшие люди народа. Мы решили восстать»[28].

В ответ на это известие, Алибий Джангильдин приветствовал действия Амангельды, при этом поделился своими соображениями о необходимости изготовления вооружения и боеприпасов для повстанческих отрядов. Однако А. Джангильдин не ограничился лишь письменными советами. «Долг большевика повелевал мне быть

[27] «Восстание 1916 года в Казахстане», (Документы и материалы), стр. 35.

[28] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 631.

среди восставших,— писал А. Джангильдин в своей автобиографии.— Таково было мнение тов. Иванова и других наших друзей. Никогда не забуду, как меня провожали в дальний путь. Мы собрались в гостинице «Россия», где беседовали по душам. С пожеланием удачи я оставил Симферополь»[29].

Вскоре он был уже вместе с Амангельды Имановым и активно участвовал в руководстве повстанческими силами, которые организовывались в казахской степи[30].

Основное ядро повстанческих отрядов Амангельды Иманова состояло из представителей кипчакского рода. Отряды росли изо дня в день, вбирая в свой состав повстанцев из других родов — аргинцев, жаппасовцев, баганалинцев и других. К ним присоединились также повстанцы из ряда уездов Акмолинской и Сырдарьинской областей.

30 августа Тургайский уездный начальник доносил: «получены сведения, что в Тургайский уезд перекочевала одна волость Аманкарагайская из Кустанайского уезда и много киргиз Перовского и Атбасарского уездов, которые, со слов местных жителей, группируются в Тургайском уезде»[31].

Об этом же писал крестьянский начальник первого участка Тургайского уезда: «Имеются сведения, что в пределы Тургайского уезда перекочевало очень много киргиз из Петропавловского и Атбасарского уездов Акмолинской области и из Кустанайского уезда с целью скрыться от призыва, а если понадобиться, то и оказать сопротивление совместно с населением Тургайского уезда»[32].

К началу октября основные силы повстанцев в составе 20 отрядов под командованием Амангельды Иманова были сосредоточены в Тургайском и Иргизском уездах. Они расположились тремя группами: первая — к северу от Тургая, состояла из повстанцев Наурзумской

---

[29] «Восстание 1916 года в Казахстане» (Документы и материалы. стр. 35.

[30] Там же.

[31] ЦГА ТАССР, ф. Штаба Казанского военного округа, оп. 2, «О Тургайских беспорядках», л. 67, цит. из «Вестника Ан Казахской ССР», № 7, Алма-Ата, 1953, стр. 31.

[32] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 18, л. 392, об. (цит. по Т. Елеуов, указ. статья, стр. 31).

и Сары-Копинской волостей; вторая группа, расположившаяся к западу от Тургая, состояла из отряда Тосунской и Чубаланской волостей; третья группа, находившаяся восточнее Тургая, состояла из отрядов Кайдаульской, Аккумской, Караторгайской волостей.

Горнорабочие являлись активной силой в повстанческих отрядах Амангельды Иманова. Горняки вели большую политическую агитацию среди повстанцев, призывая их на вооруженную борьбу с царизмом.

Повстанцы продолжали нападать на байские хозяйства, отбирать лошадей для нужд восстания; участились избиения и убийства волостных управителей и старшин — пособников царских властей. Вице-губернатор Тургайской области, докладывая о нападении повстанцев Иргизского отряда на волостных управителей и старшин в октябре месяце, писал, что управитель Аманкульской волости «Мамбетов в плену, старшина аула № 8 Бекмурзин, говорят, убит, аксакал аула № 6 Кайсыков, говорят, убит, аула № 9— Карагланов вернулся страшно избитым..., аксакал аула № 1 Бешпаев избит, ранен пикой, едва ли будет жив»[33].

Казачьи отряды, размещенные в г. Тургае, нападали на аулы, разыскивали и арестовывали «крамольников и агитаторов». Карателями было убито много повстанцев. Несмотря на потери, повстанцы все более смелее атаковали карателей.

Штаб повстанцев во главе с Амангельды Имановым и Алибием Джангельдиным подготовил и осуществил наступление на опорный пункт карателей — Тургай.

Подготовка к наступлению была самая тщательная. А. Джангельдин большое внимание уделял массово-политической работе среди повстанцев. Говоря о деятельности военного Совета — Кенеса, А. Джангельдин писал: «Совет и организованные при нем отряды усиленно занимались вопросами снабжения повстанцев оружием и боеприпасами. Мы организовали несколько кузниц. Здесь наши кузнецы вместе с рабочими из Атбасара, Акмолинска и даже Семипалатинска передавали и

---

[33] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 633.

чинили берданки, охотничьи и старинные фитильные ружья, ковали ножи, топоры, пики. Эти передвижные мастерские были устроены очень примитивно, оборудование каждой из них состояло обычно из больших мехов, клещей и самодельных молотков. Но и этот убогий инструмент в руках повстанческих оружейников сослужил восстанию немалую службу».

22 октября началась длительная осада Тургая. Карательные отряды оказались в тяжелом положении. Описывая первые дни осады города, ее очевидец Я. Довбищенко, в своем дневнике писал: «22 октября. Тургай в осаде. Объявлено военное положение. В 7 верстах от города скопилось несколько тысяч человек из аулов уезда. Телеграфное сообщение прервано. Почтовые станции разрушены... Начальство уже попряталось в казарме. Оно охвачено страхом. Противно смотреть на мертвое от испуга лицо палача Ткаченко. Уже кому другому, а ему надеяться на милосердие киргизов не приходиться». И далее: «Вся обстановка напоминает забастовки и московские декабрьские события»[34].

Для освобождения осажденного Тургая и подавления восстания был сформирован особый экспедиционный отряд, под командованием генерал-лейтенанта Лаврентьева. Перовначально в составе карательной экспедиции было всего 9 рот, 7 казачьих сотен, 14 орудий и 6 пулеметов. Ближайшей задачей отряда было освобождение Тургая, осажденного 15 тысячами повстанцев[35]. Вскоре карательную экспедицию спешно усилили частями из Казани, Саратова, Вятки, Перми, Симбирска и Оренбурга. Таким образом, в состав особого экспедиционного отряда окончательно вошло 17 рот пехоты, 19 казачьих сотен и эскадронов кавалерии, 14 орудий и 17 пулеметов[36].

Карательные части были двинуты против повстанцев в трех направлениях. Главные силы их сосредоточились в Челкаре, и отсюда 2 ноября начали наступление на Иргиз и Тургай; часть отряда шла из Актюбинска через

---

[34] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 587 и 588.
[35] Там же, стр. 612 и 619.
[36] Там же, стр. 606 и 608.

Қарабутак на Иргиз, другая часть же наступала на Тургай через Кустанай[37].

Повстанцы решили начать штурм Тургая до подхода карательной экспедиции. С рассветом 6 ноября началось наступление на южную его окраину, где были сосредоточены правительственные учреждения. Повстанцы четырьмя колоннами, атаковали город до 4-х часов дня[38]. Их передовые части во главе с Амангельды ворвались в город и развернули уличные бои с казаками. Хотя наступление захлебнулось, осада города продолжалась. Лишь к 16 ноября особому экспедиционному отряду с боями удалось прорваться в Тургай и выручить осажденный гарнизон[39].

Оценивая значение штурма Тургая, А. Джангельдин писал, что он «сыграл большую роль в развитии повстанческого движения. Он в глазах народа поколебал «всесильную» мощь царского правительства и окрылил трудящихся казахов».

Вместе с тем А. Джангельдин правильно вскрыл слабые стороны повстанческого движения: отсутствие военной выучки, достаточной организованности и дисциплины. «Вынужденное отступление из-под Тургая,— отмечал он,— послужило для нас хорошим уроком. Стало ясно, что без твердой организации, без дисциплины, без военной учебы нам не устоять против карателей»[40].

Уроки поражения под Тургаем не пропали даром. Они были учтены Имановым, Джангильдиным и другими руководителями восстания в дальнейшей борьбе с царизмом. С этого времени восстание в Тургайской области постепенно приобретало более организованный характер.

В донесении управителя Кайдаульской волости Тургайского уезда указывалось, что Амангельды Иманов стал «главнокомандующим над всеми восставшими киргизами»[41].

---

[37] «Восстание 1916 года в Сердней Азии и Қазахстане», указ. сб. документов, стр. 612 и «История Қазахской ССР», т. I, изд. АН Қазахской ССР, Алма-Ата, 1957, стр. 585.

[38] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Қазахстане» указ. сб. документов, стр. 617.

[39] Там же, стр. 612 и 617.

[40] Там же, стр. 632.

[41] Там же, стр. 618.

Во второй половине ноября численность повстанцев в районе Тургая — Иргиза дошла до 50 тысяч. Командующий войсками Казанского военного округа потерял надежду на скорое подавление восстания. Признав фактический провал первых военных операций карательной экспедиции генерала Лаврентьева, он телеграфировал 26 ноября начальнику Генерального штаба: «Не подлежит сомнению что на умиротворение края потребуется не менее 1—2 годов. По этой причине необходимо готовиться к систематической длительной кампании, дать сразу достаточные, правильно организованные силы и широко обставить всеми техническими средствами... Лучше послать сил даже больше, чем нужно, чтобы поддержать авторитет русской власти, нежели посылать подкрепления малыми сборными частями»[42].

Командование Казанского военного округа, на которое была возложена задача подавления восстания в казахской степи, официально признавало повстанцев Тургайской области аскерами, то есть солдатами. Генерал Лаврентьев сообщал: «Мятежники берут по одному аскеру с кибитки, что дает с каждого уезда 20 000 бунтовщиков аскеров. Действия мятежников,— писал он,— носят характер партизанской войны»[43].

Организованность повстанческих отрядов отмечали и донесения командующего войсками Казанского военного округа. Он писал, что карательным отрядам пришлось вести бои с повстанцами «как с организованными полчищами, принявшими военный строй и поставившими себе задачей сопротивление правительственной власти, разгром городов области, уничтожение путей сообщения, телеграфа. Скопища киргиз(ов) не ограничивались одним только пассивным сопротивлением войскам, но и сами нападали на них с целью уничтожения»[44].

Восставшие наносили карателям чувствительные удары. 14 ноября в районе ст. Ак-Чеганак десятитысячная масса повстанцев атаковала карательный отряд подполковника Котомина[45].

---

[42] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 610.

[43] Там же, стр. 606.

[44] Там же, стр. 606.

[45] Там же, стр. 616.

Таким образом героическая борьба тургайцев отвлекала и изматывала значительные силы царских войск, способствовала ослаблению царизма.

Другое сосредоточение повстанческих сил происходило близ г. Иргиз. Здесь было сгруппированно не менее 7 тысяч повстанцев[46]. Против Иргизской группы повстанцев вел боевые операции специальный отряд карательной экспедиции.

Повстанцы и здесь не раз атаковали карательные отряды. Внезапные нападения, быстрые передвижения и передислокация восставших ставили карателей в весьма трудное положение. В журнале военных действий Иргизского отряда экспедиции указывалось, что 7 ноября группа аскеров, вооруженная пиками, напала на ст. Кызыл-Кул. Начиная от ст. Джульбай, до г. Тургая была испорчена линия связи[47].

Генерал Лаврентьев сообщал, что карательному отряду есаула Фролова, посланному для занятия опорного пункта на ст. Балпан в районе Иргиза, 4 тысячи повстанцев оказали решительное сопротивление. И сами перешли в атаку. При этом Лаврентьев указывал, что «киргизы приняли военный строй, колонны (идут) уступами, атакуют лавой, на отдыхе охраняются заставами и разъездами, высылаемыми за 25 верст»[48].

Во время боев повстанцы проявляли удивительную храбрость и мужество. Об этом сообщали начальник экспедиционного отряда и командир 97 Донской казачьей особой сотни. «...Смелые настойчивые атаки киргиз(ов) доходили до такой дерзости,— докладывал он,— что, несмотря на артиллерийский и пулеметный огонь, киргизы подходили к наступающим частям на расстояние 100 шагов, а отдельные всадники почти врезывались в наступающую цепь»[49].

Будучи вооруженными пиками и лишь немногие — берданками, повстанцы смело атаковали регулярные войска и стояли на смерть. Начальник Генштаба П. И. Аверьянов 30 ноября доносил царю о столкновении казахов с конным карательным отрядом подполковника фон-Ро-

[46] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 597.
[47] Там же, стр. 597—598.
[48] Там же, стр. 610.
[49] Там же, стр. 617.

зена в районе озер Сабынкул и Кара-Кул и подчеркивал, что повстанцы, получив сведения о движении карательного отряда, сами выступили ему навстречу. «Несмотря на открытый артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, киргизы продолжали наступление, и лишь когда ряды их сильно опустели, они отхлынули назад, но, собравшись за холмами, снова двинулись в наступление. Вновь потеряв большое число убитыми и ранеными, карьером отхлынули назад, рассыпавшись в разных направлениях»[50].

Повстанцы вновь группировались, чтобы готовиться к новому наступлению.

В ночь на 1 декабря повстанцы были обнаружены на большом биваке на берегу р. Тургая. Около двух часов ночи карательный отряд скрыто подошел к биваку, неожиданно напал на спавших повстанцев. Было убито более 500 человек, сожжено около 500 кибиток. И эту кровавую расправу полковник Остроградский характеризовал как «выдающуюся работу и мужество всех чинов отряда»[51].

Признав провал первых военных операций против повстанцев, командующий Казанским военным округом А. Г. Сандецкий обратился с просьбой к военному министру о снабжении карательной экспедиции аэропланами, радиотелеграфными станциями и автомашинами[52].

В декабре повстанческое движение тургайцев продолжалось с неослабевающей силой. Вот почему 21 декабря 1916 года царским указом Тургайский, Иргизский и Кустанайские уезды Тургайской области были объявлены на военном положении. Уездным начальникам были предоставлены особые права по подавлению восстания[53].

В январе 1917 года повстанческие отряды под руководством Амангельды Иманова перерезали и захватили тракт между Тургаем и Чолаксаем. Отдельные отряды повстанцев подходили близко к Тургаю, но осадить город на этот раз не удалось[54].

---

[50] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 615.

[51] Там же, стр. 615.

[52] Там же, стр. 607.

[53] Там же, стр. 697—698.

[54] С. Брайнин, Н. Тимофеев, Амангельды Иманов — вождь восстания 1916 года в Казахстане, стр. 58—59.

Продолжались кровавые столкновения повстанцев с карательными отрядами подполковника Кислова, есаула Лощинина, подъесаула Кузнецова и других[55].

В ходе изнурительных походов и сражений с карателями состав восставших претерпевал изменения. Все более отходили от повстанцев примыкавшие к движению различного рода попутчики. Не добившись своих реакционных целей, отходили прочь или сыграли открыто предательскую роль и так называемые «ханы». 25 января 1917 года тургайский военный губернатор телеграфировал департаменту полиции, что «8 (из 9-ти,— *Х. Т.*) ханов явились с повинною добровольно»[56].

Согласно данным командующего войсками Казанского военного округа к началу февраля 1917 года основные силы повстанцев во главе с Амангельды Имановым были сосредоточены в урочище Батпак-Кары в 150 верстах на северо-восток от Тургая по долине реки, другая группа держалась по р. Джиланчик в 140 верстах на юго-восток от Тургая, среди озер к северу от урочища Караджара и в песках Ак-Кум. И третий, небольшой отряд повстанцев находился в урочище Караджана, в 80 верстах от Тургая по тракту на Перовск. Таким образом, повстанцы как бы кольцом охватывали Тургай по радиусу в 150 верст со стороны Перовска и Акмолинской области[57].

Именно в это время командование округом решило предпринять комбинированное наступление всех карательных отрядов против повстанцев. Главный удар при этом должен был наноситься на опорную базу повстанцев — Батпак-Кары. 13 февраля Оренбургский казачий полк выступил из Тургая в район Батпак-Кары. Полк был усилен артиллерийскими и пулеметными подразделениями. Одновременно в направлении северных областей от Чулаксая до Тургая двинулись отряды подполковника Кислова и есаула Лощинина[58]. Вместе с карателями против повстанцев выступала вооруженная банда казахских баев, численностью до 400 человек.

---

[55] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 626.

[56] Там же, стр. 623.

[57] Там же, стр. 624.

[58] Там же, стр. 627.

18—21 февраля происходили ожесточенные бои между повстанцами и карателями, причем во время сражения 21 февраля было убито более 400 казахов[59]. Повстанцы вынуждены были отступить в глубь степи с тем, чтобы сохранить свои силы и вновь возобновить активные действия. И этот маневр удался. Через несколько дней 27 февраля карательному отряду генерала Лаврентьева пришлось самому отступать в Тургай, покинув Батпак-Кару.

В результате активных действий повстанцев призыв на тыловые работы в Тургайской области оказался почти полностью сорванным. Властям ничего не оставалось делать, как назначать все новые отсрочки — сначала до 15 сентября, затем до 15 октября 1916 года, до 15 февраля 1917 и даже (для отдаленных районов) до 14 марта.

Восстание в Тургайской области охватило широкие народные массы и имело большое значение. Оно нанесло удар военно-экономической мощи царизма, учило массы активной борьбе против колонизаторов и «своих» угнетателей. Ход восстания показал, что попытки новоявленных «ханов» и прочих феодально-клерикальных элементов захватить руководство движением и направить в антирусское русло, потерпели провал.

Таким образом, карателям не удалось подавить восстание в Тургайской области. Несмотря на значительные потери, отряды Амангельды сохраняли боевой дух и продолжали активные действия. И правы казахские историки Т. Елеуов, Г. Наканов и другие, которые считают, что повстанческое движение в Тургайской области органически смыкалось с боями против царизма в дни победоносной Февральской буржуазно-демократической революции[60].

В отличие от других областей восстание в Тургайской области не ограничилось июлем—декабрем 1916 года, но перешагнуло за январь и февраль 1917 года. Оно являлось подлинно народным движением.

---

[59] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 628—629.

[60] *Т. Елеуов.* Основные вопросы восстания 1916 года в Казахстане (Содоклад), Указ. «Материалы научной сессии..., Ташкент, 1956, стр. 307—308; *Г. Наканов.* Февральская победа тургайских повстанцев над карательным отрядом, «Вестник АН Казахской ССР», № 7 (76), Алма-Ата, 1951, стр. 46—58.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане как одно из крупных национально-освободительных движений в царской России в эпоху империализма имеет важное значение в истории народов края.

Марксистскую оценку восстания 1916 года на примере революционно-освободительной борьбы казахского народа, дал Н. С. Хрущев в речи на юбилейной сессии, посвященной сорокалетию Казахской ССР. «История Коммунистической партии Советского Союза» отмечает, что под влиянием рабочего движения в России «пришли в движение и угнетенные нации. В середине 1916 года вспыхнуло восстание в Средней Азии и Казахстане, охватившее миллионы людей. Налицо было явное назревание революционного кризиса»[1].

Действительно, восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане явилось одним из ярких проявлений назревавшего тогда в России революционного кризиса. Оно способствовало дальнейшему развитию революционного движения в России, натиску народных масс против царизма. В этом заключается важнейший итог и значение восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, направленного против царизма и империалистической войны. Начавшись как антиколониальное и антиимпериалистическое движение, восстание постепенно перерастало в антифеодальное.

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», М., Госполитиздат, 1959, стр. 190.

Народное движение происходило в различных формах, начиная от демонстраций протеста, возмущений, ухода рабочих с предприятий батраков, из байских и кулацких хозяйств, откочевок в глубь степей и бегства за границу, до открытых массовых вооруженных восстаний. Это — свидетельство не только пассивного отказа населения от набора, но и активной борьбы десятков тысяч повстанцев.

Национально-освободительное восстание 1916 года не было направлено на отделение Туркестана и Казахстана от России. Оно было национально-освободительным потому, что было направлено против национально-колониального гнета царизма. Это была стихийная борьба колониальных народов одной из восточных окраин России за свою свободу, за элементарные политические и человеческие права, часть общей борьбы народов России против войны и царского самодержавия.

Антифеодальные выступления во время восстания выражались в форме нападений повстанцев на байские хозяйства, на ростовщиков и баев-феодалов. Подобные выступления были в большей степени в Ферганской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областях.

Трудящиеся массы кишлака и аула — дехкане и скотоводы, являлись основной движущей силой восстания. Хотя оно приобрело характер крестьянской войны, в восстании приняли активное участие и трудящиеся города — местные рабочие, полупролетарские элементы, ремесленники, а также представители демократической интеллигенции.

Одной из важных и характерных особенностей восстания, доказывающих его всенародный характер явилось почти повсеместное участие в нем женщин, веками находившихся в рабском положении не только в общественной жизни, но и в семье и быту.

В ходе восстания из народной среды выдвинулись подлинные вожаки масс. Никогда не забудутся прославленные имена героя казахского народа Амангельды Иманова, большевика Алибия Джангильдина, Токаша Бокина, Юлчи Ибрагимова, Гуляма Камалова и многих других.

Национальная буржуазия, феодально-байские элементы и мусульманское духовенство сыграли в восстании реакционную, предательскую роль. Испугавшаяся

размаха и глубины революционного освободительного движения национальная буржуазия, находившаяся в зависимости от царизма и русской империалистической буржуазии, открыто перешла в лагерь реакции. Она не только не участвовала в восстании, но активно помогала колониальной администрации подавлять народное движение и осуществлять царский указ о наборе. Особенно гнусную, антинародную, явно предательскую роль сыграли джадиды и алашордынцы. Оппозиция части национальной буржуазии не шла дальше подачи прошений об отсрочке мобилизации, об оставлении части мобилизованных для работы в байских хозяйствах, промышленных заведениях и т. п.

В. И. Ленин писал, что нередко «буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной *и против* своего народа»[2]. И эта характеристика вполне применима к национальной буржуазии Средней Азии и Казахстана.

Реакционную роль в восстании играли и феодально-клерикальные элементы. Крупным землевладельцам и духовенству не по душе была активность и революционная борьба народных масс. Поэтому они выступали против народного движения. Лишь отдельные их представители, боясь потери дешевой рабочей силы, выступали с робким протестом против царского указа, а кое-где даже примыкали к восстанию, защищая свои корыстные интересы.

Вместе с тем, у значительной части крупных феодально-клерикальных элементов, преимущественно из числа старой ханской, султанской знати, таких, как Джевачи, Шабдановы и другие, проявилась реакционная тенденция к воссозданию средневековых феодальных деспотий и восстановлению своих былых привилегий. Они пытались использовать для этой цели в своих классовых интересах происходившее народное движение. Однако лишь в некоторых наиболее отсталых в социально-экономическом отношении районах им удалось спровоцировать реакционнные выступления и объявить «газават» против всех русских. В результате этой авантюры феодально-клерикальных панисламистских эле-

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 49.

ментов, с одной стороны, и проводившейся длительное время шовинистической политики царизма — с другой — в отдельных районах (ряд волостей Пишпекского, Пржевальского, Джизакского уездов, в Теджене, на Гюргене) происходила реакционная межнациональная резня, жертвами которой оказались ни з чем неповинные простые люди, как русские так и киргизы, узбеки, туркмены и др. Однако следует подчеркнуть, что и в указанных районах движение начиналось стихийно, как освободительное, но затем националистические элементы, воспользовавшись темнотой и забитостью масс, спровоцировали здесь антирусские, реакционные выступления.

Эти реакционные выступления наносили огромный вред складывавшемуся союзу и дружбе народов Средней Азии с революционным рабочим классом России. В то время, когда Россия стояла накануне победоносной буржуазно-демократической и затем социалистической революций, самым целесообразным и даже единственно возможным в тех условиях путем освобождения народов Средней Азии и Казахстана явилось все более тесное приобщение их к общей революционной борьбе русского рабочего класса и крестьянства против общего врага — царизма, помещиков и капиталистов.

Характеризуя восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане в целом, как революционное национально-освободительное прогрессивное движение, мы имеем в виду народные восстания, которые происходили в Туркестане и Степном крае почти повсеместно.

Разумеется, спровоцированные феодально-клерикальными элементами реакционные националистические выступления, происходившие лишь в отдельных незначительных очагах, не имеют ничего общего с народным движением. Их поэтому следует рассматривать отдельно. Если подлинно народное восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане способствовало развитию революционного движения, в стране, то отдельные реакционные выступления, организованные панисламистами, лишь тормозили это развитие.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане было жестоко подавлено царскими войсками. Был предан огню и беспощадному уничтожению целый ряд кишлаков и аулов. Сгорел дотла старый город Джизак. Безжалостно расстреливалось и уничтожалось население.

Более 300 тысяч человек, т. е. почти четвертая часть коренного населения Семиречья, вынуждены были покинуть родные края и бежать в Китай, подвергаясь при этом неимоверным лишениям и страданиям. Их аулы были уничтожены, скот и имущество разграблены карательными войсками. Десятки тысяч человек из киргизского населения были выселены с насиженных мест и земли их были конфискованы колониальной администрацией. Более двух тысяч десятин земли было отобрано у дехкан Джизакского уезда. У туркменского крестьянства были захвачены десятки тысяч голов скота. Огнем и мечом прошли каратели по казахской степи.

После подавления восстания только по Туркестану с 25 июля по 15 декабря 1916 года поступили в военно-прокурорский надзор 148 дел об участниках восстания с общим числом привлеченных по ним лиц свыше 3000. Из преданных суду только по 40 делам 587 человек —201 были присуждены к смертной казни, 104 — к каторжным работам; остальные — к тюремному заключению. По конфирмации приговоров Главнокомандующим Военным округом было подвергнуто смертной казни 20 человек, отправлено на каторжные работы — 162, остальные — тюремному заключению[3]. Безжалостно действовали военные полевые суды и з казахской степи.

Восстание 1916 года потерпело поражение. Основными причинами этого было отсутствие непосредственного руководства восстанием со стороны рабочего класса, его стихийность и разрозненность, свойственные всем крестьянским движениям. Однако в стычках и боях с царскими войсками, карательными отрядами, полицией, кулацкими и байскими, бандами трудящиеся массы коренного населения Средней Азии и Казахстана учились революционной борьбе, воочию увидили своих истинных друзей и заклятых врагов.

В ходе восстания 1916 года трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана все глубже убеждались в том, что они могут быть освобождены от всякого социального и национального гнета только при помощи и под руководством русского прлетариата. «Диалектика исто-

---

[3] «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», указ. сб. документов, стр. 73.

рии такова,— писал В. И. Ленин,— что мелкие нации, бессильные, как *самостоятельный* фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену *настоящей* силы против империализма, именно: социалистического пролетариата»[4]. В свете этих ленинских указаний освободительную борьбу народов Средней Азии и Казахстана в период восстания 1916 года надо рассматривать как один из важных факторов, способствовавших революционному движению рабочего класса России.

Восстание вызвало серьезное беспокойство в правительственных кругах. Последние принимали лихорадочные меры по усилению гарнизонов в Туркестанском и Степном краях и созданию карательных отрядов, перебросив для этого целый ряд воинских частей из внутренних губерний. Повстанческое движение отвлекало значительные силы царских войск. Только по Туркестану против восставших было брошено 14,5 батальонов, 33 сотни, 42 орудия и 68 пулеметов. Во время нападений повстанцев царские войска понесли серьезные потери. Таким образом восстание способствовало ускорению революционного кризиса в крае и нанесло ощутительный удар по колониальной системе царизма в Средней Азии и Казахстане.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане имело большое влияние на умы простых людей соседнего Кавказа, где также на почве призыва на тыловые работы части коренного населения ряда районов, возникли недозольство и возмущения. Поэтому наместник императора на Кавказе генерал Орлов письмом от 30 июля 1916 года просил отсрочить набор «инородцев» из Кавказа из-за тревоги от возможных нежелательных для властей политических последствий. И это предложение было принято правительством[5]. Однако генерал Орлов вскоре убедился, что растущее брожение у народов Кавказа может вылиться в открытое восстание, так же как и в Туркестане. Поэтому он ходатайствовал перед царем вообще об отмене набора рабочих-тыловиков из Кавказа.

---

[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 341.
[5] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, лл. 56—57 и 60—61.

И это ходатайство было удовлетворено[6].

В этой связи представляет большой интерес переписка между военным министром Шуваевым и генерал-губернатором Туркестанского края Куропаткиным. В письме от 22 августа 1916 года министр сообщал, что «Государю императору 16-го сего августа благородно было высочайше согласиться с мнением великого князя и соизволить на освобождение мусульман Кавказа от привлечения к работам в тылу. Об изложенном считаю долгом поставить в известность Ваше высокопревосходительство ввиду близости Туркестана к Кавказу, и на случай принятия необходимых мер против возможного брожения среди туземцев вверенного вам края, когда им станет известна дарованная кавказским мусульманам льгота»[7].

Итак, именно из-за боязни народного восстания на Кавказе набор тыловиков был там отменен и вместе с тем власти были встревожены последствиями этого шага для Туркестана.

Характерен ответ Куропаткина Военному министру. Он докладывал, что «отмена наряда рабочих с Кавказа без объявления причин производит очень невыгодное впечатление на туземцев Туркестана в свою очередь надеющихся тоже на отмену. Между тем отмена поставки рабочих от Туркестана, особенно после вооруженного выступления их, будет объяснена туземцам не иначе как слабостью русского правительства и надолго подорвет престиж русской власти в Средней Азии, что совершенно недопустимо»[8].

Таким образом, отмена набора рабочих на Кавказе беспокоила туркестанские власти тем, что она вызовет дальнейшее усиление здесь народного движения. Поэтому Куропаткин просил военного министра проявить сверхосторожность по отношению Туркестана и, в частности не спешить с проведением набора. «Зная Туркестан,— писал он,— я подал бы совет не требовать

---

[6] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, документальные материалы, инв. № 82, л. 12 (см. оригинал, ЦГА УзССР, ф. 1, д. 1128, т. II, л. 34, л. 76).

[7] Там же.

[8] Там же, лл. 13—14.

в экстренном порядке набора рабочих с этой окраины»[9].

Вследствие упорного сопротизления народных масс царскому правительству не удалось в полном объеме осуществить набор рабочих на военно-тыловые работы по Средней Азии и Казахстану. По данным, приведенным П. А. Ковалевым на 1 марта 1917 года, из Туркестана были отправлены на тыловые работы всего 123 тысячи человек[10], т. е. менее полозины первоначального плана набора.

* * *

Огромна историческая роль мобилизованных рабочих («тыловиков») в судьбах народов края. Пребывание их в прифронтовой полосе, на промышленных предприятиях и на железных дорогах, среди русских революционных рабочих и солдат явилось для них большой политической школой. Десятки тысяч «тыловиков», закаленных в борьбе, умудренных опытом, вернувшись после Февральской революции на родину, развернули под руководством русского пролетариата во главе с партией большевиков активную борьбу против эксплуататоров за осуществление ленинской программы социалистической революции.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане оставило глубокий след в сердцах народных масс. Героическая борьба повстанцев против царизма, баев и карательных отрядов, отправление «тыловиков» на фронт и их жизнь нашли свое отражение в народном творчестве, в литературе и искусстве.

Народными акынами и бахшиями были созданы песни и достаны, в которых правдиво отражены происходящие события.

Еще во время восстания были широко распространены такие народные песни, как «Минг лагнат» («Тысячи проклятий»), «Элликбаши» («Пятидесятники») и другие, в которых с гневом говорилось о произволе царя,

---

[9] Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана. документальные материалы, инв. № 82, л. 12 (см оригинал. ЦГА УзССР, ф. 1, д. 1128, т. II, лл. 13—14).

[10] *П. А. Ковалев.* Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Госиздат УзССР, Ташкент, 1957, стр. 82.

местных властей, баев, выражалась надежда на скорое освобождение народных масс.

В поэме казахского акына «Бзаубек», написанной в июле 1916 года, читаем:

Земля закачалась под мрачным дворцом.
Врагов самодержца — рабочих ряды —
Идут в наступленье с открытым лицом,—
Их жаркие не остывают следы.

И раненых братьев они на себе
Несут, и призыв их грохочет вокруг.
Жигитов ты требуешь, царь, но тебе
Не сделать из них верноподданных слуг.

...Бесценный народ мой! Пришла к нам напасть.
И наши потеют горячие лбы.
Но не уничтожит нас царская власть,
Как станем мы все под знамя борьбы.

Ведь часа последнего не миновав,
Оставит в свой срок каждый сын степей.
Давайте же, в кулак наши силы собрав,
Навстречу врагу оседлаем коней,—

...Призывное слово сказал я в стихах.
Народ мой! Врага поразить должен меч.
Пусть радость большую узнает казах,
Пусть тяжесть несчастий спадет с наших плеч[11].

В поэме узбекского поэта Фазыла Юлдаш оглы «Джизакское восстание» был показан рост народного возмущения в восстании 1916 года.

Интересна поэма народного поэта Мухаммадкула Жамурад оглы по прозвищу Пулкан шаир (1874—1941) — «Мардикор» («Тыловой рабочий»)[12]. Пулкан шаир, буду-

---

[11] «Восстание 1916 года в Казахстане», (Документы и материалы, под ред. Ю. С. Сулейманова, Алма-Ата, 1947, стр. 13—14).

[12] Полный текст поэмы хранится в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, инв. № 12, 1926 г., 98 стр. арабского шрифта; сокращенный текст опубликован в кн. «Узбек халк шоирларининг Совет давридаги ижоди», указ. сб., стр. 180—181.

чи бедняком, был насильственно послан на тыловые работы вместо байского сына. В поэме говорится о восстании, о произволе баев, о колониальной администрации, о положении «тыловиков», о Февральской революции 1917 года и влиянии ее на «тыловиков», о первых сведениях, полученных «тыловиками»-рабочими о Ленине, о возвращении на родину и о свободе.

Восстание 1916 года вдохновило узбекского писателя Хамзу Хаким-заде Ниязи. Еще в своих дореволюционных произведениях он бичует баев, джадидов, волостных управителей, казиев и других прислужников царизма.

Восстание 1916 года получило широкое освещение и в современной литературе и искусстве. Многие ведущие писатели Средней Азии и Казахстана создали на основе изучения исторических фактов правдивые образы героев народного движения 1916 года. Например, перу талантливого узбекского писателя Айбека принадлежит роман «Священная кровь», где ярко отражена революционная освободительная борьба трудящихся масс Туркестанского края. Значительная часть произведения посвящена восстанию 1916 года в Ташкенте. На основе романа Айбека создан кинофильм «Священная кровь».

В романе одного из крупных казахских писателей Сабита Муканова «Ботагоз» воссоздана картина народного восстания и последующих революционных битв в Казахской степи.

Восстанию 1916 года посвящен ряд пьес: «Амангельды» Б. Майлина, «Священная кровь» Айбека и др. «Ленфильмом» создан интересный кинофильм «Амангельды». «Киргизфильм» поставил кинокартину о герое-поэте, участнике восстания 1916 года Токтагуле. Художниками созданы картины о восстании 1916 года и его героях. К их числу следует отнести прежде всего произведения казахского художника Абылхана Кастеева «Атака Амангельды», портрет Амангельды и другие.

Со времени восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане прошло 46 лет. За это время в жизни народов края произошли коренные изменения. Решающим событием в исторических судьбах народов края, как и всей нашей страны, явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции.

Великий Октябрь и социалистический строй дали народам Средней Азии и Казахстана подлинную свободу и счастье. Казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки в братской семье народов Советского Союза под руководством ленинской партии, за короткий исторический срок сделали огромный скачок в своем развитии. Они перешагнули от феодализма к социализму, минуя мучительную стадию капитализма, приобрели фактическое равенство. Расцвела экономика и культура всех социалистических наций. Социализм навсегда похоронил былую национальную рознь между народами, искусственно разжигавшуюся эксплуататорскими классами в прошлом. Под знаменем пролетарского и социалистического интернационализма создалась и упрочилась нерушимая дружба народов нашей страны.

«Величайшее завоевание социализма — разрешение *национального вопроса,*— указывается в Программе КПСС. Объединение и сплочение равноправных народов на добровольных началах в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик, их тесное сотрудничество в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, братская дружба и расцвет их экономики и культуры — важнейший итог ленинской национальной политики»[13].

Теперь в свете исторических решений XXII съезда КПСС, перед всеми народами Советского Союза открылись еще более величественные перспективы развития— широкий путь развернутого строительства коммунизма, предначертанный Программой Коммунистической партии Советского Союза. Национальные отношения в СССР в этот период характеризуются дальнейшим бурным экономическим и культурным ростом социалистических наций и все более усиливающимся процессом их сближения. Эти важные исторические тенденции, происходящие на нашем пути к коммунизму,— яркий пример торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций, Н. С Хрущев сказал: «В Советском Союзе произошло сближение и небывалое сплочение всех национальностей. Сложилась под-

[13] Программа КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 16—17.

линная дружба народов, которую не могли поколебать испытания второй мировой войны. От этих великих изменений выиграли не только национальные меньшинства, но и русские, украинцы и белорусы — нации, составляющие большинство населения Советского Союза.

Мы гордимся тем, что на опыте бывших окраин доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран»[14].

Исторический опыт строительства социализма и коммунизма в Советских республиках, в том числе Среднеазиатских республиках и Казахской ССР является образцом подражения для зарубежных стран Азии, Африки и Латинской Америки, освободившихся или борющихся за освобождение от позорной колониальной системы империализма.

Народы Средней Азии и Казахстана, освобожденные Великим Октябрем от всякого социального и национального гнета, достигшие огромных исторических успехов по пути подлинного материального и духовного возрождения в годы Советской власти, теперь, вместе, рука об руку со всеми народами СССР, осуществляя исторические решения XXII съезда КПСС, уверенно идут вперед к коммунизму.

---

[14] *Н. С. Хрущев.* «Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения!» Госполитиздат, М., 1960, стр. 29.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Обобщая изложенные в предыдущих главах материалы, можно сделать следующие выводы:

1. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане как одно из крупных политических событий в жизни народов края в дореволюционный период явилось частью общего революционного освободительного движения в России. Оно имело глубокие исторические корни, было одним из ярких проявлений прогрессивных последствий присоединения Туркестана и Казахстана к России.

Под благотворным влиянием революционной борьбы русского рабочего класса поднималось и освободительное движение в национальных окраинах. Исторические корни восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане следует искать прежде всего в первой русской революции, давшей толчок к пробуждению угнетенных народов края. Восстание 1916 года блестяще подтвердило ленинское положение о том, что именно революция 1905—1907 годов окончательно разбудила Азию. Ее народные массы, забитые и угнетенные, проснулись к новой жизни и борьбе за азбучные права человека.

Первая мировая империалистическая война, значительно усилившая социальный и национальный гнет, ускорила назревание революционного кризиса в Средней Азии и Казахстане. Мобилизация «инородцев» Средней Азии и Казахстана на военно-тыловые работы проводилась в интересах империалистической войны. Мобилизация, еще более ухудшив и без того тяжелое положение народов края, послужила одной из серьезных

причин и непосредственным поводом к восстанию 1916 года в Средней Азии и Казахстане, которое уже давно назревало и было подготовлено всем ходом социально-экономического и политического развития края.

2. По своему характеру восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане явилось национально-освободительным массовым народным движением. Своим острием оно было направлено против царизма и империалистической войны. Начавшись как антиколониальное, антиимпериалистическое, восстание постепенно перерастало в антифеодальное. Лишь в некоторых, незначительных по масштабу, районах феодально-клерикальным элементам удалось спровоцировать реакционные выступления, нанесшие вред освободительному движению народных масс. Не будучи поддержанными народными массами, подобные авантюры реакционных элементов, в конечном итоге, потерпели провал.

3. Трудящиеся массы кишлака и аула — дехкане и скотоводы, явились основной и решающей силой восстания. Поэтому восстание 1916 года приобрело характер крестьянской войны. В восстании приняли активное участие и трудящиеся города — местные рабочие, полупролетарские элементы, ремесленники, а также представители демократической интеллигенции.

4. Восстание 1916 года было жестоко подавлено царскими войсками. Несмотря на поражение, восстание имело большое историческое значение. Будучи частью общедемократического движения в стране, оно явилось одним из ярких проявлений назревавшего в годы первой мировой войны революционного кризиса, предвестником буржуазно-демократической революции в России.

Героическая освободительная борьба народов Средней Азии и Казахстана в восстании 1916 года, будучи одним из важных революционных событий, происходивших накануне Февральской революции, вызывает законную гордость у всех советских людей.

5. Уроки восстания 1916 года показали, что народы Средней Азии и Казахстана своими собственными силами не смогли быть освобождены от национально-колониального гнета. Они на историческом опыте убедились, что их революционная освободительная борьба могла бы увенчаться победой только под непосредственным руководством рабочего класса России. И действительно,

русский пролетариат, во главе с Коммунистической партией, выступил авангардом всех порабощенных народов России. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, открывшая новую эру — эру социализма, навсегда освободила народы Средней Азии и Казахстана от всякого социального и колониального гнета и вывела на широкую дорогу строительства социализма и коммунизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИАМ)

ф. 400 Главный Штаб, Азиатская часть.
ф. 1396 Штаб Туркестанского военного округа.

Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ)

ф. 391 Переселенческое Управление.
ф. 425 Министерство Земледелия.
ф. 1276 Совет Министров.
ф. 1278 Государственная Дума.
ф. 1286 Департамент полиции, IV делопроизводство.
ф. 1289 Главное управление почт и телеграфа МВД.
ф. 1292 Управление по делам о воинской повинности.
ф. 1396 Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края.
ф. 1405 Министерство юстиции.

Центральный Государственный архив Казахской ССР (ЦГА КазССР)

ф. 25 Тургайское областное правление.
ф. 44 Семиреченское областное правление.
ф. 64 Канцелярия Степного генерал-губернаторства.

Центральный Государственный архив Киргизской ССР (ЦГА КирССР)

ф. Коллекция «Восстание в Киргизии в 1916 году».

Центральный Государственный архив Туркменской ССР (ЦГА ТССР)

ф. 1 Канцелярия начальника Закаспийской области.
ф. 17 Красноводское уездное управление.

ф. 29 Асхабадское уездное управление.
ф. с/б Рукописный сборник материалов.

Центральный Государственный архив Узбекской ССР (ЦГА УзССР)

ф. 1 Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора.
ф. 3 Императорское Российское Политическое агенство в Бухарском ханстве.
ф. 17 Сыр-Дарьинское областное управление.
ф. 19 Ферганское областное правление.
ф. 461 Туркестанское районное охранное отделение.
Ф. 21 Управление Джизакского уездного начальника.
ф. 22 Канцелярия Каттакурганского уездного начальника.
ф. 276 Канцелярия Ферганского военного губернатора.
ф. 723 Туркестанский военно-окружной суд.

Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана — филиала ИМЛ при ЦК КПСС

ф. 499 Отдел Среднеазиатского Бюро ЦК ВКП(б) по изучению история партии и революционного движения в Средней Азии.
ф. Рукописный, инв. № 79—84.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ

«Восстание 1916 года в Узбекистане» (Копии архивных документов, подобранных Шатерниковой и Султановым в 14 томах). Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана — филиала ИМЛ, рукоп. фонд., инв. № 79—84.

«Воспоминания участников восстания 1916 года в б. Красноводском уезде Закаспийской области, собранные С. Г. Агаджановым» (в пяти тетрадях). Институт истории Академии наук Туркменской ССР, рукоп. фонд, инв. № 4.

«Материалы Амангельдинской экспедиции Казахского филиала Академии наук Казахской ССР», собранные под руководством проф. А. К. Моргулан, Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, рукоп. фонд., инв. № 199—206.

«Материалы Джизакской научной экспедиции по изучению национально-освободительного восстания 1916 года», собранные под руководством Х. Т. Зарипова, в 2-х томах, 1946 г. Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, рукоп. фонд.

«Материалы научной экспедиции по изучению истории восстания 1916 года в Самаркандской области», собранные Х. Т. Турсуновым, С. Рахимовым и Х. Мухамедовым, 212 стр. машинописи, 1959 г. Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.

«Материалы Института истории Академии наук ТССР по обсуждению характера восстания 1916 года в Туркмении. 1952 год».

(в 30 стр. машинописи). Институт истории Академии наук Туркменской ССР, руксп. фонд., инв. № 2.

Материалы Совещания историков Туркменистана совместно с представителями Института истории Академии наук СССР и Академий наук братских республик по вопросу о характере движения 1916 года в Туркменистане, май 1953 г. Институт истории Академии наук Туркменской ССР, рукоп. фонд., инв. № 5.

«Материалы Тургайской экспедиции», собранные под руководством Т. Елеуова. Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, рукоп. фонд., № 700.

«Список активных участников восстания 1916 года в Ташкенте, Джизаке, Джизакском уезде и Той-Тюбе». Партархив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана — филиала ИМЛ, оп. 1, д. 147, лл. 5—8.

Стенограмма дискуссии о характере национальных движений в дореволюционном Казахстане, состоявшейся 23—25 января 1952 года (432 стр. машинописи, Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, рукоп. фонд., инв. № 547).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Журналы

«Большевик»— орган ЦК ВКП(б).
«Большевик Казахстана».
«Былое».
«Вестник Академии наук Казахской ССР».
«Вопросы истории».
«Вопросы истории КПСС».
«Звезда Востока».
«Известия Академии наук Казахской ССР».
«Известия Академии наук Киргизской ССР».
«Известия Академии наук Узбекской ССР».
«Историк-марксист».
«Коммунист»— орган ЦК КПСС.
«Коммунист Казахстана».
«Коммунист Узбекистана».
«Коммунистическая мысль».
«Красный Архив».
«Новый Восток».
«Общественные науки в Узбекистане».
«Революционный Восток».
«Туркестанское сельское хозяйство».

Газеты

«Асхабад».
«Казах».
«Казахстанская правда».
«Кзыл Узбекистан».

«Правда».
«Правда Востока».
«Семиреченские областные ведомости».
«Туркестанские ведомости».
«Туркестанский голос».
«Туркестанский курьер».
«Туркестон вилоятининг газетаси» (на узб. яз.).
«Ферганская жизнь».

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

К. Маркс и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. Соч,, т. 4.

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. «*К. Маркс и Ф. Энгельс*», т. 17.

В. И. Ленин. Национальный вопрос в нашей программе. Соч., т. 6.

В. И. Ленин. Рабочий класс и национальный вопрос, Соч., т. 19.

В. И. Ленин. Пробуждение Азии. Соч., т. 19.

В. И. Ленин. Тезисы по национальному вопросу. Соч., т. 19.

В. И. Ленин. О национальной программе РСДРП. Соч., т. 19.

В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20.

В. И. Ленин. Национальное равноправие. Соч., т. 20.

В. И. Ленин. Социализм и война (отношение РСДРП к войне). Соч., т. 20.

В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. Соч., т. 20.

В. И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. Соч., т. 22.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы).

В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении. Соч., т. 22.

В. И. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч., т. 23.

В. И. Ленин. Первоначальный набросок тезисов по национально-колониальному вопросу (для Второго созыва Коммунистического Интернационала). Соч., т. 31.

В. И. Ленин. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., Госполитиздат, 1956.

В. И. Ленин. О Средней Азии и Казахстане. Ташкент, Госиздат УзССР, 1960.

Статьи и речи руководителей партии и правительства

Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XX съезду КПСС, М., Госполитиздат, 1956.

Хрущев Н. С. Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения!, М., Госполитиздат, 1960.

Хрущев Н. С. За новые победы коммунистического движения. К итогам совещания представителей коммунистичесчих и рабочих партий. М., Госполитиздат, 1961.

Хрущев Н. С. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1961.

Микоян А. И. Речь на XX съезде КПСС, М., Госполитиздат, 1956.

Микоян А. И. Речь на XXII съезде КПСС. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., Госполитиздат, 1962.

Суслов М. А. Речь на XXII съезде КПСС. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., Госполитиздат, 1962.

Рашидов Ш. Р. Речь на XXII съезде КПСС. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., Госполитиздат, 1962.

ИСТОЧНИКИ

История Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1959.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. I, изд. 7, М., Госполитиздат, 1954.

XX съезд КПСС. Стенографический отчет. I—II. М., Госполитиздат, 1956.

О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. М., Госполитиздат, 1956.

Постановление Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова». М., Госполитиздат, 1957.

Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., В Москве в ноябре 1960 г., Госполитиздат, 1961.

Программа Коммунистической партии Советского Союза (принятая единогласно XXII съездом КПСС), М., Госполитиздат, 1961.

Устав Коммунистической партии Советского Союза (принятый единогласно XXII съездом КПСС). М., Госполитиздат, 1961.

XXII съезд Коммунистической партии. Стенографический отчет I—II—III. М., Госполитиздат, 1962.

XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. М., Госполитиздат, 1962.

Адрес-справочник по Закаспийской области на 1915 год, Асхабад, 1915.

Восстание 1916 года в Казахстане (Документы и материалы), под ред. Б. С. Сулейменова. Составители: Ф. Н. Киреев, Ш. Я. Шафиро, АН Казахской ССР, Институт истории археологии и этнографии, Архивное Упр. МВД Казахской ССР, Алма-Ата, 1947. Рец. Елеуова Т. в Изв. АН Каз ССР, серия Уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. 1.

Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы собраний *Л. В. Лесной*, под редакцией и с предисловием Т. Р. Рыскулова М., Гос. соц. эк., изд. 1937.

Восстание 1916 г. в Средней Азии. С предисл. П. Галузо. «Красный Архив», 1929, т. 3 (34).

Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сб. документов. Ташкент. Госиздат УзССР, 1932.

Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Кутьтпроса Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15 годовщине восстания, Москва—Ташкент, объед. госуд. изд. Среднеаз. отд., 1931.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. Редколлегия: А. В. Пясковский (отв. ред.), Т. Я. Елеуов, А. Г. Зима, О. К. Кулиев, Х. Т. Турсунов; составители: С. Г. Агаджанов, Ф. Азадаев, А. И. Акатова, Х. Зияев, Ф. Н. Киреев, Н. С. Орлова, Я. М. Серый, О. Д. Чехович. М., изд. АН СССР, 1960. (Институт истории АН СССР, институты истории и археологии Академий наук Казахской, Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР, Главное Архивное Управление).

«Коммунист Казахстана», 1961, Ланда Л. М. Новая публикация документов о восстании 1916 года в Средней Азии, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 11.

Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы), Составители: С. А. Ершов и С. Т. Филиппов, Институт истории, Ашхабад. Туркм. госуд. изд. 1938; Рец. «Исторический журнал», 1939, № 5.

Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году (не указаны год и место издания).

Всеподданнейший отчет военного губернатора Ферганской области за 1912 год.

Губернатор в роли проповедника корана (Объяснительная записка военного губернатора Ферг. обл. А. Гиппиуса из периода восстания в Фергане в 1916 г. Предисл. П. Русина), «Красный Архив», стр. 188—191. 1936, т. 2 (75).

Джизакское восстание 1916 г. (По поводу набора в действующую царскую армию. (Документы с предисловием А. Шестакова). «Красный, Архив», 1933, т. 56.

Заорская В. В. и *Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края, Пг., 1915.

К Истории восстания киргизов в 1916 г. С предисл. Чулошникова. «Красный Архив», 1926, т. 3 (16).

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Том. I. Кокчетавский уезд. Повторное исследование 1907 года. Спб. 1909.

Кокандский биржевой Комитет, 1915 г., Коканд, 1916.

Кокандский биржевой Комитет, Юбилейный отчет за 1906—1916 гг. Коканд, 1917.

Кривошеин А. В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Полтава. 1912 г.

Куропаткин А. Н. Дневник Куропаткина. «Красный Архив, т. XXXIV, 1929.

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Выпуск 1-й, Поволостные итоги по Самаркандской области, Ташкент, Изд. ЦСУ Туркестанской республики, 1924.

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Выпуск 3-й, Поволостные итоги Сыр-Дарьинской области, Самарканд, изд. ЦСУ УзССР, 1925.

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года. Выпуск 2-й. Поволостные итоги Ферганской области, Самарканд, изд. ЦСУ УзССР, 1925.

Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области, Асхабад — 1903.

Материалы по земельному делу в Азиатской России, вып. II, Степной Край, Сост. В. А. Тресвятский, Пг., 1917.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей, Тургайская область. 5. Кустанайский уезд, т. V.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Сыр-Дарьинской статистической партией, Сыр-Дарьинская область, Чимкентский уезд, т. I, Изд. Переселенческого упр-я Сыр-Дарьинского р-на, Ташкент, 1908.

Материалы по обследованию кочевого и оседлого хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области, Выпуск I—Текст.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства в Семиреченской области, собранные и разработанные под рук. П. П. Румянцева, тт. I—VIII, 1913—1916.

Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. Сборник воспоминаний и материалов, составители: С. Шарипов, Ш. Шафиро, С. Брайнин, под ред. Н. Тимофеева, Казгосиздат, Алма-Ата, 1937.

Обзор Закаспийской области за 1912—1913—1914 гг. Асхабад, Закаспийск. обл. стат. комитет, 1916.

Обзор Самаркандской области за 1905—1908 гг. Самарканд — Ташкент, 1906—1910.

Обзор Семиреченской области за 1909—1913 гг. Верный, 1910—1915.

Обзор Сыр-Дарьинской области за 1905—1914 гг. Ташкент, 1906—1916.

Обзор Ферганской области за 1912—1913 гг. Новый Маргелан (Скобелев), 1914—1916.

Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором Гофмейстром Графом К. К. Паленом. 1—18 вып. Спб., 1909—1910.

Пален К. К. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. ч. I—II, Спб. 1911.

Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет о служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при переселенческом управлении Н. Гаврилова. Спб. 1911.

Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. Сб. документов и материалов, Алма-Ата, Казгосиздат, 1957.

Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах. (Сборник документов и материалов) под ред. И. С. Гороховодатского и Б. С. Сулейменова. Алма-Ата, Казгосиздат, 1955.

Резолюция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских союзных республик (май 1953 г.), Труды института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, Фрунзе, 1954.

Решение объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, изд. АН УзССР, 1954.

Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. Сб. документов, кн. четвертая. Составитель проф. А. Г. Соловьев, под ред. А. Г. Соловьева, Г. И. Карпова, Д. Ф. Масловец, изд. Туркменского фил. АН СССР, Ашхабад—Москва, 1946.

Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г. Ташкент, 1916.

Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1928 гг. Ташкент, 1924.

Степное положение 25 марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам, Изд. земского отдела Министерства внутренних дел. Спб., 1891.

Туркестанский край. Сельскохозяйственный, торгово-промышленный адрес-справочник и календарь, под ред. Г. М. Цвилинга, Ташкент, 1913.

Хлопководство и хлопковая торговля Ферганы за 1912 год. В кн.: Кокандский биржевой комитет, 1912 год, Коканд, 1913.

Экономическое состояние киргизского хозяйства в Семиреченской области (коллективный доклад первому съезду сельских хозяйств Семиреченской области статистиков Бурыгина, Автократова и Федосеева), «Средняя Азия», кн. IX—X, Ташкент, 1910.

Литература

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, Госиздат УзССР, 1959.

Ангин И. И. Нормировка, себестоимость хлопка и хозяйство сартов в 1916 г. В кн.: Кокандский биржевой комитет, юбилейный отчет за 1906—1916, Коканд, 1917.

Аренберг Р. Г. Из истории рабочего движения в Туркестане в годы революционного подъема (1910—1914). (В. кн.: Учен. записки Ташк. пед. ин-та им. Низами, вып. 6, Ташкент, 1957).

Балтабай. Общие картины 1916 г. в Уральской губернии, Кзыл-Орда, 1921.

Байбулатов Б. Б. Социально-экономический строй Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1958.

Бекмаханов Е. Социально-экономические отношения в Казахстане в период империализма, Алма-Ата, 1957.

Бекмаханов Е. История Казахской ССР, учебное пособие для средней школы Казахстана под ред. Н. П. Калистратова, Алма-Ата, 1960.

Бейсембиев К. Идейно-политические течения в Казахстане в конце XIX — начале XX в. Алма-Ата, 1961.

Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, «Вопросы истории», 1953, № 8.

Брайнин С. Амангельды Иманов (Биография народного героя Казахстана), Алма-Ата — Москва, Каз. край, ОГИЗ, 1936.

Брайнин С. Восстание казахов Семиречья в 1916 г., Алма-Ата, 1936.

Брайнин С., Тимофеев Н. Амангельды Иманов — вождь восстания 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, Казгосполитиздат, 1939.

Брайнин С. И. и *Шафиро Ш.* О движущих силах восстания 1916 г. в Казахстане. «Историк-марксист», 1933, № 6 (34).

Брайнин С. и *Шафиро Ш.* Восстание 1916 года в Семиречье, «Большевик Казахстана», 1936, № 5.

Брайнин С., Шафиро Ш. Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алма-Ата — Москва. Казах. краевед. изд., 1936.

Бромблей Ю. В., Волков С. И. и *Пясковский А. В.* Объединенная научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана (Ташкент, январь-февраль, 1954), Доклады и сообщения ин-та истории АН СССР, вып. I, М., 1954.

Вахабов М. Г. Ташкент в период трех революций. Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, Госиздат УзССР, 1961.

Витт Ан. Нормировка цен на хлопок. «Туркестанское сельское хозяйство», 1915, № 7.

Воронков В. По вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области, Верный, 1908.

Восстание 1916 г. в Узбекистане (тезисы к 30-летию со дня восстания), Ташкент, 1946.

Галузо П. Г. 16 год в Туркестане и как следует о нем думать. «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1926, № 2.

Галузо П. Г. Урта Осиёдаги 16-нчи йил большевикларга тушуниш сари (на узб. языке). «Коммунист», Ташкент, 1926, № 7—8.

Галузо П. Г. Вооружение русских поселенцев в Средней Азии (исторический очерк), Ташкент, 1926.

Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Изд. 3-е, т.I, М., Госполитиздат, 1955.

Двадцатилетие восстания 1916 г. Институт истории партии при ЦК КП Таджикистана, 1936.

Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана, М., 1922.

Джамгерчинов Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа. (К столетию присоединения Киргизии к России). Фрунзе, Киргизгосиздат, 1957.

Дильмухамедов Е. Д. Революционное движение горнорабочих Казахстана в нач. XIX в. (1900—1907). Алма-Ата. Казгосиздат, 1955.

Додонов И. К. Национально-освободительное движение в Узбекистане после свержения власти царизма (апрель — октябрь 1917 г.). Труды САГУ, Общественные науки, Бюл. 25, 1947.

Додонов И. К. Некоторые вопросы национально-освободительного восстания 1916 г. в Узбекистане, в сб. статей «Национально-освободительное движение в Узбекистане», Госиздат УзССР, Ташкент, 1947.

Дюков Л. В. и *Масевич М. Г.* Об особенностях земельной собственности у некоторых кочевых народов в эпоху феодализма. Ученые записки юрид. фак. (Казах. ун-т), вып. 4, 1957.

Елеуов Т. Новые материалы о жизни и деятельности Амангельды Иманова, «Вестник АН КазССР», 1953, № 7.

Елеуов Т. Е. О характере восстания 1916 года в Казахстане, «Вестник АН Казахской ССР», 1954, № 6.

Елеуов Т. Народно-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Стенограмма публичной лекции, Алма-Ата, Казгосиздат, 1955.

Елеуов Т. Е. Основные вопросы восстания 1916 года в Казахстане (содоклад), Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, изд. АН УзССР, Ташкент, 1955.

Елеуов Т. Е. и *Якунин А. Ф.* Казахстан в период империалистической войны в Февральской буржуазно-демократической революции. Глава XXIII истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1957.

Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане (март 1917 — июнь 1918 года), Алма-Ата, изд. АН УзССР, 1961.

Житов К. Е. О некоторых вопросах национального движения в Узбекистане, «Правда Востока», 1950, № 258.

Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Ташкент, изд. АН УзССР, 1957.

Зевелев А. и *Абдуллаев Ш.* Дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период, «Вопросы истории», 1955, № 9.

Зима А. Г. К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии, «Известия Киргизского филиала АН СССР», 1947, вып. 6.

Зима А. Г. О характере восстания 1916 года в Киргизии, Труды института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, Фрунзе, 1954.

Зима А. Г. О характере восстания 1916 года в Киргизии (содоклад). «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, изд. АН УзССР.

Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959.

Зорин А. Н. Революционное движение Киргизии (Северная часть). Средне-Азиатский научно-исслед. ин-т истории революции. Киргосиздат, Фрунзе, 1961 г.

Ильясов С., Нуров Г. О некоторых вопросах истории киргизского народа дооктябрьского периода. Труды ин-та языка, литературы и истории, вып. III, Фрунзе, 1952.

Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М., Госполитиздат, 1958.

Поляков Д., Фурсова А. Партия и национальные резервы в Октябрьской революции. М., 1958.

История Казахской ССР, т. I, Алма-Ата. Изд. АН КазССР, 1957.

История Киргизии, т. 1, Фрунзе, 1956 (АН Киргизской ССР, институт истории).

История Туркменской ССР, т I, кн. 2. Ашхабад, изд-во АН Туркм. ССР, 1957.

История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, изд. Ан УзССР, 1956.

К вопросу о характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, для обсуждения (к объединенной научной сессии

по истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период), М., 1954.

Каримов Р. К. О роли возвратившихся в Туркестан тыловых рабочих в распространении революционных марксистских идей в крае. «Труды УзГУ», Новая серия. Вып. 75, Самарканд, 1957.

Карпов Г. И. К истории восстания 1916 г. в Туркмении. «За социалистическую Туркмению», Ашхабад, 1932, № 5—7.

Карпов Г. И. Восстание тедженских туркмен в 1916 году, (К изучению истории крестьянских восстаний в бывшей царской колонии). Ашхабад, Туркменгосиздат, 1935.

Карыев А. и *Росляков А.* Краткий очерк истории Туркменистана. (От присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции 1868—1917). Ашхабад, Туркмениздат, 1956.

Кастельская З. Основные предпосылки узбекского дехканского движения в 1916 г. (тезисы канд. дисс.) Л., АН СССР, 1935.

Кастельская З. Ўрта Осиёда деҳқон қўзғолонларининг тарихига диор баъза материаллар (на узб. языке). «Коммунист» журнали, Тошкент, 1936 йил, ноябрь, № 11.

Кастельская З. Восстание 1916 года в Узбекистане. Ташкент, Гос. изд-во УзССР, 1937.

Кастельская З. Д. Восстание 1916 года в Узбекистане (к 20-летию восстания), Ташкент, Госиздат УзССР, 1937.

Ким М. П. Аграрный вопрос и классовая борьба в Казахстане в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1954.

Кисилевич И. Торговля хлопком. «Туркестанское сельское хозяйство», 1915, № 1.

Козлов Т. С. Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении (1904—1916 гг.). К 30-летию первого съезда РСДРП, Асхабад, Туркменский Истпартотдел ЦК КП(б). Т., 1928.

Ковалев П. А. Восстание 1916 г. в Средней Азии и русская буржуазия. Труды САГУ, вып. 45. Гуманитарные науки, кн. 5, 1953.

Ковалев П. А. Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстания 1916 года. Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ташкент, изд-во САГУ, 1953.

Ковалев П. А. Кризис колониального режима и «реформа» Куропаткина в Туркестане в 1916 г. Труды САГУ, Новая серия, Гум. науки, кн. 7, 1954.

Ковалев П. А. Первая мировая война и назревание революционного кризиса в Узбекистане в период 1914—1916 гг., Труды САГУ, Новая серия, Гуманитарные науки, кн. 8, 1955.

Ковалев П. А. О характере восстания 1916 года в узбекских и таджикских районах колониального Туркестана (содоклад), в «Материалах объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955.

Ковалев П. А. Народные восстания и восстания в узбекских и таджикских районах Туркестана (в июле и августе 1916 г.), Труды САГУ, Новая серия, ист. науки, кн. 11, 1956.

Ковалев П. А. Ўзбекистонда 1918 йил қўзғолони (на узб. языке), Ташкент, 1956.

Ковалев П. А. и *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 г. в Узбе-

кистане в кн. «История Узбекской ССР», т. I, кн. вторая, изд. АН Узбекской ССР, Ташкент, 1956, § 2, глава XI.

Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

Ковалев П. А. Рабочие-тыловики в революционных событиях 1916—1917 годов. (Из истории рев. движения в Туркестане), «Звезда Востока», 1957, № 12.

Ковалев П. А. Общедемократическое движение за мир в Туркестане в 1917 г. (февраль — сентябрь). (В. кн.: Труды САГУ, Нов. сер., вып. 140, ист. науки, кн. 28, История СССР, Ташкент, 1958.

Кузнецов Ю. С. Забастовочное движение на острове Челекене в 1913—1915 гг. Труды Туркм. филиала ИМЛ, при ЦК КПСС, Т. I, Ашхабад, 1955.

Кузьмин Н. О марксистском понимании восстания 1916 г., «Коммунистическая мысль», 1926, № 2.

Кулиев О. Туркменистан в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917 — 1918 гг.) Ашхабад, 1953.

Кулиев О. К. О характере восстания 1916 года в Туркмении (содоклад). «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, изд. АН УзССР, 1955.

Кулиев О. К. Туркменистан в годы первой мировой войны до Февральской революции, в кн. «История Туркменской ССР», т. I, кн. вторая, изд. АН Туркменской ССР, Ашхабад, 1957, § 1, глава X.

Кунаев Д. А. Казахская ССР. Краткий историко-экономический очерк. М., 1958.

Ланда Л. М. Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане (конец XIX в.—1917 г.) Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1953.

Лунин Б. В. Объединенная научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода. Ташкент, 1954, «Изв. АН УзССР», 1954, № 2.

Лыкошин Н. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг. 1916.

Мавляни И. Джизакское восстание 1916 года в сб. статей «Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане», Ташкент, Госиздат УзССР, 1947.

Манжара Д. И. Революционное движение в Средней Азии 1905—1920 гг. (Воспоминания). Ташкент, Средазпартиздат, 1934.

Матвеев Л. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. (Воспоминания), «Борьба классов», 1932, № 7—8.

Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 г., Фрунзе, Киргизгосиздат, 1936.

Материалы научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, АН СССР, АН УзССР, АН Каз.ССР, АН Тадж. ССР, АН Турк. ССР, АН Кирг. ССР изд. АН УзССР, Ташкент, 1955 (раздел «О характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане»).

Меджитов Д. М. Восстание киргизов в 1916 г. (тезисы кандидатской диссертации), «Известия Киргизского филиала АН СССР», 1947, вып. 6.

Мендешев С. Мои личные воспоминания о мобилизации казахского населения на тыловые работы в империалистическую войну в 1916 г. Кзыл-Орда, О-во изучения Казахстана, 1926.

Меницкий Ив. О характеристике событий 1916 г. в Туркестане по поводу ст. тов. Рыскулова «Восстание туземцев в Туркестане», «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1926, № 2.

Меницкий Ив. Ответ Ю. А. «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1926, № 2.

Миронов П. Джизакское восстание в 1916 году. «Звезда Востока», 1946, № 7—8.

Миронов П. П. Джизакское восстание 1916 года в сб. статей «Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане», Госиздат УзССР, Ташкент, 1947.

Мовлоний Э. Узбекистонда 1916 йил қўзғолони (1916 йил қўзғолонинг ўттиз йиллиги), (на узб. языке), «Коммунист», Ташкент, 1946, № 6—7.

Мужественные борцы за дело коммунизма. Ташкент, 1957.

Муминов И. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начале XX вв. Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. Тезисы Казахского исследовательского института марксизма-ленинизма при Казахском крайкоме ВКПБ, 1936, № 8 (59).

Наканов Г. Тургайское восстание 1916—1917 гг. Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1954.

Наканов Г. Февральская победа, тургайских повстанцев над карательным отрядом, «Вестник АН КазССР», 1951, № 7.

Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане. Сб. статей под ред. И. К. Додонова. Ташкент, Госиздат УзССР, 1947.

Некрасов-Клиодт В. Реквизиция киргиз на тыловые работы в 1916 г. (Очерк). Кзыл-Орда, Об-во изучения Казахстана, 1926.

Непомнин В. Я. О некоторых вопросах истории Узбекистана в дореволюционный период. «Изв. АН УзССР», 1953, № 3.

Непомнин В. Я. Историография Узбекистана с 60-х годов XIX в. до 1917 г. В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М.; Изд. АН ССР, 1956.

Нейштадт С. А. К вопросу об экономике колониального Казахстана. «Изв. АН КазССР», Серия экон., 1949, № 65, вып. 1.

Нурханов А. Батыр-большевик. (Амангельды Иманов). «Вестник АН КазССР». 1949, № 6.

Нурханов А. Амангельды Иманов. Алма-Ата, Казгосиздат, 1958.

Нусупбеков А. Н. К вопросу о формировании Казахской буржуазной нации. Материалы объединенной нучной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, вып. 1. Госиздат УзССР, Ташкент, 1958.

Покровский С. Н. Амангельды Иманов в борьбе за победу Советской власти в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1949, № 11.

Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, изд. АН Казахской ССР, 1961.

Понятовский С. Нормировка на хлопок и преследуемые ею цели; Туркестанское сельское хозяйство, Доклад на совещании по дороговизне, организованном Туркестанским обществом сельского хозяйства, 4—6 марта 1916. «Туркестанское сельское хозяйство», 1916, № 5.

Пясковский А. В. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX веков. Труды института языка, литературы и истории АН СССР, Фрунзе, 1954.

Пясковский А. В. Об особенностях революции 1905—1907 гг. в Средней Азии, «Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР», М., 1956, вып. 9.

Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., изд. АН СССР, 1958.

Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России. «Вопросы истории», 1959, № 8.

Раджабов З. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. (Краткий очерк). Из-во Мин. просвещ. Тадж. ССР, 1951.

Раджабов З. Ш. Восстание 1916 г. в Ходжентском уезде. Душанбе, 1955.

Раджабов С. А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, Госиздат УзССР, 1955.

Рослков А. А. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркестане в дооктябрьский период (1900—март 1917 гг.). Ашхабад, Туркменгосиздат, 1957.

Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. (Переселенческое управление), Спб., 1910.

Рушанов В. И. Положение рабочего класса и рабочее движение в горнозаводской промышленности Казахстана в период империализма. «Изв. Ан КазССР, серия экон.», 1948, № 65, вып. 1.

Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока. «Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.), «Новый Восток», 1924, № 6.

Рыскулов Т. По поводу выступления тов. Меницкого. «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1926, № 2.

Рыскулов Т. Еще о характеристике восстания 1916 г. Туркестана. (Мой ответ тт. Меницкому, Кузьмину и Галузо), «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1927, № 1.

Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. В 2-х частях Кзыл-Орда, Госиздат КССР, 1927.

Савицкий А. П. Новый документ о «тыловиках». Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 2.

Серый Я. Н. Восстание 1916 г. в Ферганской долине, в сб. статей «Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане», Ташкент, 1947.

Сидоров А. Л. Экономические предпосылки социалистической революции в России. «История СССР», 1957, № 4.

Степняк Г. Киргизское восстание в Семипалатинской губернии в 1916 г. «Сиб. огни», 1928, кн. 2.

Сулейменов Б. Революция 1905—1907 гг. в Казахстане, Алма-Ата, 1949.

Сулейменов Б. Основные вопросы истории восстания 1916 г. в Казахстане. «Известия АН КазССР», сер. историческая. № 49, 1948, вып. 4.

Слуцкий И. М. Хлопководство в Туркестане. «Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 4.

Тарасов Ю. М. О характере движения 1916 года в Туркмении, «Вопросы истории», 1951, № 9.

Тарасов Ю. М. Движение 1916 г. в Закаспийской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Изд. АН Туркменской ССР, Ашхабад, 1955.

Ташлиев Ш. Установление и упрочение Советской власти в Туркменистане, Ашхабад, 1957.

Тимофеев Н. К 25-летию восстания казахов в 1916 году, «Большевик Казахстана», 1941, № 10.

Турсунбаев. А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, изд. АН КазССР, 1950.

Турсунов Х. Т. О характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане (тезисы), Материалы к объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, изд. АН УзССР, 1954.

Турсунов Х. Т. К вопросу о характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, Материалы научной сессии по истории Средней Азии и Казахстана (на правах рукописи печатается для обсуждения), Ташкент, 1954.

Турсунов Х. Т. О характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане (доклад) «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, изд. АН УзССР.

Турсунов Х. Т. Из истории революции 1905—1907 гг. в Узбекистане. «Изв. АН УзССР», 1955, № 11.

Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России, под ред. члена корр. АН КиргССР проф. М. П. Вяткина, Фрунзе, 1960.

Уэльс А. К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте. «Революционный Восток», М., 1936, № (38). Уэльс был сотрудником Музея в Ходженте в 1936 г.

Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, Госиздат УзССР, 1925.

Федоров Е. О восстании 1916 г. в Туркестане (тезисы). «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1926, № 2.

Федоров Е. Урта Осиёда 1916 йил мустамлака инқилоби (на узб. языке), «Коммунист», Ташкент, 1926, № 7—8.

Феликс Ю. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане, «Большевик Казахстана», 1936, № 10.

Феликс Ю. Амангельды Иманов (организатор восстания 1916 г. и герой гражданской войны в Казахстане 1918—1919 гг.), «Революция и национальности», 1936, № 11 (81).

Феоктистов И. Степная жакерия (Восстание в Средней Азии и Степных областях в 1916 г.), «Советское краеведение», 1936, № 9.

Филиппов С. Т. Карательная экспедиция генерала Мадритова. (Очерк из истории восстания иомудов 1916—1917 гг.). «Туркменоведение», 1930, № 6—7.

Филиппов С. Т. Беззастенчивый грабеж (по следам карательной экспедиции ген. Мадритова), «Туркменоведение», 1930, № 11.

Фридман И. Л. К вопросу о проникновении иностранного капитала в нефтяную промышленность Казахстана. «Известия АН КазССР», № 89, Серия экон., вып. 2, Алма-Ата, 1950.

Халфин Н. Об архивных материалах по истории национально-освободительного восстания 1916 г. в Узбекистане. Критика и библиография. «Известия АН УзССР», 1950, № 1.

Хасанов А. Исторические корни дружбы народов СССР. Фрунзе, 1954.

Харлампович К. В. Восстание Тургайских казах-киргизов 1916—1917 гг. (По рассказам очевидцев), Кзыл-Орда, 1926. Рец. В. Шатова, «Историк-марксист», 1928, т. 4.

Чекалинский Ив. Восстание киргиз-казахов и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года (К материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, Об-во изучения Казахстана, 1926.

Чекалинский И. А. Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 г. Записки Семипалатинского отдела, Об-во изучения Казахстана, т. I, 1929, вып. 18.

Чехович О. Д. К вопросу о характере восстания 1916 г. в Узбекистане, «Доклады АН УзССР», Ташкент, 1953, № 9.

Шахназаров А. И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. Спб. 1908.

Шахмайкин В. И. Восстание в Узбекистане в 1916 г. и русские большевики «Труды Узбекист. ин-та народного хозяйства, им. В. В. Куйбышева», 1947, т. VI, вып. I.

Шахматов В. Ф. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в. «Вестник АН КазССР», 1951, № 11.

Шахматов В. Ф. К вопросу о разложении казахской пастбищно-кочевой общины в XIX — начале XX вв. «Вестник АН КазССР», 1958, № 9.

Шестаков А. В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. (К 10-летию событий). «Историк марксист», 1926, № 2.

Шестаков А. В. Спорные вопросы о восстании в Средней Азии в 1916 г. «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1927, № 4.

Шестаков А. 15-летие восстания в Средней Азии. М.—Л., Гос. соц. экон. изд-во, 1931.

Шипин Омар. Первый (натиск) (Воспоминания участника нац.-осв. восстания под руководством Амангельды Иманова, 1916—1917 гг.). «Советский Казахстан», 1957, кн. 2.

Шоинбаев Т. Алибий Джангельдин. Алма-Ата. 1957.

Ю. А. По поводу статьи т. Меницкого «Ошибка Меницкого разглядывания восстания 1916 г. под углом зрения революции 1905 г. и т. д. «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1926, № 2.

Юрханов Ш. И. Восстание 1916 г. в Туркмении. «Туркменская искра», 1939, 9 авг.

Юсупов Х. Ю. Участие дунган в восстании киргизов в 1916 г. «Труды ин-та языка, литературы и истории» (Киргизский филиал АН СССР), вып. 2. 1948.

Якунин А. Ф. и *Кулиев О. К.* Восстание 1916 года в Средней Азии, «Вопросы истории», 1953, № 3.

Якунин А. Ф. и *Елеуов Т.* Народно-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане, в кн. «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата 1957, § 2, главы XXIII.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Социально-экономические и политические предпосылки восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане

Глава I. Ухудшение положения трудящихся масс Средней Азии и Казахстана в период империализма 47
Глава II. Политическое пробуждение народов края 136
Глава III. Социально-экономическая и политическая обстановка в Средней Азии и Казахстане накануне восстания 1916 года 155

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Характер и движущие силы восстания

Глава I. Объявление царского указа о наборе на военно-тыловые работы и причины восстания. 181
Глава II. Восстание в Самаркандской и Сырдарьинской областях 215
Глава III. Восстание в Ферганской области 278
Глава IV. Восстание в Семиреченской области 304
Глава V. Восстание в Закаспийской области 332
Глава VI. Восстание в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях 350
Глава VII. Восстание в Тургайской области 379
Заключение 397
Краткие выводы 409
Список использованных архивных фондов и библиография . . 412

Хабиб Турсунович Турсунов

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Редактор *Н. С. Гиммельфарб*
Техн. редактор *А. Бахтияров*
Корректоры *Э. Адайкина, Л. Гопштейн, Р. Маринич*

Сдано в набор 14/VI 1962 г. Подписано к печати 4/XI 1962 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 13,375 Усл. печ. л. 22,47 Уч.-изд. л. 24,02+1 вкл. Тираж 3000. Р14255. Индекс с/э. Государственное издательство Узбекской ССР. Ташкент, Навои, 30. Договор № 2—62.

Набрано и сматрицировано спецнаборной фабрикой Главиздата Министерства культуры УзССР. Ташкент, Навои, 30. Отпечатано в типографии № 3. Ташкент, Ленинградская, 15. Заказ № 541. Цена 77 к.